КАБИНЕТ
ПРАВА

В. М. Грибовскій

Приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

ВЫСШІЙ СУДЪ

И НАДЗОРЪ ВЪ РОССІИ

ВЪ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

РИО. Акс. Н. Наук
БИБЛІОТЕКА
ИНСТ. Ист. Наук

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

„Въ Россійскомъ Сенатѣ есть
хранилище законовъ".
„Наказъ"

(Періодъ 28 іюня 1762 г. — 7 ноября 1775 г.)

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печати и Изданія „Трудъ". Фонтанка, 86
1901.

311
36

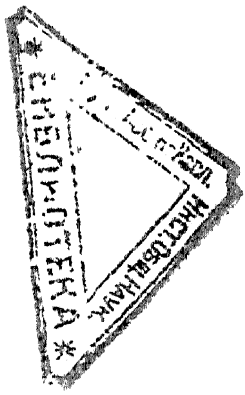
По опредѣленію Юридическаго Факультета Императорскаго Спб. Университета печатать разрѣшается 28 августа 1900 г.

Деканъ *В. Лебедевъ.*

Посвящается памяти

Великой Составительницы

„Наказа".



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи по главному правилу судебная и контрольная дѣятельность уже почти всецѣло была ввѣрена подчиненнымъ учрежденіямъ, среди которыхъ Сенатъ занималъ первенствующее мѣсто. По этому поводу говорить о высшемъ судѣ и надзорѣ въ 18-мъ вѣкѣ, значитъ говорить о судѣ и надзорѣ Сената. Вотъ почему, озаглавливая свой трудъ именемъ «Высшаго суда и надзора въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины Второй», авторъ пользовался матерьялами, относящимися къ Сенату по преимуществу.

Къ сожалѣнію, исторія Сената восемнадцатаго столѣтія до сихъ поръ еще не разработана въ большей своей части, а екатерининская его эпоха почти не тронута изслѣдователями. Монографіи имѣются только относительно первыхъ моментовъ существованія этого высшаго органа суда и надзора въ Россіи. Таковы почтенные труды г. Петровскаго и проф. А. Н. Филиппова, обнимающіе періодъ отъ Петра I до воцаренія Анны Іоанновны. Въ остальныхъ моментахъ прошлое Сената почти не тронуто, если не считать отрывочныхъ свѣдѣній, содержащихся ex officio въ курсахъ профессоровъ Сергѣевича, Владимірскаго - Буданова, Латкина, покойнаго Градовскаго или отдѣльныхъ стра-

ницъ, посвященныхъ Сенату: въ книгѣ проф. Щеглова—«Государственный Совѣтъ въ царствованіе Императора Александра Перваго, въ книгѣ г. Бильбасова «Исторія Екатерины Второй», въ «Исторіи Россіи» Соловьева, въ статьѣ проф. Иконникова «Правительствующій Сенатъ при Екатеринѣ Великой», помѣщенной въ Русскомъ Архивѣ за 1888 г., въ работахъ Кавелина и Дмитріева, трудившихся надъ исторіей нашего процесса и судоустройства. Нельзя также считать достаточнымъ пособіемъ и почтенный трудъ Градовскаго «Высшая администрація въ Россіи въ восемнадцатомъ столѣтіи и генералъ-прокуроры», такъ какъ названная книга съ одной стороны во многихъ отношеніяхъ уже устарѣла, а съ другой—касается екатерининскаго времени въ слишкомъ общихъ чертахъ. Нечего, конечно, совсѣмъ упоминать о крайне слабыхъ работахъ Михайлова и Троцины.

Вслѣдствіе скудости литературныхъ пособій автору пришлось въ своихъ занятіяхъ по екатерининскому Сенату почти всецѣло руководиться Полнымъ Собраніемъ Законовъ и данными, почерпнутыми въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, гдѣ хранятся документы, относящіеся къ періоду дѣятельности Сената въ царствованіе Екатерины Великой. Часть собранныхъ въ этомъ Архивѣ матерьяловъ издана авторомъ подъ названіемъ «Матерьялы для исторіи высшаго суда и надзора въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Второй».

Тѣ выводы, къ которымъ пришелъ авторъ послѣ четырехлѣтняго изученія вопроса, въ общемъ сводятся къ слѣдующему:

1) Первый толчокъ установленія въ Россіи подчиненнаго высшаго суда и надзора за законностью былъ

данъ Петромъ Великимъ, создавшимъ Сенатъ, фискалатъ и прокуратуру;

2) взгляды нашего служилаго класса на государственную службу при Петрѣ основывались на воззрѣніяхъ семнадцатаго столѣтія, отрицавшихъ необходимость какого бы то ни было контроля въ дѣлахъ администраціи и суда;

3) преемники Петра вплоть до Екатерины Великой относились къ его начинаніямъ въ отношеніи высшаго суда и надзора въ дѣлахъ по большей части безразлично, вслѣдствіе чего Екатеринѣ пришлось все начинать какъ бы съизнова;

4) воцареніе Екатерины застало Россію изнемогавшей подъ бременемъ административнаго произвола и судейской неправды;

5) эти застарѣлые пороки тогдашняго государственнаго порядка требовали коренныхъ преобразованій, что сознавалось Екатериной,

6) Сенатъ въ этомъ дѣлѣ не могъ быть императрицѣ настоящимъ помощникомъ, такъ какъ самъ былъ зараженъ старыми взглядами на права и обязанности должностныхъ лицъ и учрежденій;

7) свои государственныя реформы, направленныя къ достиженію искорененія произвола и неправды императрица начала съ головы—съ Сената, подвергнувъ его дѣленію на департаменты;

8) значеніе сенатской реформы заключалось въ обращеніи его изъ высшаго правительственнаго и фактически законодательнаго въ высшее контрольное и судебное учрежденіе;

9) реформой губернскихъ учрежденій косвенно была произведена дальнѣйшая реформа Сената, такъ

какъ установленіе института генералъ-губернаторства фактически изъимало надзоръ изъ рукъ Сената и передавало его намѣстникамъ.

Ограниченіе Сената въ правахъ контроля учрежденіемъ генералъ-губернаторской должности является въ исторіи высшаго надзора нѣкоторымъ переломомъ, образующимъ моментъ того поднятаго Петромъ реформаціоннаго движенія, которое достигло полнаго выраженія только въ шестидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія. Этотъ переломъ дастъ возможность съ удобствомъ эпоху екатерининскаго Сената дѣлить на два періода: первый—отъ момента воцаренія Екатерины Второй по годъ обнародованія Учрежденія о губерніяхъ; второй съ 1775 года по день кончины Великой Составительницы Наказа. Первый періодъ охватывается, насколько то удалось автору, настоящимъ трудомъ.

Закончивъ предпринятую работу, авторъ пользуется случаемъ выразить глубокую благодарность за цѣнные совѣты и указанія своимъ уважаемымъ учителямъ профессорамъ В. И. Сергѣевичу и В. Н. Латкину; точно также свидѣтельствуетъ свою признательность г. Совѣтову—библіотекарю Архива Министерства Юстиціи и прочимъ чинамъ послѣдняго, облегчившимъ автору ознакомленіе съ архивнымъ матерьяломъ; г. библіотекарю петербургскаго университета А. Р. Крейсбергу со служащими гг. Хребтовымъ-Павловымъ и Садковымъ, гг. помощникамъ библіотекаря Императорской Академіи Наукъ Э. А. Вольтеру и В. И. Срезневскому за любезное содѣйствіе въ пользованіи сокровищами ввѣренныхъ имъ книгохранилищъ.

Москва, 6 Іюня 1900 г.

Предварительныя замѣчанія.

Семнадцатый вѣкъ въ Россіи передалъ восемнадцатому печальное наслѣдство въ видѣ отсутствія безпристрастнаго суда, законности, надзора за дѣйствіями должностныхъ лицъ и ихъ упорядоченной отвѣтственности. Весь семнадцатый вѣкъ ознаменованъ крайними злоупотребленіями администраціи, какъ коронной, такъ и выборной, какъ бы соперничавшихъ другъ съ другомъ въ неправдахъ и насиліяхъ всякаго рода, при томъ, по большей части, остававшихся вполнѣ безнаказанными.

Такой порядокъ объяснялся условіями возникновенія тогдашней русской государственности Какъ указываетъ проф. В. И. Сергѣевичъ, великая работа русской правительственной организаціи начинается только съ XV вѣка, и при томъ первые опыты ея были малоудовлетворительны. Въ нихъ не заключалось задачи созданія чего нибудь самостоятельнаго самодовлѣющаго; они всецѣло направлялись къ тому, чтобы въ трудной и сложной дѣятельности государя дать ему помощниковъ. Эти ближайшіе помощники—бояре введеные и приказные люди дѣлали государево дѣло, пока „было мощно“. а когда оказывалось вершить что либо „не мощно“, они докладывали царю, и просили указа. „При такомъ положеніи вещей, говоритъ упомянутый авторитетный ученый, не могли возникнуть ни самостоятельность суда, ни подзаконность управленія, ни отвѣтственность правительственныхъ лицъ. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ „приказные люди“ могли сдѣлать государе-

рю докладъ, испросить высочайшее повелѣніе и тѣмъ прикрыть себя“ [1]).

Но не только въ центрѣ, а и въ каждомъ мѣстѣ, по всей территоріи московскаго государства, всякій служилый человѣкъ, будь онъ судья, воевода, дьякъ или даже какой нибудь выборный, чувствовалъ себя царскимъ слугою въ полномъ смыслѣ этого слова Какъ прямой помощникъ государя на мѣстѣ, онъ и здѣсь вершилъ государево дѣло, старался блюсти его интересъ, представлять его лицо. Онъ исполнялъ царское порученіе, основанное какъ бы на личномъ къ нему довѣріи. Потому то съ отвлеченной теоретической точки зрѣнія надъ дѣятельностью служилаго человѣка и не должно было существовать надзора По условіямъ сложенія московскаго государства, все служилое сословіе считалось блюстителемъ закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ служилый человѣкъ смотрѣлъ на свою должность какъ на средство существованія: онъ служилъ государю, но кормился въ администраціи и судѣ отъ дѣлъ, что являлось продолженіемъ идеи кормленія Мало того, даже самое кормленіе въ XVII вѣкѣ, въ его чистомъ видѣ, хотя и по исключенію, но существуетъ Въ 1645 г. Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, братъ умершей царицы Евдокіи, пожалованъ былъ въ должность „крайчаго съ путемъ и городъ Гороховецъ ему данъ“, въ кормленіе, конечно, какъ объясняетъ проф. Сергѣевичъ [2]) „Формально въ XVII вѣкѣ, говоритъ уважаемый ученый, кормленщики существуютъ въ видѣ исключенія, но въ дѣйствительности воеводы XVII вѣка, замѣнившіе старыхъ кормленщиковъ, продолжаютъ питаться отъ должности. Это знаетъ правительство и даже принимаетъ въ соображеніе при назначеніи на должность“ [3]) Поэтому и самыя воеводскія должности въ семнадцатомъ столѣтіи назывались „корыстовыми“ [4]).

---

[1]) Русскія юридическія древности, т II, вып. 2. 416, 417

[2]) Ibid. т. I, кн. 2, стр. 340.

[3]) Ibid. т. I, кн 2, стр. 341.

[4]) О способахъ вознагражденія себя за службу въ воеводской практикѣ см., между прочимъ, у Лаппо-Данилевскаго—„Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ“, стр. 343 и слѣд

Конечно, зависимость служилаго человѣка отъ прибытковъ по должности открывала просторъ злоупотребленіямъ; основанное же на личномъ довѣріи отсутствіе правильнаго надзора какъ бы освящало ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, московское правительство на незакономѣрную дѣятельность органовъ мѣстнаго управленія поневолѣ старалось смотрѣть сквозь пальцы. Для него дѣльнымъ воеводой или волостелемъ прежде всего являлся тотъ, кто заботился о правильномъ сборѣ государственныхъ доходовъ. Воевода преслѣдовался настойчиво, хотя и не всегда успѣшно лишь въ томъ случаѣ, если запускалъ недоимки [1]). Интересы же населенія охранялись самимъ народомъ Населеніе имѣло право челобитія и посылки уполномоченныхъ къ государю съ жалобой на утѣснительныя дѣйствія должностныхъ лицъ, но обыкновенно такія челобитія оканчивались или простымъ напоминаніемъ воеводѣ, что дѣлать такъ не годится, или простой смѣной его.

Нужно, чтобы совершились какія нибудь исключительныя злоупотребленія для того, чтобы со стороны верховной власти послѣдовалъ высшій актъ неодобренія—„опала“, удалявшая служилаго человѣка отъ всѣхъ дѣлъ Кромѣ того, опала являлась въ единичныхъ случаяхъ, тогда какъ злоупотребленія происходили въ массѣ, въ чемъ нерѣдко признавалась сама верховная власть, видѣвшая воочію, какъ служилые люди злоупотребляли ея довѣріемъ. „Въ городахъ воеводы и приказные люди, заявлялъ между прочимъ Михаилъ Федоровичъ, всякія дѣла дѣлаютъ не по... указу и... всякимъ людямъ чинятъ наспльства и убытки и продажи великія, и посулы, и поминки, и кормы имѣютъ многіе“ [2]). Таковыми оказывались послѣдствія тѣхъ началъ, которыя были положены въ основаніе московской администраціи, но съ ними почти сжился семнадцатый вѣкъ, и, такъ сказать, частноправный взглядъ на государственную службу вошелъ въ плоть и кровь служилаго сословія. Само правительство долго мирилось съ нимъ и, какъ говоритъ Градовскій.

---

[1]) Чичеринъ Областныя учрежденія, стр. 333 и сл

[2]) Дитятинъ Статьи по исторіи русскаго права, 1896 г., стр. 615

„Много надо было крамолъ, измѣнъ, упорнаго сопротивленія царской волѣ, чтобы система эта (система довѣрія) превратилась въ организованное недовѣріе учрежденій Петра I.“ [1]

Первые годы восемнадцатаго вѣка не видѣли никакихъ новыхъ учрежденій, и всѣ старые порядки истекшаго вѣка цѣликомъ перешли въ новый.

Въ 1699 г. царскимъ указомъ [2]) подтверждаются начала стараго судебнаго судоустройства и судопроизводства; принципъ приказнаго управленія остается на прежнихъ основаніяхъ. Учреждаются новые приказы, отмѣняются старые, но руководящія идеи остаются прежними. Даже высшее учрежденіе при царѣ—Боярская дума продолжаетъ существовать вплоть до 1705 г., когда ее смѣнила Ближняя Канцелярія, въ основѣ своей представлявшая установленіе, тождественное съ первымъ. Со всѣми старыми учрежденіями въ восемнадцатое столѣтіе переходитъ и духъ предшествовавшей эпохи

---

[1]) Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры, стр. 35.

[2]) Градовскій полагаетъ, что указъ 27 октября 1699 г. помѣщенъ въ П. С. З. подъ № 1748 въ 1700 г., что не совсѣмъ вѣрно, т. к. отъ указаннаго числа и года имѣется указъ въ П. С. и за № 1707. Такимъ образомъ указъ подъ № 1748 слѣдуетъ считать повторнымъ.

ЭПОХА ПЕТРОВСКАЯ.

§ 1. Первые зачатки высшаго надзора и суда въ XVIII столѣтіи.

Реформы въ высшемъ управленіи восемнадцатаго столѣтія начались съ учрежденія Сената. Къ этому же времени относятся первые намеки на правильно организованный надзоръ и отвѣтственность подчиненныхъ должностныхъ лицъ. Правда, еще въ 1700 г. состоялся по частному случаю именной указъ о взятіи и отдачѣ подъ судъ воеводъ за противозаконные поступки и самовольство; [1]) но указъ этотъ не давалъ средствъ обнаруженія преступныхъ дѣяній должностныхъ лицъ на будущее время и даже не упоминалъ о порядкѣ суда надъ виновными администраторами. Очевидно, что онъ и долженъ былъ остаться безъ особаго дѣйствія, что доказывается, между прочимъ, послѣдующими процессами не только мелкихъ, но и подчасъ весьма крупныхъ представителей мѣстнаго управленія. Учрежденіе при вновь созданныхъ губернаторахъ, тѣхъ же воеводахъ, сперва дворянскихъ совѣтовъ, а потомъ ландратскихъ коллегій, точно также не привело ни къ чему; дворянскіе совѣты и ландратскія коллегіи по условіямъ тогдашней провинціальной жизни не могли явиться началомъ сдерживающимъ и контролирующимъ по отношенію начальниковъ губерній, и, какъ извѣстно, впослѣдствіи ландраты даже очутились у губернаторовъ въ подчиненномъ положеніи.

---

[1]) П. С. З. № 1760

Съ учрежденіемъ Сената въ 1711 году всѣ отрасли управленія, высшая распорядительная власть, инициатива законовъ сосредоточилась въ его рукахъ. Петръ Великій не думалъ, конечно, отказываться хотя бы отъ части принадлежавшей ему верховной власти; какъ предшественники его на московскомъ престолѣ пользовались услугами Боярской думы и приказовъ, такъ онъ, въ лицѣ Сената создавалъ себѣ только помощника, но этотъ помощникъ получилъ извѣстную степень самостоятельности, соединенной въ силу того съ отвѣтственностью, о которой говорится въ указѣ о власти Сената [1]). Ранѣе того уже членамъ Ближней Канцеляріи Преобразователь приказалъ, чтобы „всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали и каждый министръ, своею рукою подписывали, что зѣло нужно, надобно, и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли, ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ“. Въ новомъ учрежденіи эти подписи сановниковъ уже требуются неукоснительно даже при единогласіи; при раздѣленіи голосовъ, несогласные съ большинствомъ точно также обязывались изложить свой взглядъ письменно, конечно, для того, чтобы и въ данномъ случаѣ государь могъ видѣть правильность дѣйствій оставшихся въ меньшинствѣ. За нарушеніе обязанностей Преобразователь грозилъ сенаторамъ строгимъ взысканіемъ вплоть до „градской казни“. На Сенатъ предоставлялось право жаловаться и доносить, но только самому государю. „И ежели оной Сенатъ, говорится въ именномъ указѣ о власти и отвѣтственности Сената, чрезъ свое нынѣ предъ Богомъ принесенное обѣщаніе, неправедно что поступятъ въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, *и кто про то увѣдаетъ*, то однакожъ да молчитъ до Нашего возвращенія, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ; и тогда да возвѣститъ Намъ, однакожъ справясь съ подлиннымъ документомъ, понеже *то будетъ предъ Нами суждено*, и виновный жестоко будетъ наказанъ“ [2]).

Подъ этой угрозой тяжкой отвѣтственности на судѣ

---

[1]) П С З № 2328.
[2]) П. С. З № 2328

самого государя, подъ контролемъ общественнымъ, Сенату затѣмъ ввѣрялась высшая исполнительная власть, наряду съ властью судебной и правительственнымъ надзоромъ за органами подчиненнаго управленія. Именно, высочайшимъ указомъ отъ 2 Марта 1711 г. [1]) на первомъ мѣстѣ среди обязанностей Сената ставится требованіе о томъ, чтобы „*судъ имѣлъ нелицемѣрный, и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія*“. Слѣдовательно, Сенату поручалось производство суда лично и спеціальный контроль надъ правосудіемъ вообще. Въ п. 6 того же указа ему предписывалось „учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ“, т. е. установить цѣлую сѣть представителей надзора, которые дали бы Сенату возможность слѣдить за законностью на всемъ протяженіи русскаго государства

Что касается до сенатскаго суда въ его приложеніи на практикѣ, то, какъ указываетъ г Петровскій, [2]) у насъ не имѣется извѣстій, въ чемъ онъ заключался по первому учрежденію Сената Изъ перваго пункта явствуетъ, что Сенату можно было жаловаться на неправильныя рѣшенія низшихъ мѣстъ, но въ порядкѣ или какой либо постепенности, или безъ соблюденія инстанцій, неизвѣстно Въ какихъ случаяхъ Сенатъ самъ могъ являться первой инстанціей, при какихъ условіяхъ онъ выступалъ только въ роли апелляціоннаго суда непосредственно, не указывалось. По этой причинѣ своей судебной функціей въ ея различныхъ проявленіяхъ Сенатъ первоначально пользовался по усмотрѣнію, безпорядочно. Для первыхъ лѣтъ г. Петровскій приводитъ примѣры, гдѣ Сенатъ разсматривалъ въ первой инстанціи какъ политическія дѣла, по объявленію слова и дѣла, такъ и простѣйшія уголовныя и гражданскія [3]). Но уже въ 1713 г. состоялся сенатскій указъ о взятіи въ Расправную палату на *разсмотрѣніе тяжебныхъ дѣлъ по жалобамъ на неправое рѣшеніе губернаторовъ и судей* [4]). Тогда же Палатѣ было пред-

[1]) П. С. З. № 2330

[2]) О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, стр. 249.

[3]) Петровскій О Сенатѣ, стр. 250

[4]) П. С. З. № 2710.

писано побуждать указанныхъ лицъ рѣшать дѣла безволокитно и присылать въ Сенатъ мѣсячныя вѣдомости о вершеныхъ дѣлахъ, начавшихся по доносамъ фискаловъ. Если принять во вниманіе, что Расправная Палата вначалѣ являлась, какъ бы частнымъ, или во всякомъ случаѣ учрежденіемъ хотя и зависимымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ тѣсно связаннымъ съ Сенатомъ [1]), то станетъ ясно, что высшее въ тогдашней Россіи мѣсто сдѣлало самостоятельную попытку къ установленію судебныхъ инстанцій. Оно повелѣло Палатѣ всѣ дѣла, принятыя ею безъ разрѣшенія ихъ по существу въ низшихъ мѣстахъ, разослать въ тѣ установленія для разбора и впредь „изъ губерній и приказовъ невершенныхъ дѣлъ отнюдь не имать“. Точно также челобитчикамъ, обращающимся къ Палатѣ, предписано было не глухо ссылаться на неправильность приговора, но точно обозначать такую неправильность Мѣра эта была вызвана загроможденіемъ Сената массой, подчасъ очень мелкихъ, незначительныхъ дѣлъ. Спустя полъ-года послѣ приведеннаго сенатскаго указа, Марта 17-го 1714 г. [2]) именнымъ указомъ, объявленнымъ изъ Сената, устанавливалось три инстанціи: низшая въ городахъ — коменданты, средняя — губернаторы, высшая — Сенатъ. Съ учрежденіемъ коллегій, Сенатъ былъ поставленъ надъ этими новыми установленіями въ качествѣ ревизіонной и апелляціонной инстанціи [3]). По указу 22 Декабря 1718 г., если челобитчикъ не удовлетворялся судомъ коллегій, онъ подавалъ челобитную сенатскому секретарю, который въ свою очередь представлялъ принятую жалобу Государю, своимъ подписаніемъ челобитной обязывавшимъ Сенатъ разсмотрѣть дѣло.

Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что въ этомъ случаѣ государевымъ просмотромъ какъ бы ограничивалось право Сената въ отношеніи принятія челобитныхъ на подчи-

---

[1]) Петровскій, стр. 250, 252

[2]) А не 21, какъ сказано у г Петровскаго, не обратившаго вниманія на опечатку въ П. С. З. подъ № 2787

[3]) Кавелинъ. Сочиненія, изд. 1859 г., ч. I, стр. 279 Дмитріевъ. Исторія судебныхъ инстанціи, стр. 504.

ненныя установленія [1]). „Свободнаго и безпрепятственнаго переноса дѣла изъ коллегіи въ Сенатъ не было", говоритъ г Петровскій по поводу предварительнаго подписанія и разсмотрѣнія челобитныхъ самимъ Петромъ [2]). Но съ такимъ взглядомъ можно спорить по многимъ соображеніямъ.

Прежде всего ни г. Петровскій, ни Дмитріевъ не обосновываютъ своего мнѣнія, а выражаютъ его догматически; тогда какъ подобное положеніе нуждается въ обоснованіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при обсужденіи обстоятельствъ, при которыхъ возникъ съ перваго взгляда кажущійся ограниченіемъ власти Сената предварительный просмотръ апелляціонныхъ челобитныхъ царемъ, само собою навертывается другое объясненіе загадочнаго явленія. Въ указахъ 17 Марта и 8 Декабря 1714 г. Сенатъ объявляется высшимъ апелляціоннымъ судилищемъ, на которое подаются жалобы Его Царскому Величеству; слѣдовательно, судебная власть его была еще не такъ страшна, и въ случаѣ пороковъ въ сенатскихъ приговорахъ имѣлось высшее прибѣжище. Но уже указомъ 22 Декабря 1718 г. Сенатъ былъ названъ высокоповѣреннымъ и за обжалованье его приговора назначалась смертная казнь. Конечно, при такомъ довѣріи къ высшему судилищу требовались какія либо гарантіи его безпристрастія и внимательнаго отношенія къ чужой судьбѣ. Эти гарантіи и нужно было видѣть въ предварительномъ прочтеніи челобитной государемъ и письменномъ приказаніи разсмотрѣть дѣло. Предполагалось, что личное знакомство монарха съ дѣломъ обезпечивало безпристрастіе въ принятіи или не принятіи челобитной, а подпись его равнялась именному указу, который сенаторы обязаны были выполнить не въ примѣръ ими лично предпринимаемыхъ или текущихъ дѣлъ.

Опытъ показалъ всю непрактичность подобныхъ условій сенатской апелляціи. Съ одной стороны важную функцію пріема прошеній и предварительнаго просмотра ихъ исполнялъ подчиненный Сенату секретарь, съ другой—санкцію его пред-

---

[1]) Петровскій, Дмитріевъ, Градовскій—Высш. администр. стр. 101.

[2]) О Сенатѣ, стр. 253.

ставленіямъ давалъ занятый многочисленными и сложными государственными дѣлами монархъ. Поэтому и въ секретарскомъ докладѣ, нужно предполагать, трудно было уберечься отъ могущественныхъ постороннихъ вліяній, дѣйствовавшихъ во вредъ рядовому челобитчику; и въ отношеніи передачи дѣлъ въ Сенатъ трудно было достигнуть своевременности Высочайшей подписи.

Какъ бы то ни было, но уже 13 Мая 1720 г. учреждается особая должность для принятія жалобъ на медленность въ дѣлопроизводствѣ и неправосудіе коллегій и канцелярій [1]). Для занятія этой должности въ виду важности ея, требовавшей самостоятельности, государь намѣренъ былъ „опредѣлить особаго человѣка, персону знатную". Къ персонѣ въ помощь проектировалось придать особаго секретаря, а имъ вмѣстѣ отводилось въ Сенатѣ особое мѣсто Изъ этой-то знатной персоны, долженствовавшей въ извѣстной мѣрѣ замѣнить прежнюю совмѣстную дѣятельность царя и сенатскаго секретаря по принятію апелляціонныхъ прошеній, впослѣдствіи образовалась нормальная должность рекетмейстерская, оказывавшая значительное вліяніе на ходъ апелляціи въ Сенатѣ. Однако, рекетмейстерство изъ проекта не сразу перешло въ жизнь. Только въ 1722 году Января 12 точно было повелѣно быть при Сенатѣ рекетмейстеру [2]), который въ Табели о рангахъ, опубликованной 22 Января того же года [3]), какъ подобаетъ „персонѣ знатной", названъ генералъ-рекетмейстеромъ и помѣщенъ въ пятомъ классѣ; въ томъ же году 5 Февраля вышелъ Наказъ Рекетмейстеру [4]), и въ Наказѣ указана „знатная персона", вступившая по инструкціи затѣмъ въ отправленіе обязанностей. Рекетмейстеръ не только провѣрялъ основательность апелляціонныхъ жалобъ, но кромѣ того лично слѣдилъ за своевременнымъ отправленіемъ судебныхъ дѣлъ въ подчиненныхъ мѣстахъ и, о замѣченной ихъ волокитѣ самъ могъ дѣлать имъ предварительное напомина-

[1]) П. С. З. № 3581.
[2]) П С. З. № 3877.
[3]) П. С. З. № 3890.
[4]) П. С З № 3900.

ніе; въ отношеніи же обжалованія приговоровъ коллегій и канцелярій онъ регистрировалъ челобитныя, знакомился съ подлинными дѣлами и по докладѣ Сенату требовалъ отъ него скораго по нимъ рѣшенія. Итакъ, государь отъ участія въ просмотрѣ челобитныхъ пока рѣшительно устранилъ себя, такъ какъ учрежденіе рекетмейстера сохраня логарантіи о непремѣнномъ и безпристрастномъ рѣшеніи въ Сенатѣ судимаго дѣла „Знатная персона", находившаяся съ царемъ въ близкомъ общеніи и независимая отъ Сената, всегда могла довести до свѣдѣнія монарха упущенія высшаго судилища. Вмѣстѣ съ тѣмъ самъ Сенатъ поступилъ подъ надзоръ „ока государева" генералъ-прокурора. Эти двѣ должности составили полный комплексъ прежняго контроля, обезпечиваемаго ранѣе совмѣстной дѣятельностью государя и секретаря Сената. Вообще обѣ должности явились частями цѣлаго въ отдѣльности, и выразили общій надзоръ за законностью въ самомъ Сенатѣ и частное наблюденіе за исполненіемъ со стороны Сената его особой специальной апелляціонной функціи. Установленіе рекетмейстерской должности закрѣпило значеніе Сената въ качествѣ высшаго апелляціоннаго судилища.

Но становясь высшей апелляціонной инстанціей, Сенатъ не переставалъ также быть и первой, при чемъ по прежнему кругъ подвѣдомственной ему подсудности точно также не былъ опредѣленъ въ точности Такъ, хотя указами и предписывалось судить непосредственно дѣла, по похищенію казенныхъ денегъ, по обвиненію въ преступленіяхъ фискаловъ и нѣкоторыхъ другихъ должностныхъ лицъ, но наряду съ этимъ самъ Сенатъ и принималъ къ своему вѣдѣнію дѣла по первымъ двумъ пунктамъ, а также разсматривалъ и другія различныя дѣла внѣ узаконеннаго порядка, по непосредственному высочайшему повелѣнію [1]). Въ 1721 году однако, въ виду обремененія Сената массой мелкихъ политическихъ дѣлъ, послѣдовалъ сенатскій указъ объ отсылкѣ ихъ въ Преображенскій приказъ [2])

---

[1]) Петровскій. О Сенатѣ, стр. 254.

[2]) П. С. З. № 3739

§ 2. Средства высшаго надзора — фискалатъ и прокуратура.

Какъ было указано выше, подъ гарантіей отвѣтственности, наряду съ высшими правительственными функціями и судомъ, Сенату при его учрежденіи порученъ былъ надзоръ за всѣмъ подчиненнымъ управленіемъ. Пунктомъ 9 именного указа 2 Марта 1711 г. Сенату между прочимъ предписано „учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ“, а 5 Марта [1]) изъяснена и сущность самой фискальной должности. Въ 3 пунктѣ послѣдняго указа повелѣвается выбрать оберъ-фискала, „человѣка умнаго и добраго (изъ какого чина ни есть); дѣла же его суть: долженъ онъ надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать *про неправый судъ*, такожъ въ сборѣ казны и *прочаго*, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ Сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамъ его уличать“.

Въ распоряженіе оберъ-фискала предоставлялась цѣлая цѣпь фискаловъ мѣстныхъ, вооруженныхъ такими же правами, какими обладалъ ихъ начальникъ, въ свою очередь являвшійся какъ бы окомъ контроля самого Сената. Указомъ 17 Марта 1714 г. [2]) фискалатъ получилъ дальнѣйшее развитіе, въ смыслѣ большаго упорядоченія его, а въ 1723 г. былъ назначенъ вмѣсто оберъ-фискала, отошедшаго къ Юстицъ-Коллегіи, генералъ-фискалъ [3]), и самая должность главы фискаловъ и его помощниковъ была рангомъ повышена [4]).

Не смотря на громадныя права, которыми были вооружены фискалы, не смотря на послѣдующее повышеніе ихъ въ чиновныхъ рангахъ, ими представляемая система надзора оказалась неудовлетворительной.

Какъ справедливо замѣчаетъ г. Петровскій, недостатокъ

---

[1]) П. С. З. № 2331.
[2]) П. С. З. № 2786.
[3]) Петровскій, стр. 109.
[4]) П. С. З. № 4170.

этой системы лежалъ не въ злоупотребленіяхъ, которыми отличались петровскіе фискалы, но въ самой неправильной, недостаточно глубоко проведенной, постановкѣ самаго фискальскаго контроля [1]). Сущность фискальской должности заключалась въ тайномъ досмотрѣ, тайномъ провѣдываніи о совершенныхъ оффиціальными лицами отступленіяхъ отъ закона. Провѣдывая обо всемъ тайно, фискалъ не могъ присутствовать въ правительственныхъ учрежденіяхъ, самолично наблюдать за ихъ дѣятельностью, просматривать ихъ дѣлопроизводство. Вслѣдствіе этого, собственно говоря, присутственныя мѣста не чувствовали надъ собою прямого надзора, и злоупотребленія ихъ обнаруживались болѣе или менѣе случайно.

Между тѣмъ непосредственный надзоръ требовался повсюду, не исключая самого Сената, которому въ значительной степени свойственны были многіе пороки остальныхъ русскихъ административныхъ и судебныхъ учрежденій. Чтобы помочь горю, въ центрѣ на первый разъ Петръ назначилъ еще въ 1715 г. сенатскаго генералъ-ревизора и надзирателя указовъ [2]). Этотъ генералъ-ревизоръ просуществовалъ недолго, а обязанности его были возложены на оберъ-секретаря Сената [3]). Ему предписывалось слѣдить, „дабы въ Сенатѣ все было дѣлано порядочно и суетныхъ разговоровъ, крика и прочаго не было“... Равнымъ образомъ секретарю повелѣвалось доносить государю „ежели въ Сенатѣ хотя что малое учинится противъ указа о ихъ должности 1718 г.“ [4]). Вскорѣ однако Петръ замѣтилъ неудобство предоставленія надзора за высшимъ могущественнымъ учрежденіемъ зависимому отъ него оберъ-секретарю, и съ 28 Января 1721 г. функціи контроля надъ Сенатомъ исполняютъ штабъ-офицеры гвардіи впредь до на-

---

[1]) Петровскій, стр 157.

[2]) П. С. З № 2957.

[3]) П. С. З. № 3519.

[4]) Въ П. С. З. подъ № 3264 указъ этотъ помѣченъ Декабремъ 1718 г., а въ неоффиціальномъ Новомъ памятникѣ законовъ Имперіи Россійской, Отдѣленіе II, ч. X, т I, стр 356, тотъ же указъ помѣченъ Февралемъ. Такимъ образомъ дата вообще является спорной.

значенія съ этой цѣлью государственнаго фискала. Вмѣсто такового однако именнымъ указомъ въ Январѣ 1722 г. вводятся въ Сенатѣ генералъ-прокуроръ съ оберъ-прокуроромъ и прокуроры въ коллегіяхъ и надворныхъ судахъ. Прокуратура была избавлена отъ того коренного недостатка, которымъ страдалъ фискалатъ. Она проникнута началомъ не тайнаго, но явнаго надзора за всѣми административно-судебными мѣстами Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ собою неразрывную цѣпь, конечныя звенья которой сосредоточиваются въ рукахъ генералъ-прокурора При посредствѣ прокурорскихъ донесеній, почерпнутыхъ изъ непосредственнаго знакомства съ дѣломъ, глава прокуратуры могъ своевременно увѣдомлять Сенатъ о допущенныхъ злоупотребленіяхъ или нерадѣніи должностныхъ лицъ и органовъ. Надзоръ установлялся систематическій, причемъ дѣйствіе его распространялось и на самый Сенатъ, въ которомъ око государево—генералъ-прокуроръ слѣдилъ за порядкомъ и законностью и въ крайнихъ случаяхъ о замѣченныхъ неправильностяхъ доносилъ прямо императору. Фискалатъ вмѣстѣ съ тѣмъ точно также былъ поставленъ въ извѣстное подчиненіе прокуратурѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополняя ея дѣятельность, и такимъ образомъ въ теоріи надзоръ, наконецъ, достигъ своего полнаго выраженія.

Въ идеѣ Сенатъ получилъ возможность контролировать подчиненныя мѣста въ порядкѣ двойного наблюденія за ними, черезъ посредство прокуроровъ и фискаловъ; но независимо отъ того, въ видѣ экстренной чрезвычайной мѣры, ему было предоставлено право, такъ называемыхъ, сенаторскихъ ревизій. Апрѣля 4 года 1722 именнымъ указомъ [1]) предписано было Сенату „для смотрѣнія всякихъ дѣлъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, чтобы во всякихъ дѣлахъ была правда, посылать на каждый годъ *изъ сенатскихъ членовъ по одному*, да при немъ изъ каждой коллегіи по одному человѣку“. На противозаконныя дѣйствія ревизующихъ сенаторовъ можно было жаловаться Сенату же

[1]) П. С. З. № 3931

§ 3. Практическое значеніе петровскаго суда и надзора.

Въ такомъ видѣ сложился высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ эпоху первыхъ великихъ реформъ Во главѣ было поставлено высшее правительственное учрежденіе, отвѣтственное только передъ монархомъ и вооруженное обширными правами Съ точки зрѣнія теоріи, гидрѣ московской волокиты, лихоимства, произвола и насилія въ области подчиненнаго управленія, наносился жестокій ударъ, но на практикѣ, съ виду грозный размахъ, въ дѣйствительности не обладалъ достаточной силой, и гидра продолжала жить и копошиться.

Причины такого печальнаго явленія лежали въ самомъ существѣ тогдашней русской жизни и неблагопріятныхъ историческихъ условіяхъ. Служилымъ классамъ трудно было сразу отрѣшиться отъ вѣками сложившихся воззрѣній на государственную службу. Кормленіе, соединенное съ злоупотребленіями, не казалось имъ порокомъ по существу; таковымъ оно являлось только съ точки зрѣнія царскихъ указовъ, т.е съ внѣшней формальной стороны, сознанію же опредѣленнаго круга людей представлялось обычнымъ, заурядным, естественнымъ явленіемъ. Какъ извѣстно, чтобъ бороться съ этимъ зломъ, Петръ прибѣгнулъ къ особой мѣрѣ. Создавая учрежденія и должности онъ долженъ былъ искать для нихъ подходящихъ людей, а таковыхъ среди служилыхъ классовъ почти не имѣлось. И вотъ, преобразователь обратился тогда ко всему русскому обществу. Установленная имъ Табель о рангахъ дала возможность простому человѣку, представителю низшихъ классовъ общества, достигнуть высшихъ служебныхъ ступеней и при случаѣ занять видное положеніе въ администраціи или судѣ. Въ фискалы еще ранѣе Табели о рангахъ повелѣно было выбирать людей умныхъ и добрыхъ, „изъ какого чина ни есть“. При учрежденіи прокуратуры было лично также сказано, что „въ сіи чины дается воля выбирать изъ всякихъ чиновъ, а особливо въ прокуроры, понеже дѣло нужно есть“ [1]).

---

[1]) П. С. З. № 3877.

Вообще насколько далеко простиралось примѣненіе Петромъ принципа всесословности въ дѣлѣ государственной службы видно уже изъ того ,что наиболѣе близкій къ царю государственный дѣятель, его Herzenskind, былъ человѣкомъ самаго темнаго и незначительнаго происхожденія. Однако, не смотря на кликнутый Преобразователемъ кличъ, онъ оставался почти безъ отголоска. Большинство разночинцевъ, попадая въ ряды должностныхъ лицъ, получая въ свои руки власть, очень быстро уподоблялись той средѣ родовыхъ администраторовъ которая прославила злоупотребленіями строй московскаго государства, и рѣдкія исключенія терялись въ массѣ общаго порядка.

Всѣ части суда и управленія страдали отсутствіемъ людей необходимыхъ качествъ, начиная съ самого Сената. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ 1712 г., слѣдовательно почти непосредственно за учрежденіемъ этого высшаго правительственнаго мѣста, трое фискаловъ Желябужскій, Нестеровъ и Шепелевъ, подали на него царю жалобу: „И мы, рабы твои,—доносили указанныя лица [1]), — по должности своей всячески провѣдывая и усмотря, какъ въ сборахъ, такъ и въ расходахъ и объ иныхъ нуждахъ, подали въ Сенатъ многія разныя доношенія. А по другимъ дѣламъ въ разныхъ приказахъ какъ за судьями, такъ и за приказными людьми сыскали всякую неправду, о чемъ написано порознь въ нашихъ особливыхъ доношеніяхъ и обличеніяхъ, по которымъ, противъ твоихъ пунктовъ, указу и опредѣленія не учинено и по се число, и на судъ намъ неправду сотворшихъ не токмо котораго судью, но и послѣдняго подъячего ко обличенію не поставлено. А когда приходимъ въ Сенатъ съ доношеніями и отъ князей Якова Федоровича (Долгорукаго) да отъ Григорія Племянникова безъ всякой нашей вины бываетъ къ намъ съ непорядочнымъ гордымъ гнѣвомъ всякое немилосердіе, ещежъ съ непотребными укоризны и поношеніемъ позорнымъ, зачѣмъ намъ, рабамъ твоимъ, къ нимъ входить опасно“. Въ 1714 г. Нестеровъ подалъ въ Сенатъ заявленіе о колоссаль-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVI, стр. 177. Изд Общ Пользы

ныхъ злоупотребленіяхъ Сибирскаго губернатора князя Гагарина, но сенаторы на доносъ не обратили вниманія, а сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ даже приказалъ уничтожить представленные Нестеровымъ два ящика компрометтирующихъ документовъ [1])

Тотъ же Нестеровъ жаловался на Мусинъ-Пушкина за то, что сенаторъ этотъ по свойству не далъ хода дѣлу дворцоваго судьи Савелова, укрывавшаго бѣглыхъ [2]). Слѣдовательно, Сенатъ прямо сознательно укрывалъ и крупныхъ преступниковъ, не взирая на порученную ему функцію высшаго надзора. Насколько высшій органъ контроля и суда былъ доступенъ постороннимъ вліяніямъ и соображеніямъ, можно, между прочимъ, заключить изъ жалобы президента Юстицъ-Коллегіи Матвѣева, который писалъ въ 1721 г. царю: „*знатныя особы*, имѣющія по фискальскимъ доношеніямъ на себя дѣла, а иные за своихъ сродниковъ и пріятелей заступаясь, увидавъ, что я имъ безъ поманки и безъ всякой корысти по дѣламъ ихъ не угождаю,—всячески съ своими пріятелями и фамилями намѣреваются и угрожаютъ у вашего величества *и въ Сенатѣ всегдашній вредъ мнѣ причинять*, отъ чего я, въ такомъ своемъ крайнемъ сиротствѣ будучи постоянно, опасаюсь ихъ, ибо и Геркулесъ едва ли бы могъ противо двоихъ стоять“ [3]).

Сенатъ, конечно, тѣмъ легче поддавался вліяніямъ и пренебрегалъ своими обязанностями по надзору, а иногда и суду, что у большинства членовъ его числилось не мало грѣховъ на душѣ. Было время, когда сенаторъ Меншиковъ находился въ очень опасномъ со стороны отвѣтственности положеніи по случаю открывшихся злоупотребленій его по управленію С.-Петербургской губерніей [4]); по фискальскимъ доносамъ князь Яковъ Долгорукій состоялъ подъ слѣдствіемъ комиссіи изъ офицеровъ гвардіи [5]); Шафировъ былъ

---

[1]) Ibid. стр. 185.
[2]) Ibid. стр. 183.
[3]) Ibid. стр. 146.
[4]) Ibid. 197.
[5]) Петровскій. О Сенатѣ, стр 61

сосланъ за приписку брату лишняго жалованья, за брань въ Сенатѣ, и ложное толкованіе указа; сенаторы же князь Волконскій и Опухтинъ подверглись публичному наказанію, первый—за злоупотребленія по управленію Тульскимъ заводомъ, второй — монетнымъ дворомъ. (Сенаторы тѣмъ болѣе поддавались тогда соблазну нарушенія законности, что первое время почти каждый изъ нихъ, за недостаткомъ людей, кромѣ сенаторской должности исправлялъ и другую). Въ 1719 г были положены штрафы за неправыя вершенія па сенаторовъ князя Якова Долгорукаго, графа Мусина-Пушкина, князя Михайлу Долгорукаго, Самарина и Стрѣшпева.

Факты свидѣтельствуютъ, что часть сенаторовъ даже сплотилась между собою для достиженія нѣкоторыхъ противузаконныхъ цѣлей. Московскій губернаторъ кн. Ромодановскій жаловался на Сенатъ за то, что послѣднимъ на доношенія губернатора „довольства и письменнаго указа не чинится, а помощники губернаторскіе отъ Сената не только м... бранью и многими окриками, но и тюрьмами уже паказаны“. Честный человѣкъ, Ромодановскій былъ неугоденъ Сенату; по смерти его въ 1713 г. на мѣсто московскаго губернатора, какъ утверждали, вслѣдствіе старанія нѣкоторыхъ сенаторовъ, а особенно Мусина-Пушкина и Долгорукаго, оказался назначеннымъ Салтыковъ, котораго въ глаза помощникъ его называлъ казнокрадомъ [1])

Въ виду ссоръ главнаго начальника Московской губерніи съ ближайшимъ подчиненнымъ, Петръ въ 1716 г. приказалъ Сенату разобрать ссору губернатора съ вице-губернаторомъ, а тѣмъ временемъ исправлять должность губернаторскую поручилъ Кириллу Нарышкину. Когда, вслѣдствіе розыска и доказанныхъ винъ Салтыкова, Нарышкинъ сдѣлался настоящимъ губернаторомъ, Сенатъ началъ его притѣснять точно такъ же, какъ и неугоднаго Ромодановскаго. Въ защиту гонимаго Меншиковъ въ 1717 г. писалъ кабинетъ-секретарю Макарову: „Просилъ насъ слезно губернаторъ московскій господинъ Нарышкинъ, что отъ господъ сенаторовъ великія ему

---

[1]) Соловьевъ, ibid. 138–139.

и несносныя чинятся напрасныя обиды. а именно—приказали у него отписать дворы и деревни безо всякой причины, будто за ослушаніе, а болѣе злясь на него за бывшаго губернатора Салтыкова, могу я истинно засвидѣтельствовать, что они ругаютъ его напрасно". [1]).

Спрашивается, можно ли было ожидать безпристрастія и служебнаго рвенія по надзору отъ такого учрежденія, въ которомъ процвѣтало не только попустительство всякаго рода, но завѣдомо самостоятельныя преступныя дѣянія? Каковъ былъ надзоръ этого учрежденія, каковъ былъ примѣръ для подчиненныхъ мѣстъ и лицъ!

Попустительствуя въ дѣлахъ надзора Сенатъ, заваленный непосредственной работой по управленію [2]) вмѣстѣ съ тѣмъ естественно не могъ удѣлять много времени отправленію своей главнѣйшей функціи судебной — апелляціонной. Уже упомянутый президентъ Юстицъ-Коллегіи Матвѣевъ въ 1721 г. доносилъ Петру, что изъ Юстицъ-Коллегіи въ Сенатъ въ теченіе трехъ лѣтъ внесено 15 дѣлъ, но и тѣ еще не были рѣшены, и въ коллегіи о судьбѣ ихъ свѣдѣній не имѣлось [3]).

Очевидно, зная характеръ сенатской дѣятельности, допускавшей всякаго рода внѣшнія соображенія въ дѣлѣ отправленія правосудія въ большинствѣ серьезныхъ уголовныхъ дѣлъ, разсматриваемыхъ въ первой инстанціи, Петръ самъ не довѣрялъ Сенату и учреждалъ особыя судныя комиссіи. Такъ, Шафирова судили сенаторы Брюсъ, Мусинъ-Пушкинъ и Матвѣевъ, генералы Бутурлинъ, Головинъ, Дмитріевъ - Мамоновъ, бригадиръ Воейковъ, полковникъ Блеклой и капитаны гвардіи Бредихинъ и Баскаковъ [4]); дѣло прибыльщика Курбатова закончили штабъ и оберъ-офицеры въ канцеляріи генералъ-майора Матюшкина; фискала Нестерова судили генералъ-лейтенантъ и генералъ-прокуроръ

---

[1]) Соловьевъ, ibid. стр. 139.

[2]) См. Приговоры Сената.

[3]) Ibid. стр. 146.

[4]) Петровскій. О Сенатѣ стр 61. Соловьевъ, стр. 764.

Ягужинскій да лейбъ-гвардіи капитанъ и Военной коллегіи прокуроръ Пашковъ [1]).

Какъ органъ сенатскаго надзора, фискалатъ также не оправдалъ всѣхъ возлагаемыхъ на него надеждъ. Онъ подпалъ вліянію духа времени и измѣнилъ своему назначенію вмѣстѣ съ главнымъ представителемъ фискальскаго надзора—Нестеровымъ Какъ было указано выше, въ свое время сенаторы утѣсняли этого самаго Нестерова, но вовсе не за тѣ злоупотребленія, которыя онъ себѣ позволялъ. Вмѣстѣ съ прочими, имѣвшими данныя опасаться фискальскаго провѣдыванія, сенаторы не любили фискаловъ, чувствуя ихъ руку и надъ своей головой, и потому не признавали ихъ.

Поэтому фискалатъ, справедливо замѣчаетъ г. Петровскій [2]), хотя и оставилъ по себѣ дурную память, но тѣмъ не менѣе не былъ учрежденіемъ, въ смыслѣ надзора, совершенно безполезнымъ. Ненависть противъ себя онъ вызвалъ по преимуществу въ тѣхъ классахъ общества, которымъ приходилось очень опасаться его соглядатайства; а эти классы и составляли общественное мнѣніе того времени. Люди, возстававшіе противъ фискаловъ, завѣдывали различными отраслями суда и администраціи, вообще и по преимуществу; отчасти вели торговлю, занимались промышленностью. Они имѣли власть и достатокъ и при случаѣ злоупотребляли своими преимуществами на счетъ бѣдныхъ и зависимыхъ классовъ. Господствовавшіе классы враждовали съ фискалами, но ими утѣсняемые наоборотъ въ тяжелыя минуты пользовались возможностью обращаться за помощью къ тайному надзору, когда нужно было, чтобы нарушенія законности не оставались безгласными. Еслибы фискалы, въ свою очередь, не пользовались указаніями частныхъ лицъ, то несомнѣнно и самое поле дѣятельности ихъ значительно сократилось бы [3])

Конечно, при общемъ органическомъ нерасположеніи къ фискаламъ со стороны высшихъ классовъ и Сената, они тѣмъ

---

[1]) Соловьевъ, стр. 769.

[2]) О Сенатѣ, стр. 149 и слѣд.

[3]) О томъ, что такими указаніями фискалы пользовались дѣйствительно, см. у Петровскаго. О Сенатѣ, стр. 151.

легче сами погубили себя и подорвали свое значеніе личными злоупотребленіями. Ихъ преступленія заклеймили самую должность. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было ожидать многаго въ области надзора за чужимъ поведеніемъ отъ тѣхъ лицъ, глава которыхъ, оберъ-фискалъ Нестеровъ, заявившій сперва себя многими заслугами, былъ колесованъ, за взятки, потачку, посулы, похлѣбство, вымогательство и проч. Что, въ концѣ концовъ, могъ думать народъ о должности, представители которой вслѣдъ за Нестеровымъ, въ лицѣ Попцова, Никитина, Желябужскаго, наказывались и смертной и торговой казнью за служебныя преступленія? [1]) Собственно говоря, въ дѣяніяхъ виновныхъ фискаловъ, съ точки зрѣнія эпохи, не было ничего исключительнаго; они дѣлали то же, что губернаторы, воеводы, судьи и сенаторы; они продолжали совмѣстно съ прочими преданія московскаго лихоимства, но нарушеніе ими своихъ обязанностей выступало тѣмъ рельефнѣе, что они должны были служить вмѣстѣ съ Сенатомъ органами надзора и такимъ образомъ нарушеніемъ законности совершали двойное преступленіе.

Итакъ, ни само высшее правительственно-судебное установленіе, ни находившіеся въ его распоряженіи фискалы, не внесли въ русскую жизнь дѣйствительно новыхъ началъ въ смыслѣ самаго измѣненія ея уклада по существу.

Что же касается прокуратуры, дополнявшей фискалатъ то она возникла только въ концѣ царствованія Преобразователя и потому не могла дать сразу осязательныхъ результатовъ своей дѣятельности, хотя факты свидѣтельствуютъ, что петровская прокуратура очень быстро поняла свои задачи и стремилась по мѣрѣ силъ съ честью осуществлять ихъ. Такъ, оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ при случаѣ не усумнился пуститься въ пререканія съ сенаторомъ Шафировымъ по поводу замѣченныхъ нарушеній указовъ; сохранились также многія донесенія прокуроровъ коллегій и надворныхъ судовъ генералъ-прокурору о замѣченныхъ упущеніяхъ въ дѣлопроизводствѣ, вмѣстѣ съ увѣдомленіями о наблюденныхъ

---

[1]) Ibid 152—154

злоупотребленіяхъ [1]). Къ сожалѣнію, существованіе прокуратуры при Петрѣ было крайне кратковременно и потому не могло оставить по себѣ глубокихъ слѣдовъ.

Послѣдній изъ видовъ сенатскаго надзора—поздно учрежденныя сенаторскія ревизіи тоже не успѣлъ ознаменовать себя громкою дѣятельностью и плодотворной работой.

§ 4. Итоги петровскихъ реформъ въ области суда и надзора.

Къ чему же свелись петровскія реформы въ области упорядоченія суда и установленія высшаго надзора, какое онѣ имѣли значеніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ распадается на двѣ части. Съ одной стороны—теоретически—прежнее инертное положеніе вещей было нарушено: реформы указали путь, по которому должно было двигаться государство въ дальнѣйшемъ; съ другой стороны, — реальныхъ, ощутительныхъ, результатовъ пока не получилось.

Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ образованія Сената въ 1713 г. Петръ писалъ въ указѣ 25 Августа [2]): „Великій Государь, милосердуя о народахъ государствъ своихъ, ревнуя искоренить *неправедныя бѣдственныя всенародныя, тягости* и похищеніи лукавыя Государственной казны, понеже извѣстно Ему Великому Государю учинилось, что возрастаютъ на тягость веснародную, *и умножаются* для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищеній Государственныхъ интересовъ *великія неправды и грабительства*“. Въ дополненіе къ этому указу, 23 Октября [3]) того же года Петръ издалъ второй, въ которомъ говорилось, что всѣмъ, вѣдающимъ про таковыхъ преступниковъ и грабителей народа, предоставлялось доносить самому государю, хотя бы доноситель принадлежалъ къ самому низкому „чину“.

---

[1]) Ibid 178.
[2]) П. С. З. № 2707.
[3]) Ibid. № 2726.

Въ 1714 г. [1]) появился новый указъ, гласившій: „Понеже многія лихоимства умножились... о чемъ многіе, якобы оправдая себя, говорятъ, что сіе не заказано было (московская точка зрѣнія служилаго класса), не разсуждая того, что все то, что вредъ и убытокъ Государству приключить можетъ, суть преступленія. И дабы впредь плутамъ, которые ни во что иное тщатся, точію лишь подъ всякое добро дѣлать, и несытость свою исполнять, невозможно было никакой отговорки сыскать: того ради запрещается всѣмъ чинамъ, которые у дѣлъ приставлены великихъ и малыхъ, духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ, политическихъ, купецкихъ, художественныхъ и прочихъ, какое званіе оные не имѣютъ, дабы не дерзали никакихъ посуловъ казенныхъ и съ народа сбираемыхъ денегъ брать... кромѣ жалованья“.

Но вѣками укоренившуюся точку зрѣнія не такъ то легко было измѣнить указами и при помощи только что рожденнаго надзора, при томъ еще крайне несовершеннаго. Московскіе нравы сказывались по прежнему, при чемъ теперь отговорки въ своихъ злоупотребленіяхъ представляла уже не только администрація въ собственномъ смыслѣ, но и судьи. Въ 1719 г [2]) мы встрѣчаемъ указъ Юстицъ-Коллегіи Расправной Палатѣ, въ которомъ предписывается судьямъ палаты присланныя имъ для немедленнаго рѣшенія дѣла „безволокитно съ прямымъ истиннымъ предусмотрѣніемъ и рѣшеніемъ ихъ правымъ“. „И сей указъ, говорится далѣе, велѣно вамъ для народнаго вѣдома въ той же Расправной Палатѣ вслухъ всѣмъ прочесть и объявить, чтобы вы впредь никакого убѣжища своего, къ своимъ неважнымъ отговоркамъ не имѣли“. Итакъ, слѣдовательно, и въ 1719 г. въ высшемъ судѣ, какимъ является отдѣленная отъ Сената Расправная Палата, несмотря на указы 1713 и 1714 гг., чинится волокита и отсутствуетъ судейское безпристрастіе, вызывающія новый спеціальный царскій указъ. И вотъ, подъ давленіемъ верховной власти въ 1720 году Сенатъ озабочивается тѣмъ, вездѣ ли получены

---

[1]) Ib. № 2871.

[2]) Ib. № 3290. Инициатива этого указа принадлежала Петру.

указы о взяткахъ и лихоимствѣ 1713 и 1714 гг [1]); въ 1722 г. онъ предписываетъ всѣмъ, поступающимъ вновь на службу, предварительно подписываться подъ указомъ 1714 г. [2]). Все это дѣлается для того, чтобы бороться съ укоренившимся зломъ, имѣвшимъ крѣпкія основанія въ перешедшихъ въ восемнадцатый вѣкъ взглядахъ семнадцатаго столѣтія на условія государственной службы. Подтвердительные указы 1720 и 1722 гг. преслѣдуютъ все ту же цѣль, чтобы администрація и судъ не могли отговариваться невѣдѣніемъ закона.

Тѣмъ не менѣе, какъ свидѣтельствуетъ Посошковъ, и въ 1724 г. [3]), т. е. въ концѣ царствованія Петра, положеніе вещей не потерпѣло почти никакихъ измѣненій. „*Древній россійскихъ людей обычай былъ* говоритъ почтенный начетчикъ, еже во приказахъ имѣть челобитчиковъ множество, и такъ бывало ихъ много, что иногда никоими дѣлы до судьи худосильному не моги; къ томужъ посажаютъ колодниковъ множество, а рѣшенія имъ не чинятъ:.. *и тѣмъ они Россійское царство безчестятъ*, что ни въ коемъ государствѣ толикаго числа колодниковъ не сыщется, сколько у насъ [4])... Я истинно удивляюсь, что у судей за право, что въ тюрьму посадя, держатъ лѣтъ по пяти — шести и больше“ [5])... „Я сего не могу не знать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочатъ, только *прочатъ имѣніе себѣ* [6])“... „Се бо нынѣ колико новыхъ статей издано, и не много въ нихъ дѣйства; *ибо всѣ ихъ древностная неправда одолѣваетъ* [7])

Слова Посошкова подтверждаются цѣлымъ рядомъ ука-

---

[1]) П. С. З. № 3586 и 3601.

[2]) Ib. № 4077.

[3]) Сочиненія Ивана Посошкова. Изданіе М. Погодина 1842 г Погодинъ опредѣляетъ дату написанія „Книги о скудости и богатствѣ“ 1724 г. См. его предисловіе, стр. X.

[4]) О скуд. и бог. стр. 5.

[5]) Ib. стр. 49.

[6]) Ib. стр. 71.

[7]) Ib стр. 96.

зовъ [1]) боровшихся съ „древностной“ русской неправдой. Все это вмѣстѣ взятое положительнымъ образомъ доказываетъ, что въ теченіе своего царствованія Преобразователю не удалось провести въ русскую жизнь тѣхъ здоровыхъ началъ государственнаго устройства, которыхъ онъ только посѣялъ сѣмена, но которымъ взойти и дать жатву было суждено гораздо позднѣе, едва ли не ранѣе второй половины девятнадцатаго столѣтія, именно въ царствованіе Александра II.

[1]) Указы о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла о колодникахъ см. П. С. З. №№ 3319, 3560, 4064, 4530.

ЭПОХА ЕКАТЕРИНЫ I И ПЕТРА II.

§ 1. Перемѣны въ правовомъ положеніи Сената.

Какъ извѣстно, со вступленніемъ на престолъ Екатерины I положеніе Сената значительно измѣнилось. Изъ высшаго правительственнаго мѣста въ Россіи онъ превратился въ мѣсто подчиненное, и такимъ образомъ приравнялся къ тремъ высшимъ коллегіямъ. Надъ нимъ сталъ Верховный Тайный Совѣтъ, узаконившій свой личный контроль надъ дѣятельностью Сената, отъ котораго даже отнято было прежнее наименованіе „Правительствующій“ и придано новое „Высокій“.

Судебная компетенція Сената съ возникновеніемъ Верх. Тайн. Совѣта сократилась въ очень сильной степени. Прежде всего изъ безапелляціоннаго судилища онъ превратился въ подапелляціонное. На него можно было приносить жалобы В. Тайному Совѣту. По п. 12 Мнѣнія въ указъ [1]) къ дѣламъ, долженствовавшимъ поступать въ Совѣтъ, относились, между прочимъ, всѣ тѣ, „*гдѣ апелляціи на Сенатъ* или прочихъ первѣйшихъ 3-хъ коллегій всемѣрно къ Ея И. Величеству учинить позволено быть имѣетъ и *въ Тайный Совѣтъ къ высшему разсмотрѣнію и разсужденію подавать*“..... Указомъ объ учрежденіи Совѣта [2]) изъ подъ вѣдѣнія Сената были изъяты коллегіи: морская, военная и иностранная не de facto, какъ прежде, но и de jure. Затѣмъ именнымъ указомъ

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. LV. стр. 93.
[2]) П. С. З. № 4830.

8 Октября 1726 г. было предписано изъ Сената по дѣламъ о преступникахъ, присужденныхъ къ смертной казни или политической смерти, въ ревизіонномъ порядкѣ представлять въ Совѣтъ [1]) краткіе экстракты. Позднѣе, при Петрѣ II, съ упраздненіемъ въ 1729 г. Преображенской Канцеляріи, въ Совѣтъ велѣно было передавать всѣ дѣла „по первымъ двумъ пунктамъ“ и вообще,—заключавшія въ себѣ какую либо важность. По новому порядку Сенату, слѣдовательно, предоставлялось въ первой инстанціи разбирать только маловажныя нарушенія законовъ, во второй—служитъ апелляціонымъ судомъ. О послѣдней функціи упоминается въ п. 4 Указа должности Сената [2]), гдѣ говорится, что „какія челобитныя поданы будутъ Рекетмейстеру на неправый судъ Коллегій и канцелярій, которыя коллегіямъ не подчинены то, ему Рекетмейстеру, оныя принявъ, по нихъ предлагать Сенату“. Наряду съ апелляціей вначалѣ Сенату принадлежало право ревизіи, но только въ нѣкоторыхъ случаяхъ; при Петрѣ же II, указомъ 31 Декабря 1727 г. было повелѣно изъ коллегій и канцелярій представлять для ревизіи экстракты о преступникахъ, приговоренныхъ къ смертной казни и политической смерти исключительно въ Сенатъ; самыя же дѣла предписывалось разсматривать въ губерніяхъ губернаторамъ [3]). Затѣмъ какъ при Петрѣ В., при Екатеринѣ I, и при Петрѣ II Сенатъ въ опредѣленныхъ случаяхъ продолжалъ являться первой инстанціей по дѣламъ, поручаемыхъ ему специально Совѣтомъ, и по дѣламъ о преступленіяхъ по должности [4]). Важнѣйшія преступленія, какъ упоминалось выше, или разбирались въ самомъ Совѣтѣ, или подъ ревизіей Совѣта, по примѣру прежнихъ лѣтъ, для нихъ учреждались особыя судилища, какъ напримѣръ, по дѣлу Девіера [5]).

---

[1]) Ib. № 4964. Указомъ Сен. 10 Марта 1727 г. кругъ этой ревизіи былъ сокращенъ и просмотръ В. Т. С сталъ примѣняться только въ отношеніи преступниковъ, подлежавшихъ наказанію въ Петербургѣ. П. С. З. № 5026

[2]) П С. З. № 4847

[3]) П. С З. № 5218.

[4]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета, стр. 473.

[5]) Сборникъ Р. И. О т. 63, стр. 601.

Но если подверглась ограниченіямъ судебная компетенція Сената, то въ еще большей мѣрѣ сократилась его функція надзора. Прежде всего, какъ и въ области судебной, Сенатъ потерялъ значеніе высшей контролирующей инстанціи; онъ превратился въ установленіе низшее, по сравненію съ тѣмъ, которое оказалось поставленнымъ надъ нимъ самимъ. Какъ указываетъ проф. А. Н. Филипповъ [1]), характеръ этого подчиненія Совѣту былъ нѣсколько различенъ въ эпохи правленія непосредственной преемницы Петра В. и его внука. При Екатеринѣ подчиненіе Сената выражалось не въ столь рѣзкихъ формахъ, какъ въ царствованіе Петра II, когда, не ограничиваясь прежними оффиціальными напоминаніями и требованіями объясненій, Совѣтъ начинаетъ „выговаривать“ сенаторамъ за несидѣніе въ собраніи и т. п. Въ журнальной записи Совѣта отъ 17 Іюля 1727 г., напримѣръ, значится: „впущенъ былъ сенатскій оберъ-прокуроръ Воейковъ и выговаривано ему о неисправленіи дѣлъ сенатскихъ и что съѣзды бываютъ не по вся дни, и то пріѣзжаютъ поздно, и что по счетамъ на Меерѣ такой великой суммы не взыскиваютъ и опустили, и для чего онъ должности своей не исполняетъ“. Вслѣдствіе всего этого приказано было „для лучшаго, во отправленіи сенатскихъ дѣлъ усмотрѣнія, подавать журналы по вся дни, кто, въ которыхъ часахъ пріѣзжать будутъ и какое отправленіе чинили“.

Прежняя Сената функція по наблюденію за скорымъ вершеніемъ дѣлъ о колодникахъ и собираніи о нихъ статейные списки осталась за нимъ и теперь. Это право было утверждено за Сенатомъ именнымъ указомъ, объявленнымъ изъ Совѣта 23 Декабря 1726 г. [2]).

---

[1]) Филипповъ. Исторія Сената, стр. 210 и 211.

[2]) П. С. З. № 4989. Согласно этому указу всѣ коллегіи и канцеляріи обязывались представлять въ Сенатѣ статейные списки относительно того, кто содержится, за что, сколько времени, какого онъ возраста и почему дѣло его задерживается рѣшеніемъ.

§ 2. Судьба фискалата и прокуратуры.

Сдѣлавшись установленіемъ подчиненнымъ, Сенатъ въ силу распоряженій Совѣта, постепенно ограничивался и въ тѣхъ средствахъ надзора, которыя раньше принадлежали ему. Такъ, что касается фискалата, то хотя онъ формально не былъ уничтоженъ, но фактическикругъ его дѣятельности постепенно свелся къ очень незначительнымъ размѣрамъ. Въ первые мѣсяцы царствованія Екатерины I право фискаловъ на существованіе даже было подтверждено именнымъ указомъ [1]), упоминавшимъ о генералъ-фискалѣ и его помощникѣ, государственномъ оберъ-фискалѣ, о ихъ товарищахъ, а также о провинціалъ и просто фискалахъ. Затѣмъ, указомъ же 23 Іюня 1725 г. юридически значеніе фискаловъ было видимымъ образомъ усилено; именно, хотя вначалѣ всѣ доносы сосредоточивались въ рукахъ фискалатуры, но въ Январѣ 1721 г. Петромъ Великимъ было разрѣшено прокурорамъ принимать доносы не только отъ фискаловъ но и отъ частныхъ лицъ, вслѣдствіе чего кругъ дѣйствій фискалата долженъ былъ сократиться [2]). Теперь же, въ 1725 г. это право прокуратуры подверглось уничтоженію. Фискалы опять сдѣлались центромъ мѣстнаго доносительства. „А впредь доносителямъ мимо фискаловъ нигдѣ не доносить, значится въ приведенномъ сенатскомъ указѣ екатерининской эпохи, а подавать имъ доношенія фискаламъ, и, подавъ тѣ доношенія фискаламъ, въ дѣла самимъ не вступать, развѣ когда потребуется отъ него доказательство, то имъ доказывать съ подлинными документами“ [3]).

Но, усиливая фискаловъ съ точки зрѣнія права, высшее правительство вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляло ихъ значеніе фактически. Такъ, прежде всего самъ всемогущій Совѣтъ въ дѣйствительности какъ бы вовсе игнорировалъ фискалатъ [4]). Генералъ-фискалъ Мякининъ, пока не былъ отрѣшенъ отъ должности и

---

[1]) П С. З. № 4698.
[2]) Іb. № 3880.
[3]) Іb. № 4738.
[4]) Филипповъ. Исторія Сената, стр. 289.

преданъ военному суду, ни разу не былъ призванъ въ Совѣтъ „Да и вообще, замѣчаетъ по данному поводу проф. Филипповъ, въ Совѣтѣ шла рѣчь о фискалахъ, или они сами призывались въ его засѣданія, только лишь тогда, когда представлялось необходимымъ изслѣдовать вопросъ объ обычныхъ въ то время злоупотребленіяхъ ихъ своею властью". Не смотря на выказываемое къ нимъ пренебреженіе, фискалы однако, пользуясь своими правами, продолжали дѣйствовать въ разсматриваемую эпоху. Мякининъ, напримѣръ, доносилъ Сенату о медленности рѣшенія дѣла въ Воронежскомъ надворномъ судѣ по злоупотребленіямъ откупщика Синельникова; по доношенію провинціалъ-фискала Нѣгановскаго былъ устраненъ отъ разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ этого фискала совѣтникъ Юстицъ-Коллегіи Креницынъ по заявленному на него Нѣгановскимъ подозрѣнію [1]); тотъ же Нѣгановскій и Косовъ доносили о взяткахъ и другихъ противузаконныхъ поступкахъ сенатора и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Юрія Нелединскаго-Мелецкаго и его дяди Бориса Конищева [2]).

Исполняя возложенныя на нихъ обязанности и по прежнему служа Сенату средствомъ надзора, фискалы вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали прежнія злоупотребленія. Правда, отданный подъ военный судъ генералъ-фискалъ Мякининъ лично сталъ жертвою меншиковскаго произвола и мстительности: онъ имѣлъ неосторожность во свое время обличить свѣтлѣйшаго въ утайкѣ прописныхъ душъ, за что былъ обвиненъ въ умышленномъ сокрытіи обстоятельствъ, клонившихся къ оправданію Меншикова и другихъ преступленіяхъ [3]). Но, если глава фискалатуры пострадалъ такъ или иначе за правду, то того же самаго нельзя сказать о прочихъ рядовыхъ и нерядовыхъ фискалахъ. Ихъ поведеніе по прежнему давало частые поводы къ справедливымъ упрекамъ и наре-

---

[1]) Ib. стр. 292.

[2]) Сборникъ Р. И. О. т. 84, стр. 368 и слѣд.

[3]) Сборникъ Р. И. О. т. 63, стр. 692; т. 69, стр. 894 и слѣд. Совѣтъ слушалъ мнѣніе сенатское объ отсылкѣ Мякинина къ военному суду 9 Іюня 1727 г., а 1-го Сентября того же года въ Совѣтѣ уже докладывалось рѣшеніе по этому дѣлу Военной Коллегіи.

каніямъ. Такъ, оберъ-фискалъ Михаилъ Косой, приговоренный къ вѣчной ссылкѣ, обвинялся, между прочимъ, въ томъ, что „бралъ къ себѣ на домъ многихъ купецкихъ людей и держалъ подъ карауломъ безвинно", а людей, „явившихся въ кражахъ, не отсылалъ къ суду". Этотъ же представитель надзора, „вымысля прежде небывалые, мучительные ошейники желѣзные съ длинными спицами, держалъ въ нихъ разныхъ чиновъ людей, а въ допросѣ сказалъ, что сдѣлалъ ихъ для легкости, а не для мученій". Онъ же обвинялся въ томъ, что уличаемаго въ воровствѣ нѣкоего Степана Калмыка, *вмѣсто изслѣдованія дѣла и привлеченія Калмыка къ суду, опредѣлилъ* его въ Московскую большую таможню *фискаломъ* [1]). Другой смоленскій провинціалъ фискалъ Сафоновъ, „злобствуя", выбиралъ „въ фискалы изъ купечества, изъ первостатейныхъ людей" [2]), т. е. угнеталъ ихъ несеніемъ государственной службы по надзору, представителемъ котораго былъ самъ. Можно себѣ представить, каковы были вообще достоинства надзора, къ отправленію котораго между прочимъ привлекались воры или люди, которымъ начальство хотѣло сдѣлать тѣмъ самымъ непріятность. Но вскорѣ и этотъ извращенный надзоръ прекращается.

Какъ указываетъ проф. Филипповъ [3]), уже послѣ отдачи подъ судъ Мякинина ранѣе довольно частыя въ сенатской практикѣ донесенія фискаловъ становятся крайне рѣдкими. Происходитъ это потому, что, смѣстивъ Мякинина, Совѣтъ не озаботился назначить кого либо вмѣсто него. Не сохранилось даже указаній, оставался ли въ своей должности оберъ-фискалъ Андреевъ, помощникъ Мякинина [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, лишивъ фискалатуру ея главы, въ 1729 г. Совѣтъ рѣшилъ вообще пересмотрѣть составъ фискаловъ. „Понеже, читаемъ мы въ указѣ 27 Іюня 1729 г. [5]), при бывшемъ оберъ-фискалѣ многіе провинціалъ-фискалы и фискалы опредѣлены по его

---

[1]) Филипповъ. Исторія Сената, стр. 291.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. стр. 292.
[4]) Ibid.
[5]) П. С. З. № 5431.

прихотямъ безъ вышняго указа, а потомъ губернаторы и воеводы изъ нихъ отставливая, опредѣляли другихъ собою-жъ, а кто гдѣ нынѣ имѣются и по какимъ указамъ опредѣлены, о томъ въ Нашемъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и въ Сенатѣ извѣстій не имѣется: того ради указали Мы изо всѣхъ губерній, провинцій и городовъ... всѣхъ провинціалъ-фискаловъ и фискаловъ, тако-жъ которые отъ фискальства и отставлены, а нынѣ ни у какихъ дѣлъ обрѣтаются, а хотя которые и у дѣлъ по опредѣленіямъ губернаторскимъ и воеводскимъ, а не по указамъ сенатскимъ, кромѣ тѣхъ, кои были изъ купечества для однихъ купецкихъ дѣлъ, всѣхъ выслать въ Москву въ Сенатъ на поверстный срокъ по указу".

Изъ Сената всѣ прибывшіе фискалы должны были явиться на смотръ въ Верховный Тайный Совѣтъ. Къ 15 Декабря 1729 г. въ Сенатѣ были составлены обстоятельные списки явившихся и переданы въ Совѣтъ [1]), а указомъ 24 Декабря того же года Сенату было предписано разобрать явившихся фискаловъ [2]) „и изъ нихъ, которые были изъ шляхетства, годныхъ опредѣлять въ военную службу и къ дѣламъ, кто куда достоинъ, а негодныхъ, написавъ въ валовой списокъ, отпустить домой до указу" Такимъ образомъ разборъ представителей фискалата свелся къ ихъ раскассированію. Фискалы изъ боярскихъ людей годные должны были писаться въ солдаты, а негодные – быть представленными въ Совѣтъ на усмотрѣніе. О томъ, кто куда опредѣлялся и кто былъ отпущенъ домой, въ Совѣтъ указомъ предписывалось подать рапортъ.

Вскорѣ послѣдовавшее уничтоженія Верховнаго Тайнаго

---

[1]) Сборникъ Р. И. О. т. 101, стр. 363—372.

[2]) П С. З. № 5494. Относительно настоящаго вопроса въ трудѣ проф. Филиппова „Исторія Сената въ правленіе В Т. С. и Кабинета" стр. 292. и въ книгѣ Н. В. Муравьева „Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности", стр. 262, повидимому, имѣются маленькія неточности. У г. Филиппова, вмѣсто оберъ-фискала Нестерова, упомянутъ генералъ-фискалъ Мякининъ", у г. Муравьева „разборъ" фискаловъ пріуроченъ къ указу 27 Іюня 1729 г., тогда какъ по точному смыслу подлежащихъ источниковъ онъ долженъ былъ произойти вслѣдствіе указа 24 Декабря того же г. Ср. П. С. З. №№ 5431 и 5494, а также Сборникъ Р. И. О. т. 101. стр. 363 и слѣдующ.

Совѣта не дало возможности Сенату исполнить предписаніе этого высшаго правительственнаго установленія, въ смыслѣ представленія ему полныхъ свѣдѣній относительно дальнѣйшей судьбы подлежавшихъ разборкѣ фискаловъ, но на основаніи поданныхъ 15 Декабря списковъ можно судить, что меньшинство явившихся членовъ фискалатуры изъ числа всѣхъ 28 человѣкъ попало по своему происхожденію въ военную службу. Большинство же, вѣроятно, было отпущено домой въ виду болѣе чѣмъ зрѣлаго возраста, такъ какъ, среди явившихся фискаловъ десятерымъ числилось болѣе шестидесяти лѣтъ, шестеро перешли пятидесятилѣтній возрастъ, пятеро не достигли пятидесяти, и только одному оказалось 36 лѣтъ отъ роду. Явившіеся на смотръ и разборку фискалы, повидимому, никѣмъ не были замѣнены. Вмѣстѣ съ ними исчезли и столичные фискалы [1]). По крайней мѣрѣ, въ указѣ 15 Мая 1730 г. фискальская канцелярія называется уже „бывшею“, а дѣла ея, книги, денежныя суммы и „канцелярскіе приборы“ распредѣляются между различными присутственными мѣстами, да и самый петербургскій провинціалъ-фискалъ Иванъ Диринъ точно также именуется „бывшимъ“ [2]). Остаются и дѣйствуютъ, преимущественно, только фискалы, не являвшіеся на смотръ, опредѣленные „отъ купечества для купецкихъ дѣлъ“ и въ балтійскія провинціи, да военные фискалы, которымъ въ царствованіе императрицы Анны была дана особая инструкція“ [3]).

Прокуратуру въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта постигла такая же участь, какъ и фискалатуру, но безъ столь продолжительной агоніи, позора и мытарствъ. Какъ и при Петрѣ Великомъ, въ настоящую эпоху прокуратура вначалѣ по мѣрѣ силъ продолжала по буквѣ своей должности наблюдать за законностью, въ предѣлахъ предоставленнаго ей вѣдомства. Проф. Филипповъ собралъ нѣсколько фактовъ, изъ которыхъ явствуетъ, что прокуратура въ дѣйствитель-

---

[1]) Н. В. Муравьевъ Прокурорскій надзоръ, стр. 263.

[2]) П. С. З. № 5557.

[3]) Филипповъ, стр. 293.

ности осуществляла надзоръ за теченіемъ дѣлъ въ коллегіяхъ и судахъ.

Какъ и въ отношеніи фискалата, прокуратура при воцареніи Екатерины I получила подтвержденіе своихъ правъ: въ Указѣ о должности Сената 7 Марта 1726 г. [1]) значится, что Сенатъ состоитъ „изъ знатныхъ и повѣренныхъ персонъ“, и кромѣ нихъ изъ генералъ и оберъ-прокуроровъ. Въ п.п. 1, 3 и 8 того же указа подробно говорится объ обязанностяхъ упомянутыхъ чиновъ По сенатской должности во-первыхъ, „въ дирекціи у генералъ-прокурора и оберъ-прокурора“ должна была находиться сенатская канцелярія; во-вторыхъ, черезъ посредство генералъ или оберъ-прокурора предписывалось вносить въ Сенатъ всѣ дѣла изъ „штатскихъ“ коллегій (изъ всѣхъ, кромѣ первыхъ трехъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ „случатся дѣла, которыхъ въ тѣхъ коллегіяхъ рѣшить не могутъ“ и, въ-третьихъ, генералъ или оберъ-прокуроръ обязаны были, присутствуя въ засѣданіяхъ Сената, наблюдать за правильностью преній и вообще за законностью хода дѣлъ, а въ случаяхъ упорныхъ повторныхъ отступленій отъ правилъ, доносить о томъ Совѣту. Слѣдовательно, и здѣсь de jure все оставалось по старому, но de facto многое вскорѣ постепенно измѣнилось.

Фактически съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта генералъ-прокуроръ Ягужинскій пересталъ отправлять свою должность, и затѣмъ получилъ другое назначеніе, а его мѣсто осталось вакантнымъ. Генералъ-прокурора въ Сенатѣ замѣнилъ оберъ-прокуроръ, которому были переданы и рекетмейстерскія обязанности. Мало самостоятельный и заваленный дѣломъ сенатскій оберъ-прокуроръ не могъ, конечно, развить той силы контроля, которая находилась въ рукахъ у генералъ-прокурора, и потому въ дѣлопроизводствѣ Сената того времени не сохранилось указаній на то, чтобы оберъ-прокуроръ дѣйствительно замѣнялъ генералъ-прокурора въ вопросѣ о контролѣ надъ самимъ Сенатомъ [2]).

---

[1]) П. С. З. № 4847.

[2]) Филипповъ „Исторія Сената“, стр 267. Совѣтъ прямо „выговаривалъ“ оберъ-прокурору „неисправленіе“ сенатскихъ дѣлъ.

Нѣсколько времени въ рукахъ оберъ-прокурора оставалась возможность осуществленія черезъ подчиненныхъ прокуроровъ мѣстнаго надзора [1]), но понемногу прокуроры коллегій и канцелярій одинъ за другимъ были переведены на другія должности, а мѣста ихъ остались вакантными, вслѣдствіе чего и основы прокурорскаго надзора были въ дѣйствительности доведены почти до уничтоженія. Какъ указываетъ проф. А. Н. Филиппов, [2]) прокуроры при коллегіяхъ просуществовали послѣ учрежденія В. Т. Совѣта еще болѣе года, именно до указовъ Совѣта отъ 13 и 14 Марта 1727 г., когда они начали получать различныя новыя назначенія безъ замѣны ихъ въ прокуратурѣ иными лицами. Каковы были эти назначенія, видно между прочимъ изъ разсмотрѣнной 13 Іюня 1729 г. Совѣтомъ справки изъ Сената о прокурорахъ, кто, гдѣ, какъ въ Сенатѣ и въ Синодѣ, и въ коллегіяхъ, и въ провинціяхъ, и въ губерніяхъ были прокурорами и гдѣ они находились въ моментъ подачи справки. Оказывается, что кромѣ бывшаго генералъ-прокурора Ягужинскаго, въ то время вѣдавшаго Конюшенный приказъ, Матвѣй Воейковъ одинъ числился по прокуратурѣ въ Сенатѣ. Изъ Синода оберъ-прокуроры Болтинъ назначенъ былъ сибирскимъ вице-губернаторомъ, Алексѣй Баскаковъ—опредѣленъ къ дѣламъ Коллегіи экономіи; синодскій прокуроръ Раевскій—отправленъ воеводою въ Курскъ; прокуроры коллегій назначены: изъ Военной—Пашковъ—воронежскимъ вице-губернаторомъ; Адмиралтейской—Козловъ—въ Казань къ корабельнымъ лѣсамъ; Юстицъ—Ржевскій—въ комиссію о покойномъ Нелединскомъ-Мелецкомъ; Бергъ—въ Камеръ-Коллегію совѣтникомъ; Мануфактуръ—въ казначеи Крикгсъ-Комиссаріата; — Вотчинной — Камынинъ тамъ же сдѣлался совѣтникомъ; —Магистрата-Барятинскій опредѣленъ въ Ревизіонъ-Коллегію совѣтникомъ; прокуроръ Камеръ-Коллегіи Вельяминовъ умеръ,—Коммерцъ-Коллегіи Гурьевъ—отосланъ въ распоряженіе Военной-Коллегіи.—Штатсъ-Конторы—Коло-

[1]) Ibid. 270–272

[2]) Ibid 279.

бовъ остался не у дѣлъ. Изъ уничтоженныхъ 24 Февраля 1727 г. надворныхъ судовъ прокуроры Огняевъ, Гагаринъ, Иванъ Камынинъ, Каринъ, Радищевъ, Чевкинъ находились или уволенными, или не у дѣлъ [1]). Разсмотрѣвъ эту справку, Совѣтъ рѣшилъ относительно сенатскаго оберъ-прокурора Воейкова и синодскаго—Баскакова, быть ли имъ на своихъ мѣстахъ, „разсужденіе имѣть въ общемъ собраніи Совѣта", а всѣхъ прочихъ отослать въ военную службу. Слѣдовательно, дальнѣйшее существованіе сенатской и синодской прокуратуры ставилось въ зависимость отъ мнѣнія общаго собранія, въ прочихъ же частяхъ она фактически рѣшительнымъ образомъ уничтожалась.

Такимъ образомъ съ фактическимъ уничтоженіемъ фискалатуры и прокуратуры подчиненный Сенатъ лишенъ былъ ранѣе находившихся въ его распоряженіи средствъ надзора: контролирующая власть юридически оставалась за нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была затруднена въ самой сильной степени. Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ Сенатъ могъ узнавать объ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ только изъ частныхъ челобитныхъ или изъ донесеній оффиціальныхъ мѣстъ. Но пріемъ въ Сенатѣ челобитныхъ точно также фактически былъ затрудненъ слияніемъ должностей рекетмейстера и оберъ-прокурора. Мало того, теперь жалобы поступали не только въ Сенатъ, но и въ Совѣтъ. Такимъ образомъ въ порядкѣ подачи челобитныхъ устанавливалась путаница, изъ которой было трудно выбраться самому Совѣту.

Легко замѣтить, что надзоръ, осуществляемый при помощи случайныхъ челобитныхъ и донесеній, самъ получалъ теперь уже вполнѣ, случайный характеръ и мало соотвѣтствовалъ своей цѣли. А между тѣмъ въ эту эпоху контроль былъ такъ же нуженъ, какъ и при Петрѣ Великомъ. Много ли лѣтъ прошло послѣ смерти Преобразователя, заставшаго Россію въ состояніи господства крайняго административнаго и судебнаго произвола; люди же предшествовавшаго царствованія являлись представителями управленія и въ разсмат-

[1]) Сборникъ Р. И. О. т. 94, стр 753 и слѣд.

риваемую эпоху? Могли ли они, пропитанные воззрѣніями семнадцатаго вѣка, внезапно почему то проникнуться новыми взглядами на службу и власть! Это было трудно предположить, и, дѣйствительно, старыя правила и условія не измѣнились.

О положеніи россійской администраціи и суда въ царствованіе Екатерины I и Петра II даетъ, между прочимъ, представленіе ревизія сенатора графа Матвѣева, посланнаго для осмотра провинцій Московской губерніи [1]), а также сенатскія дѣла и нѣкоторые указы.

Отправившійся въ концѣ Августа 1726 г., Матвѣевъ писалъ Кабинетъ-секретарю Макарову изъ Переяславля-Залѣсскаго: „Непостижимыя воровства и похищенія не токмо казенныхъ, но и подушныхъ сборовъ деньгами отъ камерира, коммисаровъ и отъ подъячихъ здѣшнихъ я нашелъ, при которыхъ по указамъ порядочныхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ здѣсь у нихъ отнюдь не было... Нашелъ я здѣсь еще остатокъ школы бывшаго оберъ-фискала вора Нестерова и клеврета его, бывшаго здѣшняго провинціалъ-фискала Саввы Попцова. *Здѣсь нынѣ человѣкъ 30 за караулы крѣпкими содержатся*“. „*Въ ярославскомъ надворномъ судѣ*, продолжаетъ далѣе сенатскій ревизоръ, гдѣ вицепрезидентъ Ѳедоръ Вельяминовъ-Зерновъ, *суда никакого нѣтъ*, и на оной многое челобитье въ канцелярію его явилось, понеже купцамъ до прибытія его многія тягости чинилъ“ [2]).

Ранѣе поѣздки Матвѣева былъ опубликованъ сенатскій указъ о смертной казни за взятки и излишніе сборы коммиссаровъ Арцыбашева, Баранова и подъячаго Волоцкаго. Преступники были повѣшены въ мѣстѣ ихъ злоупотребленій, въ Обонежской пятинѣ Новгородской провинціи, а о причинахъ ихъ казни объявлено было всенародно при помощи особыхъ печатныхъ листовъ въ назиданіе прочимъ сборщикамъ [3]). Въ томъ же году до Сената дошли слухи, что воеводы не живутъ на мѣстахъ своей службы, а.

---

[1]) П. С. З. № 4886

[2]) Сборникъ Р. И. О. т. 63, стр. 703 и слѣд.

[3]) П. С. З. № 4826

будучи назначены на мѣста, подолгу не являются [1]). Въ 1727 г. Сенатъ узналъ, что ливенскій воевода Елагинъ „чинитъ противность, посланныхъ (къ нему) изъ провинцій указовъ не принимаетъ и по инструкціямъ посланныхъ въ тотъ городъ не пускаетъ и держитъ подъ карауломъ"; кромѣ того и обыватели на него „въ подозрѣніяхъ подали многія прошенія и просятъ, чтобъ ихъ, и людей, и крестьянъ ихъ ему не вѣдать" [2]) Изъ Костромской провинціи доносили, что „разныхъ чиновъ люди бьютъ челомъ тоежъ провинціи дворцовыхъ волостелей на управителей и служителей въ разныхъ обидахъ", „и тѣ управители и служители чинятся ослушны, по посылкамъ на Кострому въ воеводскую канцелярію къ суду не ѣдутъ и служителей не даютъ" [3]). И цѣлая масса злоупотребленій послѣ уничтоженіи фискалата и прокуратуры оставалась безъ наказанія, потому, что хотя Сенатъ не отказывается преслѣдовать ихъ, но жители не безъ основанія опасались жаловаться, „опасаясь пущаго утѣсненія", въ случаѣ, если виновному удастся оправдаться; обѣлить же себя въ то время было легко въ виду солидарности высшаго и нисшаго чиновничества.

Итакъ, старые взгляды и послѣ Петра I оставались жить въ служиломъ классѣ, продолжавшемъ смотрѣть на службу, какъ на средство кормиться и наживаться. Нравы семнадцатаго столѣтія не умирали. Принявшій высшее правительство въ свои руки Верховный Тайный Совѣтъ въ борьбѣ за сохраненіе власти за собою, въ постоянномъ опасеніи потерять ее, на мѣстный контроль не могъ удѣлить достаточно времени; сенатскій же надзоръ онъ самъ подорвалъ изъ личныхъ антипатій къ прокуратурѣ и фискалату: глава Совѣта—Меншиковъ имѣлъ личные счеты съ фискалатомъ, глава прокуратуры Ягужинскій въ свою очередь по другимъ соображеніямъ точно такъ же, какъ и начальникъ фискаловъ Мякининъ, былъ неугоденъ Совѣту; кромѣ того, прокуратура, и въ общемъ,

[1]) Филипповъ. Исторія Сената, стр. 384
[2]) Ibid. 385.
[3]) Филипповъ. Исторія Сената, стр 389.

какъ хранительница законности по идеѣ, не могла соотвѣтствовать взглядамъ и намѣреніямъ самовластнаго Совѣта, почти сконцентрированнаго въ одномъ человѣкѣ. А въ конечномъ результатѣ высшій надзоръ не только не двинулся за это время впередъ, но потерялъ и прежніе слабые свои устои.

ЭПОХА ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

§ 1. Первыя мѣропріятія императрицы по отношенію высшаго суда и надзора.

Въ первый же годъ своего царствованія императрица Анна всенародно удостовѣрила фактъ крайняго произвола въ воеводскомъ управленіи, къ которому вмѣстѣ съ губернаторами послѣ уничтоженія петровскихъ комиссаровъ и надворныхъ судовъ, перешла и судебная власть. Въ указѣ 20 Марта 1730 г. говорится: [1]) „Понеже Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что многіе воеводы, какъ посадскимъ, такъ и уѣзднымъ людямъ *чинятъ великія обиды и разоренія* и другіе непорядочные поступки, и берутъ взятки, о чемъ уже и челобитныя многія въ Правительствующемъ Сенатѣ на нихъ поданы, а на иныхъ и бить челомъ опасаются, для того, что воеводы многіе годы живутъ безперемѣнно, того ради... Великая Государыня Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская, указала во всѣхъ городахъ воеводамъ быть съ перемѣною по два года". Тѣ изъ воеводъ, на которыхъ въ теченіе года послѣ смѣны не поступало жалобъ, обратно назначались на воеводскія должности, прочіе—удалялись. Вотъ къ какой мѣрѣ, отдающей глубокой стариной, вынуждена была прибѣгнуть императрица

[1]) П. С. З. № 5522.

въ виду отсутствія постояннаго правильнаго надзора за администраціей и судомъ.

Сознавая всѣ недостатки ей современной правительственной организаціи, новая государыня предприняла цѣлый рядъ мѣръ, направленный къ упорядоченію работы разстроенной правительственной машины. Не задаваясь сразу цѣлями новаторства, Анна Іоанновна прежде всего обратилась къ возстановленію петровскихъ учрежденій. Манифестомъ 4 Марта 1730 г. [1]) былъ уничтоженъ Верховный Тайный Совѣтъ, а Сенату были возвращены всѣ утраченныя имъ въ предшествовавшее царствованіе права. Сенатъ возстановлялся на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ онъ дѣйствовалъ при Петрѣ В, и ему предписывалось руководствоваться той же „должностью“, которая была выработана Преобразователемъ; въ подчиненіе ему ставились всѣ прочія присутственныя мѣста, при чемъ коллегіямъ и канцеляріямъ указомъ 12 Марта того же года [2]) вмѣнялось въ обязанность ежемѣсячно представлять въ Сенатъ рапорты о числѣ нерѣшенныхъ дѣлъ. Волокита должна была караться неукоснительнымъ взысканіемъ.

Для ускоренія разбора накопившихся за прошлыя царствованія дѣлъ по иниціативѣ Сената императрица повелѣла учредить Судный и Сыскной приказы. Мѣра эта была необходима, такъ какъ по свѣдѣніямъ Сената въ 1727 г., когда подверглись уничтоженію надворные суды, куда были своевременно переданы затянувшіяся дѣла изъ старыхъ приказовъ, на лицо оказалось 21388 нерѣшенныхъ дѣлъ суднаго и розыскного характера [3]). Апрѣля 16-го была возстановлена генералъ-рекетмейстерская должность, которую занялъ Бибиковъ. Этимъ путемъ давалась большая возможность проявленію апелляціонной функціи Сената и устанавливался косвенный контроль за дѣятельностью среднихъ мѣстъ. Императрица вмѣстѣ съ тѣмъ создавала свой личный контроль и надъ самимъ Сенатомъ. Каждую субботу предписывалось по-

---

[1]) II С. З № 5510.
[2]) Ib. № 5513.
[3]) Ib № 5521.

давать государынѣ изъ Сената два рапорта: одинъ о дѣлахъ рѣшенныхъ, другой—о дѣлахъ, которыя не могутъ быть рѣшены безъ доклада Ея Величеству [1]). 1 Іюня 1730-го года послѣдовало раздѣленіе Сената на департаменты, съ назначеніемъ каждому особаго рода дѣлъ [2]). Впрочемъ, дѣлился не составъ Сената, а только дѣла распредѣлялись въ канцеляріи по группамъ, при чемъ сенаторы по нѣскольку человѣкъ должны были озабочиваться подготовкой дѣлъ для доклада ихъ въ общемъ собраніи.

Изъ упомянутаго именного указа, между прочимъ, можно почерпнуть весьма существенные черты для характеристики дѣятельности Сената въ предшествовавшую эпоху. Императрица въ мягкихъ оборотахъ, не оскорбляя высшаго правительственнаго учрежденія въ Имперіи, однако прямо говорила, сваливая вину на канцелярію, что въ сенатскихъ докладахъ и выпискахъ „погрѣшенія бываютъ, отъ которыхъ... въ резолюціяхъ какія несходства произойти могутъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Анна Іоанновна указывала, что при господствовавшемъ порядкѣ, въ виду массы поступающихъ въ Сенатъ дѣлъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ, послѣднія по необходимости подвергались волокитѣ. Указомъ 1 Іюня сенаторы привлекались къ участію въ подготовкѣ дѣла, ставились внѣ постоянной прежней фактической зависимости отъ канцеляріи и затѣмъ, получали спеціальное предписаніе слѣдить за тѣмъ, чтобы „всякія дѣла съ лучшимъ основаніемъ и благоугоднымъ правосудіемъ.. безволокитно и безостановки“ рѣшаемы бывали.

Въ указахъ о раздѣленіи Сената на департаменты и о подачѣ императрицѣ рапортовъ о рѣшенныхъ дѣлахъ точно также можно замѣтить проскальзывающее тонкое порицаніе и замаскированное предубѣжденіе противъ высшаго судебно правительственнаго учрежденія Имперіи.

---

[1]) Ib № 5566.

[2]) Ib. № 5570, 1) разрядъ. духовныя дѣла, въ чемъ они касались Сената: 2) военныя, сухопутныя и морскія, 3) о доходахъ и расходахъ государственныхъ, 4)—юстиціи въ широкомъ смыслѣ этого слова, 5) дѣла, относящіяся къ торговлѣ и мануфактурамъ

Конечно, нѣкоторый отрицательный взглядъ у императрицы могъ уже сложиться при личномъ знакомствѣ съ сенатской дѣятельностью по многообразнымъ, захватываемымъ ею, вопросамъ: государыня лично посѣтила Сенатъ 18 Марта 1730 г. [1]) и принимала участіе въ засѣданіи. Затѣмъ, въ бытность Сената въ Москвѣ онъ два раза въ недѣлю собирался у императрицы въ Измайловѣ. Нужно вспомнить при этомъ, что съ особымъ довѣріемъ отнестись къ возстановленному Сенату императрица также не могла уже потому, что тамъ присутствовали именно тѣ лица, которыя недавно хлопотали объ „полегченіи себя“ и ограниченіи самодержавной власти. Мысль о „полегченіи“ вообще на столько крѣпко засѣла въ головы нѣкоторыхъ представителей Сената, что уже непосредственно вслѣдъ за пополненіемъ сенатскаго состава новыми членами сенаторы разсуждали о томъ, надлежитъ ли быть въ немъ генералъ-прокурору, оберъ-прокурору и рекетмейстеру [2]). И имъ, какъ и Верховному Тайному Совѣту, надзоръ прокуратуры казался стѣснительнымъ въ особенности въ отношеніи самихъ себя.

При такомъ направленіи, быть можетъ, въ своихъ замыслахъ нѣкоторые изъ членовъ возрожденнаго Сената думали не только оставаться въ границахъ, намѣченныхъ Петромъ Великимъ, но дальновидная и энергичная Анна Іоанновна во время постаралась поскорѣе положить конецъ этимъ широкимъ стремленіямъ и придала Сенату характеръ дѣйствительно дѣлового присутственнаго мѣста, а не политическаго собранія. Октября 2-го 1730 г. [3]) манифестомъ была возстановлена нежелательная членамъ Сената прокуратура въ ея первоначальномъ видѣ и, при этомъ опять косвенно былъ брошенъ камешекъ въ сенатскій огородъ. „Нынѣ не безъизвѣстно Намъ есть, значилось во манифестѣ, что въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ въ государственныхъ дѣлахъ *слабое чинится управленіе и челобитчики по дѣламъ своимъ справедливаго и скораго рѣшенія* такъ, какъ наши указы повелѣваютъ, *получить не могутъ*, и бѣдные отъ силь-

[1]) Соловьевъ. Исторія, т. 19, стр. 1172.
[2]) Ibid
[3]) П. С. З. № 5625

ныхъ утѣсняемы, обиды и разореніе претерпѣваютъ. А понеже блаженныя памяти Дядя нашъ и Государь при *сочиненіи должности Сенатской*, такіе непорядки и утѣсненія бѣднымъ не точію отвратить искалъ, но дабы оные весьма искоренить и совершенный добрый порядокъ ввести необходимо нужно. И того ради *не тунъ чинъ Генералъ-Прокурора и ему помощника Оберъ-прокурора при Сенатѣ*, а въ Коллегіяхъ и въ тогда бывшихъ надворныхъ судахъ прокуроровъ учредить изволилъ". Итакъ, императрица прямо указывала, что правосудіе въ государствѣ было не на высотѣ какъ въ высшихъ, такъ и нижнихъ мѣстахъ И „*того ради*, продолжаетъ манифестъ, симъ Нашимъ указомъ *Правительствующему Сенату* и всѣмъ коллегіямъ и канцеляріямъ и прочимъ нашимъ учрежденнымъ судамъ накрѣпко подтверждаемъ, *дабы челобитчики правымъ и нелицемѣрнымъ судомъ удовольствованы*".

Переходя отъ слова къ дѣлу, Анна Іоанновна тогда же назначила временно исправляющимъ должность сенатскаго генералъ-прокурора Ягужинскаго, а оберъ-прокуроромъ статскаго совѣтника Маслова. Тогда же было приказано опредѣлить прокуроровъ въ коллегіи и канцеляріи.

Послѣднее приказаніе однако начало, повидимому, приводиться въ исполненіе только съ Апрѣля слѣдующаго 1731 г. [1]) когда были опредѣлены прокурорами: Сабуровъ—въ Юстицъ-Коллегію; въ губерніи: Московскую—Алымовъ, въ Казанскую—Яковъ Масловъ, въ Бѣлгородскую—Львовъ, въ Нижегородскую—Дурновъ, въ Воронежскую—Хитровъ, въ Новгородскую—Зыбинъ и въ Смоленскую — Беклемишевъ. Позднѣе послѣдовали другія назначенія, но, повидимому, не во всѣ установленія и губерніи. По крайней мѣрѣ, въ правленіе Герцога Курляндскаго прокуроры существовали не вездѣ [2]). Вновь назначенные въ губерніи прокуроры въ 1733 г. получили спеціальную инструкцію [3]), согласно которой на нихъ возлагалась обязанность,

[1]) П. С З 5736.

[2]) Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 Октября 1740 г. по 25 Ноября 1741 г., книга вторая, стр. 43.

[3]) П. С. З. № 6475.

между прочимъ, смотрѣть накрѣпко, 1) чтобы „Губернаторъ съ товарищи должность свою хранили и въ званіи своемъ во всѣхъ дѣлахъ истинно и ревностно“; 2) чтобы „въ Канцеляріи, не на столѣ токмо дѣла вершились“; 3) чтобы „въ судахъ и расправахъ праведно и нелицемѣрно по указамъ и государственнымъ правамъ поступали“; 4) чтобы въ губернскихъ тюрьмахъ колодники долговременно безъ рѣшенія ихъ дѣлъ не содержались. Замѣтивъ отступленіе отъ закона, прокуроръ обязанъ былъ сперва представить о томъ губернатору; въ случаѣ же оставленія безъ вниманія подобнаго протеста прокуроръ долженъ былъ остановить дѣло и донести обо всемъ генералъ-прокурору. Губернаторамъ въ свою очередь предписывалось присылать по такимъ поводамъ свои объясненія въ Сенатъ. Слѣдовательно, Сенату опять было возвращено средство дѣйствительнаго надзора за законностью на всемъ протяженіи Имперіи.

§ 2. Сенатъ опять теряетъ самостоятельность и вызываетъ неудовольствіе императрицы.

Не долго попользовавшись возвращенной самостоятельностью, Сенатъ вскорѣ однако потерялъ ее при учрежденіи въ 1731 году Кабинета при Дворѣ Ея И. Величества [1]). Не внушавшій къ себѣ со стороны государыни довѣрія Сенатъ попалъ подъ надзоръ этого новаго государственнаго установленія, потому что ему императрица всецѣло довѣряла безъ опасеній за права самодержавія. И, такъ, уже на другой день послѣ учрежденія Кабинета былъ изданъ именной подтвердительный указъ „о поступаніи въ судахъ по совѣсти и учиненной присягѣ при рѣшеніи дѣлъ, не смотря на лица“ [2]), и въ этомъ указѣ были повторены явные укоры Сенату. „Понеже правосудіе, гласитъ упоминаемый памятникъ, есть цѣлость и здравіе государства, а гдѣ онаго нѣтъ тамо Божіе благословеніе и милость отъемлется, и въ правед

[1]) П. С. З. № 5871.
[2]) Ib. № 5872.

ный его гнѣвъ впадаютъ. того ради мы учрежденнымъ *вышнимъ* и нижнимъ *судамъ* во всей нашей Имперіи вышеозначеннымъ указомъ [1]) накрѣпко подтвердили, чтобъ въ судахъ поступали и дѣла рѣшили по самой чистой совѣсти, и учиненной присягѣ, не смотря на лицъ сильныхъ... Далѣе указъ устанавливалъ отчетность Сената передъ Кабинетомъ. „А нынѣ Мы, ревнуя закону Божію и имѣя о вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ богоугодное попеченіе, чтобы всѣмъ судъ происходилъ нелицемѣрный, по онымъ нашимъ указамъ неотмѣнно и безволокитно, по учрежденіи Нашего Кабинета заблагоразсудили, изъ всѣхъ, здѣсь опредѣленныхъ *высшихъ* и нижнихъ *судебныхъ правительствъ*, какъ *изъ Сената* и изъ Синода, такъ и изъ Коллегій и Приказовъ и Канцелярій для собственнаго Нашего Всемилостивѣйшаго въ тѣхъ челобитчиковыхъ дѣлахъ усмотрѣнія, *безволокитноль* онымъ рѣшенія бываютъ, *собирать* въ *Кабинетъ* Нашъ краткіе рапорты помѣсячно“.

Ставя Сенатъ на одну доску съ прочими судебными установленіями, указъ требовалъ отъ него безпристрастія въ рѣшеніяхъ, и въ случаѣ отступленія отъ указанныхъ требованій, наравнѣ съ низшими мѣстами грозилъ ему штрафомъ. Изъ приведеннаго памятника, безъ всякаго сомнѣнія, можно заключить, что, передавъ высшее управленіе въ руки Кабинета, Анна Іоанновна установила взглядъ на Сенатъ, подобно Екатеринѣ I, какъ на подчиненное и при томъ по преимуществу судебно надзирающее установленіе, которому однако предполагалась, были свойственны всѣ недостатки тогдашнихъ присутственныхъ мѣстъ: и неправда, и волокита, и общія отступленія отъ регламентовъ и указовъ. Вслѣдствіе этого 30 Декабря 1731 г. состоялся новый спеціальный указъ о представленіи контрольныхъ рапортовъ Сената въ Кабинетъ [2]).

Всѣ подобныя мѣры, оскорбительныя для чести высшаго установленія Имперіи, Сенатъ самъ вызвалъ недостатками своей дѣятельности. Императрица имѣла полнѣйшее основаніе не довѣрять быстротѣ сенатскихъ рѣшеній и безпри-

---

[1]) Ib. № 5565
[2]) Ib № 5920a

страстію сенаторовъ, въ чемъ можно убѣдиться, между прочимъ, знакомясь съ всеподданнѣйшимъ рапортомъ сенатскаго оберъ-прокурора Маслова, который въ Ноябрѣ 1732 г. доносилъ, что въ Петербургѣ въ Сенатѣ кромѣ постоянно вновь прибывающихъ имѣется неразсмотрѣнныхъ 498 дѣлъ, изъ нихъ государственныхъ 209 и челобитчиковыхъ — 289. Согласно тому же донесенію, сенаторы въ засѣданія являлись крайне неаккуратно и потому даже по нѣкоторымъ именнымъ указамъ въ сенатской канцеляріи исполненія задерживались [1]).

Тотъ же неутомимый обличитель сенатскихъ безпорядковъ Масловъ передъ смертью своею въ 1735 г. сообщалъ императрицѣ о злоупотребленіяхъ, которыя позволялъ себѣ президентъ Коммерцъ-Коллегіи баронъ Шафировъ и его товарищи-сенаторы. „Всѣмъ непорядкамъ и воровству причина та, писалъ Масловъ, что въ ревизію ни откуда не присылаютъ счетовъ, а Сенатъ за это не взыскиваетъ, потому что изъ сенаторовъ господинъ баронъ Шафировъ, который теперь самый сильный въ Сенатѣ голосъ имѣетъ, самъ счетовъ Коллегіи своей уже три года не отправлялъ на ревизію. О прочихъ многихъ непорядкахъ и упущеніяхъ, особливо барона Шафирова и тайнаго совѣтника графа Головкина, напримѣръ, о конечномъ упущеніи монетныхъ дворовъ теперь по причинѣ болѣзни своей, пока ваше величество не утруждаю; но такъ какъ эти господа знаютъ, что я молчать не буду, то составляютъ противъ меня совѣты, и трудятся уже нѣсколько дней, не только пересылаясь между собою по дѣламъ, но и въ Сенатѣ совѣтуются, высылая вонъ оберъ-секретаря и секретарей“ [2]).

Очевидно, вызваннымъ потребностями минуты указомъ 8 Декабря 1733 г. [3]) напоминался наряду съ другими присутственными мѣстами и Сенату петровскій указъ отъ 24 Октября 1723 г., которымъ генералъ-прокурору, а въ отсутствіе его

---

[1]) Сборникъ Р И О. Общества, т 104, стр. 484—85. Бумаги Кабинета министровъ, изданныя и собранныя подъ редакціей проф. А. Н. Филиппова

[2]) Соловьевъ, Исторія, т. 20, стр. 1416.

[3]) П. С. З. № 6514

оберъ-прокурору предоставлялось право штрафовать членовъ сенатской Коллегіи, бранящихся, вздорящихъ, кричащихъ, не смотря на напоминанія представителя прокурорскаго надзора. Предусматривалась со стороны члена Сената даже, рукопашная расправа съ кѣмъ либо изъ присутствующихъ въ засѣданіи, за что полагалась политическая смерть.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что, нравы петровскаго Сената по прежнему не умирали; примѣру же Сената слѣдовала и сенатская контора, какъ то явствуетъ изъ именного указа императрицы, даннаго 15 Января 1736 г. оставшемуся въ Москвѣ сенатору графу Салтыкову относительно наблюденія за скорѣйшимъ и безпристрастнымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ московскихъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и сенатской конторѣ [1]). Говорилось въ указѣ: „Увѣдомились мы, что въ Москвѣ не только въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ, *но и въ Сенатской Конторѣ*, гдѣ вы сами первѣйшимъ членомъ присутствуете, дѣла не только медленно, но и по большей части и по партикулярнымъ отраслямъ отъ судей челобитчикамъ, долговременно ходя за дѣлами, великіе убытки причиняются, и наконецъ напрасно по страстямъ утѣснены и обвинены бываютъ“... „Мы обо всемъ томъ, продолжаетъ указъ, не инако какъ съ великимъ неудовольствіемъ увѣдомиться могли, и для того нынѣ наикрѣпчайше вамъ подтверждается, чтобы вы крѣпкое смотрѣніе имѣли, дабы дѣла не продолжались..., а паче чтобъ правосудіе и удовольствіе безъ всякихъ взятковъ и партикулярной корысти челобитчикамъ вездѣ учинено было безъ всякаго продолженія и волокиты“.

Итакъ, Сенатъ не стоялъ на высотѣ своего положенія и вызывалъ заслуженное порицаніе императрицы. Между тѣмъ имперія по прежнему нуждалась въ высшемъ безпристрастномъ органѣ суда и надзора, функціи котораго слишкомъ слабо отправлялись Сенатомъ Россія не переставала страдать отъ произвола и корыстолюбія чиновниковъ и судей, не даромъ Кантемиръ въ своихъ сатирахъ изображалъ

---

[1]) П. С. З № 6864.

судью, бѣгущимъ осторожно отъ просителя съ пустымъ карманомъ.

Правительство старалось принимать противъ злоупотребленій служебнаго персонала предупредительныя мѣры: такъ, напримѣръ, въ 1733 г, между прочимъ, приказано было воеводъ, отправлявшихся въ города, ранѣе представлять на смотръ въ Кабинетъ [1]); въ 1735 г. состоялось подтвержденіе прокурорамъ о неослабномъ наблюденіи за производствомъ дѣлъ въ канцеляріяхъ [2]); сенатскимъ секретарямъ предписывалась неукоснительная повѣрка, чтобы указы сената дѣйствительно на мѣстахъ исполнялись. о чемъ изъ низшихъ установленій поступали бы рапорты [3]); но все это, конечно, не уничтожало зла Цѣлый рядъ крупныхъ процессовъ по обвиненію различныхъ учрежденій и лицъ во взяткахъ, притѣсненіяхъ и расхищеніи казны лучше всего свидѣтельствовалъ о духѣ эпохи, причемъ необходимо замѣтить, что виновные администраторы и судьи въ силу стариной солидарности между представителями служилаго класса въ большинствѣ случаевъ, будучи привлеченными къ отвѣтственности, могли смѣло разсчитывать на снисходительность со стороны высшихъ властей. Обращикомъ подобной снисходительности, исходящей отъ Сената, можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта: въ 1732 году Сенатъ распорядился разслѣдованьемъ поступковъ чебоксарскаго воеводы Заборовскаго, который, судя по показаніямъ челобитчика Кемина, подавшаго жалобу прямо государынѣ, не обращалъ вниманія на указы, притѣснялъ чебоксарскихъ чувашей, бралъ съ нихъ взятки, раззорялъ, стрѣлялъ въ нихъ изъ пушекъ и убилъ пятнадцать человѣкъ. Сенатъ, однако, давъ дѣлу ходъ, *разъяснилъ его*: именно, онъ нашелъ, что Кеминъ все доносилъ напрасно „*поклепалъ и оболгалъ*“. Оказалось, что къ времени челобитья Кемина въ Сенатѣ *Заборовскій съ чувашами уже помирился*, а убійство и пораненіе нѣсколькихъ человѣкъ произошло случайно при салютахъ пріѣхавшему въ Чебоксары губернатору

[1]) Ib. № 6384.
[2]) Ib. № 6799.
[3]) Ib. № 7342.

Волынскому [1]). Въ виду такихъ обстоятельствъ за „продерзостное“ обращеніе жалобщика къ Ея Императорскому Величеству, по силѣ указа о неутрудженіи верховной власти просьбами, Сенатъ приговорилъ челобитчика къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Охотскъ [2]). Приведенный обращикъ сенатскаго правосудія, кстати сказать, прекрасно обрисовываетъ взгляды высшаго присутственнаго мѣста на нѣкоторые разряды преступленій и отношеніе его къ виновнымъ. Оказывается, что съ точки зрѣнія Сената, должностное лицо, обвиняемое въ злоупотребленіяхъ по службѣ, могло мириться съ притѣсняемыми, и хранилище законовъ признавало такое явленіе вполнѣ законнымъ, не отрицая при этомъ самаго факта взятокъ и иныхъ притѣсненій. Слѣдовательно, и въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія даже въ высшемъ государственномъ учрежденіи продолжало жить убѣжденіе о присутствіи въ отношеніяхъ чиновника и обывателя въ вопросахъ управленія частноправнаго элемента

Не даромъ по этому императрица въ болѣе важныхъ случаяхъ стремилась изъять изъ непосредственнаго вѣдѣнія Сената дѣла по слѣдствіямъ о злоупотребленіяхъ администраціи и сама слѣдила за ними. По тому то, напримѣръ, отправляемому въ Великія Луки по серьозному дѣлу на слѣдствіе полковнику Бахметеву была вручена собственноручно подписанная императрицей инструкція съ приказаніемъ, о ходѣ разслѣдованія доносить самой государынѣ еженедѣльно [3]). Что происходило въ Великихъ Лукахъ и во всей провинціи, видно изъ вступленія къ инструкціи, гдѣ говорится: „Извѣстно Намъ учинилось, что на Великихъ Лукахъ и въ Торопцѣ и всей той провинціи при прежнихъ, бывшихъ тамъ комендантахъ, воеводахъ, ландратахъ и особливо при Антонѣ Алексѣевѣ и Мансуровѣ и прочихъ, чинились многія преступленія, похищенія и упущенія и прочіе непорядки, противные указамъ,

---

[1]) Тому самому Волынскому, который, по собственному признанію, съ ясачныхъ иновѣрцевъ взялъ 2500 р. за освобожденіе отъ корабельной работы. Соловьевъ, Исторія, т 19, стр. 1203

[2]) Сборникъ Р. И. О т. 104, стр. 559 и слѣд.

[3]) Ibid. стр 516 и слѣд.

Регламентамъ и Нашему интересу и къ тягости и озлобленію Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, которые еще, какъ Намъ о томъ вѣрно донесено, и донынѣ продолжаются".

Знаменательнымъ для характеристики состоянія высшаго суда и надзора въ разсматриваемое время являлось то обстоятельство, что по злоупотребленіямъ подчиненныхъ мѣстъ верховной власти приходилось постоянно лично вмѣшиваться въ дѣло ихъ преслѣдованья. Такъ, помимо упомянутаго великолуцкаго процесса: въ 1736 г по указу же императрицы было произведено разслѣдованіе злоупотребленій иркутскаго вице-губернатора Жолобова и привело виновнаго къ смертной казни [1]). Какъ оказалось, Жолобовъ бралъ взятки золотомъ, серебромъ и ясакомъ съ инородцевъ, помогалъ, потворствовалъ преступникамъ всякаго рода за деньги, пыталъ невиновныхъ, ложно доносилъ на опасныхъ и неугодныхъ ему людей. Дерзость Жолобова дошла до того, что онъ осмѣлился обнажить шашку при объявленіи ему ареста [2]). Въ томъ же 1736 г. въ ноябрѣ состоялся именной указъ [3]) о наказаніи цѣлаго ряда должностныхъ лицъ, допустившихъ себѣ вопіющія злоупотребленія въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Именно, по дѣлу объ убійствѣ крестьянина Трофимова было доказано, что преступленіе произошло по наущенію помѣщиковъ Зезевитовыхъ, которые подкупили канцеляриста Маркова, отпустившаго за рубль денегъ и полъ-ведра вина содержавшееся подъ стражею прикосновенное къ дѣлу лицо; оказалось далѣе, что производившій слѣдствіе воевода Зуевъ взялъ съ Ѳедора Зезевитова за понаровку 50 рублей, и притомъ сказалъ, что Зезевитовъ по своему дѣлу будетъ вполнѣ оправданъ, если дастъ еще 250 р.: секретари Борисовъ и Федоровъ также за незаконное содѣйствіе взяли по пятидесяти рублей, и даже заплечный мастеръ Николай Сильной требовалъ десять рублей, обѣщая Федору Зезевитову на розыскѣ убить кнутомъ до смерти брата Петра, на котораго Федоръ, очевидно, не надѣялся, считая его способнымъ не устоять на слѣдствіи и

[1]) П. С. З. № 7009
[2]) Ibid
[3]) П. С. З. № 7108.

разсказать правду. Въ 1737 г. были наказаны, по именному указу, капитаны Алексѣевъ, Возницынъ и другіе за учиненные при сборѣ подушныхъ денегъ обывателямъ обиды и притѣсненія [1]); въ томъ же году 4 Ноября послѣдовала резолюція кабинетъ-министровъ на экстрактъ по слѣдственному дѣлу о бывшемъ отъ Артиллеріи Оберъ-Комиссарѣ Половинкинѣ по донесеніямъ на него тульскаго купца Трифона Неклюдова. Половинкинъ обвинялся во взяткахъ и всякихъ вычетахъ съ оружейныхъ мастеровъ, вынужденныхъ платить всякія поборы ему и другимъ мелкимъ начальникамъ; въ 1738 г. Кабинетъ министровъ объявилъ свою резолюцію [2]) по дѣлу о наложеніи штрафа на судей и секретаря Канцеляріи Конфискаціи за неправильную продажу деревень генерала Левашова; въ 1739 г. издана была именная инструкція слѣдственной дворцовой комиссіи о взысканіи денегъ съ находящихся въ стачкѣ между собою дворцовыхъ управителей, не желавшихъ платить начета за совершенныя ими хищенія казенныхъ суммъ и взятки, и надѣявшихся на помощь въ ихъ дѣлѣ бригадира Караулова. Въ томъ же году, наконецъ, въ январѣ состоялся общій именной указъ объ опредѣленіи въ Сибирскую губернію воеводъ изъ шляхетства, людей достаточнаго состоянія и испытанной честности [3]).

Что касается послѣдней мѣры, то, не надѣясь на надзоръ, правительство по прежнему стремилось обезпечить законность особымъ подборомъ должностныхъ лицъ, какъ бы забывая объ исторически сложившихся преданіяхъ и нравахъ служилыхъ людей. Ему казалось, что всякіе „непорядки“ и взятки происходятъ отъ того, что въ воеводы прошли всякіе проходимцы изъ купечества, казаковъ и тому подобныхъ разночинцевъ. Правительство не обращало вниманія на то, что разночинцы только приспособлялись къ тѣмъ традиціямъ, которыя были задолго ранѣе выработаны родовитыми людьми и упорно поддерживаемы во всѣхъ правительственныхъ установленіяхъ. Гагаринъ и Жолобовъ происходили изъ высшаго

[1]) Ib. № 7426.
[2]) Ib. № 7512.
[3]) Ib. № 7730.

сословія; Артемій Волынскій былъ также не простымъ выходцемъ изъ Волыни, но дѣянія сего просвѣщеннаго человѣка не поднимались надъ уровнемъ дѣяній неграмотныхъ воеводъ изъ купцовъ и казаковъ. Причины печальнаго явленія почти поголовнаго взяточничества, казнокрадства и произвола крылись въ самыхъ нравахъ эпохи, переданныхъ отъ дореформенныхъ временъ и еще не успѣвшихъ измѣниться подъ вліяніемъ утвержденной Петромъ новой государственной идеи Достойно замѣчанія, что въ царствованіе Анны Іоанновны „шляхетство“ высшее и низшее, вмѣстѣ со всѣми служилыми людьми оскорблялись господствомъ въ Россіи иностранцевъ и ему приписывали всевозможныя бѣды. Между тѣмъ, поднимая знамя національнизма, русскіе, наполнявшіе офицерскіе мѣста въ полкахъ, служившіе въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ, занимавшіе должности воеводъ и губернаторовъ, по прежнему мало заботились о благѣ общественномъ, и старались извлечь всѣми путями возможно больше личныхъ выгодъ изъ своего положенія. Какъ было указано выше, въ данномъ отношеніи Сенатъ не отставалъ отъ прочихъ правительственныхъ установленій, и къ стыду тогдашнихъ поборниковъ національнизма, русскую государственную идею въ средѣ подданныхъ проводилъ „душа Кабинета“ иноземецъ Остерманъ.

Итакъ, вызвавшій заслуженное недовѣріе императрицы Сенатъ, какъ было указано выше, съ учрежденіемъ Кабинета потерялъ временно возвращенную ему самостоятельность и прежнее судебное значеніе; вкоренившееся въ умѣ Анны Іоанновны предубѣжденіе сократило въ значительной степени функцію Сената, и какъ высшаго уголовнаго суда: императрица во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ избѣгала передавать дѣла на разсмотрѣніе Сената. Въ 1731 г. всѣ политическія дѣла были переданы въ вѣдѣніе генерала Ушакова [1]), и, кромѣ того, даже въ области гражданскаго судоустройства въ 1736 г. было создано особое высшее судилище, въ которомъ государыня намѣрена была присутствовать лично [2]). Этотъ Высшій судъ возникъ

---

[1]) П. С. З. № 5727.
[2]) Ib. № 7113.

по жалобѣ гвардіи поручика Константина Кантемира на неправое рѣшеніе Сенатомъ спора его объ имуществѣ съ мачихой княгиней Настасьей Кантемиръ. Послѣднее обстоятельство окончательно подтверждаетъ, что Сенатъ рѣшительнымъ образомъ дискредитировалъ себя въ разсматриваемую эпоху.

Съ этой точки зрѣнія трудно согласиться съ мнѣніемъ Градовскаго, будто бы къ концу царствованія Анны Іоанновны „Сенатъ, потерявшій сначала всякій кредитъ, снова подымается и подымается до такой степени, что правительство принуждено снова обставлять его тѣми учрежденіями, которыя окружали его во время его могущества“ [1]). Прежде всего правительство вовсе не вынуждалось возвращать Сенату генералъ- и оберъ-прокуроровъ и возвратило ихъ вопреки желаніямъ Сената, а затѣмъ и возстановленіе этихъ должностей относится, какъ было указано выше, къ 1730 г., когда были назначены Ягужинскій и Масловъ, а не къ 1738 и 1740, какъ указываетъ Градовскій. Относительно Ягужинскаго, конечно, можно привести то соображеніе, что отъ исполненія генералъ-прокурорскихъ обязанностей онъ скоро былъ освобожденъ, и генералъ-прокурорское кресло оставалось незамѣщеннымъ до 1740 г., когда его занялъ Никита Юрьевичъ Трубецкой [2]); но оберъ-прокурорскій надзоръ въ лицѣ Маслова началъ энергично дѣйствовать почти съ момента самаго возстановленія Сената.

Точно также, между прочимъ, требуетъ большаго обоснованія мысль Градовскаго, что въ послѣднее время правленія Анны Іоанновны Кабинетъ какъ будто бы сливается съ Сенатомъ въ виду того, что за періодъ 1738—1740 гг. очень часто случались совмѣстныя разсужденія Сената съ Кабинетомъ по разнымъ вопросамъ [3]). Здѣсь точно также необходимо для правильнаго рѣшенія вопроса прежде всего имѣть въ виду, что общія собранія Сената съ Кабинетомъ происхо-

---

[1]) Градовскій. Высшая администрація, стр. 158.
[2]) Н. В. Муравьевъ Прокурорскій надзоръ, стр. 274.
[3]) Градовскій, Ibid стр. 116.

дили и ранѣе 1738 г [1]); но кромѣ того Кабинетъ нерѣдко для болѣе правильнаго разрѣшенія того или другого дѣла вообще приглашалъ въ засѣданія свои различныхъ лицъ, ничуть не вводя ихъ въ постоянный составъ и не поступаясь своею властью верховнаго учрежденія [2]). Наиболѣе часто принимали участіе въ дѣлахъ Кабинета гр. Минихъ, А. И. Ушаковъ, архіепископъ Феофанъ, кн. Шаховской. По поводу вымѣна пятикопѣечниковъ изъ обращенія въ Кабинетѣ присутствовали: Минихъ, Ушаковъ Головкинъ, Новосильцевъ, Шаховской. Исаевъ и двое лицъ, „знающихъ такія дѣла“ изъ купцовъ.

Слишкомъ тѣсный составъ Кабинета заставлялъ кабинетъ-министровъ прибѣгать къ этой формѣ совѣщаній, но тѣмъ самымъ не измѣнялъ характера самого учрежденія. И Сенатъ иногда, временно усиливая собою составъ Кабинета, призывался туда, но только съ правомъ совѣщательнаго голоса, и потому никакого слитія его съ Кабинетомъ въ такихъ случаяхъ не происходило. Иначе говоря, онъ по прежнему оставался подчиненнымъ мѣстомъ, чисто дѣловымъ учрежденіемъ, несмотря на свои совмѣстныя засѣданія съ Кабинетомъ, которыя, и сами то по себѣ кстати сказать вообще были очень рѣдки, на что указываетъ, ссылаясь на серьезный историческій документъ, много и плодотворно поработавшій надъ сенатскимъ и кабинетскимъ производствомъ проф. А. Н. Филипповъ. Независимо отъ того, общія совмѣстныя собранія различныхъ установленій практиковались не только въ отношеніи Сената и Кабинета. По крайней мѣрѣ, въ 1740 г. 3 Сентября, состоялся указъ о соединенномъ присутствіи Сената съ Военной Коллегіей для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ военнаго характера [3]), но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы Военная Коллегія когда нибудь сливалась съ Сенатомъ.

---

[1]) Сборникъ Р. И. О. т. 104. Введеніе, составленное пр. А. Н Филипповымъ, стр. LIV и LV.

[2]) Ibid.

[3]) П. С. З. № 8230.

ЦАРСТВОВАНІЕ ІОАННА АНТОНОВИЧА И ПРАВЛЕНІЕ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ.

§ 1. Общія мѣропріятія.

Въ царствованіе Іоанна Антоновича общее значеніе Сената, а вмѣстѣ съ тѣмъ его значеніе судебное и контрольное пало еще ниже, нежели въ предшествовавшее правленіе Это паденіе произошло при посредствѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ указовъ: такъ, 12 Ноября 1740 г. была учреждена должность особаго рекетмейстера, но уже не при Сенатѣ, а при Высочайшемъ Дворѣ [1]), и этому рекетмейстеру поручалось принимать жалобы на всѣ коллегіи, канцеляріи и на самый Сенатъ, которому въ послѣдующемъ именномъ указѣ 27 Ноября было высказано попутно много горькихъ истинъ [2]). „Хотя, говорилось въ упомянутомъ указѣ, состоявшимся сего 12 Ноября дня [3]) Нашимъ указомъ и велѣно черезъ Сенатъ публиковать, дабы вѣрные Наши подданные о случающихся своихъ нуждахъ челобитныя подавали въ учрежденныхъ для того Канцеляріяхъ, Коллегіяхъ и въ Сенатѣ, а не прямо Намъ. Однако, Намъ небезъизвѣстно есть, коимъ образомъ, не только въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ, но *и въ самомъ Сенатѣ*, который, яко главный департаментъ, долженъ о правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, не взирая на лица сильныхъ и никому не маня и не посягая, но усматривая единой Богу и Намъ пріятной справедли-

[1]) Ib. № 8288
[2]) Ib. № 8293.
[3]) Ib. 8289.

вости, не только самъ приложное попеченіе имѣть, *но и прочія Коллегіи и Канцеляріи* побуждать по подаваемымъ отъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, а паче отъ людей бѣдныхъ и неимущихъ челобитныхъ, не только въ опредѣленные сроки, но и чрезъ долго прошедшія времена и годы рѣшенія не чинится"

Итакъ, одна изъ высшихъ Коллегій—Сенатъ, обвинялась въ завѣдомой волокитѣ, въ особенности по дѣламъ бѣдныхъ и неимущихъ просителей, которые въ концѣ концовъ должны отказываться отъ своихъ наиболѣе справедливыхъ притязаній. Отнынѣ и на Сенатъ предоставлялось право жаловаться въ общемъ порядкѣ придворному рекетмейстеру Фенину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду накопленія въ Сенатѣ массы нерѣшенныхъ дѣлъ, для разбора ихъ и вершенія именнымъ указомъ учреждалась при Сенатѣ изъ сенаторовъ же особая комиссія изъ четырехъ лицъ, которой поручалось немедленно разсмотрѣть всю накопившуюся недоимку по 1734 г. [1]). Наряду съ этимъ Сенату предписывалось представлять въ Кабинетъ еженедѣльные рапорты о рѣшенныхъ дѣлахъ, какъ въ Сенатѣ, такъ и въ подчиненныхъ ему коллегіяхъ и канцеляріяхъ [2]).

Что касается жалобъ на Сенатъ, то въ дѣйствительности фактическаго осуществленія имъ получить не удалось. Какъ извѣстно, по слабости человѣческой, придворный рекетмейстеръ полковникъ Фенинъ, заразился тѣмъ же недугомъ, которымъ страдали почти всѣ служащіе люди того времени. Въ кабинетскихъ неоффиціальныхъ бумагахъ сохранились два письма Фенина на имя императора, правительницы и ея мужа; Изъ этихъ писемъ оказывается, что Фенинъ поддался соблазну и сталъ принимать отъ челобитчиковъ подарки, вслѣдствіе чего въ началѣ Марта 1741 г. былъ арестованъ [3]), а 4 Марта уже состоялся указъ объ отрѣшеніи его отъ должности [4]).

---

[1]) П. С. З. № 8294.

[2]) Ib. № 8299.

[3]) Пестовъ. Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17 Октября 1740 года по 25 Ноября 1741 года, кн II, стр. 16

[4]) П. С. З. № 8345

Такимъ образомъ благое начинаніе высшаго правительства и на этотъ разъ разбилось объ „убѣжденія“ служилаго человѣка. Послѣ Фенина оставшіяся бумаги было велѣно передать въ Кабинетъ, а челобитчикамъ приказано руководствоваться прежними указами. Сенатъ, слѣдовательно, опять сталъ теперь подъ непосредственный надзоръ Кабинета, хотя правильностью хода его дѣлъ правительница не переставала интересоваться и требовала о томъ еженедѣльныхъ рапортовъ себѣ лично [1]).

§ 2. Вторичное уничтоженіе прокуратуры.

Воскресшая было при Аннѣ Іоанновнѣ прокуратура въ правленіе Анны Леопольдовны вторично фактически подверглась упраздненію По почину генералъ-прокурора кн. Трубецкого вначалѣ была совершена попытка упорядочить это орудіе систематическаго надзора, въ предшествовавшее царствованіе страдавшее многими недочетами 31 октября 1740 г. Трубецкой подалъ на Высочайшее имя въ Кабинетъ докладъ, въ которомъ, между прочимъ, значилось слѣдующее: „И понеже нынѣ въ Сенатѣ и Синодѣ, и въ Сенатской Конторѣ и во многихъ коллегіяхъ и прочихъ судебныхъ мѣстахъ и губерніяхъ прокуроровъ не состоитъ, и въ нѣкоторыхъ хотя и есть, токмо люди къ тому неспособные, и для того, дабы я, имѣя себѣ во всѣхъ мѣстахъ добрыхъ и надежныхъ помощниковъ, по званію моему, подлежащія взысканія къ скорѣйшему дѣлъ произвожденію понужденія чинить и во всѣхъ мѣстахъ правосудіе наблюдать могъ, по слабому моему мнѣнію и довольному тѣхъ людей знанію, всеподданнѣйше при семъ во всѣ подлежащія мѣста назнача къ тому званію способныхъ, подношу реестръ и всенижайше вашего императорскаго величества прошу на то всемилостивѣйшей апробаціи“ [2]).

---

[1]) Ib. № 8385.

[2]) Внутренній бытъ, кн II, статья г. Пестова, стр. 43.

Изъ реестра, приложеннаго къ докладу, видно, что Трубецкой задавался цѣлями, какъ обновленія, такъ и расширенія состава прокуратуры; такъ, онъ предлагалъ назначить прокуроровъ даже въ тѣ установленія, гдѣ ихъ раньше не было Трубецкой, какъ креатура Кабинета [1]), конечно, дѣйствовалъ съ вѣдома и согласія кабинетъ-министровъ и потому 3-го ноября именнымъ указомъ (подписаннымъ Бирономъ и контрасигнированнымъ Кабинетомъ) представленіе генералъ-прокурора удостоилось утвержденія и поступило въ Сенатъ для исполненія [2]). Но въ то самое время, какъ дѣлу былъ данъ дальнѣйшій ходъ по пути къ окончательному осуществленію генералъ-прокурорскаго проекта и новый оберъ-прокуроръ Сената, Бахметевъ, даже вступилъ въ отправленіе должности, послѣдовалъ именной указъ, подписанный собственноручно правительницей, чтобы „о бытіи въ Сенатѣ и Синодѣ оберъ-прокурорамъ и о произведеніи въ коллегіи и канцеляріи и въ губерніи прокуроровъ по прежнему указу (3 Ноября) исполненія не чинить, понеже объ оныхъ разсмотрѣніе имѣетъ быть вновь“

Сенатъ въ виду двухъ противорѣчивыхъ указовъ оказался въ затруднительномъ положеніи, которому пришло на помощь высочайшее повелѣніе, гласившее: „Всемилостивѣйше указали мы изъ назначенныхъ въ прокуроры изъ нашей гвардіи и прочихъ мѣстъ тѣхъ, кои въ ономъ чинѣ быть не пожелаютъ, опредѣлить, по ихъ прошеніямъ, въ прежнія мѣста“ [3]).

Вновь назначенные прокуроры начали усиленно пользоваться предоставленной имъ льготой. Когда ушла половина ихъ, а остальные продолжали проситься или въ отставку или въ службу иного рода, Сенатъ въ 1741 г. подалъ Кабинету о томъ сообщеніе съ требованіемъ указа, что дѣлать съ остающимися. Кабинетъ-министры отвѣчали Сенату: „По сему представленію напередъ Правительствующему Сенату имѣть разсужденіе. вмѣсто прокуроровъ, для лучшаго по-

[1]) Градовскій. Высшая администрація, стр. 158.
[2]) Внутренній бытъ, кн II, стр. 44.
[3]) Внутренній бытъ, кн. II, стр 44.

рядка и смотрѣнія во исправленіи дѣлъ потребномъ, какіе чины опредѣлить, и представить о томъ въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества съ мнѣніемъ, дабы по тому возможно было по вышеписанныхъ оставшихъ прокурорахъ опредѣленіе учинить". Обсудивъ вопросъ, Сенатъ положилъ: „Ежели Его Императорское Величество прокурорамъ быть не соизволитъ, то какіе бы чины вмѣсто нихъ опредѣлить, Сенатъ иного способа сыскать не можетъ, кромѣ того, что ту прокурорскую должность исправлять и въ лучшемъ порядкѣ за подчиненными и воеводами смотрѣніе имѣть и по оной взыскивать и въ надлежащія мѣста рапортовать могутъ: въ коллегіяхъ — президенты, а гдѣ президентовъ нѣтъ— главные члены, а въ губерніяхъ—губернаторы и вице-губернаторы... Что же принадлежитъ до Сената, о томъ тому генералъ и оберъ-прокурорское правленіе поручитъ мнѣніе никакого Сенатъ представить не можетъ, ибо въ Сенатѣ въ членахъ главнаго, яко президента, не имѣется, и для того предается оное во Всевысочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе" [1]).

Обсуждался ли далѣе этотъ вопросъ въ Кабинетѣ, неизвѣстно, но всѣ вновь назначенные прокуроры, за исключеніемъ оберъ-прокурора сенатскаго, отъ прокурорскихъ обязанностей были освобождены и частью назначены къ прежнимъ и новымъ дѣламъ, частью уволены въ отставку. Такимъ образомъ прокуратура второй разъ претерпѣла то же самое, что случилось съ ней въ послѣдніе годы правленія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Что побудило Анну Леопольдовну отмѣнить подписанный Бирономъ актъ объ обновленіи прокуратуры, рѣшить трудно. Быть можетъ, это было послѣдствіемъ недоброжелательнаго отношенія къ распоряженію ненавистнаго временщика, или самъ Кабинетъ, такъ сказать, одумался и сталъ на точку зрѣнія Совѣта относительно стѣснительности прокуратуры, что, впрочемъ, не помѣшало сохраненію генералъ- и оберъ-прокурорской должности въ Сенатѣ.

Итакъ, самъ Сенатъ теперь нашолъ, что для наблюденія за

---

[1]) Ibid

законностью вполнѣ будетъ достаточно надзора мѣстныхъ президентовъ, и губернаторовъ; но и ранѣе того онъ выражалъ склонность на нихъ же возложить хлопотливое бремя контроля, а себя по возможности старался устранить отъ вмѣшательства въ эту область безъ настоятельной необходимости. Такъ, въ январѣ 1741 г. Сенатъ, слушая „всепокорнѣйшее доношеніе Свіяжской провинціальной Канцеляріи воеводскаго товарища капитана Кухарскаго“ по поводу противузаконныхъ дѣйствій по службѣ (подлогѣ и неправильномъ производствѣ дѣла) Свіяжской провинціи секретаря Панова, приказалъ то доношеніе „отослать для разсмотрѣнія и рѣшенія въ Казанскую губернію (губернскую канцелярію) при указѣ; а оному капитану Кухарскому подтвердить указомъ, чтобъ онъ впредь *о такихъ дѣлахъ, кои до Сената не принадлежатъ, отнюдь не писалъ, а ежели впредь станетъ писать, то неотмѣнно будетъ штрафованъ* [1]). Слѣдовательно, въ эту эпоху Сенатъ, смѣшивая понятіе суда и надзора, даже какъ-бы утратилъ сознаніе того, что по мысли Преобразователя онъ долженъ былъ служить высшимъ органомъ надзора, которому являлись подвѣдомственными нарушенія закона и въ томъ случаѣ, когда свѣдѣнія о нихъ доходили и не въ порядкѣ инстанцій; иначе при немъ не учреждались бы фискалы и прокуроры. Сенатъ однако теперь думалъ иначе.

Въ виду такого своеобразнаго взгляда на вещи въ моментъ вступленія на престолъ Іоанна Антоновича, когда 23 Октября 1740 г. былъ изданъ манифестъ, между прочимъ, о прощеніи „духовныхъ, военныхъ, штатскихъ и другихъ чиновъ за неисправленіе должностей своихъ и за непорядочные поступки въ противность нашимъ указамъ“, въ распоряженіи Сената нашлось на первыхъ порахъ очень ограниченное число — только девять виновныхъ, подлежавшихъ облегченію въ участи по этому пункту; [2]) именно: Новгородскій вице-губернаторъ Бредихинъ съ товарищемъ, секретаремъ и надсмотрщикомъ; генералъ-полиціймейстеръ

[1]) Внутренній бытъ, кн II, ст. г. Лазовскаго о Сенатѣ, стр 166.

[2]) „Сенатскій архивъ“, т. II. Журналы и протоколы Правительствующаго Сената, стр. 63 и слѣд.

Салтыковъ съ полицейскими совѣтниками, офицерами, секретарями и приказными служителями; сенатскій подканцеляристъ, два секретаря Вотчинной Коллегіи, бывшій заволоцкій воевода Нелединскій и отставной подполковникъ Кальчугинъ, пострадавшій на службѣ по провіантскому дѣлу. Судя по этому короткому списку, можно было бы себѣ представить, что въ Россіи водворились счастливѣйшія времена господства законности во всѣхъ областяхъ управленія и суда.

ЭПОХА ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ.

§ 1. Вторичное возстановленіе Сената въ прежнихъ правахъ и фактическое расширеніе имъ своей компетенціи.

Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны юридическое положеніе Сената снова измѣнилось. Изъ подчиненнаго, ранѣе отвѣтственнаго передъ Совѣтомъ и Кабинетомъ установленія, онъ опять становится высшимъ правительственнымъ мѣстомъ, дающимъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только государынѣ. Такое положеніе было достаточно почетно. Но, не удовольствовавшись имъ, обращая во зло доброту и слабохарактерность императрицы, Сенатъ началъ дѣйствовать въ сторону слабѣйшаго сопротивленія и, какъ извѣстно, захватилъ диктатуру, хотя de jure оставался на правахъ, предоставленныхъ ему Петромъ Великимъ.

Условія, при которыхъ произошло возвышеніе до тѣхъ поръ гонимаго Сената, заключаются въ слѣдующемъ. Черезъ недѣлю послѣ своего воцаренія императрица черезъ генералъ-прокурора Трубецкого повелѣла особому собранію, состоявшему изъ нѣкоторыхъ сенаторовъ, наличныхъ представителей Кабинета съ генералитетомъ „имѣть разсужденіе какъ о Сенатѣ, такъ и о Кабинетѣ, и какому впредь правительству быть“ и „о томъ о всемъ, разсмотря прежнія положенія, подать всеподданнѣйшее мнѣніе“. Въ докладѣ своемъ по этому вопросу [1]) Собраніе, разсмотрѣвъ всѣ ка-

[1]) Докладъ найденъ проф. А. Н Филипповымъ Комментаріи къ этому докладу см. ст того же автора въ журналѣ М-ства Н П. февраль 1897 г. стр 276 и слѣд., чѣмъ мы пользуемся

савшіяся даннаго предмета предшествовавшія узаконенія, дало имъ короткую, но вполнѣ опредѣленную характеристику и въ заключеніе „всеподданнѣйше“ представило, „что ради всѣхъ вышеписанныхъ затрудненій и долговременныхъ дѣлъ продолженій и бѣднымъ челобитчикамъ напрасной волокиты, разсуждается учредить Сенатъ во всемъ на прежнихъ основаніяхъ, данныхъ отъ Петра Великаго, и для того оныя собравъ, изъ всѣхъ сочинить обстоятельную сенатскую должность, понеже когда отъ Его И. В-ва подлежащіе къ должности указы положены послѣ сочиненной въ 1772 г. сенатской должности въ разныя числа и многіе, которымъ въ должности сенатской быть надлежитъ, въ оную не внесены“

Въ виду того что, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Филипповъ, и въ намѣреніе императрицы входило возстановленіе Сената на прежнихъ основаніяхъ, подлежащая часть доклада была немедленно утверждена указомъ 12 декабря, а относительно составленія „новой должности“ Сенату указъ, не выразивъ полнаго согласія, повелѣлъ только составить реэстръ тѣмъ узаконеніямъ, которыя „съ состояніемъ сего настоящаго времени несходны и пользѣ государственной противны“.

Насколько можно судить изъ обстоятельствъ возстановленія Сената, императрица сама желала уничтоженіе Кабинета и возвращенія къ петровскимъ учрежденіямъ. Такъ прежде всего заслуживаетъ вниманія помѣтка въ журналѣ Собранія, что оно относительно того, быть ли Кабинету или Сенату, разсуждало въ силу повелѣнія о томъ именного указа, а затѣмъ уже члены собранія подписали докладъ составленный генералъ-прокуроромъ Трубецкимъ. Докладъ же прямо отвѣчалъ той мысли, которую императрица выразила 2 декабря 1741 г. въ словесномъ указѣ черезъ генералъ-прокурора. Именно, Трубецкой сообщилъ, что: „Ея Императорскаго Величества высочайшее намѣреніе состоитъ, что не лучше-ли, чтобъ правительство возобновить на томъ фундаментѣ, какъ оно было при жизни блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя-родителя Ея Императорскаго

Величества Петра Великаго и для того бы Сенату быть въ такой силѣ, какъ оной въ то время былъ".

Такимъ образомъ вслѣдствіе желанія самой государыни, принятаго къ руководству и собраніемъ, Сенатъ 12 Декабря 1741 г. получилъ обратно старыя права [1]). Въ именномъ указѣ по этому поводу изъ доклада приводилась короткая историческая справка о дѣятельности Совѣта и Кабинета, которымъ выражалось полное осужденіе въ виду произведеннаго ими „многаго упущенія дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія" и крайней слабости правосудія.

Сенату объявлялось, какими указами онъ долженъ былъ руководиться въ послѣдующемъ отправленіи принадлежащихъ ему дѣлъ: это были указы 12 января, 5 февраля, 4, 6, 11, 27 апрѣля, 18 мая, 6 іюня 1772 г.; 1723 г. ноября 5, 6 и 1724 г. января 20, и 22 и 31 Указомъ 1722 г. 12 января, какъ извѣстно, устанавливались должности генералъ- оберъ- и просто прокуроровъ и рекетмейстера при Сенатѣ и Коллегіяхъ; указы 5 февраля говорили о порядкѣ засѣданій Сената и объ обязанностяхъ рекетмейстера; —4 и 6 апрѣля— о ежегодномъ отправленіи въ губерніи одного сенатора для ревизіи и о неподачѣ на высочайшее имя челобитныхъ помимо рекетмейстера; указы 27 апрѣля касались должности Сената, генералъ-прокурора и прокуроровъ въ коллегіяхъ и магистратахъ; указъ 5-го ноября 1723 г. содержалъ въ себѣ измѣненные начала процесса—„указъ о формѣ суда"; указъ—20 января 1724 г. предписывалъ учрежденіе при Сенатѣ Конторы розыскныхъ дѣлъ; указъ 22 января того же года до извѣстной степени поощрялъ доносительства [2]). Вспоминая различныя петровскія постановленія, касавшіяся суда и надзора, послѣдній именной указъ вовсе, однако, не коснулся фискаловъ, которые отъ прошлыхъ временъ въ елизаветинскомъ царствованіи, повидимому, сохранились только въ прибалтійскихъ губерніяхъ; по крайней мѣрѣ, имѣется прямое извѣстіе о существованіи такового должностного лица-риж-

[1]) П. С. З. № 8480
[2]) Ib. № 4435.

скаго губернскаго фискала Мейстера, наказаннаго вычетомъ мѣсячнаго жалованья за ложный доносъ на рижскую Губернскую Канцелярію [1]). Въ итогѣ отнынѣ за Сенатомъ опять утверждалась функція высшаго суда, хотя и не безапелляціоннаго въ принципѣ, и функція надзора при помощи прокуратуры наряду съ высшими правительственными функціями. По петровскому примѣру, позднѣе Сенату были подчинены и малороссійскія дѣла [2]).

Въ петровскомъ указѣ отъ 17 мая 1722 г. (не упомянутомъ въ числѣ указовъ, которыми былъ долженъ руководиться Сенатъ съ 12 декабря 1741 г.) рекетмейстеру, между прочимъ, предписывалось доносить императору о челобитчикахъ, не получавшихъ никакого рѣшенія по поданнымъ ими просьбамъ [3]); указомъ же 6 апрѣля запрещалось подавать государю прошенія помимо рекетмейстера. Елизавета Петровна вначалѣ отступила отъ принятой практики. Увлекаясь благими намѣреніями, въ январѣ 1742 г. она разрѣшила представлять прямо на ея имя челобитныя, касавшіяся всякой неправды и злоупотребленій, еженедѣльно по вторникамъ [4]), „Оное учинить повелѣли мы, говорилось въ послѣдующемъ указѣ [5]), дабы мы сами могли видѣть подлинно настоящую нужду подданныхъ нашихъ, или имъ чинимыя утѣсненія отвратить“. Однако, вскорѣ императрица отмѣнила это распоряженіе [6]). Изъ опыта четырехъ мѣсяцевъ она увидѣла, что просьбы ей подавались или по дѣламъ, еще находившимся на разсмотрѣніи низшихъ мѣстъ или касались разныхъ льготъ, послабленій и милостей. Что касается просьбъ второго рода, то какъ явствуетъ изъ указа, онѣ подавались служилымъ классомъ по преимуществу, а къ послабленіямъ и милостямъ этотъ разрядъ подданныхъ всегда имѣлъ особое стремленіе и еще недавно при придворномъ рекетмейстерѣ Фенинѣ онъ

[1]) Ib. № 10173
[2]) Ib. №№ 9285, 10498
[3]) II С. З. № 3968.
[4]) Ib. № 8497.
[5]) Ib 8558.
[6]) Ib. № 8558.

обращался къ верховной власти едва ли не исключительно только съ ходатайствами подобнаго рода [1]). Жалобы же касавшіяся дѣлъ, находящихся въ низшихъ судахъ, объяснялись безконечной волокитой того времени. Факты были различны по своему существу, но, мало склонная къ болѣе глубокому проникновенію въ сущность вещей, увлекающаяся императрица обобщила два совершенно разнородныхъ явленія и такимъ образомъ сама отрѣзала себѣ путь къ личному надзору за законностью и правосудіемъ. Этотъ слишкомъ поспѣшный шагъ далъ себя знать впослѣдствіи государству. Сенатъ же въ силу отказа императрицы принималъ какія бы то ни было жалобы оказался почти безконтрольнымъ и находящимся даже внѣ страха царскаго гнѣва, такъ какъ до царя стало такъ же далеко, какъ до Бога высоко, по русской пословицѣ.

Отнынѣ было указано каждому о своей обидѣ бить челомъ въ надлежащихъ мѣстахъ... „а на неправое рѣшеніе и на волокиту коллегіи и канцеляріи бить челомъ въ Сенатѣ, и челобитныя подавать генералъ-рекетмейстеру...“ „А мимо надлежащихъ мѣстъ и учрежденныхъ правительствъ, говорилось въ изданномъ по этому поводу указѣ, никому ни о какихъ дѣлахъ отнюдь *Самой Намъ* челобитень не подавать, подъ показанными въ выше писанныхъ Родителя Нашего Государя указахъ штрафами“. Петровскіе же указы грозили за нарушеніе указовъ о запрещеніи утруждать жалобами манарха жестокими наказаніями и ссылкой въ каторжную работу.

1 іюля 1742 г. Генералъ-рекетмейстеру было предписано разобрать всѣ ранѣе поданныя на высочайшее имя челобитныя и разослать ихъ по подлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1744 г. порядокъ инстанціонный былъ строго подтвержденъ. Это потвержденіе, повидимому, состоялось вслѣдствіе злоупотребленій, выразившихся, между прочимъ, въ рѣшеніи дѣлъ прямо въ высшихъ установленіяхъ, минуя низшія во избѣжаніе потери времени, а иногда и въ

[1]) Судя по журналамъ Сената, Сенатъ давалъ ходъ по преимуществу челобитнымъ лишь тѣмъ, которыя касались милостей и наградъ. „Сенатскій архивъ“, т. II, Представленія отъ придворныхъ рекетмейстерскихъ дѣлъ.

[2]) П. С. З. № 8575

видахъ оказанія любезности добрымъ знакомымъ и вліятельнымъ лицамъ. Именной указъ 3 декабря 1744 г. порицалъ подобную противузаконную практику, допускаемую высшимъ судилищемъ. „Увѣдомились Мы, значилось въ указѣ что въ Сенатъ изъ коллегій и другихъ судебныхъ мѣстъ забираются невершенныя дѣла къ разсмотрѣнію и рѣшенію въ Сенатѣ... Какая же должность Сената есть, о томъ всѣмъ оную всегда въ свѣжей памяти имѣть должно; но, повидимому, оная забвенію предана, ибо не такъ въ дѣйствѣ происходитъ, какъ оная гласитъ“ [1]). Такимъ образомъ Сенатъ на глазахъ у всѣхъ, въ то время какъ сотни и болѣе дѣлъ, за которыхъ не находилось предстателей, дожидали долгіе годы своей очереди для разсмотрѣнія въ высшемъ апелляціонномъ порядкѣ, кому-то дѣлалъ любезности и рѣшалъ тяжбы внѣ общихъ правилъ по своему выбору, пользуясь непринадлежавшими ему правами подчиненнаго суда.

Итакъ, волею императрицы Сенатъ опять превратился въ высшее судебно-правительственное установленіе имперіи, но на этотъ разъ съ особеннымъ характеромъ. Нужно имѣть въ виду, что слабость предшествовавшихъ государей выработала необходимость существованія особыхъ, по очень мѣткому выраженію проф. Сергѣевича, „совѣтовъ при особѣ государя“, безъ которыхъ, по мнѣнію Миниха, не могло обойтись русское государство. Елизавета Петровна по вступленіи на престолъ, упразднила подобный совѣтъ въ образѣ Кабинета и не намѣревалась создавать никакого другого, но то, чего она избѣгала принципіально, создалось само собою силою обстоятельствъ. Почти неограниченный, предоставленный самому себѣ Сенатъ, будучи вооруженъ громадными правами и разнообразными функціями, естественно, при нелюбви государыни къ правительственнымъ дѣламъ, понемногу въ существѣ своемъ занялъ мѣсто Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. Въ самомъ дѣлѣ: онъ дѣйствовалъ именемъ императрицы, которая вначалѣ нерѣдко присутствовала въ его засѣданіяхъ, но не справлялся постоянно съ ея волею; въ его рукахъ сосредоточивалась политика, законодательство, внутреннее управленіе, судъ и надзоръ

[1]) Ib. № 9083

Вмѣстѣ съ тѣмъ его преимущество передъ прочими прежде бывшими „Совѣтами при особѣ государя“ заключалось въ томъ, что онъ являлся не только фактической, но и дѣйствительной коллегіей, опиравшейся на высочайше дарованныя права и преимущества. Его болѣе широкое фактическое значеніе имѣло подъ собой прочныя основанія въ юридическомъ характерѣ указами опредѣленной должности и авторитетѣ давности. Конечно, при такихъ чрезвычайныхъ условіяхъ, при сложности ему порученныхъ обязанностей, высшее правительственное установленіе оказалось заваленнымъ дѣлами, среди которыхъ много обладало первѣйшей важностью. Потому-то теперь Сенатъ вслѣдъ за своимъ возвышеніемъ, особенно начинаетъ настаивать на неутружденіи его дѣлами, до разсмотрѣнія его непринадлежащими [1]). Въ 1749 г.[2]), между прочимъ, по поводу донесенія Самарской воеводской Канцеляріи о слѣдствіи, произведенномъ по обвиненію сызранскаго воеводы Ртищева въ неправосудіи и разныхъ другихъ противозаконныхъ поступкахъ, Сенатъ общимъ указомъ подтвердилъ, чтобы воеводскія и провинціальныя канцеляріи произведенныхъ слѣдствій безъ утвержденія губернаторовъ въ Сенатъ не присылали. Въ 1752 г. тотъ самый Сенатъ, который еще недавно самъ бралъ невершенныя судебныя дѣла изъ подчиненныхъ мѣстъ, т. е. нарушалъ порядокъ инстанціи, теперь публикуетъ строжайшій указъ о неподаваніи ему никакихъ донесеній отъ частныхъ лицъ, помимо коллегій, конторъ, канцелярій и прочихъ установленій [3]). Онъ объявлялъ, что отъ такихъ доношеній въ дѣлахъ его происходитъ „не малая остановка и помѣшательство“. Такимъ образомъ, съ одной стороны Сенатъ въ извѣстной мѣрѣ ограждалъ себя отъ доношеній присутственныхъ мѣстъ, съ другой—рѣшительнымъ образомъ отъ частныхъ доносителей; конечно, этимъ способомъ онъ значительно выигрывалъ во времени въ отношеніи чисто правительственныхъ дѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ многое добровольно и сознательно терялъ въ области

---

[1]) Ib. № 9150

[2]) Ib. № 9685.

[3]) П С. З. № 10007.

надзора. Сожалѣть объ этомъ приходилось тѣмъ болѣе, что, при всей массѣ дѣла, Сенатъ много силъ очень часто тратилъ на пустяки и, кромѣ того, не оставлялъ своей старой привычки съѣжаться поздно и затягивать разсмотрѣніе попадавшихся вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны было странно видѣть высшее правительственное мѣсто въ Имперіи, издающимъ, напримѣръ, указъ о заведеніи колокола на биржѣ, или нетопленіи печей въ коллегіяхъ лѣтомъ и, слѣдовательно, непроизводительно тратящимъ на то время; а съ другой стороны, жалующимся на обремененіе дѣлами, и вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждавшимъ именные указы о пріѣздѣ сенаторовъ въ присутствіе по Регламенту [1]) или о рѣшеніи дѣлъ, въ случаѣ несогласія кого либо изъ членовъ Сената, по общему разсужденію, въ теченіе не болѣе какъ двухъ недѣль [2]).

§ 2. Дѣятельность возстановленной прокуратуры.

За сокращеніемъ указанныхъ выше средства надзора у Сената оставались еще—прокуратура, которая и въ настоящемъ случаѣ, насколько то можно было, стояла на высотѣ, хотя дѣятельность ея въ значительной мѣрѣ парализовалась общимъ направленіемъ политики Сената по вопросу надзора за подчиненными мѣстами и лицами Вмѣстѣ съ тѣмъ, прокуратура по „должности“ своей, какъ и ранѣе, могла наблюдать и наблюдала за законностью дѣйствій лицъ и мѣстъ главнымъ образомъ только съ внѣшней стороны.

Въ самомъ дѣлѣ, въ 1743 и 1744 гг., въ то время, когда Елизавета Петровна сама неоднократно присутствовала въ Сенатѣ, умножились донесенія прокуроровъ о безпорядкахъ, происходившихъ въ разныхъ учрежденіяхъ [3]), но почти всѣ эти донесенія болѣе носили указанный внѣшній формальный

---

[1]) Ib. № 10085.

[2]) Ib. № 10089.

[3]) Соловьевъ. Исторія, т. 21, стр. 203—204.

характеръ. Такъ, напримѣръ, генералъ-прокуроръ своевременно предлагалъ донесеніе прокурора Бергъ-Коллегіи Суворова, по поводу того, что въ концѣ 1742 г. президентъ этой Коллегіи, пріѣхавъ въ присутствіе, но не собравъ членовъ, сочинилъ и подписалъ опредѣленіе о высвобожденіи изъ-подъ караула заводчика Бѣлова. Единоличное опредѣленіе президента было закрѣплено позже вице-президентомъ, однимъ совѣтникомъ и двумя асессорами, но два другіе совѣтника и асессоръ подали особое мнѣніе, заключавшееся въ томъ, что Бѣлова освободить нельзя. Между тѣмъ, спустя мѣсяцъ съ небольшимъ, появился приговоръ о томъ, чтобы дѣло объ освобожденіи Бѣлова представить на утвержденіе въ Сенатъ. Приговоръ оказался закрѣпленымъ подписями президента, вице-президента и асессоровъ, но остальные члены коллегіи не имѣли о немъ никакого понятія. Было очевидно, что приговоръ составили внѣ коллегіи. Прокуроръ протестовалъ словесно и письменно, но его не послушали, а Сенатъ въ отвѣтъ на его донесеніе приказалъ: „Впредь Бергъ-Коллегіи поступать порядочно, а не такъ, какъ оная нынѣ учинила, а противъ прокурорскаго доношенія, что протоколъ явился сочиненъ внѣ Коллегіи, взявъ отъ коллегіи отвѣтъ, изслѣдовать“. Затѣмъ, въ Коммерцъ-Коллегіи, между прочимъ, было сперва постановлено отправить для осмотра поташныхъ заводовъ одно лицо, а потомъ другое. Усматривая въ такомъ перерѣшеніи вопроса о командированіи подлежащаго чиновника нарушеніе законности, прокуроръ протестовалъ и донесъ въ Сенатъ.

Болѣе по существу доносилъ Архангельскій прокуроръ. Онъ сообщалъ, что губернскіе секретари ходятъ въ канцелярію по личному усмотрѣнію, вслѣдствіе чего колодникамъ причиняется долговременное задержаніе, а дѣламъ волокита и разореніе; тотъ же прокуроръ доводилъ до свѣдѣнія Сената, что въ Архангельскѣ и Вологдѣ въ правленіи полицейской должности не только существуютъ непорядки, но и самой должности въ дѣйствительности нѣтъ, а есть лишь одно названіе. Прокуроръ Коллегіи Экономіи сообщалъ, что члены ея съ одной стороны въ полномъ составѣ почти ни-

когда въ засѣданіяхъ не бываютъ, съ другой—внѣ общаго совѣщанія хотя бы и не важныхъ дѣлъ не слушаютъ, вслѣдствіе чего дѣла тянутся очень долго. О томъ же, что бывшіе въ Москвѣ президенты, члены коллегій, канцелярій и приказовъ съѣзжаются очень поздно, предлагалъ самъ генералъ-прокуроръ. Доносилъ Сенату о коллежской волокитѣ и неаккуратности и прокуроръ Мануфактуръ-Коллегіи; Сенатъ учинилъ Коллегіи „репримандъ“, который, однако, мало повліялъ на прежній порядокъ. Въ 1749 г. прокуроръ Юстицъ-Коллегіи Жилинъ точно также заявлялъ, что присутствующіе съѣзжаются въ разные часы и при томъ слѣдственныхъ дѣлъ не слушаютъ, а читаютъ сами положенные передъ ними журналы и въ этомъ чтеніи почти все время проходитъ, пока ударитъ часъ всѣмъ выходить изъ Коллегіи; иные при этомъ подпишутъ прочитанные журналы, а другіе оставляютъ безъ подписанія, почему слѣдственные дѣла и остаются безъ рѣшенія, „да и отъ челобитчиковъ происходятъ въ перѣшеніи дѣлъ безпрестанныя докуки [1]).“ Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно виденъ формальный характеръ прокурорскихъ донесеній.

Впрочемъ, самостоятельно слѣдя съ внѣшней доступной имъ стороны за законностью, прокуроры, за отсутствіемъ фискаловъ при случаѣ не отказывались принимать доносы отъ частныхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, 30 Сентября 1746 г. въ собраніи Сената докладывалъ генералъ-прокуроръ „извѣтъ“ дворянина Литвинцева, присланный чрезъ сибирскаго губернскаго прокурора, на бывшаго при ревизіи капитана Плохова во взяткахъ и другихъ противозаконныхъ поступкахъ. Надо однако при этомъ оговориться, что въ „извѣтѣ“ упоминалось не только о взяткахъ, но и о прикосновенности Плохова къ „важному секретному“, иначе говоря, политическому преступленію [2]) что, можетъ быть, и обусловило принятіе прокуроромъ доноса отъ частнаго лица.

---

[1]) Соловьевъ. Исторія, т 23, стр. 613.

[2]) Сенатскій архивъ, т 6, стр. 751.

§ 3. Надзоръ и судъ Сенатъ считаетъ функціей второстепенной.

Какъ было указано выше, Сенатъ за массою дѣлъ вообще сторонился донесеній о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ и проявлялъ равнодушіе къ утѣсненію и обидамъ обывателей Доносительство внѣ инстанціи было строго воспрещено, а доносительствовать, начиная снизу, представлялось въ то время дѣломъ не шуточнымъ. Кругъ служащихъ лицъ въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ, въ приказѣ, въ губерніи, въ провинціи являлся болѣе или менѣе сплоченнымъ союзомъ съ обоюднымъ покрывательствомъ и защитой, а доносить было велѣно: „гдѣ кому по указамъ подлежитъ съ свидѣтельми и иными доводы крѣпкими“.

Каково было обставиться всѣми требуемыми данными для успѣшности и правильности доноса, это могутъ показать факты. Въ 1747 г., напримѣръ, въ Сенатѣ докладывалось присланное къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ доношеніе содержавшагося въ Новгородской губернской канцеляріи подъ карауломъ псковскаго канцеляриста Кузнецова. Кузнецовъ доносилъ на псковскаго воеводу Пущина и его товарищей, обвиняя ихъ въ многочисленныхъ взяткахъ и другихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. По донесеніямъ Кузнецова уже предписано было произвести слѣдствіе, но исполненіе его оттягивалось, а доноситель между тѣмъ содержался подъ карауломъ, въ оковахъ въ теченіе цѣлаго года За это время, оставшійся на свободѣ Пущинъ, конечно, могъ уничтожить всѣ улики и выставить себя въ самомъ лучшемъ свѣтѣ. Такъ и вышло на самомъ дѣлѣ. Чтобъ обратить на себя вниманіе, чтобы дѣло дошло до высшихъ властей, доноситель объявилъ секретъ и грозилъ, если его не освободятъ, обратиться съ жалобой къ государынѣ. Сенатъ внялъ его просьбамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выслушалъ доношеніе Новгородской губернской канцеляріи, объяснявшей, что о Пущинѣ уже слѣдствіе произведено, но что и доноситель самъ виновенъ въ выдраніи изъ дѣла полулистовъ гербовой бумаги. Въ виду объявленія Кузнецо-

вымъ „секрета“, Сенатъ, не разсматривая дѣла по существу, приказалъ передать его въ Тайную Канцелярію. Въ Іюлѣ 1748 г., т. е. почти болѣе чѣмъ черезъ полгода Сенатъ опять слушалъ отвѣтное доношеніе Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Какъ и слѣдовало ожидать, по розыску канцеляріи, не смотря на то, что на Пущина поступили и другіе доносы, не Пущинъ, а Кузнецовъ оказался всетаки во всемъ виноватымъ. И канцеляриста за разныя лежавшія на немъ прегрѣшенія: за подачу жалобы императрицѣ, за напрасное оболганіе Пущина, за обвиненіе розыскной канцеляріи въ пристрастіи и проч., велѣно было наказать плетьми нещадно, „дабы впредь другимъ такъ чинить было не повадно“ [1]). Но это была только одна часть наказанія; другая послѣдовала внѣ судебнымъ порядкомъ; именно, когда Кузнецовъ уѣхалъ съ доносомъ, Пущинъ приказалъ схватить его жену съ дѣтьми и, заковавъ въ кандалы, бить плетьми, а затѣмъ бросить Кузнецову въ покаянную, а дѣтей въ острогъ, гдѣ несчастные томились болѣе трехъ лѣтъ; имущество же доносителя въ его отсутствіе расхитили „незнаемые люди“. Такъ кончилась борьба жалкаго канцеляриста съ сильнымъ воеводой на почвѣ доносительства.

Въ другомъ случаѣ дѣло шло не о частныхъ обидахъ, а о „государственномъ интересѣ“ т. е. о финансовыхъ выгодахъ и потеряхъ казны, тѣмъ не менѣе доносителямъ, и при такихъ условіяхъ всетаки, пришлось очень туго. Сущность обстоятельствъ этого доноса заключалась въ томъ, что въ 1744 г. сибирякъ Сырейщиковъ подалъ заявленіе, въ которомъ указывалъ, что, вслѣдствіе злоупотребленія мѣстныхъ властей, казна теряетъ на горныхъ промыслахъ болѣе милліона рублей за годъ [2]). Доносъ подтвердили еще двое лицъ — одинъ изъ горныхъ офицеровъ и крестьянинъ Строгановыхъ — Мальцевъ. Во избѣжаніе подобныхъ громадныхъ потерь на будущее время Сырейщиковъ предлагалъ учредить для упорядоченія дѣла особую комиссію и обѣщалъ добыть казнѣ большой прибытокъ, а

---

[1]) Ibid. т. 7, стр. 231—233 и 327—336.

[2]) Ibid. т. 7, стр. 25 и слѣд.

для помощи въ секретари себѣ просилъ нѣкаго Ивана Мелентьева съ сыномъ Яковомъ. Дѣло являлось достаточно серьезнымъ и было извѣстно императрицѣ. Тѣмъ не менѣе, однако, въ скоромъ времени первый доноситель Сырейщиковъ внезапно умеръ (какъ говорили—онъ былъ убитъ заинтересованными лицами), а Мелентьевъ съ сыномъ попали подъ караулъ. Просидѣвъ ни за что ни про что въ тюрьмѣ болѣе двухъ лѣтъ, въ 1747 г. Мелентьевъ просилъ объ освобожденіи его, и въ случаѣ оставленія доноса Сырейщикова безъ вниманія, хлопоталъ только о правѣ вернуться домой въ Малороссію. Просьба его уважена не была, и въ 1748 г. онъ вторично просилъ объ освобожденіи, справедливо указывая, что виновныя лица ходятъ на свободѣ, а онъ, ни въ чемъ неповинный, долговременно содержится подъ карауломъ. Власти не удостоили его отвѣтомъ, и въ 1749 г., изъ-подъ караула же Мелентьевъ въ отчаяніи доносилъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, важный свидѣтель по доносу Сырейщикова,—заводчикъ Вяземскій въ Сибири подвергается притѣсненіямъ и, такимъ образомъ, можетъ совершенно погибнуть для дѣла. Сенатъ на этотъ разъ выслушалъ защитника „государственнаго интереса“, но нашелъ, что онъ ведетъ себя продерзостно, не довѣряя Сенату и рекетмейстеру и какъ бы постоянно напоминая имъ о лежащихъ на нихъ обязанностяхъ. По этой причинѣ вопросъ теперь подымался уже не о разслѣдованіи правдивости словъ Мелентьева, а о „сатисфакціи Сената“ за причиненныя доносителемъ обиды. Сынъ Мелентьева между тѣмъ оказался виновнымъ подъ карауломъ въ „блудномъ грѣхопаденіи“ и былъ жестоко наказанъ плетьми.

Однако, какъ ни опасно было въ то время тягаться маленькимъ людямъ со власть имущими и злоупотребляющими ею, но всетаки смѣльчаки находились.

Такъ въ 1755 г. во всенародное извѣстіе былъ объявленъ сенатскій указъ [1]) о наказаніи кнутомъ и ссылкѣ въ Оренбургъ на житье купца Свинухина за ложный доносъ на „обрѣтавша-

[1]) П. С. З. № 10458.

гося въ Низовой соляной Конторѣ полковника Казаринова". Съ нимъ же вмѣстѣ той же участи подверглись малороссіяне Санбурскій и Дубровскій. Какъ донесъ посланный Сенатомъ слѣдователь, въ пользу Казаринова высказались лучшіе люди города Саратова: дворяне, казаки, купечество и прочихъ чиновъ старшина, а находившіеся въ Дмитріевскѣ малороссіяне заявили, что они не причемъ, такъ какъ хотя Санбурскій съ товарищами и съ согласія атамана рѣшилъ писать доносъ, но прочіе своего согласія не давали.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ отношеніи доносителей Сенатъ, такимъ образомъ, твердо охранялъ то, что называется престижемъ власти. Всякія жалобы и доносы онъ разсматривалъ по преимуществу, какъ напрасное безпокойство и отвлеченіе отъ настоящихъ дѣлъ. Теперь, когда было свержено нѣмецкое иго въ лицѣ разныхъ Остермановъ, Минихонъ, Бироновъ, Левенвольдовъ, торжествовали русскія начала; но это были начала выгодъ служилаго сословія семнадцатаго вѣка, и не даромъ у народа со временемъ прочно установился взглядъ, что доносчику—первый кнутъ.

Для характеристики цѣлой эпохи, въ указанномъ направленіи, между прочимъ, чрезвычайно любопытенъ тотъ взглядъ, который высказалъ Сенатъ по поводу вопроса объ опредѣленіи содержанія приказнымъ возстановленнаго Главнаго магистрата. Въ 1744 г. магистратъ хлопоталъ о выдачѣ своимъ петербургскимъ и московскимъ секретарямъ и приказнымъ служителямъ заслуженнаго жалованья за январьскую и майскую треть и открытіи кредита на то на будущее время. Сенатъ разрѣшилъ выдачу за истекшіе мѣсяцы, но вмѣстѣ съ тѣмъ разсудилъ, что въ будущемъ жалованья секретарямъ и приказнымъ магистратскимъ выдавать не слѣдуетъ, а необходимо предоставить имъ по прежнему кормиться „отъ дѣлъ, съ челобитчиковъ, кто что дастъ по своей волѣ". „А чтобы отъ тѣхъ приказныхъ служителей, предписалъ онъ, *для излишнихъ взятковъ*, челобитчикамъ въ дѣлахъ волокиты, и ничего въ противность указамъ и регламентамъ чинено не было, въ томъ за ними... накрѣпко смотрѣть Главному маги-

страту“ [1]). Правда, акциденціи допущены были, какъ компромиссъ съ прошлымъ, Петромъ Великимъ, но тогда онѣ являлись переходной мѣрой; Сенатъ же по стопамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта расширялъ рамки примѣненія этого вида сборовъ и опять вводилъ ихъ для магистрата въ видѣ нормальнаго порядка и говорилъ объ „*излишнихъ взяткахъ*“. Могъ ли онъ при такихъ обстоятельствахъ дѣйствительно серьезно относиться къ злоупотребленіямъ тѣхъ же магистратскихъ секретарей и приказныхъ?

Еще въ 1729 г. былъ уничтоженъ знаменитый Преображенскій приказъ, а дѣла его стали вѣдаться въ Тайномъ Совѣтѣ и Сенатѣ. Въ 1731 г., въ виду обилія „секретныхъ“ дѣлъ и причиняемыхъ ими затрудненій, важныя дѣла съ имѣющимися колодниками велѣно было передать въ особую Канцелярію Тайныхъ и Розыскныхъ дѣлъ подъ вѣдѣніемъ генерала Ушакова а позднѣе—подъ высшимъ наблюденіемъ Кабинета. Съ уничтоженіемъ такового Тайная канцелярія сама собой поступила подъ ближайшее управленіе Сената.

Для того, чтобы обратить на себя вниманіе, чтобы голосъ вопіющаго дошелъ до высшей власти, въ общемъ крайне равнодушной ко всякимъ указаніямъ на злоупотребленія должностныхъ лицъ, многіе изъ доносителей объявляли за собой „секретъ“ для того только, чтобы получить возможность жаловаться и говорить. Большинство не подозрѣвало, что уловка ихъ впослѣдствіи должна пасть на собственную же голову, и потому Тайная Канцелярія заваливалась слѣдствіями, въ дѣйствительности никакого политическаго значенія не имѣвшими. Уже ранѣе царствованія Елизаветы Петровны издавались указы о строгомъ наказаніи за ложное объявленіе „слова и дѣла“. Въ 1742 г. эти запрещенія были подтверждены въ отношеніи посадскихъ и людей боярскихъ (помѣщичьихъ) [2]), но и прежнія грозные указы и страшная практика Тайной Канцеляріи не отваживали смѣльчаковъ.

Многіе объявляли за собою „слово и дѣло“, „избывая“ грозящаго имъ наказанія или побоевъ; другіе доносили по

---

[1]) Ib. № 9081

[2]) П. С. З. № 8572.

злобѣ, изъ мести, зная, что доносъ ихъ ведетъ всегда къ пристрастнымъ разспросамъ; но многіе, третьи жертвовали собою только ради достиженія опредѣленной цѣли, которая состояла въ желаніи добиться правосудія или указать на злоупотребленія. Сенатскій архивъ сохранилъ цѣлый рядъ подобнаго рода случаевъ. Вышеприведенные принятые Сенатомъ доносы на капитана Плохова и воеводу Пущина соединялись съ объявленіемъ секрета Въ ноябрѣ 1745 г. въ Сенатѣ слушанъ былъ докладъ по прошенію л.-гвардіи Преображенскаго полка солдата Семена Серебренникова „объ оборонѣ его отъ злобъ и нападковъ“ Сибирскаго губернатора генералъ-майора Сухарева. Въ п. 6 доношенія, между прочимъ, упоминалось что: „*ежели его то доношеніе неимовѣрно показаться можетъ, во свидѣтельство здѣшнихъ слабыхъ, презрительныхъ, противныхъ указамъ канцелярскихъ поступокъ, объявляетъ новаго образца дѣло*“. Именно, Серебренниковъ доносилъ, что Сухаревъ, вмѣсто того чтобы пресѣкать *коварные измѣнническіе замыслы сибирскихъ инородцевъ*, потворствуетъ имъ [1]).

Итакъ, для того чтобы обратить вниманіе высшаго правительства на „презрительность къ указамъ“ поступковъ сибирскаго губернатора, необходимо было сообщить и объ измѣнѣ его т. е. сдѣлать доносъ по одному изъ „первыхъ двухъ пунктовъ“.

Въ мартѣ того же года генералъ-рекетмейстеръ Дивовъ усмотрѣлъ въ челобитныхъ казака Лахневича на сотника Мандрика и сельскихъ атамановъ Плоскаго и Никитина съ 27 товарищами на бунчуковаго товарища Миклашевскаго „важныя рѣчи“ и доложилъ о томъ Сенату. Собственно Лахневичъ жаловался на разграбленіе его пожитковъ Мандрикомъ и на понаровку съ волокитой Генеральнаго войскового суда, атаманы съ товарищами точно также били челомъ по своимъ частнымъ обидамъ, но въ 14 п. челобитной Лахневича значилось, между прочимъ, что: „сотникъ Мандрикъ въ прошедшемъ 1744 г. за казакомъ Михайлой Шосткою, пришед-

[1]) Сенатскій архивъ, т. 6, стр. 573.

шимъ съ указомъ изъ Глухова въ праздникъ святителя Христова Николая, забылъ страхъ Божій, насылалъ гвалтомъ для поимки 8 человѣкъ есаульцевъ и казаковъ въ домъ Божій Рождества Христова во время отправки божественной литургіи, кои посланные отъ него сотника, по повелѣнію его, имѣя въ пренебреженіи и храмину божественную, вшедши въ шапкахъ и съ кіями, онаго казака Шостку гвалтомъ брали, коій казакъ Шостка, видя таковой въ домѣ Божіемъ надъ собой гвалтъ, схватясь *за маестатъ*, за образы Пресв Богородицы и Николая Чудотворца, охраняя себя отъ рукъ сильныхъ, призывалъ *высочайшее имя Ея Императорскаго Величества, и оные, оному явясь противны* чрезъ свою продерзость... онаго какъ привели къ нему, сотнику, то въ то время велѣлъ бить смертно"; бунчуковый же товарищъ Миклашевскій, наѣхавъ въ села, гдѣ жили доносители, билъ ихъ и принуждалъ быть *въ „его подданствѣ"* и въ это время, забывъ страхъ Божій, *говорилъ: „полно вамъ по своей присягѣ черту служить, служите мнѣ въ подданствѣ"*. Объ этихъ словахъ доносители вѣрноподданнически объявляли, такъ какъ желали по присягѣ „по жизнь свою" вѣрно служить „токмо Ея Императорскому Величеству" [1]). Дѣло было направлено въ Тайную Канцелярію, а съ частныхъ пунктовъ челобитныхъ сняты копіи для разсмотрѣнія

Итакъ, если обвиняемый въ злоупотребленіяхъ не былъ самъ сильнымъ человѣкомъ или не пользовался, какъ Пущинъ, покровительствомъ сильныхъ, ссылка на „секретъ" даже въ такой формѣ, какъ „противность" призыванію высочайшаго имени императрицы или ссылка на вѣрноподданническую присягу могла сослужить доносителю свою службу. При этомъ всетаки осторожные малороссіяне только обиняками указывали на имѣющуюся въ ихъ дѣлахъ „важность" и тѣмъ избѣгали, въ случаѣ чего, обвиненія въ лжедонось, въ то время какъ не столь предусмотрительные великороссы доносительствовали прямо и чаще всего сами попадали подъ обухъ

[1]) Сенатскій Архивъ, т 6, стр 637—38.

Какъ и при Петрѣ Великомъ и послѣдующихъ императорахъ, люди, не осмѣливавшіеся для открытія злоупотребленій пользоваться доносомъ, прибѣгали къ подметнымъ письмамъ, которыя читались, но, конечно, ни къ какимъ разслѣдованіямъ сами собой привести не могли.

§ 4. Невнимательное отношеніе Сената къ надзору породило усиленный возвратъ къ преданіямъ прошлаго.

Пока Сенатъ, занятый дѣлами внѣшней политики, военными, финансовыми, крупными и мелкими правительственными отчасти судебными, удѣлялъ надзору минимальную часть вниманія, преданія семнадцатаго вѣка опять воскресли во всей своей полнотѣ и силѣ. Несмотря на косвенное запрещеніе доносительства, несмотря на потворство властей лицамъ, на которыхъ поступали жалобы и донесенія, несмотря на слабость и крайне двусмысленное положеніе возстановленной прокуратуры, извѣстія о вопіющихъ злоупотребленіяхъ прорывались наружу и подчасъ доходили до свѣдѣнія самой императрицы.

Соловьевъ намъ даетъ широкія картины того, что дѣлалось въ это время въ Имперіи въ области управленія и суда [1]). Выше упоминалось, что по заявленію архангельскаго губернскаго прокурора въ Вологдѣ и въ Архангельскѣ отъ полиціи осталось одно названіе; но за то тамъ, гдѣ она была, она давала себя чувствовать обывателямъ. Въ іюлѣ 1744 г. императрица, присутствуя въ Сенатѣ, объявила, что главная полиція вообще слабое наблюденіе имѣетъ. Заявленіе это подтверждалось фактами. Въ Москвѣ купцы вполнѣ опредѣленно жаловались въ Сенатскую Контору, что самъ оберъ-полиціймейстеръ Нащекинъ, пріѣхавъ съ командой на Полянку, приказалъ у торгующихъ съѣстными припасами и мелочью въ шалашахъ ломать шалаши и обирать товары, причемъ кричалъ командѣ: „Берите, что помягче!“, а у купца Ива-

[1]) Соловьевъ. Исторія, стр. 397, 502, 615, 690, 695, 759, 823 и проч.

нова лавку и пять шалашей разломалъ до основанія; Главный Магистратъ доносилъ Сенату, что присутствующій въ московской полиціи совѣтникъ Воейковъ, обижаетъ и беретъ взятки съ московскаго купечества, купца же Тимофеева билъ плетьми до того, что тотъ черезъ два дня умеръ; похожденія знаменитаго сыщика Ваньки Каина слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ стоило останавливаться; симбирскій воевода Волударовъ доносилъ, что худые поступки управителя полицейскихъ дѣлъ, Обухова, преодолѣли „общенародную терпѣливость"; надъ преданнымъ суду совѣтникомъ пензенской полиціи Неплюевымъ висѣло по жалобамъ 20 дѣлъ.

Изъ послѣдняго примѣра, между прочимъ, можно вывести, какое число злоупотребленій нужно было совершить для того, чтобы наконецъ обратить на себя вниманіе власти и попасть подъ судъ. Итакъ, полиція шалила; ей уподоблялось воеводское управленіе, а отъ воеводъ заурядъ не отставали и губернаторы. Нѣкоторые примѣры воеводскихъ злоупотребленій были приведены ранѣе, но дополнять ихъ можно до безконечности. Такъ, напримѣръ, крестьяне схватили трехъ человѣкъ изъ разбойничьей партіи и доставили въ калужскую провинціальную канцелярію, но воевода тотчасъ же по корыстнымъ соображеніямъ отпустилъ задержанныхъ. Ржевскій воевода Венюковъ убилъ батогами дьякона Парсова; прежде чѣмъ потребовать его къ суду тверская канцелярія долго медлила и для сообщенія хода дѣлу понадобилось вмѣшательство архіерея, жаловавшагося въ Синодъ; то же самое произошло по поводу избіенія майоромъ Свѣчинымъ священника Тимофеева; (въ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстахъ, сказать къ слову, даже вообще было принято за правило не производить слѣдствій по консисторскимъ промеморіямъ, чего бы онѣ не касались). Крестьяне Вятской провинціи Хлыновскаго уѣзда посылали ходока бить челомъ прямо въ Сенатъ на провинціальнаго секретаря Перминова, потому что въ вятской провинціальной канцеляріи и Казанской губернской многіе челобитчики чуть не померли въ тюрьмахъ по проискамъ того Перминова; крестьяне приписные къ заводу тульскаго купца Лушнина возмутились противъ заводчика

и чтобы обезопасить себя отъ воеводы, послали ему 5 рублей денегъ; воевода однако пятью рублями не удовлетворился и вскорѣ отъ него пріѣхалъ деньщикъ и объявилъ: „Если дадите еще 6 рублей, то не опасайтесь“. Таковы обращики поведенія провинціальныхъ властей въ елизаветинскую эпоху породившей между прочимъ, воеводу Жукова надъ которымъ скопилось не только 20 обвиненій, какъ надъ вышеупомянутымъ полицейскимъ совѣтникомъ Неплюевымъ, но цѣлыхъ 223. При этомъ нужно замѣтить, какъ указано было выше, если даже надъ виновнымъ какъ-нибудь и обрушивалась кара, то она постигала его лишь въ очень продолжительный срокъ, въ теченіе котораго можно было жить совершенно спокойно, или умереть, а при случаѣ попасть подъ освобождающій отъ отвѣтственности всемилостивѣйшій манифестъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1755 г. было рѣшено дѣло юрьевскаго канцелярпста Коковинскаго, который вмѣстѣ съ воеводою Тименевымъ замучили на пыткѣ крестьянина. Преступленіе обоихъ должностныхъ лицъ, усиливалось тѣмъ, что канцеляристъ написалъ подложный протоколъ пытки, уже спустя полгода послѣ ея совершенія Дѣло началось въ 1739 г. и слѣдовательно тянулось пятнадцать лѣтъ, причемъ за это время Тименевъ успѣлъ умереть и такимъ образомъ избѣжать наказанія.

Вмѣстѣ съ воеводами поддерживали по мѣрѣ силъ преданья старины и сами губернаторы. Сибирскій губернаторъ Сухаревъ попалъ наконецъ подъ слѣдствіе послѣ цѣлой массы послѣдовавшихъ на него доносовъ и челобитій [1]). Въ 1759 г. августа 24 Сенатъ получилъ именной указъ, гласившій, что „Ея Императорскому Величеству къ крайнему гнѣву и неудовольствію извѣстно, что воронежскій губернаторъ Пушкинъ и бѣлгородскій—Салтыковъ въ этихъ губерніяхъ дѣлаютъ великія разоренія и лихоимства и самыя грабительства, и потому повелѣваетъ строжайше о томъ изслѣдовать“ [2]). Но хороши были иногда и сами посылаемые для выясненія обстоятельствъ преступленія слѣдователи Когда, напримѣръ.

[1]) Сенатскій архивъ, т. 7.

[2]) Соловьевъ. Исторія, т 24, стр. 1172.

въ Иркутскѣ случилось вымышленное расхищеніе тамошними купцами питейныхъ сборовъ, на мѣсто была послана спеціальная комиссія; но вскорѣ пришлось наряжать особую комиссію для изслѣдованія дѣяній предсѣдателя предшествовавшей, колежскаго ассесора Крылова. Оказалось, что, прибывъ въ Иркутскъ Крыловъ, самъ себя объявилъ губернаторомъ и началъ себя вести сильнѣе чѣмъ по-губернаторски [1]).

Вслѣдъ за чисто-государственными органами, служилыми людьми, туда же тянулись и выборные. Находившійся подъ апелляціей Сената Главный магистратъ, напримѣръ, также разрѣшалъ себѣ различныя нарушенія законности. Брянскіе купцы Григорій, Иванъ и Кузьма Кольцовы жаловались на брянскаго помѣщика Зиновьева по поводу того, что Зиновьевъ схватилъ на дорогѣ Ивана Кольцова и, избивъ его, держитъ на цѣпи въ приворотной избѣ. Чтобъ отдѣлаться отъ слѣдствія въ мѣстной воеводской канцеляріи, Зиновьевъ подалъ встрѣчное челобитье въ Главный магистратъ на безчестье со стороны Кольцовыхъ. Нарушая предѣлы подвѣдомственности, Главный магистратъ потребовалъ Кольцовыхъ къ себѣ для отвѣта, именно потому, что здѣсь оберъ-президентомъ былъ близкій родственникъ Зиновьева, который и началъ обходиться съ присланнымъ повѣреннымъ Кольцовыхъ по-свойски. Онъ посадилъ его подъ караулъ на цѣпь и съ цѣпи заставлялъ говорить судныя рѣчи. Въ то же время самъ Зиновьевъ началъ укрощать Кольцовыхъ въ Брянскѣ, гдѣ на братьевъ стали нападать зиновьевскіе люди хваставшіеся, что они убьютъ противниковъ на смерть; пріятель же Зиновьева, коллежскій ассесоръ Гончаровъ, желая по мѣрѣ силъ быть полезнымъ близкому человѣку, впередъ уже жаловался Сенату, будто Кольцовы нападали на дворъ прапорщика Юшкова, куда скрылись отъ ихъ преслѣдованія прикащикъ и крестьяне Гончарова; затѣмъ онъ же подалъ въ Главный магистратъ заявленіе, будто-бы Кольцовы и съ ними 700 человѣкъ напали на его конюшенный дворъ и стрѣляли изъ ружья

[1]) Подробности о поведеніи Крылова въ Иркутскѣ см Сборникъ Р. И. О. т. 1, стр. 215 и слѣд.

по его крестьянамъ. Въ виду такихъ вѣскихъ данныхъ Главный магистратъ потребовалъ обвиняемыхъ въ Москву къ слѣдствію, и такимъ образомъ Кольцовы, благодаря явному пристрастію магистрата, изъ обвинителей искусственно превратились въ подсудимыхъ [1]).

Конечно, нельзя перечесть весь скорбный мартирологъ злоупотребленій администраціи и суда елизаветинскаго времени, но необходимо въ заключеніе еще указать на нѣкоторые наиболѣе крупные факты подобнаго рода, заключающіеся въ Полномъ Собраніи Законовъ [2]) Такъ, въ 1745 г. былъ командированъ въ Сибирь полковникъ Вульфъ для изслѣдованія обидъ и притѣсненій, причиненныхъ тамошнимъ народамъ при сборѣ ясака [3]); въ томъ же году былъ объявленъ именной указъ объ учрежденіи комиссіи при Императорскомъ Дворѣ для разслѣдованія злоупотребленій бывшихъ командировъ надъ башкирцами; [4]) въ 1750 г. состоялся приговоръ по дѣлу кольскаго воеводы Нечаева, обвинявшагося въ насилии и самовольномъ увѣчащемъ наказаніи повѣренныхъ при заготовленіи лѣса и ихъ служителей безъ судебнаго приговора [5]).

Отсутствіе правильнаго надзора, затрудненіе въ судѣ и обжалованіи при полномъ почти произволѣ властей порождали подчасъ кровавый самосудъ тѣхъ, кто имѣлъ для того силу.

Конечно, какъ низшія, такъ и высшія власти допускали произволъ и потворство всякаго рода не ради этихъ злоупотребленій самихъ по себѣ. Пользуясь привилегированнымъ положеніемъ, они складывали себѣ состоянія, какъ объ этомъ позднѣе всенародно объявила императрица въ своемъ указѣ. Взятки брались вездѣ. Даже столь почтенное лицо, какъ мало податливый бывшій генералъ-кригсъ-комиссаръ и исключительная личность своего времени, князь Шаховской, чисто-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія, т. 23, стр. 603—604.

[2]) Много фактовъ содержится въ опубликованныхъ документахъ Сената въ Сенатскомъ архивѣ; часть ихъ была приведена выше.

[3]) П. С. З. № 9210.

[4]) Ib. № 9227.

[5]) Ib. № 10332

сердечно признавался, какое искушеніе соблазняло его взять большую взятку по дѣлу поставки суконъ на войско [1]). Всѣ прочіе наживались, ни въ чемъ не щепетильничая, и сенаторы не представляли въ данномъ случаѣ исключеній изъ общаго порядка. Они поддерживали свои петровскія традиціи, о чемъ свидѣтельствуетъ, хотя бы, извѣстное крыловское дѣло, затянувшееся на долгіе годы и переданное по наслѣдству изъ елизаветинской эпохи въ екатерининскую. Въ заключеніе для обрисовки эпохи можно сослаться на любопытную характеристику Сената того времени изображенную въ жалобѣ нѣкоего майора Колычева, написавшаго цѣлый обличительный трактатъ и адресовавшаго свое произведеніе самой Елизаветѣ Петровнѣ. „Въ Сенатѣ, говорится, между прочимъ, въ этомъ достопримѣчательномъ памятникѣ восемнадцатаго столѣтія, добрыхъ людей мучатъ и разоряютъ, сенаторы ворамъ помогаютъ. Какое въ государствѣ чинится разореніе и людямъ неповиннымъ убійство, воровскія сенаторовъ самовольныя власти, чего и въ республикѣ не дѣлается“ [2]).

Если такимъ образомъ Сенатъ дѣйствительно систематически позволялъ себѣ по различнымъ соображеніямъ выходить изъ границъ законности, то генералъ-прокуроры со своей стороны, по большей части, не только не противодѣйствовали, но зачастую прямо помогали Сенату; по крайней мѣрѣ, кн. Никиту Трубецкого Колычевъ въ своемъ посланіи называлъ не хранителемъ, а разорителемъ законовъ и генералъ-фельдмаршалъ-воромъ. Глѣбовъ въ качествѣ генералъ-прокурора также оставилъ по себѣ печальную память, въ кратковременное послѣдующее царствованіе. Шаховской, правда, пытался слѣдовать завѣтамъ петровской прокуратуры, но сразу столкнулся съ сильными міра, испортилъ отношенія съ ними, и это послужило причиной его послѣдующаго удаленія. Какъ извѣстно, онъ затронулъ братьевъ Шуваловыхъ, сильно пользовавшихся своимъ положеніемъ для цѣлей своекорыстія [3]).

---

[1]) Соловьевъ. Исторія, т. 23, стр. 825

[2]) Ib. т. 24, стр. 1174.

[3]) Ib. стр. 1175—76.

§ 5. Императрица сознаетъ попустительство Сената.

Какъ мы видѣли, императрицѣ въ значительной степени было извѣстно состояніе администраціи и суда въ ея царствованіе. По этой причинѣ, несмотря на предшествовавшіе строгіе указы о неподачѣ челобитныхъ самой государынѣ подъ опасеніемъ суровыхъ взысканій, въ 1759 г. Елизавета Петровна разрѣшила обращаться къ ней въ тѣхъ случаяхъ, когда челобитчики „въ учрежденныхъ судебныхъ мѣстахъ и командахъ по какимъ либо умышленнымъ происканъ, нападкамъ и притѣсненіямъ. или по пристрастію свойства, дружбы, лакомства и злобы, или по какой подлой отъ сильныхъ лицъ трусости и боязни, въ правыхъ дѣлахъ своихъ и въ претерпѣваемыхъ обидахъ и волокитахъ надлежащаго правосудія, съ законами сходнаго рѣшенія, защиты и обороны нигдѣ получить не могутъ и тѣмъ слѣдовательно уже къ Ея Императорскому Величеству самой прибѣгнуть принуждаемы“ [1]).

Уже въ словахъ этого указа, объявленнаго Сенатомъ, наряду съ обличеніемъ общему судебно-административному неустройству слышится горькій укоръ и самому верховному правительственному мѣсту, долженствовавшему безъ всякихъ напоминаній слѣдовать завѣтамъ великаго Преобразователя и повсемѣстно надзирать за соблюденіемъ правосудія и законности. Немного же позднѣе императрица высказалась въ указанномъ смыслѣ еще откровеннѣе и опредѣленнѣе. Именно, 16 августа 1760 г. она издала указъ, развивавшій начала указа 1759 г. и потому, заслуживающій того, чтобы быть приведеннымъ цѣликомъ. „Съ какимъ Мы прискорбіемъ, говорилось въ послѣднемъ указѣ, [2]) по Нашей къ подданнымъ любви, должны видѣть, что установленные многіе законы для блаженства и благосостоянія Государства своего исполненія не имѣютъ, *отъ внутреннихъ общихъ непріятелей*, которые свою беззаконную прибыль присягѣ,

[1]) П. С. З. № 10980
[2]) П. С. З. № 11092.

долгу и чести предпочитаютъ; и равнымъ образомъ чувствовать, что *вкореняющееся также зло пресѣченія не имѣетъ Сенату Нашему*, какъ первому государственному мѣсту, *по своей должности* и по данной власти *давно-бы надлежало истребить многіе по подчиненнымъ ему мѣстамъ непорядки, безъ всякаго помѣшательства умножающіеся, къ великому вреду государства.*

Ненасытная алчба корысти до того дошла, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе предводительствомъ судей, а потворство и упущеніе — одобреніе беззаконникамъ; въ такомъ, достойномъ сожалѣнія состояніи, находятся многія дѣла въ государствѣ, и бѣдные утѣсненные неправосудіемъ люди, *о чемъ Мы чувствительно соболѣзнуемъ*, какъ и о томъ, что *Наша кротость и умѣренность въ наказаніи* преступниковъ такое намъ отъ неблагодарности приносятъ воздаяніе.

Повелѣваемъ симъ Нашему Сенату, какъ истиннымъ дѣтямъ отечества, воображая долгъ Богу и законамъ Государя Императора, Нашего Любезнаго Родителя, которые Мы во всемъ Своими почитаемъ, всѣ свои силы и старанія употребить къ возстановленію желаннаго народнаго благосостоянія.

Хотя нѣтъ челобитенъ и доносовъ, но по самымъ *обстоятельствамъ, Сенату извѣстнымъ, зло прекращать и искоренять всякій сенаторъ, по своей чистой совѣсти, долженъ представить о происходящемъ вредѣ въ государствѣ* и о беззаконникахъ, ему извѣстныхъ, *безъ всякаго пристрастія*, дабы тѣмъ злымъ пощады, а невиннымъ напрасной бѣды не принесть; *но какъ истинному сыну своего отечества*, памятуя страхъ Божій и свою должность и зная, что людямъ, возведеннымъ быть судьями другимъ, *надлежитъ* почитать свое отечество родствомъ, и честность дружбою; которые представленія уважать, заблужденія въ мѣстахъ исправлять, подозрительныхъ судей смѣнять и слѣдовать; *и паче всего изыскивать причины къ достиженію правды, а не къ продолженію времени.* Многія вредныя обстоятельства у всѣхъ предъ глазами, продолженіе судовъ, во многихъ мѣстахъ разоренія, чрезъ мѣру богатящіеся судьи, безконечныя слѣдствія, по-

ниженіе Нашего интереса отъ тѣхъ, кои сохранять опредѣлены, воровство въ продажѣ соли, при наборѣ рекрутъ и при всякомъ на народъ налогѣ въ необходимыхъ государству нуждахъ, все оное неоспоримыя доказательства, открывающія средства къ пресѣченію общаго вреда".

Приведенный указъ являлся какъ бы дополненіемъ и отвѣтомъ на обличенія Колычева. Чаша долготерпѣнія императрицы переполнилась. Указъ 1760 г.—это скорбный крикъ, какъ бы помимо воли вырвавшійся изъ ея наболѣвшей груди.

Не трудно видѣть при этомъ, что скорбь императрицы по поводу печальнаго положенія администраціи и правосудія въ Россіи по преимуществу вызывалась образомъ дѣйствій Сената, который государыня считала высшимъ хранилищемъ законовъ и на который въ началѣ царствованія надѣялась опереться. Какъ извѣстно, Елизавета Петровна при вступленіи на престолъ задалась цѣлью возстановить петровскіе порядки, въ лучшемъ государственномъ смыслѣ слова. Время, однако, показало, что какъ отцу ея, такъ и ей приходилось только самой съ нѣсколькими вѣрными быть носительницей идеи здоровой государственности, проповѣдываемой Петромъ въ его грозныхъ указахъ. Люди же, которымъ она довѣряла, и на верху и внизу сплотились, чтобы воскресить духъ семнадцатаго столѣтія. Мало того, пользуясь добротой и снисходительностью государыни, эти люди желали сплотиться еще тѣснѣе, чтобы не дать возможности чужакамъ пользоваться его заманчиво привиллегированнымъ положеніемъ: владѣть безотвѣтными рабами и имѣть возможность, при желаніи, безнаказанно округлять свое состояніе, безъ особаго труда, но съ ореоломъ власти на службѣ государственной. Какъ извѣстно, при Елизаветѣ Петровнѣ былъ составленъ проектъ Новаго уложенія, въ которомъ дворянство замыкалось въ своемъ кругу, въ кругу тѣхъ, кто къ предполагаемому изданію Уложенія или родился въ дворянствѣ или дослужился до него [1]).

[1]) В. Н. Латкинъ Проектъ Новаго уложенія, составленный законодательной комиссіей 1754—1766 гг. Часть третья. О состояніяхъ подданныхъ вообще, стр. 177.

Чтобы дать возможность Сенату отнынѣ съ большимъ вниманіемъ отнестись къ вопросамъ надзора, императрица увеличила число сенаторовъ, и смѣнила мало внушавшаго довѣріе генералъ-прокурора Трубецкого, назначивъ на его мѣсто извѣстнаго своей правдивостью и неподкупностью Шаховского; вмѣсто Глѣбова оберъ-прокуроромъ также былъ назначенъ графъ Чернышевъ. При усиленномъ и обновленномъ составѣ Сенату представлялось меньше отговорокъ въ обремененіи его дѣлами тѣмъ болѣе, что внѣшняя политика теперь уже сосредоточивалась въ Конференціи при Высочайшемъ дворѣ. И вотъ, подъ воздѣйствіемъ проникнутаго горечью именного указа 1760 г. Сенатъ зашевелился.

Позаботиться ему дѣйствительно было о чемъ. Еще въ 1753 г. по присланнымъ въ Сенатъ рапортамъ изъ различныхъ учрежденій явствовало, что въ тотъ моментъ на лицо находилось 3,579 колодниковъ, о которыхъ дѣла слѣдствіемъ и розысками еще не были кончены. Конечно, представленная цифра являлась далеко неполной, минимальной въ наибольшей мѣрѣ. Позднѣе, подъ вліяніемъ указовъ императрицы о замѣнѣ смертной казни и политической смерти иными наказаніями, число заключенныхъ стало годъ отъ году увеличиваться. Между тѣмъ въ томъ же 1753 г было подтверждено, что Сенатъ имѣетъ право ревизіонной инстанціей въ отношеніи приговоровъ, содержащихъ въ себѣ опредѣленіе о наказаніи естественной или политической смертью. Экстракты изъ подобныхъ дѣлъ главными командами должны были доставляться въ Сенатъ [1]) и, хотя къ 1754 г. послѣдовало нѣкоторое ограниченіе этого указа [2]), тѣмъ не менѣе въ 1756 г. появилось новое сенатское повелѣніе какъ о скорѣйшемъ вообще рѣшеніи дѣлъ, по которымъ содержатся колодники, такъ и о подачѣ о нихъ въ Сенатъ и Сенатскую контору черезъ каждые полгода статейныхъ списковъ [3]). Такимъ образомъ

---

[1]) П. С. З. № 10101 ср. съ ук. и 9312 и № 8944. (О присылкѣ въ Сенатъ списковъ о колодникахъ, приговоренныхъ къ смертной казни и о неисполненіи надъ ними приговора до Сенатскаго указа).

[2]) См П. С. З. № 10306

[3]) П С З. № 10538

задолго до указа 16 Августа 1760 г Сенатъ съ внѣшней формальной стороны прилагалъ заботы и къ соблюденію законности по крайней мѣрѣ въ области колодническаго вопроса.

Послѣ именного указа въ сентябрѣ 1760 года онъ вспомнилъ свои старые на этотъ счетъ распоряженія и публиковалъ новый указъ о скоромъ рѣшеніи колодническихъ дѣлъ и теперь уже не только о полугодовомъ, но ежемѣсячномъ доставленіи обстоятельныхъ по таковымъ дѣламъ вѣдомостей [1]). Въ этомъ сенатскомъ указѣ имѣется прямая ссылка на предшествовавшій указъ государыни, что свидѣтельствуетъ о мотивѣ распоряженія. Съ такой же ссылкой изданъ въ томъ же году указъ о бытіи воеводамъ на службѣ по пяти лѣтъ и смѣнѣ тѣхъ, на которыхъ подозрѣнія окажутся [2]).

Повидимому, Сенатъ проникся укоризнами императрицы рѣшилъ поднять дѣло надзора въ Россіи и даже замышлялъ какую то реформу мѣстнаго управленія, по крайней мѣрѣ, на словахъ. Временно же онъ пока устанавливалъ только палліативъ. „Пока, говорилось въ послѣднеприведенномъ, *о лучшемъ губерній и провинцій разсмотрѣніе и опредѣленіе учинено будетъ*, всѣхъ тѣхъ воеводъ, кои болѣе пяти лѣтъ находятся, а за коими подозрѣнія окажутся, тѣхъ и прежде, смѣнять и впредь имъ быть по пяти лѣтъ. Которые же воеводы во все вышеозначенное имъ время въ должностяхъ званія своего исправными окажутся, и ни чрезъ какіе доносы и жалобы, ни малыхъ подозрѣніяхъ и въ несправедливостяхъ доказаны не будутъ, и тѣхъ уѣздовъ помѣщики и граждане еще оныхъ имѣть на сколько пожелаютъ: то какъ помѣщикамъ, такъ и гражданамъ о такихъ воеводахъ въ послѣднемъ пятомъ году, въ первой половинѣ года, присылать въ Правительствующій Сенатъ къ Герольдмейстерскимъ дѣламъ желательныя, съ удостовѣреніемъ о ихъ добропорядочныхъ поступкахъ, челобитныя“. Приведеннымъ указомъ Сенатъ

---

[1]) Ib. № 11110.
[2]) Ib. № 11131.

ставилъ воеводъ подъ надзоръ двухъ классовъ жителей, которые являлись какъ бы коллективными органами контроля вмѣсто бывшихъ фискаловъ. На эту мѣру, нужно полагать, Сенатъ былъ натолкнутъ челобитными, поданными въ 1744 г. изъ разныхъ провинцій и городовъ объ оставленіи на второй срокъ воеводъ, не чинившихъ обывателямъ никакихъ обидъ и разореній [1]).

Въ силу того же именного указа 1760 г.,—хотя и не вскорѣ—уже въ 1761 г. послѣдовали спеціальные сенатскіе указы о запрещеніи взятокъ и задержекъ при осмотрѣ проѣзжающихъ на заставахъ [2]), а также о защитѣ черносошныхъ крестьянъ отъ излишнихъ сборовъ [3]); 22 сентября того же 1761 г. Сенатъ указомъ потребовалъ наведенія справокъ при опредѣленіи воеводъ и прочихъ чиновниковъ къ должностямъ. не причастны ли они къ какому нибудь слѣдственному дѣлу [4]), а 15 іюня предписано было немедленно докладывать Сенату доносы о взяткахъ безъ взысканья съ челобитчиковъ гербовой бумаги [5]). Учрежденіе при Сенатѣ спеціальной экспедиціи о колодникахъ [1]) было послѣднимъ сенатскимъ актомъ по исполненію воли императрицы объ усиленіи надзора, хотя здѣсь Сенатъ съумѣлъ заодно съ государственными соблюсти и свои интересы и выгоды. Новое короткое царствованіе остановило начавшееся было оздоровленіе стародавнихъ судебно-административныхъ порядковъ Россіи, и многое изъ сдѣланнаго получило обратное движеніе.

---

[1]) Ib. № 9084. Эти рѣдкіе для своего времени воеводы были Дурново въ Калужской провинціи, Писаревъ—въ Вятской, Камынинъ—въ Свіяжской; въ городахъ: въ Козьмодемьянскѣ—Дубенскій, въ Ядринѣ—Львовъ, въ Каширѣ—Лопухинъ; имена, достойныя памяти и уваженія по своей исключительности въ ту темную безпросвѣтную эпоху, когда воеводъ, какъ старинныхъ кормленщиковъ, опасно было оставлять заживаться на одномъ мѣстѣ безъ ущерба, какъ для казны, такъ и для обывателей.

[2]) П. С. З. № 11213.

[3]) Ib. № 11223.

[4]) Ib № 11273.

[5]) П. С. З. № 11357.

§ 6. Заключительная характеристика елизаветинскаго Сената и переходъ къ екатерининской эпохѣ.

При заключительной оцѣнкѣ елизаветинскаго Сената трудно прибавить что либо къ общей, уже приведенной характеристикѣ. Если, по замѣчанію Кавелина [1]), царствованіе Елизаветы Петровны отмѣчено медленной убылью господства западно-европейскихъ элементовъ, то въ особенности эта убыль сказалась въ области надзора и суда, почти вернувшихся къ тому положенію, въ которомъ ихъ засталъ Преобразователь. Конечно, такая убыль вовсе не рекомендуетъ ни подчиненныхъ установленій, ни самый Сенатъ; между тѣмъ покойный Градовскій почему то идеализировалъ дѣятельность названнаго учрежденія въ разсматриваемую эпоху и стремился видѣть въ елизаветинскомъ Сенатѣ черты, достойныя ученика Беккаріи и Пена. Въ канцелярскихъ фразахъ Сената почтенный ученый видѣлъ глубокое сознаніе человѣческаго достоинства и искреннее желаніе облегчить участь несчастныхъ [2]).

Врядъ ли однако можно согласиться съ такимъ, повидимому, слишкомъ благожелательнымъ мнѣніемъ, мало соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, если въ практикѣ Сената проскальзывали гуманныя черты, то онѣ находились въ зависимости не отъ чего иного какъ отъ доброй и кроткой натуры Елизаветы Петровны. Замѣна малолѣтнимъ смертной казни батогами и плетями совпадала съ общимъ вопросомъ объ отмѣнѣ наказанія смертью и даже формально исходила отъ императрицы, тогда присутствовавшей въ засѣданіяхъ Сената. Что же касается самаго вопроса объ отмѣнѣ смертной казни, то по нему Сенатъ, какъ то правильно указалъ проф. Сергѣевскій [3]), прямо сталъ

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1866 г. т. II. Мысли и замѣтки о русской исторіи

[2]) Градовскій. Высшая администрація, стр. 188.

[3]) Журналъ Гражд. и уголовн. права, 1890 г. Смертная казнь при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ стр. 58.

въ оппозицію съ желаніями государыни. Въ самомъ дѣлѣ, до изданія указа 17 Мая 1744 г. о неисполненіи смертныхъ приговоровъ до указа Сената, послѣдній, обсуждая въ Октябрѣ 1743 г. вопросъ о скопленіи массы колодниковъ, подлежавшихъ смертной казни, принялъ во вниманіе выраженное императрицей въ указѣ Лесси желаніе важныхъ преступниковъ смертной казни не подвергать, но тѣмъ не менѣе государынѣ *рѣшилъ представить всеподданнѣйшее мнѣніе* въ томъ смыслѣ, что такимъ злодѣямъ, а именно: „ворамъ, разбойникамъ, смертнымъ убійцамъ, воровскихъ денегъ мастерамъ и прочимъ, являющимся въ смертныхъ винахъ, по силѣ государственныхъ правъ и указовъ Ея И. Величества родителя вѣчно дост. пам. гос. имп. Петра Великаго, *натуральную смерть чинить надлежитъ*, для того: хотя въ тѣхъ государственныхъ правахъ и указахъ такимъ злодѣямъ и жестокія казни положены, которыя имъ понынѣ и чинены были, но и за тѣмъ жестокимъ положеніемъ, не страшась тѣхъ казней, многіе въ такихъ злодѣйствахъ и понынѣ являются". „Буде же онымъ злодѣямъ, продолжалъ въ своемъ докладѣ Сенатъ, по силѣ вышеписаннаго Ея И. В. указа, даннаго г. ф. гр. ф. Лесси прошедшаго августа 2 дня, чинить облегченіе и вмѣсто натуральной политической смертью наказывать, то Сенатъ великое опасеніе имѣетъ, чтобы въ губерніяхъ и провинціяхъ и городахъ такихъ злодѣевъ, а особливо воровъ и разбойниковъ и смертныхъ убійцъ не умножилось и отъ того бъ подданные Ея И. В. не претерпѣвали раззоренія, ибо тогда, какъ умножится, искоренять ихъ весьма трудно будетъ" [1]).

Этимъ докладомъ, повидимому, вполнѣ разрѣшается сомнѣніе, возбужденное проф. Латкинымъ по поводу упомянутого выше предположенія проф. Сергѣевскаго [2]) относительно оппозиціи Сената гуманнымъ намѣреніямъ императрицы. Сенатъ былъ по своему убѣжденъ въ необходимости смертной казни и уступилъ только прямымъ обратнымъ желаніямъ государыни,

---

[1]) Сенатскій архивъ, т. 5 стр. 650—51.

[2]) Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи, стр. 425.

пользуясь однако и далѣе каждымъ случаемъ, чтобы ослабить свою ревизіонную функцію надъ смертными приговорами [1]). При такихъ условіяхъ, конечно, отпадаетъ и вся заслуга Сената въ дѣлѣ уничтоженія смертной казни въ Россіи.

Далѣе, несмотря на всѣ благія пожеланія проникнутой гуманными началами императрицы, почти до конца ея царствованія высшій судъ и надзоръ находились въ крайнемъ упадкѣ. Въ послѣдніе годы Елизавета Петровна пожелала наверстать упущенное, но смерть пресѣкла ея стремленія на этомъ пути и развязала руки какъ нарушителямъ закона, такъ и высшимъ тому попустителямъ, такъ какъ преемникъ престола не поддержалъ начинаній своей царственной тетки. Новое царствованіе человѣка, болѣе чѣмъ неспособнаго къ пониманію государственныхъ нуждъ и интересовъ, началось своеобразными милостями. Такъ, напримѣръ, послѣдовало повелѣніе прекратить слѣдствіе надъ столь возмутившими покойную императрицу губернаторами—Салтыковымъ и Пушкинымъ; затѣмъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста знаменитый обширностью своего дѣла по злоупотребленіямъ пензенскій воевода Жуковъ [2]). Странно сказать, но при царѣ, проникнутомъ прусскими тенденціями, „русскія“ стремленія служилаго класса съ Сенатомъ во главѣ обѣщали дать пышный расцвѣтъ. Дѣйствительно, неподкупный Шаховской получилъ отставку, а генералъ-прокуроромъ былъ назначенъ мздоимецъ и попуститель Глѣбовъ

Не смотря на эти мѣры, Сенатъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько умалился въ своемъ значеніи. Съ упраздненіемъ Конференціи и позднѣе, съ учрежденіемъ императорскаго Совѣта, Сенатъ не только ничего не выигралъ, но проигралъ, такъ какъ въ Конференціи всетаки присутствовала извѣстная, болѣе или менѣе значительная часть сенаторовъ, въ Совѣтъ же ихъ попало только двое. Закрытіе Тайной Канцеляріи также должно было сократить компетенцію Сената въ виду того, что секретныя дѣла, хотя и передавались въ Сенатъ,

---

[1]) П. С. З. № 10101.

[2]) Соловьевъ. Исторія, т. 25, стр. 1242

но лишь для помѣщенія за печатями въ архивъ для вѣчнаго храненія. Мало того, въ отношеніи Сената какъ бы подчеркнуто было его судебное значеніе учрежденіемъ въ составѣ его особаго апелляціоннаго департамента для скорѣйшаго рѣшенія челобитчиковыхъ дѣлъ [1]).

Конечно, въ повелѣніяхъ молодого императора трудно пока было усмотрѣть какую либо систему, и потому Сенатъ, въ ожиданіи будущихъ лучшихъ временъ, вернулся къ прежней политикѣ устрашенія доносителей и освобожденія себя отъ „доношеній и дѣлъ, до рѣшенія его не принадлежащихъ“. Впрочемъ, новое царствованіе оказалось чрезвычайно кратковременнымъ, и при немъ физіономія, какъ лицъ, такъ и учрежденій, въ корнѣ всетаки ни въ чемъ не успѣла перемѣниться поэтому елизаветинская эпоха какъ бы непосредственно переходила въ екатерининскую, ей передавая свое печальное наслѣдіе въ области внутренняго государственнаго устройства.

[1]) П. С. З. № 11422

ВЫСШІЙ СУДЪ И НАДЗОРЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ II ДО РАЗДѢЛЕНІЯ СЕНАТА НА ДЕПАРТАМЕНТЫ.

§ 1. Отношеніе императрицы къ Сенату въ первые мѣсяцы по воцареніи и ея государственная программа.

Въ моментъ вступленія Екатерины Великой на престолъ Сенатъ занималъ очень высокое положеніе, подобное тому, какое было за нимъ въ эпоху Елизаветы Петровны и Петра Перваго. Онъ до извѣстной степени принималъ участіе въ переворотѣ, присутствуя въ Зимнемъ дворцѣ въ ту минуту, когда Тепловъ наскоро составлялъ манифестъ о новомъ царствованіи. Отправляясь изъ Петербурга въ Петергофъ во главѣ войскъ, императрица послала въ Сенатъ указъ слѣдующаго содержанія:

„Господа сенаторы,

„Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобъ утвердить и обнадежить престолъ, *оставляя вамъ, яко верховному моему правительству*, съ полной довѣренностью подъ *стражу отечество, народъ и сына моего*“ [1]).

Въ моментъ отсутствія императрицы Сенатъ, слѣдовательно, долженъ былъ во всемъ замѣнить ее. Возложивъ на Сенатъ охрану имперіи, Екатерина пополнила его составъ но-

[1]) Соловьевъ, Исторія, т. 25, стр. 1336. Бильбасовъ, Исторія Екатерины Второй, т. 2, стр. 38.

выми членами и предписала ему засѣдать день и ночь, предпринимая всѣ необходимыя мѣры, соотвѣтствовавшія тогдашнему положенію вещей. Съ похода императрица увѣдомляла Сенатъ о своемъ поступательномъ движеніи [1]). Во время „марша“ въ Петергофъ Сенатъ заботился объ охраненіи столицы отъ внезапнаго вступленія въ нее свергнутаго императора. О результатахъ своего похода Екатерина изъ Петергофа собственноручно сообщала Сенату. По смерти Петра III признательный Сенатъ оказалъ тонкую, но очень чувствительную услугу императрицѣ, ходатайствуя о томъ, чтобы государыня отложила свое намѣреніе шествовать за гробомъ внезапно, но кстати, скончавшагося супруга [2]). По возвращеніи въ Петербургъ Екатерина въ свою очередь не измѣнила своего отношенія къ Сенату и отвела для засѣданій Лѣтній дворецъ, сама принимая дѣятельное участіе въ дѣлахъ этого высшаго правительственнаго мѣста. Уже на четвертый день по своемъ воцареніи императрица присутствовала въ Сенатѣ [3]) и съ тѣхъ поръ въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ бывала тамъ среднимъ числомъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Философъ на тронѣ, энергичный высоко-просвѣщенный человѣкъ, пропитанный новѣйшими западноевропейскими научно-государственными идеями, Екатерина искренно желала воспользоваться высшимъ правительственнымъ установленіемъ Россіи для блага милліоновъ подданныхъ и славы Имперіи. Объ условіяхъ русской общественной и государственной жизни, о значеніи и слабыхъ сторонахъ самого Сената императрица была давно хорошо освѣдомлена еще во время своего пребыванія при Дворѣ въ качествѣ великой княгини, но, будучи до сихъ поръ только кабинетнымъ мыслителемъ, увѣреннымъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ силахъ и расположеніи къ ней большинства высшихъ правительственныхъ лицъ, молодая государыня считала возможнымъ, въ первое по край-

[1]) Соловьевъ, Исторія, т. 25 стр. 1340; Бильбасовъ, ib. 56 (Увѣдомленіе черезъ Панина).

[2]) Соловьевъ и Бильбасовъ.

[3]) Бильбасовъ, т. II, стр. 186.

ней мѣрѣ время, добиться благихъ результатовъ при помощи однихъ указовъ и содѣйствіи старыхъ учрежденій. Съ этой цѣлью уже черезъ три недѣли послѣ восшествія на престолъ, слушавъ до того въ Сенатѣ дѣла, свидѣтельствовавшія о крайне печальномъ состояніи правосудія въ Россіи, 18 Іюля 1762 г. императрица издала знаменательный именной указъ объ удержаніи судей и чиновниковъ отъ лихоимства [1]). Вотъ текстъ этого замѣчательнаго указа, подтверждавшаго благія, но не осуществившіяся намѣренія Петра Великаго и Елизаветы Петровны относительно все того же больного мѣста Имперіи.

„Всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ объявляемъ. Божіимъ содѣйствіемъ Престолъ нашъ утвердивши, вступили мы дѣломъ самымъ въ правленіе всего государства, тѣмъ усерднѣе, чѣмъ большее народное обремененіе и государственныя нужды того отъ насъ востребовали. *Мы уже манифестомъ Нашимъ* отъ 6 сего мѣсяца *объявили* всенародно и торжественно, что *Наше главное попеченіе будетъ изыскивать всѣ средства къ утвержденію провосудія въ народѣ*, которое есть первое отъ Бога Намъ преданное Святымъ Его писаніемъ повелѣніе, дабы милость и судъ Мы оказывали всѣмъ Нашимъ подданнымъ и Сами Себя не постыдно могли оправдать передъ Богомъ, въ хожденіи по заповѣди Его. Сіе есть путь Нашъ непорочный, которымъ Мы, изыскивая блаженство Нашего народа, ищемъ достигнуть будущаго вѣчнаго за то воздаянія. *Почему за долгъ Себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный объявить въ народѣ*, съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца Нашего, *что Мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самимъ увидѣли, до какой степени въ Государствѣ Нашемъ лихоимство возросло, такъ, что едва есть ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ Божественное сіе дѣйствіе, судъ безъ зараженія сей язвы отправлялося:* ищетъ ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Напротиву того: *многіе*

[1]) П. С. З. № 11616.

судящіе, освященное *свое мѣсто*, въ которомъ они именемъ Нашимъ должны показывать правосудіе, *въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ Насъ званіе Судіи* безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ *въ поправленіе дома своего, а не за службу приносимую Богу*, Намъ и отечеству, и мздопріимствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ.

Мы бы неправосудны были предъ Богомъ, ежели бы Мы о всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ того же мнѣнія были, но добросовѣстные и честные люди, которыми государство Наше наполнено, неизмѣнятъ лица своего, слыша и читая сіе Наше съ материнскимъ соболѣзнованіемъ негодованіе, а причастники сего зла всеконечно угрызеніе своей совѣсти почувствовать тѣмъ паче, когда они воззрятъ только на Наше дѣйствіе, въ которомъ Намъ Богъ предводительствовалъ, и Наше праведное предъ Богомъ намѣреніе, съ какимъ Мы воцарилися.

Не снисканіе высокаго имени Обладательницы Россійской, не пріобрѣтеніе сокровищъ, которыми паче всѣхъ земныхъ Намъ можно обогатиться, не властолюбіе и не иная какая либо корысть, но истинная любовь къ отечеству и всего народа, какъ Мы видѣли, желаніе *Насъ понудили принять бремя правительства*. Почему Мы не токмо все, что имѣемъ или имѣть можемъ, но и самую Нашу жизнь на отечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа Себѣ Самимъ, но всѣ труды и попеченія подъемлемъ для славы и обогащенія народа Нашего. Въ такомъ богоугодномъ намѣреніи для отечества Нашего, сколь трудно было бы Намъ царствовать, ежели бы правосудіе на судахъ не содѣйствовало Нашему желанію и сколь при томъ огорчительно, когда мзда и корысть онымъ обладаютъ въ сердцахъ таковыхъ злонравныхъ, которые, забывъ многіе предковъ Нашихъ, блаженной и вѣчно достойной памяти Государей, а особливо Дѣда Нашего Вселюбезнѣйшаго Государя Императора Петра Великаго, строжайшіе о лихоимствѣ указы, судеи недостойно,

а лихоимцевъ праведно имя носятъ и свою алчбу къ имѣнію, служа не Богу, но единственно чреву своему, насыщаютъ мздопріимствомъ, льстя себя надеждою, что все, что они дѣлаютъ по лакомству, прикрыто будто добрымъ и искуснымъ канцелярскимъ или приказнымъ порядкомъ, а сердцевѣдца Бога не памятуютъ Судію Всевышняго, Который всѣ злыя ихъ помышленія и совѣты открываетъ путями неизвѣстными, и Насъ самихъ, яко законоположницу, наконецъ побудить на гнѣвъ и отмщеніе.

Таковымъ примѣрамъ которые вкоренилися отъ единаго безстрашія въ важнѣйшихъ мѣстахъ, послѣдуютъ наипаче въ отдаленныхъ находящіеся и самые малые судьи, управители и разные къ досмотрамъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей не токмо за дѣла безвинныя, дѣлая привязки будто указовъ, въ самомъ же дѣлѣ, въ зло только ими истолкованныхъ и разоряя ихъ за то домы и имѣнія но и за такія, которыя не инако, какъ Нашего благоволенія и милости высочайшей достойны".

Приводя примѣръ собиранія денегъ регистраторомъ Новгородской губернской канцеляріи Ренберомъ съ присягавшихъ на вѣрность новой государынѣ, императрица продолжаетъ:

„Сильное однакожъ Наше на Бога упованіе и природное Наше великодушіе не лишаютъ Насъ еще надежды, чтобы всѣ тѣ, которые почувствуютъ отъ сего милосердаго къ нимъ напоминанія, нѣкоторое въ совѣсти своей обличеніе, не помыслили, сколь великое зло есть въ государственныхъ дѣлахъ мздопріимство, а на судѣ, гдѣ правда Божественная поборствовать должна, скверное лакомство и лихоимство, и потому видя Нашу умѣренность матернюю ко всѣмъ вѣрноподданнымъ. не отчаяваемся, чтобъ каждый, вразумя себя Наше сіе милостивое упоминаніе, не отринулъ отъ себя прежнихъ поступокъ, ежели онъ ими зараженъ былъ. Но когда и послѣ сего, что при вступленіи Нашемъ на престолъ, въ совершенномъ еще незлобіи сердца Нашего, всѣмъ здѣсь лихоимцамъ и мздопріимникамъ Мы восхотѣли сдѣлать увѣщаніе милосердное, не подѣйствуетъ оное въ сердцахъ ихъ

окаменѣлыхъ и зараженныхъ сею пагубною страстью, то вѣдали бы они же, что Мы установленнымъ противу сего зла закономъ Сами за правило себѣ примемъ и впредь твердо содержать будемъ, повиноваться, не давъ уже болѣе милосердію Нашему мѣста. Почему и никто, обвиненный въ лихоимствѣ (ежели только жалоба до Насъ дойдетъ праведная), яко прогнѣвающій Бога, не избѣжитъ и Нашего гнѣва, такъ какъ Мы милость и судъ въ пути непорочномъ царствованія Нашего Богу и народу обѣщали".

Приведенный указъ представляетъ собою какъ бы цѣлую правительственную программу. Императрица сама обнажала старинныя язвы Россіи и вкладывала въ нихъ руки, передъ Всевышнимъ клянясь въ искреннемъ желаніи уврачевать ихъ. Она призывала сочувствіе немногихъ праведниковъ, обращалась къ совѣсти грѣшныхъ, обѣщала милосердіе и грозила, сама себя отдавала всецѣло дѣлу государственнаго служенія; она обличала всѣ присутственныя мѣста и лица, подъ словомъ „важнѣйшія" понимая и самый Сенатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражала надежду на нравственную силу и значеніе своего указа.

То, что говорила о своей программѣ Екатерина, объявляя во всенародное свѣдѣніе, не было пустыми словами. Она дѣйствительно желала власти не для почета и могущества и удовлетворенія личныхъ страстей. Одаренная непреклонной волей и жаждой возвышенной славы, молодая императрица искренно желала быть полезной Россіи и облагодѣтельствовать судьбою врученный ей народъ.

Съ первыхъ же дней своего воцаренія она начала усиленно работать въ Сенатѣ, принимая личное участіе во всѣхъ и важнѣйшихъ и болѣе мелкихъ вопросахъ государственнаго порядка и правосудія. Унаслѣдованное отъ прошлаго положеніе Имперіи было тягостное. По собственному признанію императрицы [1]), сухопутная армія въ Пруссіи не получала жалованья за двѣ трети. Кредита не существовало; Елизавета

[1]) Русскій архивъ, 1865 г стр 470 и слѣд. Разсказъ императрицы Екатерины II о первыхъ пяти годахъ ея царствованія. См. также Сборникъ Р. И. О. т. 10, стр. 380—381.

Петровна во время семилѣтней войны желала сдѣлать заемъ въ два милліона рублей въ Голландіи, но охотниковъ реализовать предложеніе не нашлось; заводскіе, монастырскіе и помѣщичьи крестьяне волновались; государственная машина работала съ зацѣпками и притомъ крайне медленно: въ Сенатѣ, напримѣръ, одно чтеніе дѣла могло тянуться по цѣлымъ мѣсяцамъ и долѣе; финансы находились въ самомъ плачевномъ состояніи, причемъ высшее въ Имперіи правительственное мѣсто Сенатъ не знало даже точной цифры государственныхъ доходовъ. Со всѣмъ этимъ приходилось считаться молодой государынѣ, во все нужно было самой вникать. Сенатъ далѣе, опредѣляя воеводъ, не имѣлъ представленіе о числѣ городовъ въ Россіи и даже не располагалъ картой Имперіи, такъ что Екатеринѣ пришлось самой посылать въ Академію наукъ за атласомъ. То что сдѣлано было Великимъ Преобразователемъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, ко времени Екатерины мало въ чемъ подвинулось впередъ, а во многихъ отношеніяхъ даже пошло назадъ. Подъ новыми формами по прежнему жили старые люди съ ихъ старыми нравами, убѣжденіями и привычками. Слѣдовательно, беря на свои плечи тяжелую ношу государственнаго правленія, императрица во многомъ брала ее почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее оставилъ Петръ I. Въ особенности это приходилось сказать относительно вопросовъ установленія правильнаго надзора и нелицепріятнаго суда.

§ 2. Императрица слѣдитъ за судебной и контрольной дѣятельностью Сената, который не переставалъ слѣдовать своимъ прошлымъ преданіямъ.

Въ первые мѣсяцы Екатерина много сама работала въ Сенатѣ и полагалась въ извѣстной степени на него; изъ числа новыхъ сенаторовъ были, конечно, люди, сочувствовавшіе планамъ императрицы, и раздѣлявшіе ея взгляды, но въ большинствѣ Сенатъ всетаки состоялъ изъ лицъ, воспитавшихся въ прошлыхъ льготныхъ царствованіяхъ, когда о пра-

вдѣ, о трудѣ, о честности только говорили и, когда до высшихъ ступеней свободно достигали такіе презрѣнные, но ловкіе клевреты сильныхъ міра, каковыми были, напримѣръ, тотъ же Глѣбовъ или Тепловъ.

Можно подумать, что Сенатъ вначалѣ даже не вѣрилъ въ искренность стремленій бывшей германской принцессы. Онъ помнилъ исторію герцогини Курляндской, принцессы Брауншвейгъ-Люнебургской, герцога Голштинскаго и полагалъ, что примѣры прошлаго обусловливаютъ природу будущаго. Ему также была хорошо извѣстна русская пословица о новой метлѣ, вновь всегда старательно метущей, и онъ, не переча, превозносилъ новую монархиню, плакалъ передъ ней, сочинялъ проекты о сооруженіи императрицѣ монумента при жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно продолжалъ прежнюю установившуюся политику, надѣясь на продолженіе съ верховной властью добрыхъ старыхъ отношеній. Нѣкоторые факты, повидимому, поддерживали эту надежду. Въ самомъ дѣлѣ, императрица, не смотря на запретительные указы, сперва сама рѣшила принимать челобитныя отъ подданныхъ, но огорчалась тѣмъ, что среди нихъ имѣлось много не заслуживающихъ вниманія. Сенатъ пользуясь случаемъ, немедля, уговорилъ государыню прекратить новый порядокъ, указывая на то, что законы запрещаютъ подавать прошенія *самому государю*. Императрица въ принципѣ согласилась съ этимъ представленіемъ, но, повидимому, въ томъ смыслѣ, что государю не слѣдуетъ принимать челобитныхъ собственноручно. Доступа же къ себѣ въ крайности она не закрывала и потому у ней были спеціальные секретари, разбиравшіе поданные на высочайшее имя прошенія [1]). Помимо того Екатерина лично знакомилась съ подаваемыми на ея имя просьбами, все время давая имъ ходъ, и вообще постоянно слѣдила за сенатскимъ производствомъ въ сферѣ разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ и прошеній.

Несмотря на столь ясно выражаемое вниманіе императрицы

---

[1]) Русскій архивъ, 1865 г. стр. 472. Разсказъ императрицы Екатерины и пр.

къ вопросу объ удовлетвореніи непосредственно обращавшихся къ ней просителей. Сенатъ, всетаки относился къ такимъ челобитнымъ, хотя бы онѣ поступали къ нему на разсмотрѣніе непосредственно по высочайшему повелѣнію, чисто формально, т. е. отдавалъ ихъ въ какое либо изъ учрежденій, вѣдѣнію котораго могъ подлежать вопросъ, или же посылалъ указъ въ соотвѣтственное мѣсто; при томъ если челобитчикъ являлся человѣкомъ непривиллегированнаго состоянія, то обыкновенно подвергался жесточайшему наказанію за „недѣльное“ утружденіе особы государыни просьбами, помимо присутственныхъ установленій въ порядкѣ инстанцій. Если же наоборотъ онъ принадлежалъ къ высшему классу, то могъ разсчитывать на большую снисходительность. Можно привести много примѣровъ подобной двойственности сенатскаго взгляда на подателей всеподданнѣйшихъ жалобъ. Въ Февралѣ 1763 г. вдова капитана Давыдова жаловалась императрицѣ по поводу того, что, хотя она била челомъ въ Вотчинной Коллегіи объ указной части послѣ мужа въ Обоянскомъ имѣніи, однодворческій управитель майоръ Переверзевъ всетаки выгналъ ее съ сыномъ изъ наслѣдственнаго дома, разграбилъ пожитки, вымучилъ у нея купчую и, совершивъ все это, разоряетъ крестьянъ, рубитъ лѣсъ и вообще ведетъ себя, какъ злостный недобросовѣстный владѣлецъ, а въ заключеніе черезъ свою же подговоренную дворовую дѣвку безъ всякаго намека на дѣйствительность оговариваетъ Давыдову въ поджогѣ. Давыдова просила объ изслѣдованіи дѣла, но заявляла, что вслѣдствіе полнаго разоренія по инстанціямъ идти не можетъ. Именнымъ указомъ было повелѣно Сенату немедленно удовлетворить челобитчицу. Сенатъ послалъ въ Бѣлогородскую губернскую Канцелярію указъ, въ которомъ, называя самоуправство Переверзева и жалобу на него Давыдовой *спорнымъ дѣломъ, въ виду утвержденія Вотчинной коллегіей спорнаго мнѣнія за Давыдовыми, Переверзева предписалъ обязать подпиской*, чтобы онъ во владѣніе Давыдовой „ни подъ какимъ видомъ не въѣзжалъ и ей притѣсненія въ томъ не чинилъ, подъ опасеніемъ неупустительнаго по указамъ штрафа“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, повелѣ-

валось изслѣдовать по указамъ и обвиненіе Давыдовой въ поджогѣ [1]).

Такъ разрѣшилъ Сенатъ вопросъ объ обидахъ капитанской вдовы, съумѣвшей добиться по своему дѣлу монаршаго вниманія. Онъ даже не вошелъ въ обсужденіе вопроса о томъ, подлежитъ ли майоръ Переверзевъ какому либо взысканію за свои поступки. Повидимому, по мнѣнію высшаго судилища, капитанская вдова должна была уже быть довольна тѣмъ, что дѣлу ея давали какой нибудь ходъ, а сама она не подпадала подъ дѣйствіе запретительныхъ указовъ. Такъ же сравнительно удачно ходатайствовалъ передъ государыней Тенгинскаго пѣхотнаго полка капитанъ Чикинъ, просившій за своего отца, *двѣнадцать лѣтъ* содержавшагося подъ стражей въ виду незаконченнаго слѣдствія по обвиненію его главнымъ командиромъ въ упущеніяхъ по службѣ. Сенатъ, получивъ это дѣло изъ Кабинета, приказалъ собрать о немъ справки [2]).

Не столь счастливы во всеподданнѣйшихъ ходатайствахъ были люди низшихъ классовъ даже въ томъ случаѣ, когда жалобы ихъ доходили до императрицы и она приказывала Сенату разсмотрѣть ихъ. По дѣламъ такого рода рѣшенія Сената являются какъ бы трафаретными, тѣмъ болѣе, что масса поступавшихъ на высочайшее имя просьбъ подавалась крестьянами по преимуществу и касалась дѣйствій властей по неправильному укрѣпленію ихъ за частными владѣльцами. На этотъ дождь челобитныхъ Сенатъ прямо отвѣчалъ терроромъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1763 г. Пензенскаго уѣзда новокрещенные крестьяне татары, приписанные къ красочной фабрикѣ купца Тавлѣева, подали императрицѣ жалобу на то, что назначенный для охраненія ихъ отъ обидъ сенатскій курьеръ Слѣпцовъ, вошелъ въ соглашеніе съ Тавлѣевымъ, и оба они всячески мучатъ ихъ, раззоряютъ, и денегъ не платятъ. Ека-

[1]) Грибовскій. Матерьялы для исторіи высшаго суда и надзора въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины II, документъ № 9

[2]) Матерьялы, д. № 14

терина распорядилась передать жалобу въ Сенатъ, который въ свою очередь приказалъ челобитную отдать въ сенатскую экспедицію для справокъ и доклада ихъ Сенату, а челобитчиковъ, сыскавъ, сенатскому экзекутору наказать батогами за утружденіе государыни просьбами [1]). Такой же участи подвергся дворцовый крестьянинъ Сѣриковъ, который уже будучи разъ наказанъ плетьми въ сороковыхъ годахъ за подачу жалобы на высочайшее имя по дѣлу объ укрѣпленіи его во владѣніи помѣщика, вторично жаловался на то же самое Екатеринѣ. Сенатъ, получивъ эту челобитную и наведя справки, постановилъ: „Означеннаго крестьянина Сѣрикова, что онъ вѣдая о себѣ Дворцовой Канцеляріи рѣшеніе, а не имѣя на то яснаго доказательства и не дождавшись рѣшенія въ Елецкой провинціальной Канцеляріи, паче же укрываясь отъ того мимо учрежденныхъ на то мѣстъ, за состоявшимися и публикованными многими указами поданнымъ своимъ челобитьемъ Е. И. В. утруждалъ недѣльно, за то Юстицъ-Коллегіи учинить ему публичное наказаніе плетьми нещадно, дабы, смотря на то, другіе такъ чинить не отваживались". Нужно сказать, что Дворцовая Канцелярія отвергла ходатайство Сѣрикова, якобы по бездоказательности, но тѣмъ не менѣе отослала дѣло для разсмотрѣнія въ провинціальную канцелярію, но Сѣриковъ счелъ болѣе благоразумнымъ въ провинціальную канцелярію не являться и черезъ двадцать лѣтъ послѣ первой попытки освободиться отъ навязаннаго помѣщика вторично просилъ защиты у верховной власти, но Сенатъ разбилъ его надежды [2]).

Далѣе, въ томъ же году Сенатъ слушалъ докладъ по двумъ сообщеніямъ изъ кабинета императрицы, при которыхъ были приложены 36 челобитныхъ отъ разныхъ чиновъ людей, въ томъ числѣ отъ помѣщичьихъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ. Въ виду высочайшаго повелѣнія разсмотрѣть эти жалобы Сенатъ принялъ ихъ и приказалъ подлежащимъ мѣстамъ изслѣдовать обстоятель-

---

[1]) Ib. № 7.
[2]) Ib. № 11.

ства, но при томъ не упустилъ распорядиться о наказаніи всѣхъ челобитчиковъ, кромѣ гвардейскихъ солдатъ, за дерзновенную подачу Е. И. В. челобитень помимо установленныхъ на то мѣстъ [1]).

Конечно, такая масса челобитныхъ поступала на высочайшее имя въ виду хорошо извѣстнаго правосудія всѣхъ „надлежащихъ судебныхъ мѣстъ“; но любопытно то, что императрица находила возможнымъ сообщать имъ ходъ, а Сенатъ, вопреки тому, поддерживалъ принципъ „закономѣрности“, но при этомъ руководствовался особыми соображеніями, въ однихъ случаяхъ подвергая челобитчиковъ нещадному сѣченію, въ другихъ нѣтъ. Крестьянамъ, какъ было указано выше, приходилось особенно плохо. Въ 1762 г. по вступленіи на престолъ Екатерины II Сенатъ оказался заваленнымъ крестьянскими жалобами [2]). Если эти жалобы поступали по инстанціи, Сенатъ формально разрѣшалъ ихъ и полагалъ резолюцію о разсмотрѣніи въ низшихъ мѣстахъ по указамъ, т. е., иначе говоря, отдавалъ ихъ на произволъ судей и чиновниковъ; если же жалоба соединялась съ обращеніемъ къ верховной власти, Сенатъ къ формальности разсмотрѣнія присоединялъ строгое наказаніе.

Слѣдовательно, въ разсматриваемую эпоху всеподданнѣйшее прошеніе зачастую не только не помогало приключившейся бѣдѣ, но еще ухудшало положеніе жалобщика, несмотря на желаніе монарха помочь ему. А какова была судьба жалобъ въ общемъ порядкѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1762 г. сорокъ человѣкъ крестьянъ, принадлежавшихъ знаменитой Салтычихѣ, жаловались въ Сенатъ (въ порядкѣ инстанцій) на Юстицъ - Коллегію, по тому поводу что они, находясь подъ карауломъ по доносу на свою помѣщицу о совершаемыхъ ею жестокостяхъ и убійствахъ, неполучаютъ никакого содержанія и сидятъ голодомъ. Въ это же самое время Салтычиха, несмотря на указъ объ изслѣдованіи ея дѣяній, подъ предлогомъ болѣзни къ

---

[1]) Матерьялы, № 23.

[2]) Журналы и протоколы Сената въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи.

слѣдствію не привлекалась и наслаждалась свободой и безнаказанностью. Не смотря на имѣвшіеся явныя улики противъ Салтыковой, Сенатъ далеко не обезпокоился судьбою сорока свидѣтелей по вопіющему дѣлу и формально распорядился подтвердить указъ, приказавъ, той же Юстицъ-Коллегіи разсмотрѣть жалобу крестьянъ, „дабы болѣе жалобъ Правительствующему Сенату не происходило“ [1]), и только. Слѣдовательно жалобщики сенатскимъ указомъ отдавались опять на усмотрѣніе той же обжалованной Коллегіи.

Такимъ образомъ Сенатъ умѣлъ парализовать высочайшую милость въ челобитчиковыхъ дѣлахъ, но съ неменьшимъ успѣхомъ нейтрализовалъ онъ и царскій гнѣвъ въ томъ случаѣ, если попадался кто-либо изъ людей, обладавшихъ связями съ сильными міра. Дѣло Салтыковой, несмотря на всю чудовищность и особенное вниманіе къ нему императрицы затянулось на многіе годы и все-таки кончилось для виновной сравнительно благополучно. Въ то же положеніе ставились Сенатомъ и другія дѣла, въ которыхъ было желательно съ его стороны послабленіе. Это, между прочимъ, можно усмотрѣть на громкомъ процессѣ Исаіи Аршеневскаго съ подчиненными и прокуроромъ Волынскимъ. Аршеневскій, бывшій смоленскій губернаторъ, бралъ деньги за выдачу жалованья пограничнымъ комиссарамъ и всевозможными способами вымогалъ всякія приношенія съ обывателей, не брезгуя ничѣмъ. Глав-

---

[1]) Журналы и протоколы Сената за 1762 г. мѣсяцъ Январь. Въ 1763 г. поступила жалоба по тому же самому дѣлу на высочайшее имя. Жаловались дворовые люди Салтыковой, указывая на то, что въ полиціи и въ Сыскномъ приказѣ помѣщицѣ за взятки „чинится заукрывательство“ и что одинъ изъ доносителей содержится при Сенатѣ подъ стражею. Вмѣстѣ съ тѣмъ жалобщики просили, чтобы доносъ ихъ истребовать у генералъ-прокурора Глѣбова, какъ личнаго знакомаго Салтыковой. Сенатъ проявилъ обычное правосудіе. Онъ заявилъ, что слѣдствіе по доносу на Салтыкову производится, а челобитчиковъ приказалъ Московской полицеймейстерской Канцеляріи подвергнуть публичному наказанію плетьми. (Матерьялы, № 6). Дѣло свирѣпой помѣщицы было окончательно рѣшено только въ 1768 г, а жалобы начали поступать ранѣе 1757 г (Русскій архивъ, 1865 г. стр 247)

нымъ свидѣтелемъ противъ него явился ординарецъ Чижъ, черезъ котораго губернаторъ вступалъ въ сношенія съ просителями. При допросѣ Чижъ показалъ, между прочимъ, что черезъ него губернаторъ со смоленскаго шляхтича Высоцкаго взялъ двадцать рублей, съ ротмистра Потемкина десять червонцевъ, съ капитана Пересвѣтова чайникъ серебряный и двѣ лошади, съ купца Минчикова двадцать рублей и т. д. Показанія Чижа были дополнены многими любопытными подробностями свидѣтелемъ Потемкинымъ, который, будучи привлеченъ въ губернскую канцелярію по поводу своей женитьбы (?) на шляхтянкѣ Вольской, лично принужденъ былъ уплатить Аршеневскому двадцать пять червонныхъ и семьдесятъ рублей серебромъ съ придачей лошади и четырехсотъ сорока пудовъ сѣна. Прокурору Волынскому Потемкинъ далъ двухъ лошадей, секретарю Мордвинову десять рублей и дѣвку, канцеляристу Комлеву двадцать рублей и мальчика семнадцати лѣтъ. Аршеневскій оправдывался тѣмъ, что взятокъ онъ никогда не бралъ, но „обрѣтавшіеся въ той губерніи его родственники и свойственники также и пріятели изъ одной своей пріязни и любви обсылали его къ торжественнымъ праздникамъ живностью, а когда хлѣбъ поспѣетъ, то разнымъ хлѣбомъ“ [1]). Что касается денегъ, то съ Потемкина, по утвержденію губернатора, онъ ихъ не получалъ; лошадь же ротмистръ подарилъ ему „изъ любви“, а сѣно Аршеневскій взялъ „по свойству“.

17 Апрѣля 1763 г. Сенатъ разсматривалъ это дѣло на основаніи данныхъ слѣдствія, произведеннаго генералъ-маіоромъ Масловымъ, и составилъ грозный въ описательной части приговоръ, по которому Аршеневскій съ Волынскимъ и прочими губернскими чинами въ силу предшествовавшихъ указовъ присуждался къ смертной казни. Но... въ виду недавняго манифеста, обвиненнаго губернатора съ товарищами предполагалось только лишить чиновъ и права вновь поступать на государственную службу, „а болѣе все оное“ Сена-

[1]) Впрочемъ Аршеневскій на допросахъ мѣнялъ свои показанія.

томъ „предавалось въ высочайшее Е. И. В. соизволеніе“ [1]). Изъ послѣднихъ словъ видно, что удачно подведя Аршеневскаго подъ манифестъ, Сенатъ судьбою губернатора рѣшилъ озаботиться и далѣе. Въ самомъ дѣлѣ, уже при обсужденіи самаго приговора во среди сенаторовъ возникли споры и несогласія, [2]) примиренные въ удачной формулѣ примѣненія дѣйствія высочайшаго манифеста; но и послѣ того оказались недовольные.

Императрица все время сама очень интересовалась этимъ дѣломъ и, отправляя его въ Сенатъ, собственноручно писала ему: „Надѣюсь, что по самой справедливости, безъ скораго рѣшенія не оставите“ [3]). По поводу же слѣдствія она дала указъ Маслову слѣдующаго содержанія: „Изъ приложенной при семъ записки усмотрите, въ какомъ преступленіи обвиняется смоленской нашъ губернаторъ Исай Аршеневскій съ товарищами. Оное состоитъ въ такомъ скверноприбыточествѣ, которое заслуживаетъ строжайшее изслѣдованіе. А хотя-бы оное было и прежде публикованнаго нашего о лихоимствѣ въ народѣ манифеста, однакожъ, есть-ли только правда, то тѣмъ больше за важное почитаемо быть должно, что учинено отъ такого человѣка, который, вмѣсто надзиранія надъ другими, не токмо допустилъ до лихоимства своихъ подчиненныхъ, но и самъ впалъ въ оное. Изъ чего понимать можно, что когда кто въ такомъ случаѣ не упускаетъ сквернаго своего прибытка, то какъ надѣяться, чтобы у него не повредилась совѣсть въ корыстнѣйшихъ дѣлахъ, хотя-бы и великаго упущенія нашего интереса то стоило? Мы, любя правосудіе и желая искоренить

---

1) Матерьялы, № 24 и 25

2) Соловьевъ. Исторія т 25 стр. 1462. р. Ср. письмо Екатерины къ Глѣбову: „Александръ Ивановичъ! Манифестъ, который по моему указу вчерась Елагинъ остановилъ, а господа сенаторы присовѣтовали выпустить, хотя князь Яковъ Петровичъ (Шаховской) думалъ понять, что они пристали къ его мнѣнію; но нынѣ не такъ нашлось; я вамъ приказываю по ихъ мнѣнію напечатать и выпускать. Докладъ, при семъ подписавши, посылаю къ вамъ обратно, только осмотритесь родня Аршеневскаго говоритъ, что онъ, въ силѣ моихъ же указовъ, во всемъ прощенъ“. С. Р. И. О т 7, стр. 285

3) Сборникъ Р И Общества, т. 7, стр 225

столь мерзкіе пороки, оное повреждающіе, избрали васъ къ изслѣдованію сего дѣла“ [1]).

Масловъ получилъ право о производствѣ дѣла писать прямо на имя императрицы. Уже изъ этого видно, какъ была возмущена Екатерина поведеніемъ высшаго чиновника въ губерніи и тѣмъ не менѣе, при указанномъ выше приговорѣ Сената, она нашла возможнымъ еще болѣе смягчить сенатскую „сентенцію“ и писала по этому поводу Глѣбову: „Александръ Ивановичъ. Когда не накажешь людей, говорятъ — послабленіе; когда-же накажешь, тогда говорятъ — строго *Пускай Аршеневскій останется до моего пріѣзда безъ чиновъ, а тогда въ Сенатъ пріѣду* съ вышеписанными рефлекціями, да облегчу сентенцію. *Я чаю, порочатъ оный поступокъ* или тѣ, у кого совѣсть не чиста, или тѣ, которые не сочиняли, или мнѣ не совѣтовали въ резолюціи. Есть у насъ родъ людей, которые все то порочатъ, гдѣ они не призваны были вмѣсто оракула, и оракула дѣла порочатъ генерально всѣ“ [2]). Изъ этого письма явствуетъ, что осужденіе Аршеневскаго вызвало обширные толки, которымъ императрица изъ уваженія къ общественному мнѣнію, еще только утверждаясь на престолѣ, не могла не придавать значенія. И вотъ размахъ карающей руки въ отношеніи Аршеневскаго подъ дѣйствіемъ сенатскихъ пропсковъ опустился надъ преступникомъ почти въ безсиліи. Произошло это потому, что виновный губернаторъ самъ принадлежалъ къ сильнымъ міра, а покровительство таковымъ являлось основаніемъ спеціальной политики Сената предшествовавшаго царствованія, преданія котораго пока продолжались.

Когда въ слѣдственныхъ дѣлахъ попадался маленькій служилый человѣкъ, Сенатъ, по крайней мѣрѣ, съ формальной стороны иногда проявлялъ строгость, чтобы быть на высотѣ. Такъ, въ 1763 г. Воронежская губернская канцелярія вошла въ Сенатъ съ представленіемъ о прекращеніи слѣдствія надъ бывшимъ Елецкимъ воеводой Поросуковымъ и секретаремъ

---

1) Ibidem.

2) Ibid. стр. 289—287

Струковымъ на томъ основаніи, что „воевода и секретарь отъ приписываемыхъ имъ взятокъ отрекаются, обвинители же въ канцелярію не являются и хожденія по дѣлу не имѣютъ“. Канцелярія даже просила, чтобы Струкову у дѣлъ быть по прежнему. Просьба эта была тѣмъ страннѣе, что слѣдствіе надъ поименованными лицами предписывалось двумя сенатскими указами отъ 1760 и 1762 гг. Очевидно, Елецкая канцелярія поступала такъ, пользуясь указаніями предшествовавшей практики, но на этотъ разъ Сенатъ всетаки постановилъ послать третій указъ съ поставленіемъ на видъ Канцеляріи ея неосмотрительности въ приведенномъ ходатайствѣ за Струкова. Такимъ образомъ на этотъ разъ въ преслѣдованіи виновнаго чиновника Сенатъ самъ изъявилъ особую настойчивость. Къ сожалѣнію, однако, въ данномъ случаѣ можно предположить [1]), что елецкому воеводѣ съ секретаремъ не повезло, не смотря на предстательство губернской канцеляріи, по той причинѣ, что въ Сенатѣ въ то время „елецкіе помѣщики, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры“ объявляли, что секретарь, злобствуя по сдѣланнымъ на него доносамъ, „никакого по дѣламъ ихъ удовольствія не чинитъ“. Слѣдовательно, заступничество канцеляріи столкнулось съ жалобами мѣстныхъ вліятельныхъ лицъ, которымъ изъ принципа Сенатъ во всякихъ дѣлахъ отдавалъ предпочтеніе. Такое положеніе допустимо тѣмъ болѣе, что въ остальныхъ подобныхъ случаяхъ Сенатъ по преимуществу систематически пагубнымъ формализмомъ при тогдашнемъ состояніи суда и администраціи затруднялъ правосудіе и правильную отвѣтственность должностныхъ лицъ.

Это въ свою очередь порождало крайнее неуваженіе къ законности, въ неимовѣрныхъ размѣрахъ особенно проявлявшееся на отдаленныхъ окрайнахъ. Такъ, прежде всего издавна славилась, какъ центръ служебныхъ злоупотребленій всякаго рода, Сибирь [2]). Долгіе годы тянулось знаменитое дѣло объ иркутскомъ слѣдователѣ Крыловѣ и

---

[1]) Приложенія, № 27.

[2]) С. М. Прутченко. Сибирскія окраины, стр. 39 и слѣд.

его дѣйствіяхъ въ Иркутскѣ; мелкими частными доносами о сибирскихъ порядкахъ наполнено было все царствованіе Елизаветы Петровны; при Екатеринѣ подобныя частныя заявленія еще болѣе усилились, и нѣкоторыя изъ означенныхъ ими злоупотребленій были публично признаны императрицей въ ея именномъ указѣ объ отправленіи капитана Щербачева съ командою въ Сибирь для отвращенія происходящихъ тамъ непорядковъ и взятокъ, вымогаемыхъ при сборѣ ясака [1]).

„Извѣстно Намъ говорилось въ упомянутомъ указѣ, что во всей Сибирской губерніи и Иркутской провинціи положенный ясакъ съ тамошнихъ жителей съ крайнимъ отягощеніемъ и безпорядкомъ сбираютъ, или справедливѣе сказать, посылаемые для сбора ясака сибирскіе дворяне, казаки и дѣти боярскіе не настоящіе положенные ясаки въ казну Нашу собираютъ, но безсовѣстнымъ образомъ всѣхъ таковыхъ безгласныхъ и беззаступныхъ ясочныхъ, яко то: якутовъ, тунгузовъ, чукчъ, братскихъ казаковъ и прочихъ тому подобныхъ, разнаго званія подданныхъ Намъ народовъ грабятъ и до конца разворяютъ. Мы не можемъ безъ особливаго Нашего матерняго соболѣзнованія и на мысль себѣ представить о таковомъ происходящемъ въ отдаленныхъ частяхъ Нашей Имперіи неустройствѣ и народной тягости, которую принуждены Наши вѣрно поданные сносить съ крайнимъ оскорбленіемъ, единственно отъ насильства, грабежа и утѣсненія сборщиковъ ясака и ихъ помощниковъ“. „Къ отвращенію упомянутыхъ вредностей“ и отправлялся Щербачевъ.

Казалось бы, при такихъ обстоятельствахъ органъ высшаго надзора въ государствѣ долженъ былъ крайне интересоваться, тѣмъ что, дѣлалось на далекой окраинѣ тѣмъ болѣе, что, какъ оказывалось, Сибирскій приказъ не стоялъ на высотѣ своего положенія. Но для Сената Сибирь была во многихъ отношеніяхъ больнымъ мѣстомъ и о ней напоминанія ему не нравились. Это видно изъ слѣдующихъ фактовъ [2]).

---

[1]) П. С. З. № 11749

[2]) Матерьялы, № 28 и 29

Бывшій сибирскій губернаторъ, тайный совѣтникъ, Соймоновъ сообщалъ Сенату въ 1762 г, что Иркутскимъ вице-губернаторомъ Вульфомъ въ отвѣтъ на ордеры и предложенія порученной вѣдѣнію Соймонова секретной Комиссіи дѣлаются всякія препятствія и представляются отговорки. Сенатскими указами было предписано Вульфу содѣйствовать Соймонову, но вице-губернаторъ имѣлъ основанія уклонятся отъ того Случилось такъ, что Нерчинская горная канцелярія пожаловалась на недостатокъ соли на Нерчинскихъ горныхъ заводахъ Соймоновъ и заводская канцелярія писали о томъ въ Иркутскую канцелярію, требуя подвоза. На заводахъ, между прочимъ, догадывались, что хотя соль въ Нерчинскъ и отправилась, но ее по дорогѣ кто то перехватывалъ въ свою пользу. Не смотря на начавшуюся по этому поводу переписку соль не прибывала; между тѣмъ Главная соляная Контора увѣдомила Соймонова, что ею посланы указы къ иркутскому вице-губернатору и въ тамошнее Соляное комиссарство о довольствованіи Нерчинска съ вѣдомствомъ изъ Селенгинскихъ соляныхъ промысловъ, такъ какъ на Борзинскомъ озерѣ, откуда шла обычная поставка, соли не хватило. Соймоновъ распорядился для заготовки этого необходимаго предмета питанія послать на Селенгинскіе промыслы прапорщика Линденау Однако, и въ этомъ случаѣ Селенгинская и Нерчинская канцеляріи оказали противодѣйствіе, а исправлявшій должность нерчинскаго воеводы поручикъ Федоровъ даже побилъ батожьемъ двухъ солдатъ, присланныхъ къ нему для его понужденія; не смотря на сообщеніе о томъ, Иркутская Канцелярія не обратила на упорство подчиненныхъ мѣстъ никакого вниманія.

Между тѣмъ населеніе Нерчинскихъ заводовъ продолжало подвергаться болѣзнямъ отъ недостатка необходимой приправы къ пищѣ, а Главная соляная контора приказала Соймонову произвести слѣдствіе для выясненія, кѣмъ задерживается соль, и съ мнѣніемъ своимъ о томъ представить результаты слѣдствія въ ту же Главную соляную контору. Соймоновъ написалъ о такомъ распоряженіи Главной соляной конторы въ Сибирское соляное Комиссарство, но оттуда ни-

какого отвѣта не получилъ. Откликнулись за это время только товарищи иркутскаго вице-губернатора, заявившіе, что они заготовили по увѣдомленіямъ Соймонова опредѣленія о посылкѣ въ Селенгинскую и Нерчинскую воеводскія канцеляріи побудительныхъ указовъ, причемъ проекты опредѣленій посылались на квартиру заболѣвшему въ то время Вульфу, но вице-губернаторъ опредѣленій подписать не пожелалъ и кромѣ того обвинилъ своихъ товарищей въ плутовствѣ. Онъ утверждалъ, что въ опредѣленіяхъ канцелярскихъ заключается извиненіе Иркутской Канцеляріи передъ Соймоновымъ и тѣмъ мотивировалъ свой отказъ подписать бумаги Къ этому вице-губернаторскіе товарищи добавляли, что въ 1762 г. они уже разъ увѣдомляли Сибирскій Приказъ объ уклоненіи Вульфа отъ коллегіальнаго обсужденія канцелярскихъ опредѣленій и о составленіи имъ самостоятельныхъ со внесеніемъ туда различныхъ несуществовавшихъ обстоятельствъ.

Итакъ, Соймоновымъ обнаруживались различныя сибирскія злоупотребленія. Повидимому, Сенатъ по „должности“ своей не могъ не отнестись къ этимъ свѣдѣніямъ со вниманіемъ, однако изъ сенатской справки, между прочимъ, оказалось, что Соймонову со стороны Сената еще на предшествовавшія его представленія подобнаго же содержанія послѣдовалъ запросъ и замѣчаніе. По болѣе раннимъ доношеніямъ Соймонова, тогда еще сибирскаго губернатора, Сенатъ отправилъ въ Сибирскій Приказъ приличные указы, но вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ „ему губернатору Соймонову впредь о таковыхъ отъ Сибирскаго Приказа до Сената не принадлежащихъ дѣлахъ не представлять, а представить по командѣ. *а чего ради мимо онаго представляемо въ Сенатъ*, о томъ прислать отвѣтъ“.

Соймоновъ своимъ отвѣтомъ на данное замѣчаніе заставилъ, вѣроятно, Сенатъ покраснѣть. Онъ рапортовалъ, что всѣ его представленія Сенату „учинены не отъ Сибирской губернской Канцеляріи, *но особливо по порученной ему секретной и о заграничныхъ обращеніяхъ комиссіи вслѣдствіе даннаго* бывшему тамъ губернаторомъ покойному адмиралу и кавалеру Мятлеву *отъ 28 Декабря 1753 года изъ Сената указа*,

коимъ по протчемъ повелѣно о всемъ по той секретной комиссіи, что происходить будетъ, въ Сенатъ рапортовать по часту, особливо, не смѣшивая съ губернскими дѣлами". Мало того, по рапорту Соймонова оказалось, что гораздо позже 53 года, а именно въ 1760 г. 21 Сентября самому Соймонову сенатскимъ указомъ было предписано „въ Сенатъ представлять о происходимыхъ по воеводскимъ и управительскимъ Канцеляріямъ непорядкахъ, кѣмъ бы оные именно учинены и къ пресѣченію оныхъ какія имъ предосторожности сдѣланы".

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ Сенатъ не зналъ, или знать не хотѣлъ своихъ собственныхъ указовъ и губернаторъ долженъ былъ ему напоминать о нихъ. Не удивительно послѣ того, что Воронежская губернская Канцелярія пыталась послѣ полученія двухъ сенатскихъ указовъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, хлопотать о прекращеніи предписаннаго Сенатомъ слѣдствія: очевидно, она надѣялась на забывчивость Сената, и, вѣроятно, добилась бы желаемаго, еслибъ ей не помѣшали не кстати объявившіеся генералитетъ и штабъ-офицеры, своими жалобами и вліяніемъ заставившіе Сенатскую Канцелярію порыться въ старыхъ указахъ и извлечь ихъ на свѣтъ Божій.

Сконфуженный Соймоновымъ Сенатъ на этотъ разъ составилъ опредѣленіе въ пользу представленій начальника Секретной Комиссіи, но, какъ всегда въ дѣлахъ надзора, слишкомъ формально. Именно, онъ указалъ, что недостатокъ соли хотя и чувствовался въ Нерчинскѣ, но временно и потомъ былъ устраненъ; причины же задержки пока не были выяснены, а потому и сужденіе о нихъ подлежало отсрочкѣ. Что касается поведенія Вульфа, то Сенатъ постановилъ соймоновскія донесенія отослать въ Сибирскій приказъ на разсмотрѣніе, а Вульфу отъ Сената на будущее время сдѣлать внушеніе, чтобы онъ требованіямъ губернаторскимъ повиновался, и больше ничего. Дѣло такимъ способомъ откладывалось въ долгій ящикъ, Вульфъ же косвенно поощрялся къ новымъ проявленіямъ произвола. Этого ли желала Императрица, меча громы и молніи противъ лихоимцевъ и нарушителей закона всякаго рода?

Въ томъ же засѣданіи, когда разсматривались представленія Соймонова о нерчинской соли и поступкахъ Вульфа, Сенатъ слушалъ докладъ по донесенію того же Соймонова, о притѣсненіяхъ, производившихся въ Сибири разнымъ ясачнымъ инородцамъ. [1]) Дѣло заключалось въ томъ, что еще 1748 г. именнымъ указомъ Вульфу было повелѣно произвести разслѣдованіе о притѣсненіяхъ при сборѣ ясака разнымъ инородцамъ, камчадаламъ по преимуществу. Однако, и 1760 г. [2]) иркутскимъ вице-губернаторомъ ничего не было сдѣлано въ данномъ исправленіи.

Наоборотъ, притѣсненія годъ отъ году возростали. По этому поводу Соймоновъ приказалъ въ 1761 г. принимать подаваемыя инородцами жалобы полковнику Плениснеру и для слѣдствія отсылать ихъ въ Якутскую канцелярію. Туда же были отосланы челобитныя, въ числѣ болѣе пятидесяти, на дѣянія дворянъ, дѣтей боярскихъ, казаковъ и подъячихъ. Якутская канцелярія по всѣмъ такимъ прошеніямъ постановила „поступить по формѣ суда“. Очевидно, что такимъ образомъ, при состязательномъ порядкѣ процесса „по формѣ суда“, незнакомые съ русскимъ языкомъ и процессуальными обрядами якуты ставились въ безвыходное положеніе Пользуясь этимъ, сборщики ясака совсѣмъ распустились, собирая громадныя дани мѣхами и деньгами и предаваясь дикому разгулу. По донесенію якутскаго воеводы Чередова разобраться въ дѣлахъ по всѣмъ безчинствамъ и злоупотребленіямъ не представлялось возможности, такъ какъ съ 1752 по 62 годъ накопилось такихъ дѣлъ болѣе полуторы тысячи Для разбора ихъ требовалось усиленіе канцеляріи, а иркутское начальство, задаренное виновными, такого усиленія не производило Тотъ же Чередовъ доносилъ, что помимо ясачныхъ сборовъ и насилій, на якутовъ налагались особыя тягости. Съ 1756 по 63 годъ для гоньбы въ Охотскъ и другія мѣста якуты должны были поставить на своемъ корму съ проводниками тысячу сорокъ девять лошадей, да подъ проводниковъ тысячу пятьсотъ сорокъ шесть что, въ перело-

[1]) Матерьялы, № 29.
[2]) Ib. № 28

женіи на деньги, принимая во вниманіе довольствіе проводниковъ и снаряженіе лошадей, составляло приблизительно сто тридцать три тысячи рублей слишкомъ Помимо того, на якутовъ возлагалась обязанность содержать тридцать пять почтовыхъ станковъ и на каждомъ изъ нихъ по двадцати пяти лошадей [1]), кобылъ по восьми, жеребцовъ по одному, быковъ для возки сѣна по три и по десяти коровъ, что въ общей сложности имъ обошлось съ прокормомъ животныхъ за семь лѣтъ въ сто сорокъ тысячъ рублей съ небольшимъ.

Доношенія Чередова были очень цѣнны, но они не могли правиться на мѣстѣ тѣмъ болѣе, что своевременно онъ доносилъ также относительно злоупотребленій многихъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ—капитана Лебедева, прапорщика Шмелева и полковника Жеребятникова. Чтобъ избавиться отъ безпокойнаго воеводы, Чередова потребовали въ Иркутскъ подъ предлогомъ обвиненія въ убійствѣ ямщика.

Между тѣмъ дѣло объ утѣсненіяхъ ясачныхъ инородцевъ интересовало самое императрицу, отправившую въ Сибирь для изслѣдованія злоупотребленій капитана Щербачева. Въ виду этого обстоятельства Сенатъ по приведеннымъ сообщеніямъ Соймонова постановилъ менѣе но все же формальное опредѣленіе, которое и представилъ Екатеринѣ. Къ сожалѣнію по этому опредѣленію прежде всего отрѣшался отъ должности и отдавался подъ слѣдствіе Чередовъ, а затѣмъ уже, между прочимъ, разрѣшалось усилить Якутскую канцелярію, принимать отъ якутовъ жалобы на другихъ сибирскихъ обывателей до пятидесяти рублей, разсматривая ихъ не судомъ, а слѣдствіемъ [2]); присланное изъ Якутской канцеляріи отъ Чередова доношеніе отдавалось Щербачеву и кромѣ того о непримѣненіи къ якутамъ суда по формѣ долженъ былъ состояться особый докладъ императрицѣ. Послѣднее, однако, не разрѣшало вполнѣ вопроса, такъ какъ чтобы поставить якутовъ опять въ безысходное положеніе и при новомъ сенатскомъ

[1]) Лошадь—меринъ; съ татарскаго алаша-атти.

[2]) Высочайше утвержденный докладъ Сената о производствѣ дѣлъ по претензіямъ якутовъ не свыше 50 р. порядкомъ слѣдственнымъ см. П С. З. № 11827.

указѣ, стоило только имъ не причинять обидъ менѣе, чѣмъ на пятьдесятъ рублей. Итакъ, и въ настоящемъ случаѣ дѣйствія Сената не совсѣмъ совпадали съ широкими видами и намѣреніями императрицы.

Своей обычной политикѣ формализма Сенатъ слѣдовалъ далеко не только въ сибирскихъ дѣлахъ; въ дѣлѣ извѣстнаго Хорвата, онъ, какъ и во многихъ другихъ, точно также, несмотря на всю важность слѣдствія, производимаго надъ ловкимъ выходцемъ и проходимцемъ [1]), опять въ этомъ очень крупномъ процессѣ сбился на попустительство и формализмъ Впрочемъ, и здѣсь онъ былъ также, хотя не прямо, но всетаки заинтересованъ въ дѣлѣ. Именно одинъ изъ доносителей на Хорвата [2]), майоръ Шмитъ, черезъ кіевскаго генералъ-губернатора Глѣбова доводилъ до свѣдѣнія Сената, что сенатскій оберъ-секретарь Ермолаевъ и секретарь Донской, состоявшіе въ хорватовской комиссіи, задарены Хорватомъ и потому дѣйствуютъ въ его пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шмитъ сообщалъ, что въ управлявшей временно всѣмъ Новосербскимъ корпусомъ канцеляріи незаконно присутствуютъ свойственникъ Хорвата надворный совѣтникъ Акадатовъ, и состоящій подъ слѣдствіемъ по тому же дѣлу капитанъ Булацель, а предсѣдательствуетъ полковникъ Станиславскій, обвиняемый во всевозможномъ укрывательствѣ Хорвата и притѣсненіяхъ свидѣтелямъ злоупотребленій выводчика Новосербской Колоніи.

Во всѣ обвиненія стоило вникнуть въ виду того, что Хорватъ дѣйствительно задаривалъ всѣхъ, кого только можно; Сенатъ, однако, не обратилъ на приведенное донесеніе должнаго вниманія и въ данномъ случаѣ исполнилъ свои обязанности только наполовину. Онъ приказалъ отправленному для присутствованія въ слѣдственной по хорватовскому дѣлу коммиссіи капитану князю Грузинскому разсмотрѣть донесенія

---

[1]) Хорватъ былъ отрѣшенъ отъ должности при Екатеринѣ II именнымъ указомъ 11 Іюля 1763 г., а на мѣсто его назначенъ Мельгуновъ. П. С. З. № 11861.

[2]) Дѣло Хорвата началось еще при Елизаветѣ Петровнѣ, но на время было потушено умѣлыми руками; Екатерина, однако, возобновила заглохшій было процессъ и довела его до конца.

Шмита на Станиславскаго и прочихъ: что же касается задариванья сенатскаго оберъ-секретаря и секретаря, то Сенатъ нашелъ, что „какъ изъ полученныхъ изъ Коммиссіи отъ реченнаго генералъ-губернатора Глѣбова репортовъ яснаго на то въ силѣ законовъ доказательства и *отъ самого Хорвата никакого о томъ* показанія не видно, то также его Шмита объявленіе ни въ малѣйшее подозрѣніе почесть не можно, слѣдственно по тому и отрѣшать ихъ-оберъ-секратаря и секретаря отъ производства по Новой Сербіи и по комиссіи дѣлъ резону нѣтъ“ [1])

Можно себѣ представить, что если Воронежская Канцелярія не хотѣла разставаться со своимъ провинціальнымъ секретаремъ, то тѣмъ болѣе, „резону“ для этого не было Сенату, который держался своей канцеляріей—секретарями и оберъ-секретарями, хотя, какъ показало дѣло Брянчанинова и Веймарна, они далеко не всегда бывали безъ грѣха [2]). Въ данномъ случаѣ для характеристики взглядовъ Сената любопытнымъ являлось то обстоятельство, что въ доказательство попустительства своихъ секретарей онъ требовалъ свидѣтельства самого заинтересованнаго лица — Хорвата и нисколько не смущался, внося подобныя требованія въ свое опредѣленіе.

Въ виду указаннаго направленія дѣятельности Сената по суду и надзору императрица убѣдилась въ необходимости вступить въ борьбу съ высшимъ установленіемъ Имперіи. Однако, первые шаги Екатерины на этомъ поприщѣ были очень осторожны, и эта осторожность, между прочимъ, вынуждалась тѣмъ обстоятельствомъ, что первое послѣ хорватовскаго крупное дѣло, въ которомъ пришлось принять участіе Екатеринѣ, непосредственно затрогивало съ очень больной стороны самый Сенатъ. Именно, дѣло касалось, сенаторскаго оберъ-секретаря Брянчанинова и секретаря Веймарна. Въ брянчаниновской исторіи чины Сенатской канцеляріи выступили въ самомъ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ.

Обстоятельства дѣла заключались въ томъ, что Брянчаниновъ и Веймарнъ, производя дѣло о возвращеніи Бестужеву-Рюмину отданныхъ имъ на сохраненіе венденскому депутату

[1]) Матерьялы, № 4
[2]) П. С. З. № 11961.

Трамповскому разныхъ вещей и скрѣпя собственноручно сенатское по этому поводу опредѣленіе, тѣмъ не менѣе взяли себѣ алмазныя вещи, золотую табакерку и три пары платья, причемъ насильно склонили Трамповскаго къ отдачѣ имъ этихъ вещей подъ видомъ продажи и при помощи подлога На случай судебныхъ, могущихъ возникнуть по такимъ дѣйствіямъ, разбирательствъ оба секретаря обѣщали Трамповскому свое сильное покровительство.

Императрица, разсмотрѣвъ постановленіе суда, приговорившаго Брянчанинова и Веймарна къ политической смерти, смягчила его, но при томъ выказала какую-то нерѣшительность передъ Сенатомъ, или лучше сказать, нѣкоторую личную, скрытую отъ чьихъ то глазъ, политику. Именно, по конфирмаціи государыни Брянчаниновъ, лишался чиновъ, объявлялся „преступникомъ указовъ и мздоимцемъ“ и долженъ былъ быть заключеннымъ въ тюрьму на полъ-года. Между тѣмъ, уже въ своей конфирмаціи оказывая преступнику милость, Екатерина, однако, пожелала смягчить наказаніе и далѣе, т. е. вмѣсто тюрьмы заключить его въ крѣпость, о чемъ сообщила Глѣбову, который, записавъ слова государыни, объявилъ ихъ въ Сенатѣ. Императрица оказалась недовольна такой нескромностью генералъ-прокурора и потому писала ему: „Александръ Ивановичъ! Я тебѣ за конфиденцію говорила объ содержаніи Брянчанинова въ крѣпости, а ты то записалъ въ Сенатѣ; того ради присылайте ко мнѣ немедленно тѣ записанныя учрежденныя, дабы въ сентенціи контрадикціи не произошло“ [1]).

Такимъ образомъ Екатерина или считала нужнымъ скрыть отъ сенаторовъ дальнѣйшее смягченіе участи Брянчанинова, или скрывала его отъ общества. Въ этомъ заключалась какая то таинственность, такъ какъ Глѣбовъ отвѣчалъ императрицѣ: „Я прежде умру, нежель Вашего Величества въ чемъ либо конфиденцію открою: но какъ я разумѣлъ повелѣніе Вашего Величества исполнить Сенату, то я такъ точно и объявилъ, *да оно жъ*

[1]) Сборникъ Р. И. Общества, т 7, стр. 323 Въ ссылку Сборника на П. С. З. по дѣлу Брянчанинова и Веймарна закралась опечатка—вмѣсто № 11661 слѣдуетъ читать № 11961

бы никогда въ публичный манифестъ и не вошло, а только бъ исполнено было по мѣсту, которому слѣдовало; но совсѣмъ тѣмъ не можетъ рабъ передъ Господомъ своимъ оправдаться. Опредѣленіе же, каково учинено, но не исполнено, при семъ всеподданнѣйше подношу“ [1]). Вся таинственность въ этомъ дѣлѣ объяснялась политикой Екатерины. Повидимому, нужно предположить, что императрица дѣлала уступку нѣкоторымъ лицамъ, предстательствовавшимъ за Брянчачинова, дѣлала уступку самому Сенату, о чемъ Глѣбовъ не утерпѣлъ и поспѣшилъ радостно разблаговѣстить.

§ 5. Раздоры въ Сенатѣ облегчаютъ Екатеринѣ возможность занять по отношенію его подобающее положеніе.

Молодая императрица вполнѣ сознавала необходимость радикальнаго исправленія укоренившейся, но достойной порицанія, сенатской практики; однако, какъ было указано выше, она приступала къ осуществленію своихъ предначертаній медленно и осторожно. Ея первымъ дѣйствіемъ въ указанномъ направленіи было пополненіе стараго Сената новыми членами. Послѣдствія этого преднамѣреннаго обновленія не замедлили сказаться. Сенатъ въ первый же годъ царствованія Екатерины разбился въ прежнемъ единствѣ и, дѣлясь на партіи, началъ ссориться и враждовать. Это дало императрицѣ поводъ по дѣлу калужскаго воеводы Мясоѣдова объявить Сенату такой указъ [2]). „Гг. Сенаторы! *Я не могу сказать, чтобъ вы не имѣли патріотическаго попеченія о пользѣ Моей и пользѣ общей, но съ соболѣзнованіемъ должна вамъ сказать и то, что не съ такимъ успѣхомъ дѣла къ концу своему приходятъ, съ какимъ желательно: въ доказательство* сему *довольно и одного сей день* трактованнаго въ Сенатѣ *дѣла* о воеводѣ Мясоѣдовѣ, *не упоминая* о многихъ, *гдѣ интересы Наши и общая польза терпитъ:* но какая бъ

[1]) Ibid. стр 323—324.
[2]) П С З. № 11845.

тому причина была, Мы побуждены были изыскивать и наконецъ нашли, и по истинѣ сказать, нашли тѣ причины: но къ крайнему своему прискорбію и огорченію тѣмъ, что онѣ единственно въ томъ только и состоятъ, что *присутствующіе въ Сенатѣ имѣютъ междуусобное несогласіе, вражду и ненависть*, и одинъ другого дѣлъ не терпитъ, а потому и раздѣляются на партіи, и *стараются изыскивать одинъ другому причины огорчительныя*, словомъ сказать, *производятъ* совсѣмъ *благоразумнымъ, почтеннымъ и доброжелательнымъ людямъ дѣла не свойственныя...*"

Итакъ, къ собранію старѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ съ точки зрѣнія отличій по службѣ людей въ государствѣ молодая императрица обращалась съ увѣщаніемъ, вначалѣ, щадя самолюбіе его членовъ, въ наиболѣе мягкихъ выраженіяхъ, но далѣе она переходила непосредственно въ наставническій тонъ.

„Что жъ отъ того рождается? продолжаетъ указъ.—Одна только безпредѣльная злоба и раздоръ, а тѣмъ самымъ ни интересамъ Нашимъ, ниже подданнымъ, желаемой пользы не приходитъ. Я думаю, что всякъ, кто только незазорную свою совѣсть поставитъ надъ собою судьею, тотъ безпрекословно признаться долженъ, что примѣчаніе Наше о семъ праведно есть; Богъ единъ сердцевѣдецъ вѣдаетъ, сколь мы прилежимъ о благополучіи Нашего любезнаго отечества, и, по истинѣ сказать, ничто Насъ столь не утѣшаетъ, какъ цвѣтущее благосостояніе онаго, такъ что въ вашемъ благоденствіи и всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ поставляемъ Мы собственное Наше благоденствіе, а *прямое Наше удовольствіе въ праведномъ и нелицемѣрномъ отъ васъ происходящемъ судѣ*, въ тишинѣ и въ спокойствіи отъ того Нашихъ подданныхъ.

Вы сами довольно знаете, сколь полезно, не только между первыми членами въ государствѣ, но между средними и самыми малыми людьми къ правленію дѣлъ доброе согласіе, столь напротиву того вредно и раззорительно государству раздоръ, вражда и несогласіе, о семъ излишне приводить на память многія доказательства, но всякій благоразумный можетъ видѣть почти безчисленные примѣры въ древней и новой

исторіяхъ, какія отъ того происходили вредныя слѣдствія, и наипаче у грековъ *А наконецъ можно и сіе упомянуть, что раздоръ и несогласіе между первѣйшими людьми ежечасно*, сколь бы терпѣливъ и *милосердъ государь ни былъ, подвигнуть его на гнѣвъ*, ваши жъ несогласія наносятъ многимъ безпокойства и тягость. Не послѣдняя причина и сія къ несогласію, что нѣкоторые порочатъ дѣла другихъ, хотя бы они и полезны были, для того только, что не ими сдѣланы, хотя сами однакожъ ихъ никогда не сильны сдѣлать. Но въ такомъ случаѣ здраво разсудить должно, что не всѣ люди равные таланты имѣютъ. Одинъ одаренъ натурою больше, а другой несравненно меньше; и для того при всякомъ обстоятельствѣ надлежитъ каждому себя умѣривать и съ благопристойностью послѣдовать безъ всякаго упорства и суесловія здравому разсудку, а чрезъ то и достигнуть полезнаго предпріятія. И тако Мы, изъяснивъ довольно Нашу волю и мысли, въ заключеніе сего нашимъ словомъ объявляемъ, что ничего Намъ пріятнѣе не можетъ быть, когда Мы увидимъ, что раздоръ, вражда и вкоренившаяся до сего ненависть совсѣмъ истребится, а вмѣсто того, къ утѣшенію Нашему и всеобщему, возстановится любовь и согласіе, единодушное стараніе о пользъ любезнаго Намъ отечества".

Раздѣленіе на партіи, раздоры и несогласія въ Сенатѣ, собственно говоря, были стариннымъ явленіемъ Еще въ петровскомъ указѣ Сенату предписывалось, „чтобъ въ засѣданіи лишнихъ словъ и болтовни не было, то время ни о чемъ другомъ, только о настоящемъ говорить, рѣчи другому не перебивать, но дать окончить и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ". На генералъ-прокурорѣ поэтому лежала обязанность приводить спорящихъ къ соглашенію и слѣдить за тѣмъ, чтобы стороны не выходили изъ рамокъ приличія и не затягивали споровъ. Приведенный петровскій указъ касается раздоровъ и несогласій; партійность же Сената удостовѣряется вышеупоминаемымъ письмомъ Меншикова къ статсъ-секретарю Макарову по дѣлу московскаго губернатора Салтыкова [1]) Раздоры въ

[1]) Стр 18—19.

Сенатѣ не прекращались и въ послѣ петровскую эпоху, вплоть до царствованія Елизаветы Петровны, когда высшее правительственное и судебное учрежденіе Россіи вдругъ проникло видимымъ единствомъ. Единство это, однако, быстро, почти внезапно, распалось при преемницѣ Петра III. Въ самомъ дѣлѣ, Екатерина различаетъ въ своемъ указѣ сенаторовъ по дарованіямъ; въ секретномъ же наставленіи Вяземскому она проводитъ различія и въ нравственныхъ качествахъ, а также прямо указываетъ на существованіе среди сенаторовъ двухъ партій („Въ Сенатѣ найдете вы двѣ партіи, но здравая политика съ моей стороны оныя отнюдь не уважать“ Сборникъ Р. И. О., т. 7, стр 346). Что же касается Елизаветы Петровны, то еще очень недавно въ 1760 г порицала Сенатъ огуломъ: значитъ, если при ней партіи и существовали, то онѣ сами въ необходимыхъ случаяхъ умѣли приходить къ соглашенію и не выдавать себя. Но въ екатерининское время вдругъ проступаетъ страшная рознь: въ почтенной сенаторской средѣ оказываются развивающимися взаимная ненависть и злоба—знаменательный фактъ, который требуетъ надлежащаго объясненія. И несомнѣнно, что причина этой страшной въ глаза бросавшейся розни заключалась въ томъ, что въ Сенатѣ, на ряду со старыми находились теперь и новые люди, по личнымъ убѣжденіямъ или по другимъ соображеніямъ сочувствовавшіе новымъ вѣяніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вошедшіе въ составъ Сената исключительно по волѣ новой государыни внѣ зависимости отъ прежде практиковавшейся косвенной адоптаціи со стороны прочихъ уже присутствовавшихъ членовъ. Теперь въ Сенатѣ мы находимъ личныхъ ставленниковъ молодой императрицы наряду съ тѣми старыми сенаторами, которые еще хорошо помнили сенатскую власть и вольность предшествовавшихъ двухъ царствованій, не стѣснявшихъ Сенатъ личнымъ вмѣшательствомъ монарха въ судебныя и правительственныя дѣла, а между тѣмъ съ паденіемъ Петра III, не успѣвшаго измѣнить елизаветинскія традиціи, обстоятельства круто измѣнились: императрица начала сама посѣщать засѣданія Сената, пренія происходили очень часто на ея глазахъ: при но-

выхъ обстоятельствахъ старымъ членамъ Сената, и несочувствовавшимъ намѣреніямъ императрицы не хотѣлось уронить себя въ ея глазахъ, а тутъ рядомъ проступало искреннее или дѣланное стремленіе со стороны новыхъ членовъ попасть въ тонъ государынѣ и относиться къ дѣлу на основахъ закона и добросовѣстности [1]). Два теченія столкнулись Отсюда получилась вражда, и зависть и ненависть, отзывавшіяся на сенатской дѣятельности, мало радовавшей монарха. Однако, не смотря на свою темную сторону сенатскіе раздоры при Екатеринѣ являлись залогомъ успѣшности дѣятельности указанной коллегіи въ будущемъ, и императрица прекрасно понимала это. Уже характерно, между прочимъ, для ея указа о сенатскихъ несогласіяхъ, при общемъ мягкомъ тонѣ увѣщанія, напоминаніе о царскомъ гнѣвѣ, могущемъ послѣдовать въ томъ случаѣ, если сенаторы не озаботятся о достиженіи единства въ своихъ разсужденіяхъ. Эта угроза гнѣвомъ показываетъ, что въ іюнѣ 1763 г. императрица уже начинала занимать въ отношеніи Сената подобающее ей положеніе, хотя въ общемъ по-прежнему продолжала считаться съ нимъ, какъ считалась съ Глѣбовымъ, когда благодарила этого тайнаго своего недоброжелателя и лихоимца за совѣты

§ 6. Старыя традиціи господствуютъ въ Сенатѣ, но Екатерина борется съ ними.

Итакъ, Екатерина осторожно, приступила къ борьбѣ съ старой сенатской закваской. Дѣло Мясоѣдова ее занимало не менѣе нежели процессъ Аршеневскаго. Мясоѣдовъ со своимъ товарищемъ Юровымъ, секретаремъ Тороповымъ и канцеляристомъ Пафнутьевымъ обвинялись въ недобросовѣстности по поставкѣ крупъ на Кіевскій кирасирскій полкъ, т. е. во взяткахъ съ подрядчика [2]). Обвиняемые, между прочимъ, оговорили и оберъ-провіантмейстера

[1]) Ср. протестъ Еропкина противъ участія Сумарокова въ дѣлѣ по иркутскимъ откупамъ и мнѣніе о томъ Екатерины. Сборникъ Р. И. О т 7. стр 235—237.

[2]) Матерьялы, №№ 8 и 13

Гринева. Разсматривая это дѣло, сенаторы во мнѣніяхъ раздѣлились и дошли до ожесточенія. Императрица сама читала мясоѣдовское дѣло и лично составила о немъ мнѣніе. По крайней мѣрѣ въ Апрѣлѣ 1763 г. она писала Глѣбову: „При семъ обратно посылаю дѣла Мясоѣдова и поданный голосъ: *поступайте по силѣ инструкціи*“ [1]). Очевидно, вначалѣ Екатерина желала, чтобы процессъ прошелъ въ руслѣ законности безъ ея личнаго видимаго вмѣшательства подъ наблюденіемъ вооруженнаго сильными правами надзора генералъ-прокурора. Однако, оказалось, что, какъ всегда, Глѣбовъ не проявилъ своего вліянія. Въ маѣ того же года по этому поводу императрица опять ему писала: „По мясоѣдову дѣлу кой часъ пріѣду въ городъ, соберу Сенатъ и сама господъ сенаторовъ въ полномъ собраніи намѣрена согласить и всякаго выслушать, а инако скажутъ, что тотъ или другой по клочкамъ бы меня рвутъ“ [2]). Слѣдовательно, по дѣлу о незначительномъ преступномъ чиновникѣ, для того чтобы добиться правосудія въ высшемъ судѣ Имперіи, государынѣ самой приходилось играть генералъ-прокурорскую роль. Отсюда вполнѣ понятны затрудненія, встрѣченныя Екатериной по дѣлу губернатора Аршеневскаго. Въ настоящемъ случаѣ, однако императрица достигла своего: Мясоѣдовъ и Юровъ были лишены чиновъ и отправлены въ ссылку подъ стражу въ свои деревни; секретарь Тороповъ записанъ навсегда въ копіисты, а канцелярист ъ высѣченъ плетьми и отданъ въ солдаты [3]) Именнымъ указомъ о томъ объявлялось во всенародное извѣстіе, и такимъ образомъ практикой подтверждались угрозы манифеста о лихоимцахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно точно также доводилось до общаго свѣдѣнія, что въ злоупотребленіяхъ по службѣ тѣмъ строже наказывался виновный, чѣмъ ниже онъ былъ чиномъ; принципъ, который и позднѣе проводился въ жизни подъ именемъ принципа охраненія престижа власти.

---

[1]) Сборникъ Р И О, т. 7 стр. 276
[2]) Ibid стр. 286
[3]) П. С З. № 11869.

Несомнѣнно, что принципъ столь своеобразно понимаемаго обаянія власти не вполнѣ раздѣлялся императрицей, но онъ былъ выработанъ долголѣтней практикой, опирался на московскія преданія, поддерживаемыя людьми стараго русскаго закала, этихъ vieux Russes, по выраженію Бретейля, про которыхъ французскій посланникъ говорилъ, что они осаждаютъ императрицу постоянно, то для поддержанія своихъ предразсудковъ, то по своимъ частнымъ интересамъ [1]). Если же эти частные интересы безусловно наряду съ предразсудками отзывались на дѣятельности Сената въ важнѣйшихъ вопросахъ уголовнаго суда и правительственнаго надзора, то послѣдніе, вмѣстѣ съ формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу, опредѣляли собой характеръ большинства сенатскихъ постановленій разсматриваемой эпохи. Это можно видѣть изъ примѣровъ.

Въ 1763 г. казанскій церковнослужительскій сынъ Гаркуновъ заявилъ Сенату, что еще въ 1741 г. онъ жаловался въ Сенатъ и Кабинетъ на губернскую и воеводскую Козьмодемьянскую канцеляріи въ отнятіи дома, всего имущества и безвинномъ наказаніи кнутомъ. Гаркуновъ добавлялъ, что сенатскими указами велѣно о томъ произвести слѣдствіе, но губернская канцелярія сперва отъ того уклонилась, и только гораздо позднѣе въ 1754 г. представила въ Сенатъ экстракты изъ его дѣла, на что новаго указа отъ Сената не послѣдовало [2]). Такимъ образомъ дѣло Гаркунова въ Сенатѣ лежало безъ движенія девять лѣтъ, а въ общемъ съ 1741 г. по 63 г. тянулось болѣе двадцати лѣтъ. Сенатъ постановилъ: „Сенатской конторѣ противъ вышепоказаннаго Гаркунова доношенія о вышеписанныхъ показуемыхъ имъ дѣлахъ, справясь въ сенатскомъ архивѣ и обстоятельно учиня изъ оныхъ вѣрный экстрактъ, для надлежащаго къ тому его доношенію разсмотрѣнія и рѣшенія прислать въ Правительствующій Сенатъ, *а ему Гаркунову о томъ объявить съ тѣмъ, чтобы уже онъ до полученія* того *экстракта никакой о томъ Пра-*

---

[1]) Соловьевъ, т. 25, стр. 1378

[2]) Матерьялы, № 16.

вительствующему Сенату просьбы не употреблялъ“ [1]). Слѣдовательно, этимъ сенатскимъ рѣшеніемъ проситель опять обрекался на безконечную волокиту и неизвѣстность, такъ какъ требовалось время для справокъ въ архивѣ, для составленія экстракта, для пересылки его по мѣсту пребыванія Сената, для назначенія къ слушанью въ очередь, которая никогда не соблюдалась. Характерно было то, что Сенатъ формально запрещалъ просителю напоминать о своемъ дѣлѣ. Что оставалось дѣлать Гаркунову? Двери Сената передъ нимъ были закрыты, общій заведенный порядокъ не обѣщалъ скораго рѣшенія, а между тѣмъ онъ былъ раззоренъ и имуществомъ его пользовались другіе. Подавать просьбу на высочайшее имя, значило рисковать спиной, потому-что Сенатъ всегда могъ сослаться, что дѣло производится и примѣнить къ челобитчику указъ о „недѣльномъ утружденіи Ея Императорскаго Величества“. Оставалось ждать и надѣяться третій десятокъ лѣтъ.

Такъ же до жестокости формально отнесся Сенатъ и другому подобному челобитью маленькаго человѣка. Генералъ-аншефъ Салтыковъ заявилъ свои помѣщичьи права на нѣкоего Чюркина, между тѣмъ какъ московскіе купцы засвидѣтельствовали, что Чюркинъ новгородской сотни купеческій сынъ. Несмотря на то, что Салтыковъ ничѣмъ не доказалъ своихъ притязаній, Московскій магистратъ съ Суднымъ Приказомъ опредѣлили отдать Чюркина генералъ-аншефу. Главный Магистратъ, куда апеллировалъ Чюркинъ, рѣшеніе низшихъ мѣстъ отмѣнилъ, и рапортовалъ о томъ въ Кабинетъ императрицы; дѣло перешло въ Сенатъ и тамъ разбиралось въ присутствіи самой государыни [2]). Сенатъ утвердилъ мнѣніе Главнаго Магистрата: Салтыкову было отказано въ его притязаніяхъ; съ магистрата московскаго и Сыскного Приказа положено было взять штрафъ, *а Чюркина, какъ непомняцаго родства, со всѣмъ семействомъ отправить на поселеніе въ Казанскую губернію.* Императрица вступилась за

[1]) Ibid

[2]) Матерьялы, № 20

Чюркина; въ виду долговременнаго семилѣтняго тюремнаго заключенія она приказала отпустить его на волю и выдать ему еще наложенный на присутственныя мѣста штрафъ. Изъ этого дѣла видно, что Сенатъ могъ быть строгъ, когда дѣло не шло о „престижѣ“; вѣроятно, онъ отнесся бы къ Чюркину еще строже, если бы въ засѣданіи не присутствовала Екатерина, такъ какъ иногда онъ умѣлъ удивительнымъ образомъ отстоять постановленія подчиненныхъ мѣстъ во вредъ маленькимъ частнымъ людямъ, вопреки всякой очевидности, а иногда и здраваго смысла. Такъ, напримѣръ:

Въ апрѣлѣ 1763 г. Новгородскій губернскій прокуроръ Шишковъ представилъ въ Сенатъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ доношеніе, изъ котораго явствовало, что хотя по сенатскому указу 1753 г. корчемнымъ конторамъ предписано корчемныя дѣла разсматривать вмѣстѣ съ губернскими канцеляріями, между тѣмъ по доносу дворового человѣка Артамонова на помѣщика своего отставного прапорщика Загряжскаго въ корчемствѣ, Новгородская корчемная контора „одна собою по тому дѣлу учинила рѣшительный журналъ, прописывая, яко бы по тому доносу изслѣдовано и по слѣдствію за помянутымъ помѣщикомъ Загряжскимъ никакого корчемства не оказалось“. По этой причинѣ Контора постановила отослать Артамонова въ губернскую канцелярію для наказанія его кнутомъ за ложный на помѣщика доносъ. Прокуроръ протестовалъ и требовалъ, чтобы губернская канцелярія взяла это дѣло къ себѣ для дослѣдованія, но губернская канцелярія предложенія прокурора не приняла и въ противность „должности прокурорской“ вернула его обратно Шишкову. Прокуроръ, между прочимъ, вступился во все это дѣло потому, что прокурорской защиты просилъ Артамоновъ, по его заявленію, подвергавшійся побоямъ и уговорамъ не показывать противъ помѣщика со стороны членовъ корчемной конторы—коллежскаго ассессора Нелюбова и поручика Соковина. Возвращая прокурору его предложеніе, Новгородская губернская канцелярія записала у себя въ журналѣ, что такъ какъ слѣдствіе производилось въ корчемной конторѣ, то туда и прокурору слѣдовало представить

свой протестъ; надо замѣтить кстати что и въ губернской канцеляріи объ Артамоновѣ имѣлось дѣло по доносу его о „секретѣ“. Сенатская контора мудро разрѣшила весь этотъ запутавшійся вопросъ: „Понеже, постановила она, по всемилостивѣйшимъ 1761 г. Декабря 16 и сего 1763 г. [1]) Сентября 22 чиселъ указомъ *по Корчемнымъ дѣламъ* слѣдствія велѣно уничтожить, того ради въ силѣ оныхъ указовъ по протесту помянутаго бывшаго прокурора Шишкова означенное Новгородскою корчемною конторою и тамошнею губерніею учиненное рѣшеніе оставить безъ разсмотрѣнія и о томъ во извѣстіе въ Новгородскую губернскую канцелярію послать указъ“ [2]).

Получивъ этотъ указъ, Новгородская губернская канцелярія торжествовала. Безпокойный прокуроръ, блюститель законности и защитникъ утѣсненныхъ, былъ посрамленъ. Сенатскимъ рѣшеніемъ въ качествѣ корчемныхъ дѣлъ мудро признавались наравнѣ съ доносомъ о корчемствѣ и пристрастное отношеніе къ доносителю чиновъ корчемной конторы и отступленіе отъ порядка законности со стороны губернской канцеляріи, а несчастный Артамоновъ безжалостно отдавался во власть своего помѣщика, который, конечно, не упустилъ случая вымѣстить раздраженіе противъ строптиваго слуги.

Шишковъ, какъ бы предчувствуя неудачный исходъ своихъ протестовъ въ высшей инстанціи по дѣлу Загряжскаго и Артамонова, въ свою очередь постарался сорвать злобу на Корчемной конторѣ или, лучше сказать, на одномъ изъ ея представителей. Онъ встрѣтилъ корчемнаго каптенармуса Дуракова,—почтеннаго унтеръ-офицера въ отставкѣ, и, придравшись къ пустяку, приказалъ служителю губернской канцеляріи жестоко избить стараго служаку. На душѣ у прокурора накипѣло; Корчемная контора вступилась за своего каптенармуса и пожаловалась Корчемной канцеляріи, а та уже перенесла дѣло въ Сенатъ, который и на этотъ разъ

---

[1]) Матерьялы, № 43.
[2]) Матерьялы, № 44.

поступилъ не менѣе мудро нежели въ предыдущій. И избіеніе Дуракова имъ точно также было отнесено къ „корчемнымъ дѣламъ“ и покрыто милостивыми указами, такъ что объ офиціальномъ преслѣдованіи Шишкова уже не могло возникнуть и рѣчи. Правда, отнимая у дѣла оффиціальный характеръ Сенатъ призналъ всетаки фактъ избіенія Дуракова простой обидой и предоставилъ ему вѣдаться съ прокуроромъ судомъ [1]), но Шишковъ за это время былъ назначенъ совѣтникомъ въ Камеръ-Контору Эстляндскихъ и Лифляндскихъ дѣлъ и потому какому то капитенармусу вѣдаться съ нимъ судомъ не приходилось. Слѣдовательно фактически была установлена полнѣйшая безнаказанность бывшаго прокурора. Но помимо избіенія служителя Корчемной конторы, передъ уходомъ, Шишковъ со своей стороны успѣлъ еще сдѣлать непріятность и Новгородской губернской канцеляріи. Именно, онъ представилъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ цѣлый рядъ рапортовъ и донесеній, обличавшихъ Канцелярію во многихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ очень серьезнаго свойства. Сенатъ предписалъ новому прокурору, замѣстившему Шишкова въ Новгородской губерніи, провѣрить рапорты предшественника, дополнить, если возможно, новыми справками и немедленно прислать въ Сенатъ [2]). Итакъ, явное стремленіе Сената прекращать правдами и неправдами дѣла, гдѣ обвиняемыми выступали присутственныя мѣста или должностныя лица, невольно порождали между послѣдними или полную сплоченность или, при отсутствіи ея, склонность недостатокъ взаимнаго уваженія вымѣщать при помощи самоуправства или причиненія непріятностей по службѣ. Въ обоихъ случаяхъ интересы законности должны были страдать въ очень сильной степени.

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно себѣ представить направленіе дѣятельности екатерининскаго Сената до раздѣленія его на департаменты, именно въ отношеніи суда и надзора.

---

[1]) Ibid № 47.

[2]) Ibid. № 50

Что же касается вопроса подсудности, то дѣло Аршеневскаго, Мясоѣдова и другихъ показываютъ, что Сенатъ былъ какъ ревизіонной такъ и первой инстанціей въ процессахъ должностныхъ лицъ и притомъ, нельзя сказать, чтобы всегда высшихъ. Въ данномъ случаѣ приходится признать, что подобныя дѣла передавались ему императрицей нерѣдко не столько въ соотвѣтствіи со служебнымъ положеніемъ лицъ, сколько сообразно важности самого преступленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина какъ и предшествовавшіе государи фактически до извѣстной степени ограничила права Сената назначать слѣдователей и слѣдственныя Комиссіи по важнѣйшимъ дѣламъ по своему усмотрѣнію. Такъ, по дѣлу Аршеневскаго Екатерина прямо писала Сенату: „Съ какимъ дѣломъ и съ какими повелѣніями мы отъ себя посылаемъ въ Смоленскую губернію нашего генералъ-майора Алексѣя Маслова, о томъ усмотрѣно будетъ изъ поданнаго имъ Сенату для прочтенія нашего ему указа“ [1]); по жалобамъ объ притѣсненіяхъ однодворцевъ со стороны вальдмейстеровъ и другихъ чиновниковъ въ Воронежской губерніи, туда былъ отправленъ самой государыней капитанъ Бахметевъ [2]), а въ Сибирь для изслѣдованія ясачныхъ дѣлъ—Щербачевъ [3]); наряду съ личнымъ выборомъ слѣдователей императрица корректировала и самыя сенатскія назначенія подобнаго рода. Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1763 г. она писала Глѣбову по поводу назначенія Сенатомъ въ качествѣ слѣдователя о злоупотребленіяхъ въ Пыскорскомъ монастырѣ полковника Рожнова: „Сенатъ выбралъ мужа оной челобитчицы (Лукерьи Рожновой), который уже полгода жалованья не получаетъ, и тогда вы хотите, чтобъ люди, въ такихъ дѣлахъ употребляемые, не крали. Осмотритесь, кого вы посылаете въ такихъ важныхъ слѣдствіяхъ“ [4])...

Ограничивая слѣдственную функцію Сената, Екатерина всетаки желала сохранить за нимъ исключительное значеніе высшаго суда. Это соотвѣтствовало взглядамъ импера-

---

[1]) Сборникъ Р. И. О т. 7 стр 226—227.
[2]) Матерьялы, № 30.
[3]) П. С. З. № 11749.
[4]) Сборникъ Р. И О. т 7 стр 309

трицы, сложившимся еще во время пребыванія ея великой княгиней. Въ замѣткахъ ея, составленныхъ въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны, имѣются, между прочимъ, по этому поводу слѣдующія строки: „Je ne sais, il me semble que jaurai toute ma vie la répugnance pour établir une commission extraordinaire pour juger un coupable et surtout si cette commision doit rester secrète“ [1]). До 1764 г. Екатерина выдерживала этотъ взглядъ во всей чистотѣ и по политическому процессу Хрущева и Гурьевыхъ разслѣдованіе въ общемъ порядкѣ производили Разумовскій, Суворовъ и Вадковскій, а приговоръ произнесъ Сенатъ [2]).

Характеристика дѣятельности Сената по уголовнымъ дѣламъ какъ въ ревизіонной, такъ и въ первой апелляціонной инстанціи слѣдуетъ изъ вышеприведенныхъ образцовъ. Она отмѣчена стремленіемъ охранить сложившійся укладъ еще въ московскую эпоху установившихся отношеній между судомъ и администраціею съ одной стороны и обывателемъ съ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ характерной чертой являлся формальный пріемъ исполненія лежавшихъ на немъ обязанностей. Рука императрицы вначалѣ едва ли не тщетно, по крайней мѣрѣ для существа дѣла, стремилась измѣнить это положеніе вещей.

Труднѣе въ короткихъ словахъ оцѣнить функцію Сената въ дѣлахъ апелляціонныхъ гражданскаго характера по вопросамъ существа дѣла. Однако, нужно предположить, что и здѣсь, какъ было встарь, не все обстояло благополучно. Императрица и въ этихъ дѣлахъ не избавлена была отъ необходимости принимать личное участіе въ ходѣ сенатскихъ засѣданій и конфирмовать нѣкоторые приговоры для приданія имъ гарантіи безпристрастія въ резолютивной части. Какъ и въ вопросахъ надзора и уголовнаго суда—въ дѣлахъ гражданскихъ въ Сенатѣ царствовала стародавняя волокита. Въ ноябрѣ

---

[1]) Ibid. стр. 90. Эта же мысль повторена въ Наказѣ, § 488 „О судахъ по особливымъ нарядамъ“.

[2]) Ibid. стр. 170—174. Назначеніе при томъ въ Сенатъ президентовъ коллегій не нарушало принципа, такъ какъ и послѣ Петра, по крайней мѣрѣ, президенты первыхъ трехъ коллегій, по указу 29 января 1753 г. допускались въ Сенатъ и по текущимъ дѣламъ. П. С. З. № 8697.

1762 г. Екатерина, напримѣръ, писала Глѣбову: „Изготовленный въ Правительствующемъ Сенатѣ, *по продолжающемуся 17-ть лѣтъ* выпущеннаго гвардіи капитана Алексѣева съ капитаномъ командиромъ Лаптевымъ въ женихъ деревняхъ дѣлу, докладъ разсмотря, къ конфирмаціи предложить“ [1]). Но помимо волокиты страдало при случаѣ и существо дѣла. Въ февралѣ 1763 г. императрица повелѣла спросить полковника князя Голицина, тягавшагося съ наслѣдниками тайнаго совѣтника Новосильцова, знаетъ ли онъ указы о послѣдствіяхъ неправильныхъ жалобъ на рѣшенія Сената [2]). При утвердительномъ отвѣтѣ Екатерина брала дѣло къ личному разсмотрѣнію. Изъ приведенныхъ характерныхъ примѣровъ можно убѣдиться, что высшій россійскій судъ въ первые годы царствованія Екатерины вообще не могъ похвалиться своимъ совершенствомъ, если даже по злоупотребленіямъ чиновниковъ и вопросамъ гражданскаго правосудія, какъ въ семнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ, по прежнему еще требовалось непосредственное вмѣшательство верховной власти.

§ 7. Недостатки сенатскаго суда и надзора зависѣли также отъ недостатковъ его органическаго устройства.

При всѣхъ недостаткахъ сенатскаго производства зависѣвшихъ отъ старинныхъ традицій, необходимо, конечно, признать, что въ извѣстной степени ревизіонная, апелляціонная и въ особенности контрольная функція Сената въ отношеніи исполненія сенатскихъ опредѣленій, парализовалась отсутствіемъ средствъ тѣсныхъ сношеній съ подчиненными мѣстами, а отчасти и историческими условіями существованія Сената, то переживавшаго различнаго рода передряги, которыя отнимали у него всякую энергію и иниціативу, то усиливавшагося черезъ мѣру и тогда склоннаго болѣе отдаваться чисто правительственнымъ дѣламъ, нежели судебнымъ и контрольнымъ. Итакъ, должно разсмотрѣть прежде всего какія сред-

[1]) Сборникъ Р. И. О. т. 7 стр. 185.

[2]) Матерьялы № 15.

ства имѣлъ въ распоряженіи Сенатъ для понужденія къ исполненію своихъ постановленій?

Съ уничтоженіемъ петровскихъ Комиссаровъ, онъ могъ только посылать указы. Но, при отсутствіи устроенныхъ путей сообщенія и при безпорядкахъ въ экзекуторской части въ самомъ Сенатѣ, эти указы оказывались мало дѣйствительными, такъ какъ съ одной стороны хромала ихъ регистрація въ самой сенатской канцеляріи, а съ другой — неопредѣленное время пребывали въ пути и посланные указы и отвѣтные на нихъ рапорты подчиненныхъ мѣстъ. Пользуясь этимъ, многія изъ присутственныхъ мѣстъ о полученіи указовъ Сената даже прямо умалчивали.

Предписанія о доставленіи свѣдѣній относительно полученія сенатскихъ указовъ и исполненіи по нимъ тянутся черезъ всѣ царствованія, но меньше всего ихъ въ правленіе Елизаветы Петровны, хотя въ это время Сенатъ пользовался наибольшимъ значеніемъ и потому, повидимому, особенно долженъ былъ интересоваться судьбою своихъ приказаній, въ дѣйствительности отношеніе его къ данному вопросу было совершенно иное. Такое явленіе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эпоху своего крайняго могущества Сенатъ былъ занятъ высшими правительственными дѣлами и мало интересовался мелкими вершившимися въ различныхъ канцеляріяхъ и приказахъ.

Хотя при учрежденіи должности сенатскаго экзекутора и было приказано ему всѣ исходящіе указы записывать въ особую книгу со всѣми необходимыми отмѣтками о времени посылки указа, способѣ его отправленія (съ нарочнымъ или по почтѣ) объ отвѣтномъ рапортованіи въ срокъ ли о задержкѣ исполненія сенатскаго приказа [1]), однако, и раньше и позднѣе всѣ эти требованія закона исполнялись экзекуторами небрежно а потому Сенатъ, иногда подъ давленіемъ высшихъ властей, не переставалъ требовать отъ подчиненныхъ мѣстъ доставленія свѣдѣнія о полученіи Сенатскихъ указовъ и наряду съ этимъ старался совершенствовать свою регистрацію: исходящихъ

[1]) П. С. З. № 4484. 16 Февр. 1724 г.

бумагъ; въ дополненіе къ болѣе раннимъ правиламъ въ 1737 г. ввели означеніе номеровъ на сенатскихъ журналахъ и отмѣтки въ нихъ о времени отправленія указовъ по подписаннымъ протоколамъ [1]); въ томъ же 37 г. обязанность наблюденія за исполненіемъ указовъ Сената возложена была и на сенатскихъ оберъ-секретарей. „Оберъ-секретарь Севергинъ, сказано въ сенатскомъ указѣ 5-го Августа, докладывалъ по данной ему въ Кабинетѣ запискѣ, въ которой записано Сенатскіе бъ оберъ-секретари въ исправленіи дѣлъ трудились и впредь бы не такъ дѣла слѣдовали, чтобы только указы объ исполненіи отправлены и потомъ забвенію преданы, но даже всегда о всякомъ дѣлѣ въ памяти имѣть и стараться и представлять, чтобъ они въ тѣхъ мѣстахъ дѣйствительно исполнены были“ [2]). Такимъ образомъ, выказывалось постоянное стремленіи помочь указанной слабой сторонѣ сенатской дѣятельности. Поэтому въ 1738 г. мы встрѣчаемъ новое подтвержденіе коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ присылать ежемѣсячно вѣдомости объ исполненныхъ и неисполненныхъ сенатскихъ указахъ [3]), а отъ 1759 г. сохранилось даже извѣстіе о наложеніи сторублеваго штрафа на одну изъ губернскихъ канцелярій, за нескорое исполненіе указа Сената [4]). Надо при этомъ оговориться, что неисполненный указъ касался военнаго дѣла и могъ вызвать сенатскій гнѣвъ и наказаніе въ болѣе дѣйствительной формѣ потому, что въ данномъ случаѣ принималась имъ настоятельная животрепещущая мѣра. Но несомнѣнно, что всѣ канцеляріи хорошо знали, въ какихъ случаяхъ они рисковали подвергнуть себя отвѣтственности за неисполненіе или промедленіе въ исполненіи указовъ, и въ какихъ нѣтъ. Конечно, къ указамъ послѣдняго рода относились тѣ, которые касались вопросовъ мелкаго текущаго управленія и суда. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, почему въ первые годы царствованія Екатерины Великой, да и позднѣе, оказалось не мало

[1]) Ib. № 7256.
[2]) II С. З. № 7342.
[3]) Ib. 7582.
[4]) Русскій архивъ, 1865 г. стр 471.

дѣлъ, лежавшихъ безъ движенія во всевозможныхъ канцеляріяхъ, несмотря на неоднократные потвердительные указы Сената. Объ этомъ, между прочимъ, говоритъ въ своихъ запискахъ сама императрица: „Сенатъ, хотя посылалъ указы и повелѣнія въ губерніи, но тамъ такъ худо исполняли указы Сената, что въ пословицу почти вошло: „ждутъ третьяго указа“, понеже по первому и по второму не исполняли“ [1]).

Эти слова Екатерины подтверждаются фактами. Выше были приведены примѣры, гдѣ люди, несмотря на существованіе сенатскихъ указовъ, не могли найти правосудія въ низшихъ мѣстахъ въ теченіе долгихъ лѣтъ [2]), но слѣдующій примѣръ можетъ раскрыть всю внутреннюю картину чисто бумажнаго сенатскаго производства, его несовершенствъ и чисто формальнаго отношенія къ кровнымъ интересамъ частныхъ лицъ.

Въ маѣ 1761 года Сенатъ слушалъ докладъ по дѣлу ладожанина, посадскаго человѣка Охряева, жаловавшагося на обиды и раззореніе со стороны новоладожскаго воеводы Мясоѣдова, съ которымъ Охряевъ вмѣстѣ велъ рыбный торгъ на Ладожскомъ озерѣ. Сенатъ опредѣлилъ отослать жалобу Охряева въ Новгородскую губернскую Канцелярію для немедленнаго разсмотрѣнія охряевскаго челобитья и рѣшенія спора по законамъ въ срокъ. Обо всемъ этомъ въ Канцелярію былъ посланъ спеціальный указъ. Въ декабрѣ того же года однако Охряевъ подалъ въ Сенатъ новую челобитную, въ которой изъяснилъ, что несмотря на сенатскій указъ, губернская канцелярія дѣла его не разсматриваетъ, такъ какъ Мясоѣдовъ уклоняется отъ явки на судъ, ссылаясь на обязанность свою давать отчетъ по бывшему своему воеводству. Сенатъ въ виду недавняго именного указа Елазаветы Петровны объ употребленіи всѣхъ способовъ къ возстановленію вездѣ надлежащаго порядка и народнаго благосостоянія, отнесся милостиво и внимательно ко вторичному заявленію Охряева; въ январѣ 1762 г. Сенатъ разсмотрѣлъ вторую челобитную просителя и опредѣлилъ отослать ее также въ Новгородскую губернскую Канцелярію съ предписаніемъ

[1]) Русскій архивъ, 1865. г. стр 471.

[2]) Матерьялы, №№ 14 и 16.

„ежели по прежде посланному о томъ указу ничего не учинено какъ по тому, такъ по объявленной челобитной, разсмотря рѣшеніе учинить на основаніи указовъ конечно въ положенный по Генеральному Регламенту срокъ, дабы отъ него Охряева болѣе правительствующему Сенату челобитья и докуки не происходило, опасаясь за продолженіе въ томъ неупустительнаго штрафа“. Однако, Новгородская губернская канцелярія не озаботилась избавить Сенатъ отъ докуки Охряева и по второму указу, вслѣдствіе чего настойчивый ладожанинъ подалъ въ Сенатъ третью челобитную съ просьбой взять его дѣло изъ Губернской канцеляріи или же подтвердить ей о ея обязанности третьимъ строжайшимъ указомъ. Сенатъ разсмотрѣлъ эту жалобу въ октябрѣ 1762 г. и постановилъ: „Въ Новгородскую Губернскую Канцелярію послать еще указъ и велѣть по упомянутому купца Охряева съ ассессоромъ Мясоѣдовымъ судному дѣлу рѣшеніе учинить, конечно отъ полученія сего указа въ указный срокъ, а для чего тою Новгородскою Губернскою Канцеляріею на посланные изъ Правительствующаго Сената указы въ Правительствующій Сенатъ, а по отсутствіи онаго, по данной Правительствующаго Сената Конторѣ отъ Ея Императорскаго Величества апелляціи, въ оную Контору не репортовано съ первою почтою дать отвѣтъ, а между тѣмъ, зачѣмъ то дѣло такъ долговременно и по преждепосланнымъ указамъ въ указный срокъ не рѣшено, репортовать“. Такимъ образомъ, самое дѣло опять направлялось туда же, гдѣ Охряеву такъ трудно было добиться правосудія. По третьему указу Новгородская губернская канцелярія наконецъ зашевелилась и въ декабрѣ прислала длинное объясненіе, изъ котораго явствовало, что Охряевъ самъ виноватъ въ волокитѣ дѣла вмѣстѣ съ Мясоѣдовымъ. Вначалѣ, по объясненію Канцеляріи, уклонялся отъ личной явки къ суду Мясоѣдовъ, но потомъ онъ прислалъ повѣреннаго, а въ это время Охряевъ поѣхалъ жаловаться въ Петербургъ и самъ не явился къ разбирательству [1]).

[1]) Матеріалы, № № 31, 32, 33, 34, 35, 37.

Изъ этого дѣла видно, что самъ Сенатъ и въ шестидесятыхъ годахъ не очень требовательно слѣдилъ за исполненіемъ своихъ указовъ по частнымъ дѣламъ. Нужна была громадная настойчивость Охряева, чтобы неоднократно переѣзжать изъ Новгорода въ Петербургъ и обратно въ погонѣ за недающимся призракомъ судебнаго разбирательства и, постоянно напоминая о себѣ Сенату для того, чтобы добиться удовлетворенія по своему челобитью. Но что же было въ тѣхъ случаяхъ, когдо жалобщикъ не имѣлъ средствъ разъѣзжать изъ города въ городъ или разстоянія были слишкомъ велики. Несомнѣнно, что тогда дѣло его заглохало само собою и сенатскіе указы оставались безъ всякаго значенія для канцеляріи, въ случаѣ необходимости умѣвшей, какъ въ охряевскомъ дѣлѣ, прилично отписаться.

§ 8. Императрица принимаетъ мѣры къ упорядоченію сенатскаго суда и надзора.

Были ли извѣстны императрицѣ всѣ недостатки и несовершенства сенатскаго устройства и дѣлопроизводства? Несомнѣнно, что были извѣстны болѣе, чѣмъ кому либо другому. Во время своихъ первыхъ частыхъ посѣщеній Сената Екатерина могла воочію убѣдиться и въ сенатскомъ пристрастіи, и въ медленности и въ чисто формальномъ значеніи большинства сенатскихъ указовъ. По поводу медленности она даже писала Глѣбову: „Ужасная медлительность въ Сенатѣ всѣхъ дѣлъ принуждаетъ меня вамъ приказать, чтобъ въ пятницу, то есть, послѣ завтра, слушанъ былъ въ Сенатѣ проектъ о малороссійской ревизіи господина Теплова и ему быть надлежитъ“ [1]).

Въ первое время въ силу необходимости Императрица думала повліять на исправленіе сенатскихъ недостатковъ личнымъ участіемъ въ засѣданіяхъ Сената, личнымъ вмѣшательствомъ въ его дѣла, отдѣльными распоряженіями и

[1]) Сборникъ Р. И. О. т. 7, стр. 324

указами: императрица этимъ путемъ разсчитывала оживить оцѣпенѣвшее въ рутинѣ учрежденіе и сдѣлать его орудіемъ своихъ предначертаній. Съ этой цѣлью она отдавала частныя распоряженія генералъ-прокурору, сама слѣдила за исполненіемъ Сенатомъ именныхъ указовъ [1]), постоянно подгоняла сенаторовъ черезъ того же генералъ прокурора [2]). требовала составленія реестра нерѣшенныхъ дѣлъ, нуждавшихся въ наиболѣе скоромъ разсмотрѣніи [3]).

Наряду съ неоффиціальными повелѣніями шли официальныя. Для ускоренія разрѣшенія текущихъ дѣлъ императрица приказала приводить въ исполненіе протоколы, подписанные не всѣми, но четырьмя сенаторами „По нынѣшнимъ новымъ обстоятельствамъ, объяснила она въ именномъ указѣ отъ 2 іюля 1762 г., въ разсужденіи множественнаго числа въ Нашемъ Правительствующемъ Сенатѣ разныхъ родовъ дѣлъ, по коимъ обязаны сенаторы всѣ протоколы подписывать, а безъ подписанія всѣхъ, по силѣ должности Сената и генералъ-прокурорской инструкціи, исполненія не чинятся, отъ чего большая теперь происходить можетъ въ нужныхъ и время не терпящихъ дѣлахъ медленность и остановка, а особливо какъ Сенатъ для лучшаго управленія государственныхъ дѣлъ по восшествіи Нашемъ на Всероссійскій престолъ отъ Насъ знатнымъ числомъ сенаторовъ прумноженъ: того ради Высочайше повелѣваемъ: всѣ случающіяся дѣла, кои скораго исполненія требуютъ, а сами собою не въ перемѣну учрежденныхъ законовъ или вновь въ какое установленіе, но обыкновенно текущія, таковыхъ по подписанію однихъ бывшихъ въ присутствіи, однакожъ не менѣе четырехъ персонъ, по оныхъ тотчасъ исполненіе чинить“ [4]). Въ маѣ

---

[1]) Ibid. стр. 304.

[2]) Ibid стр. 316.

[3]) „Сдѣлайте реестръ тѣмъ нерѣшеннымъ дѣламъ, которыя написорѣйшей резолюціи и по ихъ обстоятельствамъ, требуютъ и, положа передъ мя и сенаторовъ для лучшаго напамятованія и усмотренія ихъ рѣшенія, какъ интересныхъ, такъ и партикулярныхъ“. Сборникъ Р. И О. т. 7, стр 335.

[4]) П. С. З № 11589.

1763 г. это положеніе было развито далѣе. По указу 2 Іюля 1762 г. дѣла важныя, государственныя и апелляціонныя все-таки должны были быть подписываемы всѣми сенаторами: теперь же этого не нужно было даже въ томъ случаѣ, если требовалась высочайшая Конфирмація, которая могла послѣдовать на докладъ по протоколу, подписанному только нѣсколькими изъ членовъ Сената [1]). Съ цѣлью того же ускоренія дѣлъ прежде подписываемые всѣми сенаторами журналы въ 1762 г. повелѣно было скрѣплять только секретарямъ и оберъ-секретарямъ, а также рекомендовалось протоколы писать возможно кратче даже съ внесеніемъ въ одинъ протоколъ нѣсколькихъ маловажныхъ дѣлъ подъ пунктами; подробная же форма протоколовъ сохранялась лишь для важнѣйшихъ и апелляціонныхъ дѣлъ [2]). Затѣмъ была уничтожена, никого ни отъ чего не удерживавшая, но отнимавшая время подпись присяги сенаторами при слушаніи апелляціонныхъ дѣлъ [3]). Въ сентябрѣ 1762 г. было предписано сенаторамъ находиться въ засѣданіи съ половины девятаго до половины перваго и „постороннихъ рѣчей отнюдь не говорить“ [4]). Въ іюлѣ того же 62 г. послѣдовалъ именной указъ о неразсматриваніи Сенатомъ по общему правилу на будущее время уже рѣшенныхъ дѣлъ. Обстоятельства изданія послѣдняго указа заключались въ томъ, что генералъ-прокуроръ представилъ императрицѣ о нахожденіи въ Сенатѣ многихъ челобитныхъ, поданныхъ Елизаветѣ Петровнѣ съ жалобами на сенатскіе приговоры и изъ кабинета покойной государыни присланныхъ въ Сенатъ для вторичнаго разсмотрѣнія [5]). Повидимому, представляя о такихъ прошеніяхъ, Глѣбовъ тонкимъ образомъ дѣйствовалъ въ пользу Сената, добиваясь подтвержденія петровскихъ указовъ о безапелляціонности сенатскихъ рѣшеній, но Екатерина не пожелала оказать такого довѣрія Сенату, оставивъ за собой право предписывать

---

[1]) Ib № 11808.
[2]) П С З. № 11590
[3]) Ib № 11722.
[4]) Ib. № 11665.
[5]) Ib. № 11623

ему и вторичное разсмотрѣніе законченнаго дѣла, если она найдетъ это нужнымъ. Въ февралѣ 1763 г. императрица повелѣла подтвердить силу петровскаго указа 1719 г. о неукоснительномъ исполненіи нижними мѣстами именныхъ и сенатскихъ указовъ. Свое повелѣніе по данному вопросу Екатерина выразила въ ироническій по отношенію Сената формѣ. Она писала: „Часто посылается по Моему указу и изъ Сената для подтвержденія и скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ въ другія нижнія мѣста, но не знаю, доходитъ ли до Сената, а до Меня еще ни единаго извѣстія не пришло, что по онымъ указамъ исполняется: и такъ надлежитъ подтвердить, чтобы вездѣ исполняли по указу Государя Императора Петра Великаго отъ 19 Марта 1719 года и по сему Нашему и рапортовали, что дѣлаютъ“ [1]). Во исполненіе этого указа Сенатъ постановилъ отмѣчать объ исполненіи по высочайшимъ повелѣніямъ въ еженедѣльно представляемыхъ императрицѣ рапортахъ о рѣшенныхъ въ Сенатѣ дѣлахъ [2]), но Екатерина въ маѣ 1763 г. потребовала представленія такихъ рапортовъ ежедневно [3]).

Кромѣ этихъ внѣшнихъ мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію сенатскаго производства, императрица обратила вниманіе и на внутреннія. Въ самомъ началѣ своего царствованія она измѣнила сенатскій порядокъ разсмотрѣнія апелляціонныхъ дѣлъ и ввела въ него существенныя поправки [4]). Нововведеніе свое она объяснила въ именномъ указѣ 30 Іюля 1762 г: „Указомъ, блаженныя памяти, Государыни Императрицы Анны Іоанновны, говорится въ упомянутомъ памятникѣ, 1730 г. Іюля 2 повелѣно взятыя въ Сенатъ по челобитьямъ на Коллегіи и Канцеляріи въ неправильномъ рѣшеніи апелляціонныя дѣла слушать Сенату по учиненнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они рѣшены, выпискамъ, а вновь выписокъ не дѣлать, что и исполняется, и не только выписки, но и совсѣмъ тѣ дѣла слушаютъ подлинникомъ.

---

[1]) Ib № 11754
[2]) Ib № 11763.
[3]) Ib. № 11839
[4]) Ib № 11629

Нынѣ жь въ присутствіи Нашемъ въ Сенатѣ усмотрѣли Мы, какія въ тѣхъ дѣлахъ происходятъ трудности, во первыхъ отъ умноженія излишняго и не принадлежащаго письма, такъ что по одному дѣлу и одной персоны о той же самой матеріи, о чемъ прежде челобитье было, подаваны многія прошенія, которыя въ выпискахъ, по просьбѣ челобитчиковъ, неминуемо включены бываютъ, а во вторыхъ и по начатію тѣхъ дѣлъ въ нижнихъ мѣстахъ, есть такіе пункты, которые окончаніе свое получили въ тѣхъ правительствахъ, отколь въ апелляцію поступили, слѣдовательно отъ Сената рѣшеніемъ не зависятъ и апелляціи на нихъ нѣтъ, а по сему къ слушанію не принадлежатъ, но въ выпискахъ коллежскихъ не исключены по причинѣ бывшихъ на то споровъ".

Въ виду указанныхъ неудобствъ отнынѣ порядокъ устанавливался слѣдующій: у Рекетмейстерскихъ дѣлъ предварительно должны были составляться изъ дѣлъ краткіе экстракты, содержащіе въ себѣ только существенные моменты предшествовавшаго производства; эти экстракты закрѣплялись руками челобитчиковъ и тѣхъ изъ членовъ Коллегіи, которые принимали участіе въ рѣшеніи дѣла. Если же челобитчики или члены Коллегіи почему либо экстрактомъ оказывались недовольны, имъ предоставлялось право оговорить свое неудовольствіе при подписи, и тогда по указаннымъ пунктамъ разрѣшалось чтеніе выдержекъ изъ подлиннаго дѣла, насколько то будетъ признано Сенатомъ необходимымъ. Для устраненія затрудненій и проволочекъ времени при переносѣ дѣла изъ низшихъ инстанцій въ высшую приказано было въ низшихъ мѣстахъ тотчасъ же по постановленіи приговора объявлять его сторонамъ и выдавать копіи съ указаніемъ, что въ теченіе, по крайней мѣрѣ, недѣли недовольные могутъ апеллировать, письменно заявивъ о томъ мѣсту, отъ котораго исходило рѣшеніе. По письменно заявленному требованію дѣло должно было быть запечатано и съ описью представлено въ теченіе срока отъ 3 до 10 дней туда, гдѣ ему надлежало быть разсматриваемымъ въ апелляціонномъ порядкѣ. Дѣло, поступившее въ высшую инстанцію, хранилось тамъ не распечатаннымъ до полученія

апелляціонной жалобы, а по полученіи у рекетмейстера подготовлялось къ докладу. Апелляціоннымъ же челобитнымъ для подачи опредѣлялся срокъ: для челобитчиковъ находящихся внутри государства—одинъ годъ, для пребывающихъ за границей—два года; срокъ удлинялся для несовершеннолѣтнихъ Пропустившіе срокъ теряли право обжалованья. Въ дополненіе къ изложеннымъ правиламъ кромѣ того имѣлась оговорка, что сторона, не заявившая низшему присутственному мѣсту о намѣреніи своемъ апеллировать, до истеченія указанныхъ сроковъ обжалованья права своего не лишалась, такъ какъ самая эта заявка устанавливалась исключительно въ интересахъ тяжущихся. Экстрактъ изъ апелляціоннаго дѣла закрѣплялся секретаремъ: кромѣ извлеченія изъ дѣла Сенатъ долженъ былъ слушать и самый приговоръ.

Указъ 30 іюля 1762 г. былъ дополненъ указомъ 30 сентября 1763 г. предписывавшимъ удовлетвореніе присутственныхъ мѣстъ изъ рекетмейстерской Конторы справками изъ тѣхъ дѣлъ, которыя хранились до подачи апелляціонной жалобы [1]).

Таково было екатерининское нововведеніе въ области высшаго суда; въ сферѣ же надзора за законностью въ подчиненныхъ мѣстахъ императрица заинтересовалась скорѣйшимъ окончаніемъ дѣлъ о колодникахъ и въ мартѣ 1763 г., присутствуя въ Сенатѣ, приказала ему наблюдать, чтобы всѣ мѣста, гдѣ имѣются содержащіеся подъ стражей, неукоснительно и аккуратно доносили о теченіи колодническихъ дѣлъ для того, чтобы Сенатская о колодникахъ Экспедиція могла своевременно штрафовать виновныхъ въ уголовной волокитѣ [2]) Что приведенный указъ воздѣйствовалъ на Экспедицію, видно, между прочимъ, изъ представленія Сенату Адмиралтейской коллегіи, которая жаловалась на то, что Экспедиція посылаетъ ей указы [3]), а не сносится промеморіями.

---

[1]) П. С. З. № 11941.
[2]) Ib № 11787.
[3]) П. С. З. № 11966.

§ 9. Императрица сознаетъ необходимость реформы Сената, въ томъ же ее убѣждаетъ Панинъ.

Принимая различныя мѣры для ускоренія и улучшенія сенатскаго дѣлопроизводства, императрица, конечно, не могла не сознавать, что для болѣе дѣйствительныхъ результатовъ необходимы болѣе глубокая коренная реформа, безъ которой все сдѣланное являлось только временнымъ и поверхностнымъ средствомъ. Требовалось радикальное преобразованіе Сената Это она понимала сама и въ этомъ ее убѣждали приближенныя лица

Уже вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Екатерины, ей былъ представленъ проектъ объ учрежденіи постояннаго Императорскаго Совѣта и раздѣленіи Сената на департаменты. Авторомъ этого проекта былъ Панинъ. Панину вообще императрицей поручено было составить предначертаніе тѣхъ „государственныхъ установленій“, объ узаконеніи которыхъ было торжественно объявлено въ манифестѣ о восшествіи на престолъ отъ 6 Іюля 1762 г. [1]). Набрасывая планъ предполагаемыхъ государственныхъ преобразованій, Панинъ не постѣснялся прямо указать на недостатки Сената прошлаго царствованія и на то, что ему, по мысли его существованія, подобаетъ быть только подзаконнымъ мѣстомъ въ области суда, надзора и администраціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова [2]).

Указывая изъ какихъ частей вообще состоитъ управленіе, Панинъ въ проектѣ говорилъ: „Каждая изъ сихъ главныхъ частей имѣетъ свои многія раздробленія, которыя также по касательности между собою производятъ особливые и новые объекты, а оное все правится разными судебными мѣстами, какъто: Коллегіями, Канцеляріями, Конторами и всякими другими приказами, какова бы званія ни были Сенатъ ихъ всѣхъ имѣетъ подъ управленіемъ, яко центръ, у котораго все стекается; но онъ подъ государевою державною властью не можетъ имѣть

[1]) Бильбасовъ, Исторія Екатерины Второй, т II, стр 133.
[2]) Сборникъ Р И. О., т 7. стр 202 и слѣд

права законодавца, а управляетъ по предписаннымъ законамъ и уставамъ, которые изданы въ разныя времена и, можетъ быть, по большей части въ наивредительнѣйшія, то есть тогда, когда при настоянии случая это востребовалось. Слѣдовательно, какія бъ предписанія Сенатъ ни имѣлъ о попеченіи, чтобъ натуральная перемѣна временъ, обстоятельствъ и вещей всегда были обращаемы въ пользу государственную, ему въ разсужденіи его существительнаго основанія, невозможно сего исполнить, ибо *его первое правило наблюдать теченіе дѣлъ и производить ему принадлежащія по силѣ выданныхъ законовъ и указовъ на каждое судебное мѣсто.* И такъ, если можно осмѣлиться сказать, Сенатъ часто опредѣляетъ и рѣшаетъ вредныя дѣла по законамъ, разновременно изданнымъ, иногда скоропостижно, иногда неосмотрительно, иногда и пристрастно .. часто не соображая, что по перемѣнамъ положенія въ государствѣ и по приключающимся обстоятельствамъ одно другому иногда можетъ дѣлать, а иногда и дѣйствительно дѣлаетъ подрывы. Если же сіе безпрестанно наблюдать, то не только что, какъ изъ предписаннаго видно, сенатъ выдетъ изъ своей границы, но и теченіе дѣлъ въ правленіи государства часто будетъ останавливаться, и вмѣсто скорыхъ резолюцій будутъ нескончаемыя разсужденія и споры о новыхъ законахъ, а умалчивая, что физической и моральной резоны не дозволяютъ трактовать о законоданіи, а только оное разсматривать въ такомъ людномъ собраніи, которое однако же по другимъ резонамъ, какъ ниже будетъ сказано, тѣмъ не менѣе нужно и полезно“.

Такимъ образомъ Панинъ напиралъ на подзаконность Сената и на главную его обязанность наблюдать за подчиненными мѣстами, иначе говоря, онъ высказывался противъ тѣхъ фактическихъ привилегій, которыми Сенатъ обладалъ при Елизаветѣ Петровнѣ и которыя въ принципѣ у него оставались пока и въ первые мѣсяцы царствованія Екатерины. Далѣе Панинъ переходилъ на недостаточность осуществляемаго Сенатомъ надзора.

„По тому же существительному положенію, всѣ дѣла вышеобъявленныхъ государственныхъ частей производятся

въ ихъ собственныхъ коллегіяхъ и приказахъ *еще больше съ наблюденіемъ сего приказнаго порядка, нежели съ попеченіемъ о дѣйствительномъ успѣхѣ и о общей пользѣ*, ибо и каждое приказное мѣсто имѣетъ свои границы собственныхъ законовъ, которыя разводятъ касательность ихъ дѣлъ между собою. *А кто думаетъ, что Правительствующій Сенатъ, обнимая всѣ дѣла, исправляетъ сію неудобность, тотъ совершенно, какъ выше доказано, ошибается*, потому что Сенатъ въ предѣлахъ тѣхъ же законовъ каждаго мѣста обращаться долженъ. Натуральное и необходимое изъ сего слѣдствіе то, что каждый сенаторъ и всякій судья иной ревности по должности своей имѣть не можетъ, какъ ту только, чтобъ разсудить дѣло по силѣ указовъ, а сумнительное изъ того взнесть въ докладъ *Свойствы слабости человѣческой лѣни и праздности подкрѣпляютъ оное, какъ то изъ вседневной практики и доказывается*. Ибо каждый тотъ, кто просто держится при должности своего званія, почитаетъ оную довольно исполненную, когда въ надлежащіе дни бываетъ въ присутствіи, гдѣ онъ въ должности прокуроровъ и секретарей надѣется найти довольное знаніе и объясненіе законовъ, по которымъ онъ судить долженъ и о которыхъ въ собраніи ему докладываютъ. На собственное же разсмотрѣніе законовъ, указовъ и дѣлъ и изъ нихъ происходимой пользы или вреда такой судебный членъ, конечно, ни часа особливаго въ сутки не употребляетъ. Итакъ, сенаторъ и всякій другой судья пріѣзжаетъ въ засѣданіе такъ, какъ гость на обѣдъ, который еще не знаетъ не токмо вкусу кушанья, но и блюдъ, коими его будутъ подчивать“..

Указывая на недостатки сенатскаго правленія, Панинъ стремился доказать, что и законодательство, и дѣйствительное попеченіе о государственныхъ нуждахъ и высшій надзоръ, все заключается въ особѣ государя, все находитъ себѣ здѣсь центръ; государю же помощниками въ этомъ случаѣ является „нѣкоторое малое число избранныхъ къ тому единственно персонъ“.

Панинъ отстаивалъ свой проектъ учрежденія особаго новаго совѣта при особѣ государя и потому боролся

съ мыслью, что будто бы, какъ утверждали нѣкоторые, государевымъ прямымъ помощникомъ можетъ явиться одинъ генералъ-прокуроръ. „Правда, говорилъ онъ по данному поводу, еслибъ одна простая рѣчь указа сочиняла одно прямое дѣло, то бъ генералъ-прокуроръ могъ быть почтенъ такимъ общимъ попечителемъ, которому все приказано. Въ его инструкціи онъ названъ государевымъ окомъ; но, какъ самодержавный государь, оставляя при себѣ право законодавія, онъ, конечно, не можетъ чрезъ одно око разсматривать всѣ разныя въ управленіи государства надобности по перемѣнамъ временъ и обстоятельствъ, почему въ существѣ генералъ-прокуроръ остается только тѣмъ окомъ, которое въ Сенатѣ порядокъ производства дѣлъ и точность законовъ наблюдать долженъ Согласиться можно, что Ягужинскій и Трубецкой распространяли гораздо далѣе свое званіе; но то надлежитъ примѣтить, что первый былъ въ то время ближайшій совѣтникъ того государя, который когда самъ имперію и правительство установлялъ, а изъ какихъ людей и какими средствами о томъ извѣстно. Къ чему довольно одно то напамятовать, что вице-канцлеръ былъ положенъ на плаху, чтобъ только научить тогдашнихъ новыхъ сенаторовъ, какъ съ благопристойностью сидѣть и разсуждать. Взявъ эпокъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны—князь Трубецкой тогда первую часть времени прокурорства производилъ по дворскому фаверу, какъ случайный человѣкъ, слѣдовательно не законы и порядокъ наблюдалъ, но все могъ, все дѣлалъ и, если осмѣлиться сказать, все прихотливо развращалъ, а потомъ самъ сталъ быть угодникомъ фаворитовъ и припадочныхъ людей".

Клоня все въ одну сторону, къ учрежденію высшаго совѣта, Панинъ предлагалъ попутно, такъ сказать, сокрушеніе политическаго значенія Сената и приданія этой коллегіи характера чисто дѣлового мѣста, о чемъ въ свое время хлопоталъ и Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ.

„Что же касается до раздѣленія Сената на департаменты, гласилъ далѣе панинскій докладъ, въ томъ всѣ признаютъ пользу скорѣйшаго дѣламъ теченія. Мнѣ же тутъ представляется

штатскій политическій резонъ, еще важнѣйшій для имперіи. Мы слишкомъ тридцать лѣтъ обращаемся въ революціяхъ на престолѣ, и чѣмъ больше ихъ сила распространяется между подлыхъ людей, тѣмъ онѣ смѣлѣе, безопаснѣе и возможнѣе стали. Между другихъ, противъ сего опаснаго впредь положенія, мудрыхъ мѣръ вашего величества можетъ принято быть и то, чтобъ увеличиваньемъ числа сенаторовъ привести въ большее почтеніе къ правительству и тѣмъ, слѣдовательно, обуздать его къ государственному порядку".

Отсюда видно, что раздѣленіе Сената на департаменты, по мысли Панина, должно было достигать двойной цѣли. Сверху политическое значеніе Сената подавлялось проектируемымъ Совѣтомъ, внутри—солидарность разбивалась многолюдствомъ общаго сенатскаго собранія и дробленіемъ его въ департаментахъ, приспособленныхъ къ серьезной служебной работѣ.

Какъ справедливо замѣчаетъ г. Бильбасовъ [1]), въ обѣихъ частяхъ панинскаго проекта, собственно говоря, не заключалось ничего новаго. Совѣты при особѣ государя существовали и раньше предлагаемаго Панинымъ нововведенія; что же касается раздѣленія Сената на департаменты, то оно также предполагалось уже въ 1730 г., и даже отчасти было тогда же приведено въ исполненіе [2]), хотя по цѣли не должно было имѣть политическаго значенія. Сенатъ предполагалось раздѣлить на департаменты, но именно въ смыслѣ ускоренія, и облегченія дѣлопроизводства, но не болѣе. Точно также позднѣе понималъ сенатскую реформу одинъ изъ довѣренныхъ совѣтниковъ Екатерины фельдцейхмейстеръ Вильбоа [3]), который возражалъ противъ проектированнаго Панинымъ Совѣта, но относительно дѣленія Сената замѣтилъ: „Раздѣленіе же Сената на различные департаменты — превосходно и въ значительной степени облегчитъ производство

[1]) Исторія Екатерины Второй, т. II, стр 134.

[2]) Ср, между прочимъ, сенатскій указъ отъ 17 іюля 1730 г. о бытіи въ департаментахъ Сената секретарямъ и о назначеніи дней для общаго въ Сенатѣ собранія. П. С. 3 № 5587

[3]) Ibid стр. 138.

дѣлъ“ Только число сенаторовъ, какъ въ каждомъ департаментѣ, такъ и въ общемъ собраніи (тридцать человѣкъ) представлялось Вильбоа слишкомъ большимъ вслѣдствіе того, что, по его мнѣнію, чѣмъ болѣе различныхъ взглядовъ, страстей, партійности, раздоровъ, тѣмъ менѣе справедливости и медленнѣе производство.

Екатерина точно также была согласна со второй частью панинскаго проекта, но первый не соотвѣтствовалъ ея политическимъ взглядамъ, и потому, хотя Панинъ, составляя проектъ, дѣйствовалъ по ея полномочію и представилъ его въ формѣ „акта на подписаніе“, императрица медлила осуществленіемъ общей реформы управленія Она давала проектъ на прочтеніе различнымъ лицамъ, сама дѣлала безконечныя поправки и тѣмъ оттягивала время. Связанное съ общимъ проектомъ предложеніе о раздѣленіи Сената на департаменты, какъ res accessoria, слѣдовало судьбѣ rei principalis, пока наконецъ императрица не сознала необходимость приведенія его въ исполненіе независимо отъ учрежденія совѣта. Можно предположить, что помимо продолжительнаго личнаго знакомства съ Сенатомъ и вынесеннаго о немъ собственнаго мнѣнія, окончательнымъ толчкомъ къ проведенію реформы послужило близкое ознакомленіе Екатерины со знаменитымъ крыловскимъ дѣломъ и ролью, которую игралъ въ немъ весь елизаветинскій Сенатъ съ своимъ оберъ—а потомъ и генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ [1]) Довѣренныя лица императрицы кн.

[1]) О дѣлѣ Крылова и Глѣбова см Сборникъ Р И. О. т. I, стр. 215—252. томъ VII, стр 299, 340 Ср также рѣчь Екатерины въ Сенатѣ по дѣлу Крылова: „Сегодня я пріѣхала, чтобъ съ вами говорить о такомъ дѣлѣ. которое четыре года на моемъ сердцѣ лежало Я оное окончать способа не находила, не нарушая справедливости, т. е. дѣло иркуцкаго слѣдователя Крылова. Я нынѣ къ вамъ назадъ привезла сенатскій докладъ 1762 г., въ которомъ нахожу одну только ясно выведенную вину Крылова, по которой онъ именнымъ указомъ блаженной памяти тетки Нашей Императрицы Елисаветы Петровны лишенъ всѣхъ чиновъ и скованъ привезенъ сюда опричь арестованія иркуцкаго вице-губернатора Вульфа. На все прочее въ сенатскомъ докладѣ мнѣ представленное, я смотрю, какъ на неоконченное, слѣдственно оные рѣшить не могу. Моя воля есть, чтобъ Сенатъ кратчайшимъ и законнымъ образомъ окончалъ

Козловскій, Адодуровъ и Протасовъ произвели по этому дѣлу дополнительное слѣдствіе и оправдали выказанное имъ довѣріе. Императрица ужаснулась, читая результаты слѣдствія.

Панинъ, добиваясь осуществленія своихъ замысловъ относительно Государственнаго Совѣта, въ своихъ же видахъ предлагалъ дробленіе Сената: именно онъ желалъ тѣмъ самымъ окончательно подорвать конкуррента Совѣту. Политика его въ данномъ случаѣ была подобна политикѣ Кабинета при Аннѣ Іоанновнѣ.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть успѣха и склонить императрицу на сторону предлагаемой сенатской реформы, Панинъ указывалъ на проектъ раздробленія Сената, какъ на средство предотвращенія съ его стороны опасности въ отношеніи правъ верховной власти. Конечно, это была только уловка. Опасностью самодержавію, какъ прекрасно понимала Екатерина, могъ скорѣе грозить предлагаемый Совѣтъ, а не Сенатъ, хотя бы и не раздробленный. Увеличеніе числа членовъ его, предложенное Панинымъ, и вытекающая отсюда трудность достиженія единства, особенно въ смыслѣ политическихъ происковъ, предохраняла имперію отъ могущихъ возникнуть олигархическихъ стремленій сенаторовъ, тѣмъ болѣе, что императрица старый Сенатъ отъ времени до времени пополняла своими сторонниками. Но за отстраненіемъ политической опасности оставалась другая сторона вопроса чисто служебная—превращеніе Сената въ дѣйствительное, полезное государству присутственное мѣсто съ обширными функціями, стѣсняемыми постояннымъ отправленіемъ ихъ въ общемъ многолюдномъ собраніи. Въ этомъ отношеніи Екатерина вполнѣ сочувствовала мысли о реформѣ Сената и охотно готова была приступить къ его

что по правосудію принадлежитъ.. Осталось только упомянуть о генералъ-прокурорѣ Глѣбовѣ, который въ семъ дѣлѣ по крайней мѣрѣ оказался подозрительнымъ и тѣмъ самымъ уже лишилъ себя довѣренности, соединенной съ его должностью.. При семъ за благо нахожу сдѣлать вамъ примѣчаніе, сколь странныя слѣдствія имѣютъ тѣ дѣла, кои страстью производятся и до какихъ дерзостей доводятъ, когда вмѣсто законовъ страсть ими руководствуетъ, чего нигдѣ такъ не видно, какъ изъ всего сего дѣла. (Сборникъ Р. И. О., т. I стр. 242—243).

преобразованію; рѣшившись на реформу, въ основаніе ее императрица положила панинскій проектъ.

По проекту Панина [1]) Сенатъ подлежалъ раздѣленію на шесть департаментовъ: именно, первый долженъ былъ вѣдать государственныя внутреннія политическія дѣла, имѣть свѣдѣнія о числѣ народа, о государственныхъ доходахъ и расходахъ, ему же подлежали дѣла по Синоду съ подчиненными мѣстами, по Иностранной коллегіи, по Камеръ и Ревизіонъ коллегіямъ, по Штабсъ и Соляной конторамъ, Секретной и Тайной экспедиціямъ и Приказному столу, а также дѣла о штатахъ и ревизіяхъ; въ кругъ вѣдѣнія второго департамента входили бывшія дѣла по Рекетмейстерской конторѣ, именно всякія апелляціонныя дѣла и герольдмейстерскія; къ третьему департаменту отходили дѣла Бергъ, Мануфактуръ и Коммерцъ коллегій и Главнаго магистрата, а также пути сообщенія и проч.; четвертому департаменту отдавались дѣла Юстицъ и Вотчинной коллегіи, Суднаго и Сыскного приказовъ, сыщиковыя дѣла и по Экспедиціи о колодникахъ, по Сибирскому приказу, по банковымъ конторамъ для дворянства и купечества и по генеральному межеванію; пятому департаменту—дѣла Военной и Адмиралтейской коллегій, по главному Комиссаріату, Инженерной, Провіантской, Оружейной канцеляріямъ и артиллеріи; къ шестому департаменту отходили дѣла малороссійскія, лифляндскія, эстляндскія, по Новой Сербіи, Выборгской губерніи и городу Нарвѣ.

Изъ этого перечня видно, что предположенное дѣленіе компетенціи департаментовъ Сената въ большей или меньшей степени не заключало въ себѣ строго выработаннаго плана и носило въ извѣстной мѣрѣ случайный характеръ.

По составу своему каждый департаментъ долженъ былъ состоять по крайней мѣрѣ изъ пяти сенаторовъ: при первомъ оставался генералъ-прокуроръ, при остальныхъ, при каждомъ, по оберъ-прокурору. Сенатская Контора сохранялась, но принимала видъ департамента. Каждый департаментъ въ отношеніи приговора, рѣшая дѣла единогласно, на

[1]) Сборникъ Р. И. О. т. 7 стр. 214 и слѣд.

точномъ основаніи закона, получалъ права Сената въ цѣломъ, вслѣдствіе чего въ отдѣльныхъ департаментахъ оберъ-прокурорамъ предписывалось руководиться генералъ-прокурорской инструкціей. Если въ департаментѣ по какому нибудь вопросу мнѣнія Сенаторовъ не совпадали, то на оберъ-прокурора возлагалась обязанность сообщить о томъ генералъ-прокурору, который въ свою очередь долженъ быть взять дѣло въ первый департаментъ, созвать полное собраніе Сената и постараться чтобъ дѣло было рѣшено хотя бы по большинству голосовъ; то же самое проектировалось при несогласіи въ первомъ департаментѣ. Кромѣ того Сенатъ долженъ былъ собираться каждую недѣлю, по крайней мѣрѣ одинъ разъ, въ полное собраніе для обсужденія всякихъ новыхъ въ департаментахъ еще не разсматриванныхъ дѣлъ.

Не трудно убѣдиться, что, проводя полезную реформу, проектъ Панина грѣшилъ однимъ кореннымъ недостаткомъ Въ объяснительной запискѣ къ проекту авторъ указывалъ, что сенаторы являются въ засѣданіе, какъ гости, которымъ неизвѣстно, чѣмъ ихъ будутъ угощать Кто? Конечно—канцелярія. Между тѣмъ и при новомъ устройствѣ Сената ничего не говорилось объ участіи, хотя бы частичномъ, сенаторовъ въ подготовкѣ дѣла къ докладу. Существеннѣйшая сторона работы такимъ образомъ по прежнему оставалась на секретаряхъ и переходила еще на прокуроровъ, сенаторы же оставались отъ нея всторонѣ

§ 10. Раздѣленіе Сената на департаменты и указъ о пополненіи мѣстъ достойными людьми.

Въ апрѣлѣ 1763 г. особому собранію, которое занималось разсмотрѣніемъ вопроса о вольности дворянской, именнымъ указомъ поручалось разсмотрѣть также и предположенія о раздѣленіи Сената на департаменты. „По теченію дѣлъ государственныхъ, писала по этому поводу императрица, о которомъ мы теперь ближайшее свѣдомство собственнымъ нашимъ искусствомъ имѣемъ, усмотрѣли мы, что государственныя дѣ-

ла и прочія, касающіяся до внутренняго правительства и народнаго правосудія въ имперіи нашей, часъ отъ часу въ умноженіе приходятъ. Мы не сомнѣваемся, что Сенатъ крайнее прилагаетъ тщаніе и трудъ, чтобы оныя не запускать въ умноженіе, но число ихъ такъ велико, что одно дѣло другому препятствуютъ, и, по разнообразію ихъ матерій, въ замѣшательство и продолженіе приходятъ. Сихъ ради причинъ мы, изыскивая всѣ ближайшіе способы къ оказанію правосудія и удовольствія намъ Богомъ врученному народу, за полезно находимъ все число сенаторовъ, каково нынѣ есть или быть можетъ, распредѣлить на разные департаменты, дабы тѣмъ способомъ не одно дѣло въ Сенатѣ въ одинъ день трактовалось [1]), но столько производимо ихъ было, коликое число департаментовъ опредѣлится, и каждый бы департаментъ опредѣленные ряды себѣ дѣлъ въ отправленіи узаконеніемъ имѣлъ "

„Того ради, говорилось далѣе въ именномъ указѣ, мы собранію повелѣваемъ совѣтовать: 1) какой бы разборъ дѣламъ сдѣлать въ государствѣ нашемъ текущимъ; 2) сколько и какихъ департаментовъ въ Сенатѣ изъ господъ сенаторовъ учредить; 3) коликому числу въ каждомъ департаментѣ сенаторовъ быть и прочихъ служителей и какого званія; 4) какимъ порядкомъ въ каждомъ департаментѣ опредѣленныя дѣла производить; 5) какой союзъ или сообщеніе всѣмъ департаментамъ между собою имѣть; 6) какую силу каждый департаментъ имѣть долженъ и въ какихъ случаяхъ всѣ въ полное собраніе собираться имѣютъ? О семъ всемъ и о томъ, что еще въ слѣдствіе сего собою придумать можно, собраніе имѣетъ изыскать наилучшіе способы и намъ представить на аппробацію; *а какіе къ сему же дѣлу старые и новые у насъ проекты нашлися, мы оные въ собраніе при семъ отсылаемъ, которые къ совѣтамъ служить могутъ нѣкоторымъ поводомъ*".

„Мы уповаемъ, заключала императрица свое обращеніе къ Комиссіи, что собраніе, видя наше матернее желаніе и неусып-

---

[1]) Комиссія о русскомъ дворянствѣ состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Бестужева, Разумовскаго, Воронцова, Шаховского, Панина, Чернышева Волконскаго, Григорія Орлова, при дѣлопроизводителѣ Тепловѣ. Сборникъ Р. И. О. т. 7, стр 232.

ное попеченіе о добрѣ отечества *и особливо о благопосѣщеніи правосудія*, не оставитъ съ истинною и извѣстною намъ ревностью о семъ дѣлѣ потрудиться и намъ вскорѣ представить [1])".

Изъ этого указа видно, что и панинскій проектъ являлся для упомянутаго собранія только въ качествѣ матерьяла, къ которому можно было относиться совершенно свободно. Вмѣстѣ съ тѣмъ выказывалось ясное желаніе императрицы сдѣлать Сенатъ высшимъ судебнымъ установленіемъ по существу. Собраніе воспользовалось своимъ правомъ самостоятельнаго отношенія къ вопросу и внесло измѣненія въ предположенія Панина.

Декабря 15 года 1763, состоялся манифестъ о раздѣленіи Сената на департаменты и установленіи штатовъ различнымъ присутственнымъ мѣстамъ [2]). Одновременно съ этимъ манифестомъ былъ изданъ другой, внутренне по существу своему связанный съ первымъ, — о наполненіи судебныхъ мѣстъ достойными и честными людьми и мѣрахъ къ прекращенію лихоимства и взятокъ. Реформа высшаго правительственнаго и судебнаго мѣста требовала обновленія служебнаго состава и подчиненныхъ установленій; одно вытекало изъ другого. Старые порядки должны были уступить мѣсто новымъ.

„Промыселъ Всевышняго, гласилъ манифестъ о наполненіи присутствій достойными людьми [3]), возложа на Насъ великое служеніе принятіемъ императорской Короны, непосредственно обязываетъ Насъ всечасно имѣть трудъ и попеченіе о пользѣ и благоденствіи ввѣреннаго Намъ отъ Его Всевышняго десницы.

Мы послѣдуя къ тому долгу Нашему, со дня вступленія на Всероссійскій императорскій престолъ не упускали изъ глазъ Нашихъ ни одного случая, который бы только въ существѣ своемъ соотвѣтствовать могъ пользѣ Нашихъ подданныхъ, чтобъ оный не исполнить.

Но къ крайнему Нашему огорченію и прискорбности, изъ

---

[1]) Сборникъ Р. И. О. т. 7, стр. 279.
[2]) П. С. З. № 11989.
[3]) Ib. № 11988.

повседневныхъ обстоятельствъ принуждены мы видѣть, что многіе Наши вѣрноподданные отъ разныхъ судебныхъ правительствъ, а особливо въ отдаленныхъ отъ резиденціи Нашей мѣстахъ, не только не получаютъ въ дѣлахъ своихъ скораго и справедливаго по законамъ рѣшенія, но еще отъ насилія и лихоимства или, лучше сказать, отъ самыхъ грабежей во всеконечное разореніе и нищенство приходятъ.

Правда, хотя къ прекращенію сего еще съ самыхъ временъ Государя Петра Великаго дѣланы были по состоянію тогдашнихъ обстоятельствъ нѣкоторыя учрежденія, а потому и всѣ строгости законовъ употребляемы были, но недовольно произошло желаемаго успѣха. *Частью видится оттого, что не всегда съ надлежащимъ и прилежнымъ разсмотрѣніемъ опредѣлялись судящіе къ мѣстамъ безъ всякаго знанія и способности, коими потому и дѣйствовали ихъ подчиненные, частью жъ и отъ того, что совсѣмъ люди не только съ нѣкоторымъ достаткомъ, но ниже имѣя дневное пропитаніе, отсылались къ дѣламъ, не получая при томъ никакого жалованья, и не много лучше, какъ бы не имущіе въ богадѣльни для одного только пропитанія, а не для исправленія дѣлъ, и по истинѣ сказать, казалось, что всякой живетъ только для себя, не помышляя о добрѣ общемъ*“.

Въ послѣднихъ словахъ манифеста, весьма знаменательныхъ, самой монархиней удостовѣрялся фактъ, что московскій принципъ кормленія отъ дѣлъ служилыхъ людей если и не всѣхъ, то большинства, процвѣталъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія со всѣми своими старинными послѣдствіями. Если при томъ принять во вниманіе, что на высшія должности мѣстнаго управленія люди назначались Сенатомъ, то придется признать, что въ манифестѣ заключались скрытые упреки и сенатской неосмотрительности и бездѣйствію.

„Что жъ отъ того происходило, продолжала Екатерина, переходя къ характеристикѣ перваго полутора года своего царствованія, крайній вредъ, притѣсненіе и разореніе Нашихъ подданныхъ подъ разными вымыслы не имущихъ судей угнетающая бѣдность къ лихоимству побуждала, а невѣжды

отважно поступали на всякое предпріятіе по предводительству своихъ подчиненныхъ къ пріобрѣтенію себѣ корысти, иногда досмотрами по Вальдмейстерской инструкціи въ порубкѣ лѣсовъ, въ починкѣ дорогъ, въ дачѣ паспортовъ, въ переоброчкѣ разныхъ казенныхъ мѣстъ, въ дачѣ квитанцій въ ношеніи указнаго раскольничьяго платья, въ высылкахъ съ указными, платежами въ Канцеляріи, и однимъ словомъ заключить, вымышляли всякіе способы и подъ разными претекстами для полученія себѣ пропитанія и прибытковъ, что только на мысль представить можно, а тѣмъ самымъ несносно обременяли Нашихъ подданныхъ, а наипаче такихъ бѣдныхъ поселянъ, кои себѣ ни отъ кого особливой защиты не имѣютъ, крайнему изнуренію подвергали.

Мы, входя подробно во всѣ упомянутыя вредности, находимъ къ истребленію упомянутой гибели справедливѣйшее и ближайшее средство".

Этимъ средствомъ при надзорѣ реформированнаго Сената должно было явиться замѣненіе должностей честными, достойными людьми на достаточномъ жалованьи съ упраздненіемъ всѣхъ прежде бывшихъ акциденцій, столь легко переходившихъ въ грубое вымогательство и лихоимство. Вначалѣ Екатерина поручила выборъ такихъ достойныхъ людей Сенату, какъ учрежденію, потомъ разсудила, что будетъ лучше, если каждый сенаторъ подастъ свое мнѣніе о возможныхъ кандидатахъ самостоятельно, безъ совѣщанія съ другими, въ запечатанномъ конвертѣ (Бильбасовъ. Исторія Екатерины, т. II, стр. 536). Императрица очень полагалась на дѣйствительность подобнаго выбора, забывая, что измѣненіе вкоренившихся злоупотребленій, имѣвшихъ нѣкогда основаніе въ нравахъ и обычаяхъ страны, не могло быть достигнуто вообще въ скоромъ времени, въ особенности безъ цѣлаго ряда и другихъ способствующихъ пріемовъ. Особенность русскаго лихоимства крылась именно въ томъ, что оно явилось не какимъ либо нововведеніемъ, а законнымъ наслѣдіемъ предшествовавшей эпохи, по отношеніи къ которой царскіе указы являлись новшествомъ, а не наоборотъ Не даромъ въ свое время знаменитый Гагаринъ, привлеченный наконецъ къ отвѣтственности, просилъ у Петра

отправить его въ монастырь, въ то время какъ Преобразователь считалъ для него болѣе подходящимъ висѣлицу. Какъ справедливо замѣчаетъ г. Бильбасовъ, „скверное лакомство и лихоимство“ являлись наслѣдственнымъ грѣхомъ русскаго человѣка Но вмѣстѣ съ тѣмъ корень зла таился также и въ учрежденіяхъ. Борьба съ этимъ зломъ въ полномъ смыслѣ слова была возможна только въ видѣ коренного реформированья учрежденій, установленія дѣйствительнаго надзора, контроля общественнаго, и воспитанія людей, соединеннаго съ просвѣщеніемъ. Такимъ образомъ конечные результаты настоящихъ стремленій Екатерины отодвигались въ далекое будущее. „Прошло сто лѣтъ послѣ манифеста Екатерины [2]), говоритъ по этому поводу г. Бильбасовъ, вымерли цѣлыя поколѣнія, прежде чѣмъ судебная реформа 1864 г., измѣнивъ въ корнѣ русское судопроизводство, очистила авгіевы конюшни Ѳемиды“ [3]) Тоже самое, что сказалъ упомянутый почтенный ученый о дореформенномъ судѣ, должно приложить и къ тогдашней администраціи, тѣсно связанной съ судомъ въ особенности въ эпоху смѣшенія судебной и административной власти въ однѣхъ рукахъ

Но къ сожалѣнію, прежде чѣмъ пойти по пути дальнѣйшихъ реформъ, помимо преобразованія Сената, Екатерина въ концѣ 1763 г. еще не отдавала себѣ въ полнаго отчета въ томъ, что предпринятая ею реформа сама по себѣ не обезпечиваетъ желаемаго успѣха. По крайней мѣрѣ свой манифестъ о новыхъ штатахъ она заканчивала слѣдующими словами.

„Такимъ образомъ, сдѣлавъ въ Имперіи Нашей показаннымъ въ штатахъ судебнымъ правительствамъ распорядокъ и доброе учрежденіе, надѣемся съ помощью Божіею доставить Нашимъ подданнымъ благодеятствіе и спокойную жизнь и избавить отъ притѣсненія, лихоимства и грабительствъ и

---

[1]) Исторія Екатерины Второй, т. II, стр. 199. См. также А. С. Лаппо-Данилевскаго „Очеркъ внутренней политики императрицы Екатерины II“, стр 76.

[2]) П. С. З. № 11616.

[3]) Исторія, т. II, стр. 192

что всякъ опредѣленный отъ Насъ или отъ Нашихъ правительствъ къ какому либо мѣсту, чувствуя столь изобильныя Наши къ себѣ матернія щедроты, потщится, какъ истинный сынъ отечества и Нашъ вѣрный рабъ, въ порученномъ ему дѣлѣ честно и незазорно исполнять свою должность къ пріобрѣтенію впредъ Нашей Монаршьей милости и благоволенія".

За тѣмъ слѣдовала, какъ въ старыхъ указахъ, угроза.

„Еслибъ кто, презря таковыя Наши императорскія къ себѣ щедроты, отважился коснуться лихоимству, взяткамъ и подаркамъ къ отягощенію Нашихъ подданныхъ, или просителей, по дѣламъ сталъ утѣснять, таковый нечестивый и неблагодарный, и яко заразительный членъ обществу, не только изъ числа честныхъ, но и изъ всего рода человѣческаго истребленъ будетъ" [1]).

Впослѣдствіи за долгое свое царствованіе Екатеринѣ опытомъ пришлось убѣдиться, что такихъ презрителей щедротъ царскихъ не мало оказалось на безмѣрныхъ пространствахъ Россійской имперіи.

---

[1]) П. С. З. № 11989

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ВЫСШІЙ СУДЪ И НАДЗОРЪ ПО РАЗДѢЛЕНІИ СЕНАТА НА ДЕПАРТАМЕНТЫ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ О ГУБЕРНІЯХЪ.

§ 1. Существо сенатской реформы.

Итакъ, одновременно съ объявленіемъ о новыхъ штатахъ былъ объявленъ манифестъ о раздѣленіи Сената на департаменты. Этому акту точно также предшествовало вступленіе, объяснявшее смыслъ и значеніе реформы.

„Правило неоспоримое, гласилъ упомянутый манифестъ [1]), что всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благодействіи обитателей и, что тогда только Обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видятъ, что *подвластный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ поставленныхъ надъ нимъ начальниковъ и правителей*; но нельзя инаково сего достигнуть, какъ только добрымъ учрежденіемъ внутреннихъ распорядковъ, и всѣхъ государственныхъ и судебныхъ правительствъ. Мы видимъ, что *хотя многіе до сего въ Имперіи Нашей для пользы народной и правосудія установляемы были разныя государственныя и судебныя правительства; однакожъ оныя, по состоянію нынѣшняго времени, въ какомъ положеніи Имперія Наша находится, весьма недостаточны, что*

[1]) П. С. З. № 11989.

можно наиболѣе всего усмотрѣть въ Нашемъ Сенатѣ, въ который не только апелляціонныя, но и всякаго рода дѣла изъ всего государства съ требованіемъ резолюціи вступаютъ и который столь отягченъ множественнымъ числомъ оныхъ, что превосходитъ силы человѣческія, всѣ оныя дѣла рѣшить въ надлежащее время. Равнымъ же образомъ и другія нѣкоторыя присутственныя мѣста, по своимъ дѣламъ томужъ жребію подвержены, а чрезъ то самое ни государственныя дѣла желаемаго успѣха, ни бѣдные просители скораго удовольствія не получаютъ".

По изложеннымъ основаніямъ устанавливалось департаментаціонное дѣленіе и не только въ Сенатѣ но и въ нѣкоторыхъ другихъ „судебныхъ правительствахъ"; это дѣленіе Юстицъ, Вотчинной и Ревизіонъ коллегій показывало, какъ мало было въ реформѣ Сената характера политическаго; дѣйствительно для императицы реформа имѣла значеніе по преимуществу чисто дѣловое.

Итакъ, отнынѣ Сенатъ долженъ былъ явиться въ преобразованномъ видѣ. Что касается общихъ началъ его переустройства, то въ конечномъ результатѣ собраніе, трудившееся надъ вопросомъ о сенатской реформѣ, осталось вѣрнымъ проекту Панина, хотя въ частностяхъ все таки внесло измѣненія и поправки Такъ, напримѣръ, въ послѣднемъ отношеніи, было достигнуто болѣе систематичности въ распредѣленіе дѣлъ по департаментамъ при сохраненіи предложеннаго Панинымъ числа ихъ. Именно, первый департаментъ получилъ значеніе правительственнаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: ему поручалось вѣдать внутреннія и политическія дѣла съ дѣлами Синода, Герольдіи, Коллегіи экономіи, Ревизіонъ, Бергъ, Мануфактуръ и Коммерцъ коллегій, Камеръ, Штасъ и Соляной конторъ, Канцеляріи опекунства иностранныхъ и Конфискаціи, экспедиціи Секретной и Тайной, Главнаго магистрата и банковыхъ конторъ; второй департаментъ цѣликомъ принималъ судебную окраску: въ немъ должны были вѣдаться дѣла апелляціонныя, дѣла по Юстицъ и Вотчинной Коллегіямъ, по Судному приказу, сыщиковымъ, слѣдственнымъ дѣламъ и Экспедиціи о колодникахъ; къ третьему относились окраинныя дѣла

Малороссіи, Эстляндіи, Лифляндіи, а также дѣла о путяхъ сообщенія, народнаго просвѣщенія, дворцоваго вѣдомства, Ямской канцеляріи и полиціи; четвертому исключительно поручались дѣла военныя и военно-морскія.

Эти первые четыре департамента должны были дѣйствовать въ Петербургѣ, два остальныхъ — замѣнить Сенатскую Контору въ Москвѣ съ компетенціей пятый — перваго, а шестой — второго; послѣдней комбинаціи не было въ проектѣ Панина.

Приведенное дѣленіе однако не устанавливалось въ качествѣ неизмѣннаго. Сенату предоставлялось право съ высочайшаго соизволенія въ случаѣ необходимости измѣнять распредѣленіе дѣлъ, передавая ихъ изъ одного департамента въ другой, смотря по удобству и пользѣ производства. При первомъ департаментѣ, какъ и у Панина, оставался генералъ-прокуроръ, а въ остальные назначались оберъ-прокуроры по одному на департаментъ съ правами въ отношеніи послѣдняго генералъ-прокурора. Рѣшая дѣло единогласно, Сенатскіе департаменты каждый въ отдѣльности постановлялъ рѣшеніе съ такой-же силою, какъ и весь Сенатъ въ общемъ собраніи. Въ случаѣ разногласія въ департаментахъ по докладамъ оберъ-прокуроровъ генералъ-прокуроръ обязанъ былъ переносить дѣло въ общее собраніе, какъ то предлагалось и Панинымъ. Значеніе Канцеляріи при всемъ томъ, однако, оставалось прежнимъ и Сенатъ по старому образцу оставался въ зависимости отъ своихъ оберъ и просто секретарей

Всѣ департаменты далѣе оставались на равныхъ правахъ безъ всякихъ, какихъ-бы то ни было, преимуществъ другъ передъ другомъ. При несогласіи въ общемъ собраніи или *при неимѣніи на данный случай закона* дѣло съ сенаторскими мнѣніями и мнѣніемъ генералъ-прокурора должно было восходить на высочайшее усмотрѣніе. Этимъ путемъ облекался въ правовую форму взглядъ Панина о необходимости сдѣлать Сенатъ строго подзаконнымъ учрежденіемъ. Число членовъ Сената непосредственно закономъ не опредѣлялось, но изъ собственноручнаго росписанія Екатериною сенаторовъ

по департаментамъ [1]) видно, что фактически ихъ было назначено двадцать восемь человѣкъ, по пяти въ каждомъ изъ петербургскихъ сенатскихъ отдѣленій и по четыре въ московскихъ [2]).

О назначеніи сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ во вновь учрежденные департаменты было объявлено 23 января 1764 г.[3]), а новый генералъ-прокуроръ князь Вяземскій занялъ свою должность только въ февралѣ того-же года [4]) Очевидно, нѣсколько времени императрица колебалась, кого выбрать на этотъ столь отвѣтственный постъ.

Передъ вступленіемъ въ исполненіе обязанностей Вяземскій получилъ отъ императрицы особое спеціальное секретнѣйшее наставленіе, изъ котораго видны взгляды Екатерины на тогдашній Сенатъ и значеніе, придаваемое государынею генералъ-прокурорской должности Еще при старомъ устройствѣ Сената императрица находилась въ тѣсномъ общеніи съ тогдашнимъ генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ и при помощи его сносилась съ Сенатомъ, въ которомъ и лично часто присутствовала. Съ раздѣленіемъ Сената Екатерина начинаетъ вступать въ сношеніе съ высшей коллегіей сначала по преимуществу, а потомъ почти исключительно черезъ Вяземскаго. Тѣмъ самымъ екатерининскій генералъ-прокуроръ пріобрѣлъ особое значеніе въ дѣлахъ высшаго правленія, вопреки совѣтамъ Панина не считать представителя этой должности подходящимъ ближайшимъ совѣтникомъ Короны. Очевидно, въ данномъ случаѣ импе-

[1]) Сборникъ Р. И. О. т. 7, стр. 339

[2]) Въ первомъ департаментѣ должны были присутствовать—Бестужевъ, Воронцовъ, Неплюевъ, Шаховской Я. П., Олсуфьевъ; во-второмъ—Суворовъ, Скавронскій, Ушаковъ, Козловскій, Трубецкой и об. пр. Всеволожскій: въ третьемъ—Бутурлинъ, Чернышевъ, Н. И. Панинъ, Корфъ, Муравьевъ и об. пр. М. Ф Соймоновъ: въ четвертомъ—Разумовскій, Р. Л. Воронцовъ, Волконскій, Милославскій, Шереметевъ, об. пр. Ф. Орловъ: въ пятомъ—Салтыковъ, И. Воронцовъ, Соймоновъ Ф. И, Адодуровъ, об. пр. Камынинъ. въ шестомъ—Одоевскій, Брылкынъ, Желябужскій, Протасовъ и об. пр.—Сборникъ Р И. О. т. 7, стр. 339—340.

[3]) Сборникъ Р. И О. т. 7, стр. 339

[4]) Ibid. стр. 345.

ратрица коренным образомъ разошлась съ Панинымъ во взглядахъ. Вотъ что писала она о значеніи генералъ-прокурорской должности Вяземскому [1])

„Вамъ уже извѣстно, что вы имѣете заступить генералъ-прокурорское мѣсто. Прежнее худое поведеніе, корыстолюбіе, лихоимство и худая, вслѣдствіе сихъ свойствъ, репутація, недовольно чистосердечія и искренности противъ меня нынѣшняго генералъ-прокурора, все сіе принуждаетъ меня его смѣнить и совершенно помрачаетъ и уничтожаетъ его способность и прилежаніе къ дѣламъ, но и то прибавить должно, что не мало къ тому его несчастію послужили знаемость и короткое обхожденіе въ его еще молодости съ покойнымъ графомъ Петромъ Шуваловымъ, въ котораго онъ рукахъ совершенно находился и напоился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для самихъ ихъ. Все сіе производитъ, что онъ болѣе къ темнымъ, нежели къ яснымъ дѣламъ имѣетъ склонность, и часто отъ меня въ его поведеніяхъ много было сокровеннаго, чрезъ что по мѣрѣ и моя довѣренность къ нему умалилась, а вреднѣе для общества ничего быть не можетъ, какъ генералъ-прокуроръ такой, который къ своему государю совершеннаго чистосердечія и откровенности не имѣетъ; такъ какъ и для него хуже всего не имѣть отъ государя совершенной довѣренности, понеже онъ, по должности своей, обязывается сопротивляться найсильнѣйшимъ людямъ, и слѣдовательно власть государская одна его подпора“.

Слѣдовательно, императрица не отрицала всеобъемлющаго значенія сенатскаго генералъ-прокурора, но для пользы дѣла требовала отъ него особыхъ качествъ.

„Вамъ должно знать, продолжала Екатерина, съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Ежедневные случаи васъ будутъ ко мнѣ предводительствовать; вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ найвящшее благополучіе и славу отечества, и инаго не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, какого-бъ они званія ни были, мои мысли всѣ къ тому

[1]) Сборникъ Р. И. О. т. 7, стр. 345 и слѣд.

лишь только стремятся, чтобъ какъ извнутрѣ, такъ и внѣ государства сохранить тишину, удовольствіе и покой. Увидя я отъ васъ вѣрность, прилежаніе и откровенное чистосердечіе, тогда вы ласкать себя можете получить отъ меня повѣренность безпредѣльную. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь-бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Я слышу, что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человѣка, я къ надѣюсь вамъ опытами показать, что у двора люди съ сими качествами живутъ благополучно Еще къ тому прибавлю, что я ласкательства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечнаго обхожденія и твердости въ дѣлахъ“

Вводя затѣмъ новаго генералъ-прокурора въ тайны свойствъ его должности, императрица раскрывала передъ Вяземскимъ и закулисную сторону сенатскаго естества, а потому говорила какъ о свойствахъ самаго Сената въ цѣломъ, такъ и о качествахъ отдѣльныхъ сенаторовъ. Это было необходимо тѣмъ болѣе, что хотя Сенатъ уже въ значительной степени былъ пополненъ новыми людьми, приблизительно одного направленія, однако въ немъ еще оставались и старые его члены. При росписаніи сенаторовъ по департаментамъ Екатерина предусмотрительно распредѣлила сенаторовъ такъ, что сомнительные старики были разбиты въ своемъ прежнемъ единствѣ и засѣдали въ департаментахъ по преимуществу по одному: въ первомъ департаментѣ канцлеръ—Воронцовъ; во второмъ—Трубецкой; въ третьемъ—Бутурлинъ; въ четвертомъ—Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ и въ шестомъ — кн. Одоевскій. Въ департаментахъ эти птенцы елизаветинскаго гнѣзда по одиночкѣ были безопасны во всѣхъ отношеніяхъ, но въ общемъ собраніи, однако, при случаѣ по прежнему могли представить опасную партію, у которой въ памяти еще оставались свѣжими воспоминанія о сенатскихъ вольностяхъ въ царствованіе дочери Петра; точно также трудно было поручиться за то, чтобы при извѣстныхъ условіяхъ они не могли получить поддержки въ средѣ прочихъ сенаторовъ. Чтобы на всякій случай предупредить остроту такового явле-

нія или чтобы подготовить къ нему генералъ-прокурора. Екатерина писала Вяземскому:

„*Въ Сенатѣ найдете вы двѣ партіи*, но здравая политика съ моей стороны требуетъ оныя отнюдь не уважать, дабы имъ чрезъ то не подать твердости и онѣ бы скорѣе тѣмъ исчезли, а только смотрѣла я за ними недреманнымъ окомъ, людей же употребляла по ихъ способности къ тому или другому дѣлу. Обѣ партіи стараться будутъ нынѣ васъ уловить въ свою сторону. *Вы въ одной найдете людей честныхъ нравовъ, хотя и недальновидныхъ разумомъ; въ другой, думаю, что виды далѣе простираются, но не ясно всегда-ли оные полезны.* Иной думаетъ для того, что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то вездѣ по политикѣ той его любимой земли все учреждать должно, а все другое безъ изъятія заслуживаетъ его критики, несмотря на то, что вездѣ внутреннія распоряженія на нравахъ націи основываются. Вамъ не должно уважать ни ту, ни другую сторону, обходиться должно учтиво и безпристрастно, выслушать всякаго, имѣя только единственно пользу отечества и справедливость въ виду, и твердыми шагами идти кратчайшимъ путемъ къ истинѣ. Въ чемъ вы будете сумнительны, спроситесь со мною и совершенно надѣйтесь на Бога и на меня, а я, видя такое ваше угодное мнѣ поведеніе, васъ не выдамъ. Вы же чрезъ вышеписанныя принципіи заслужите почтеніе у тѣхъ и другихъ; *бездѣльникамъ будете въ страхъ, а честнымъ людямъ—въ покровительствѣ*“.

Итакъ, одну изъ партій—дальновидную, Екатерина аттестовала союзомъ бездѣльниковъ, а далѣе предавала порицанію то время, когда бездѣльники играли въ государствѣ выдающуюся, даже господствующую, роль.

„Всѣ мѣста и самый Сенатъ, значится въ наставленіи, вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. *Сенатъ установленъ для исполненія законовъ*, ему предписанныхъ, а онъ часто *выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ—почти все, и утьснялъ про-*

чія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего жъ я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что сему радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, есть-ли они не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и ко мнѣ. Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется Одна форма лишь канцелярская исполняется, а думать еще иные и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ и интересъ государственный страдаетъ. *Сенатъ-же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ членамъ прежніе примѣры прелестны, однакожъ покамѣстъ я жива, то останется, какъ долгъ велитъ.* Россійская имперія есть столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государства всякая другая форма правленія вредна ей [1]), ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣетъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитая общее добро своимъ собственнымъ, а другіе всѣ, по слову Евангельскому, наемники есть".

Какъ можно видѣть, въ послѣднеприведенномъ отрывкѣ наставленія Вяземскому, между прочимъ, содержится нѣкоторая неясность. Съ одной стороны Екатерина говоритъ, что Сенатъ, наравнѣ со всѣми мѣстами, „разными случаями"

[1]) Ту же мысль см. въ Наказѣ гл. II, §§ 9, 10, 11 „Государь есть самодержавный: ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть, не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства... Всякое другое правленіе не только было-бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно".

вышелъ изъ своихъ основаній, что его обязанность исполнять законы, а онъ часто творилъ ихъ, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни и утѣснялъ прочія установленія; съ другой императрица указываетъ, что всякая другая форма правленія, кромѣ самодержавія, вредна Россіи по существу, и тѣмъ какъ-бы даетъ понять, что Сенатъ покушался на права верховной власти и представлялъ ей собою соперника.

Какъ выше было отмѣчено, [1]) въ отношеніи послѣдняго момента однако дѣйствительныхъ опасеній, въ особенности въ реформированномъ Сенатѣ, питать не приходилось. Въ самомъ дѣлѣ, и елизаветинскій Сенатъ не ограничивалъ юридически власти монарха; его власть основывалась, какъ это опредѣлила сама Екатерина, „неприлежаніемъ къ дѣламъ нѣкоторыхъ ея предковъ“. Прилежаніе новой императрицы все вводило обратно въ свою колею. Конечно, сенатскимъ старожиламъ, видѣвшимъ могущество Сената елизаветинской эпохи, прежніе примѣры должны были казаться „прелестными“, а „любочестіе“ могло заразить и прочихъ сенаторовъ, но если бы даже Сенату опять удалось вернуть утраченное вліяніе, оно все таки не измѣнило бы существа формы правленія въ имперіи, оставаясь и на прежнихъ началахъ. Прошлая власть Сената являлась злоупотребленіемъ, а не правомъ. Сама Екатерина признаетъ, что онъ только былъ выведенъ изъ границъ и ничего болѣе. Слѣдовательно, теперь только приходилось держать его въ границахъ и продолжать ввести „здравую политику“, чтобы сдѣлать изъ него настоящее дѣловое учрежденіе.

При чемъ же тогда политическія соображенія о формѣ правленія и задачахъ монархической власти? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно предположить, что Екатерина касаясь этого предмета, просто отвѣчала на собственный ходъ мыслей, вызванный тѣми попытками ограниченія ея власти, которыя были произведены но не со стороны Сената, а со стороны Панина съ единомышленниками, стремившихся учредить Совѣтъ на правовыхъ основаніяхъ въ противовѣсъ вліяніямъ

[1]) Стр. 152.

случайныхъ“ „принадочныхъ“ людей въ Россіи. Въ виду этого, повидимому, наставленіе Вяземскому представляетъ собою не только непосредственный дѣловой наказъ должностному лицу, но вообще нѣкотораго рода исповѣданіе вѣры Екатерины, которое она считала нужнымъ сообщить довѣренному помощнику, какимъ долженъ былъ явиться и явился Вяземскій въ вопросахъ внутренняго управленія и суда. Дѣйствительно, помимо совѣтовъ относительно обхожденія съ сенаторами и характеристики Сената въ прошломъ, императрица наставленіемъ своимъ вводила генералъ-прокурора въ „найсекретнѣйшія материи“ касательно финансовыхъ нуждъ страны [1]), направленія законодательства [2]), внутренней политики въ отношеніи нѣкоторыхъ окраинъ [3]). Такимъ образомъ, если даже Екатерина и усматривала со стороны Сената какую-либо возможную опасность, то именно только въ возвращеніи къ старымъ порядкамъ, а не установленіи новыхъ.

Между прочимъ, то что было упущено Панинымъ въ проектѣ сенатской реформы и повторено упущеніемъ въ особомъ собраніи, обсуждавшимъ, сенатскую реформу, до извѣстной степени обратило на себя вниманіе Екатерины, писавшей Вяземскому:

„*Труднѣе вамъ всего будетъ править Канцеляріею сенатскою, не быть подчиненными обману.* Сію мелкость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю: французскій кардиналъ

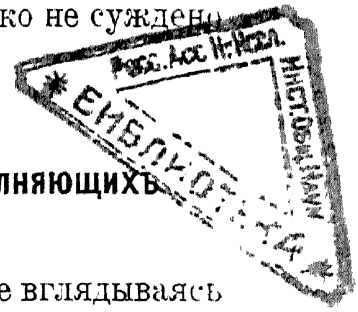
[1]) „Весьма, по обширности имперіи, великая нужда состоитъ въ умноженіи циркуляціи денегъ, а у насъ нынѣ по счетамъ монетнаго департамента не болѣе восмидесяти милліоновъ серебра въ народѣ, есть-ли не меньше“... Сборникъ Р. И О т. 7, стр. 347.

[2]) „Законы наши требуютъ поправленія первое, чтобъ ввести въ одну систему, которой и держаться; другое, чтобъ отрѣшить тѣхъ которые оной прекословятъ, третье, чтобъ раздѣлить временные и на персонъ данные отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ, о чемъ уже было помышляемо, но короткость времени меня къ произведенію сего въ дѣйство не допустила.“ Ibid. стр. 348

[3]) „Малая Россія, Лифляндія, Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно-бъ было, однако-жъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ-же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупостью“ Ibid стр 348.

де-Ришелье, сей премудрый министръ, говаривалъ, что ему меньше труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою анти-каморою, понеже всѣ праздноживущіе придворные ему противны были и препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами. Одинъ для васъ только остается способъ, котораго Ришелье не имѣлъ,—перемѣнить всѣхъ сумнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады"

Подобный совѣтъ о перемѣнѣ „всѣхъ сумнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады", однако, гораздо легче было подать, нежели выполнить. Екатерина судила по собственному отношенію къ самому Сенату, составъ котораго она стремилась измѣнить радикально; но замѣнять сенаторовъ, являвшихся для смакованія тѣхъ или другихъ имъ неизвѣстныхъ кушаній, которыя подавались оберъ- и просто секретарями, не было такъ трудно, какъ замѣстить новыми людьми канцелярскія должности, требовавшія долгаго опыта и обширныхъ свѣдѣній въ тогдашнихъ некодифицированныхъ законахъ, безконечно и непрерывно увеличивавшихся въ числѣ. Екатерина, давая свой совѣтъ Вяземскому, конечно, имѣла въ виду эту сторону вопроса, и, можно предположить, надѣялась на скорое созданіе новаго уложенія, которому однако не суждено было появиться въ ея царствованіе.



§ 2. Значеніе сенатской реформы и дополняющихъ ее указовъ.

По вѣрному замѣчанію Градовскаго [1]), ближе вглядываясь въ компетенцію Сената и раздѣленіе ея по департаментамъ при новомъ сенатскомъ устройствѣ, приходится убѣдиться что дѣйствительное значеніе главнымъ образомъ получили только первые два департамента, такъ какъ въ третьемъ и четвертомъ сосредоточивались переписки по такимъ дѣламъ, которыя имѣли отдѣльныхъ представителей, пользовавшихся правомъ непосредственнаго доклада императрицѣ. Такъ, во

[1]) Высшая администрація въ Россіи, XVIII ст., стр. 208 и слѣд.

главѣ народнаго просвѣщенія сталъ Бецкой; полиція имѣла генералъ-полицеймейстера, академія — президентовъ; постепенно вышли изъ прямого подчиненія Сенату Военная и Адмиралтействъ коллегіи; для улучшенія различныхъ частей управленія начали создаваться различныя спеціальныя комиссіи. Кромѣ того, вновь возникавшія учрежденія, получая права и обязанности коллегій, обыкновенно уже не ставились въ реальное подчиненіе Сенату, за которымъ оставался только надзоръ за этими установленіями; таковы, напримѣръ, были Коллегія экономіи и Канцелярія опекунства иностранныхъ колонистовъ; точно также главное самостоятельное завѣдываніе надзоръ за всѣми таможенными сборами былъ порученъ Миниху; во главѣ Камеръ-Коллегіи былъ поставленъ князь Куракинъ, по служебнымъ преимуществамъ приравненный къ сенаторамъ. Межевая экспедиція возникла на правахъ сенатскаго департамента, — но съ привилегіей переноса своихъ дѣлъ, въ случаѣ несогласія членовъ, не въ общее сенатское собраніе, а прямо къ императрицѣ Такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ самостоятельное значеніе оставалось только за первыми двумя петербургскими департаментами. Московскіе же дѣлали то же самое, что и первые два петербургскіе, въ которыхъ сосредоточилось сенатское управленіе и судъ. Несомнѣнно, при этомъ, что въ силу присутствія генералъ-прокурора въ первомъ департаментѣ, значеніе его фактически увеличивалось, но только не въ отношеніи вопросовъ суда и надзора, которые по преимуществу сконцентрировались во второмъ департаментѣ.

Слѣдовательно, съ момента реформы Сенатъ становится главнымъ образомъ учрежденіемъ административно-судебнымъ, высшимъ органомъ суда и надзора за повсемѣстнымъ исполненіемъ законовъ обновленными въ своемъ составѣ учрежденіями. Это соотвѣтствовало теоретическимъ убѣжденіямъ Екатерины „Надобно имѣть хранилище законовъ, говоритъ она въ Наказѣ [1]), составленномъ еще въ первые годы

[1]) Глава IV, §§ 22, 26, 28.

ея царствованія"... [1]) „Въ Россіи, продолжаетъ Наказъ, Сенатъ есть хранилище законовъ .. Однако, ежели кто спроситъ, говорится далѣе въ упомянутомъ памятникѣ, что есть хранилище законовъ? На сіе отвѣтствую: законовъ хранилище есть особое наставленіе [2]), которому послѣдуя вышеозначенныя мѣста (прочія правительственныя установленія, кромѣ Сената), учрежденныя для того, чтобъ попеченіемъ ихъ наблюдаема была воля государева сходственно съ законами, въ основаніе положенными съ государственнымъ установленіемъ, обязаны поступать въ отправленіи своего званія по предписанному тамъ порядка образу. Сіи наставленія возбранятъ народу презирать указы государевы, не опасаясь за то никакого наказанія, но купно и охранятъ его отъ желаній самопроизвольныхъ и непреклонныхъ прихотей".

Сообщеніе Сенату характера учрежденія контролирующаго и судебнаго по преимуществу не было точно также, какъ и дѣленіе на департаменты, новшествомъ въ полномъ смыслѣ слова Уже въ царствованіе Петра III канцлеръ графъ Воронцовъ, представляя государю проектъ преобразованія Конференціи, вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ нѣкоторыя поправки въ тогдашнемъ положеніи Сената. Такъ, прежде всего по проекту Воронцова у Сената отнималось право толкованія законовъ

[1]) „Въ *первые три года царствованія моего*, усматривая изъ прошеній, мнѣ подаваемыхъ, изъ сенатскихъ и разныхъ коллегій дѣлъ, изъ сенаторскихъ разсужденій и прочихъ многихъ людей разговоровъ нединообразныя объ единой вещи установленныя правила, что законы по временамъ сдѣланые (въ соотвѣтствіе тогдашнихъ умовъ расположенія) многимъ казались законами противурѣчащими и что всѣ требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ — изъ сего вывела я у себя въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самый гражданскій законъ не можетъ получить поправленія, инако какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. *И для того я начала читать, потомъ писать Наказъ Комиссіи уложенія*". Русскій архивъ, 1865 г., стр. 478—79

[2]) Во французскомъ текстѣ Наказа вмѣсто „наставленіе" значится „une institution" учрежденіе, установленіе, что по смыслу параграфа и является правильнымъ. Наказъ, данный Комиссіи о сочиненіи проекта Новаго уложенія П. С. З. № 12949, гл. IV, п. 28.

причемъ въ случаѣ сомнѣнія онъ долженъ былъ представлять свое мнѣніе, выработанное вмѣстѣ съ президентами и вице-президентами коллегій, на высочайшее благоусмотрѣніе. Далѣе Сенату предлагалось крайнее и главнѣйшее раченіе устремить къ тому, чтобы законы неотмѣнно полную свою сохраняли силу, чтобъ правосудіе наблюдалось въ полной его мѣрѣ безъ всякаго лицепріятія. На Сенатъ возлагалась также обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ коллегіи, канцеляріи и прочія присутственныя мѣста рѣшали бы дѣла только въ кругу своего вѣдѣнія, не вмѣшиваясь въ компетенцію другихъ учрежденій и не переносили нерѣшенныхъ дѣлъ въ высшія инстанціи [1]).

Слѣдовательно, уже до Екатерины II дѣлались теоретическія попытки къ измѣненію положенія Сената въ смыслѣ превращенія его спеціально въ органъ высшаго суда и надзора, но и помимо того реальному ограниченію Сената въ преимуществахъ начало было положено точно также въ эпоху Петра III, именно образованіемъ петровскаго Совѣта [2]); начинаніе это было поддержано запрещеніемъ, послѣдовавшимъ 1 Іюня 1762 г., о неиздаваніи „въ публику такихъ указовъ, кои въ нѣкоторый законъ или хотя въ подтвержденіе прежнихъ служатъ, не представляя напередъ намъ, и не получа на то аппробаціи“ [3]).

Екатерина, по представленію Бестужева-Рюмина, вернула Сенату право изданія указовъ, но только въ подтвержденіе законовъ и въ исполненіе ихъ [4]), чѣмъ собственно точно также лишь подтверждалась подзаконность Сената, но не сообщалось ему никакихъ новыхъ законодательныхъ правъ.

Судебно-надзирающее значеніе Сената было расширено

---

[1]) В. Г. Щегловъ Государственный Совѣтъ въ царствованіе Александра Перваго, вып. I, стр. 128.

[2]) Учрежденіе Совѣта, см П С. З № 11538.

[3]) П. С. З. № 11558.

[4]) „Благодарствую за яблоки, а что вы пишете объ указахъ, нынѣ изъ Сената обнародованныхъ, то въ отвѣтъ вамъ скажу, что вамъ самимъ извѣстно, что Сенатъ можетъ въ подтвержденіе законовъ и въ исполненіе оныхъ указы выдавать..“ Записка Екатерины Бестужеву-Рюмину Сборникъ Р. И. О., т. 7, стр. 197. Ср. проф. Иконникова Сенатъ въ царствованіе императрицы Екатерины II Русскій архивъ, 1888 г., стр. 24

послѣдующими указами, придававшими высшему правительственному мѣсту въ Россіи характеръ судебно-контролирующаго не только въ частяхъ, но и въ цѣломъ. Объявленное при раздѣленіи Сената на департаменты распредѣленіе дѣлъ уже тогда было обозначено въ качествѣ примѣрнаго [1]), а въ Январѣ 1764 г. оно уже восприняло нѣкоторыя измѣненія [2]): именно, слѣдственныя дѣла по первоначальному расписанію пріурочивались ко второму департаменту, названнымъ же указомъ они распредѣлялись и по остальнымъ петербургскимъ отдѣленіямъ Сената [3]); вскорѣ это правило было распространено и на московскіе департаменты послѣдующему поводу: генералъ-прокуроръ представилъ императрицѣ въ слѣдующемъ году, что петербургскіе департаменты и безъ того завалены дѣломъ, причемъ пересылка слѣдственныхъ дѣлъ изъ округа московскихъ департаментовъ въ петербургскій за дальностью разстоянія можетъ неблагопріятно отзываться на заинтересованныхъ частныхъ лицахъ. Во избѣжаніе подобнаго неудобства Екатерина въ 1765 году приказала всякія слѣдствія вообще разсматривать тѣмъ департаментамъ, которые ихъ назначили [4]). Такимъ образомъ, съ этого момента весь Сенатъ и въ цѣломъ, и въ частяхъ облекся уголовно-судебной властью.

Въ 1766 г. компетенціей апелляціонной были награждены кромѣ второго департамента третій и четвертый. Именнымъ указомъ отъ 12 Февраля [5]) императрица объявила: „При раздѣленіи Сената на департаменты, въ указѣ нашемъ упомянули Мы, что раздѣленіе въ оныхъ дѣлъ не останется непремѣннымъ, но по усмотрѣнію въ производствѣ успѣшно-

---

[1]) П. С. З. № 11989, п. 2.

[2]) Ibid. № 12024.

[3]) „По расписанію Сената въ департаменты, опредѣлили Мы, во второмъ быть всѣмъ слѣдственнымъ дѣламъ: но какъ по теченію дѣлъ Мы видимъ, что въ ономъ департаментѣ и окромѣ слѣдственныхъ дѣлъ весьма довольно, то Мы высочайше повелѣваемъ, всякимъ слѣдственнымъ дѣламъ быть въ прочихъ петербургскихъ департаментахъ Сената, что по существу дѣлъ, до котораго департамента принадлежать будетъ." П. С. З. № 12024.

[4]) П. С. З. № 12512.

[5]) Ibid. № 12569.

сти перемѣнять съ Нашего соизволенія, какъ того польза требовать будетъ; а нынѣ чрезъ двулѣтнее теченіе оказалось, что по предписанному въ ономъ указѣ раздѣленію въ петербургскихъ Сената департаментахъ *въ третій и четвертый поступаютъ большею частью дѣла такія, кои не требуютъ большаго времени на свое производство, да и число оныхъ бываетъ не велико:* въ первый по назначеннымъ многимъ мѣстамъ вступаетъ въ число дѣлъ не малое, такъ что едва въ рѣшеніи оныхъ успѣвать могутъ, напротивъ же того во второй вступаетъ ежегодно превосходнѣе, какъ въ разсужденіи пространства оныхъ рѣшеныхъ выходитъ; *а какъ при раздѣленіи Сената на департаменты единственно намѣреніе Наше было челобитчиковъ избавить отъ разорительной для нихъ волокиты и доставить каждому скорѣйшее рѣшеніе, то и не могли оставить, чтобы упомянутое неудобство не исправить слѣдующимъ учрежденіемъ:* апелляціонныя и прочія дѣла, по матеріямъ 3 и 4 департаменовъ рѣшить впредь въ тѣхъ департаментахъ, во второмъ же остаются апелляціонныя дѣла, исключая по сему назначенныя въ 3 и 4 департаменты“ [1]).

Расширяя кругъ апелляціоннаго производства по департаментамъ, Екатерина вмѣстѣ съ тѣмъ оговаривалась, что слѣдственныя дѣла по прежнему остаются въ вѣдѣніи всѣхъ департаментовъ по предшествовавшимъ указамъ; въ третій департаметъ спеціально должны были поступать всѣ апелляціонныя дѣла по Малороссіи и Остзейскимъ провинціямъ, вслѣдствіе чего и канцелярія его усиливалась оберъ-секретаремъ и секретаремъ; московскіе департаменты, „впредь до разсмотрѣнія“ оставались на прежнемъ положеніи.

Отсюда явствуетъ, что послѣднимъ указомъ судебная функція Сената усиливалась еще болѣе, нежели предшествовавшими двумя. Назначеніе слѣдствій зависѣло болѣе или менѣе отъ усмотрѣнія самого Сената; что же касается апелляціонныхъ челобитчиковыхъ дѣлъ, то они поступали, такъ

[1]) По указу 13 Февраля 1764 г. апелляціонныя дѣла по Лифляндіи, Эстляндіи и Малороссіи передавались въ вѣдѣніе второго департамента. П. С. 3 № 12046

сказать, стихійно и потому поневолѣ должны были подчинять себѣ вниманіе членовъ коллегіи.

Трудно сказать, по опредѣленному ли заранѣе плану императрица опутывала Сенатъ сѣтью судебныхъ дѣлъ и тѣмъ еще болѣе подрывала и безъ того умалившееся его правительственное значеніе, или сами обстоятельства складывались въ пользу плановъ Екатерины. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ два существеннѣйшихъ указа отъ 29 января 1764 г и 12 февраля 1766 г, идутъ по крайней мѣрѣ, по формѣ непосредственно отъ императрицы, хотя по указу о раздѣленіи на департаменты отъ 15 Декабря 1763 г. инициатива измѣненій департаментской компетенціи принадлежала самому Сенату

Въ 1771 г., по представленію исполнителя воли императрицы, генералъ-прокурора князя Вяземскаго [1]), подверглись реформѣ и московскіе департаменты, преобразованіе компетенціи которыхъ какъ бы заранѣе намѣчено было Екатериной въ указѣ 1766 г. Января 13-го 1771 г. Вяземскій, ссылаясь на преднамѣченное указаніе возможности такихъ измѣненій, по поводу желательности преобразованія въ порядкѣ въ распредѣленіи дѣлъ пятаго и шестого департаментовъ, писалъ:

„Нынѣ правящій въ шестомъ Сената департаментѣ оберъ-прокурорскую должность полковникъ князь Волконскій, комнѣ представляетъ, что въ шестой Сената департаментъ изъ Юстицъ-Коллегіи взнесены къ разсмотрѣнію слѣдственныя дѣла о бывшемъ пензенскомъ воеводѣ Жуковѣ [2]), всего по реестру сто шестнадцать дѣлъ, и изъ того же представленія значитъ, что другія о немъ же Жуковѣ слѣдственныя дѣла взнесены и въ пятой Сената департаментъ. А какъ въ шестомъ департаментѣ и безъ оныхъ слѣдственныхъ дѣлъ великое множество состоитъ апелляціонныхъ и другихъ разнаго званія дѣлъ, и потому въ разсмотрѣніи оныхъ послѣдовать можетъ продолженіе и самая въ рѣшеніи ихъ неудобность и

[1]) П С З № 13559.

[2]) О дѣлѣ Жукова см., между прочимъ, у Соловьева, Исторія, т. 21. стр. 1129.

разногласныя иногда у одного департамента съ другимъ при разсмотрѣніи положенія; сего ради и требуетъ дабы всѣ оныя о Жуковѣ дѣла для единственнаго съ прочими взнесенными уже изъ Юстицъ-Коллегіи въ пятый Сената департаментъ таковыми-жъ дѣлами, разсмотрѣнія и рѣшенія отдать въ тотъ же департаментъ, тѣмъ паче, что въ ономъ департаментѣ и дѣлъ противу шестого гораздо меньше состоитъ".

Излагая представленіе Волконскаго, генералъ-прокуроръ присоединялся къ мнѣнію своего подчиненнаго. Онъ указывалъ на то, что шестой департаментъ дѣйствительно былъ заваленъ работой, такъ какъ въ немъ числилось въ отчетномъ году нерѣшенныхъ апелляціонныхъ и по протестамъ прокурорскимъ 977 дѣлъ, разнаго рода текущимъ 73 всего 1050, тогда какъ въ пятомъ имѣлось всего 5 слѣдственныхъ дѣлъ и разнаго рода другихъ 32, а всего въ общей сложности только 37 дѣлъ Вмѣстѣ съ тѣмъ Вяземскій ссылался на то, что дѣла шестого департамента гораздо серьезнѣе дѣлъ пятаго, потому что въ немъ сосредоточены производства, такъ сказать, самостоятельныя: апелляціонныя, слѣдственныя, вотчинныя, розыскныя и проч.; въ пятый же дапертаментъ поступали дѣла, по большей части все равно доходившія до перваго департамента, какъ напримѣръ, всѣ камеръ-коллежскія. На основаніи подобныхъ данныхъ генералъ-прокуроръ заключалъ свой докладъ слѣдующими словами:

„Почему и осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше представить, что не угодно ли будетъ съ одной стороны, для уравненія департаментовъ московскихъ, съ другой стороны и для лучшаго въ дѣлахъ успѣха, повелѣть, не только вышеупомянутыя взнесенныя изъ Юстицъ-Коллегіи слѣдственныя о Жуковѣ дѣла отдать для разсмотрѣнія и рѣшенія въ пятый Сената департаментъ; но и впредь, смотря по умноженію дѣлъ въ шестомъ департаментѣ, а по умаленіи оныхъ въ пятомъ, часть изъ нихъ удѣлять въ пятый департаментъ по росписанію моему"

На генералъ-прокурорскій докладъ Высочайшая резолюція послѣдовала: „Быть по сему". Мнѣніе Вяземскаго пре-

пятствій и возраженій не встрѣтило, и пятый департаментъ въ своей компетенціи сравнялся съ шестымъ.

Знаменательно, что и въ этомъ случаѣ объ измѣненіи департаментской компетенціи заговорила прокуратура, а не Сенатъ. Такимъ образомъ на дѣлѣ какъ бы проводилась нѣкоторая система, мало по малу усиливавшая судебную функцію Сената въ цѣломъ. Постепенно, слѣдовательно, въ итогѣ административная дѣятельность Сената сосредоточилась въ первомъ департаментѣ, не лишенномъ однако отчасти точно также судебнаго характера, а прочіе же департаменты почти всецѣло превратились въ высшія судебныя установленія Съ тѣмъ же судебнымъ значеніемъ, Сенатъ выступалъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ крупнѣйшихъ государственныхъ уголовныхъ дѣлахъ въ цѣломъ; въ такомъ видѣ онъ принималъ участіе въ политическихъ процессахъ Мировича [1]), Пугачева.

Право суда и назначенія слѣдствій непосредственно являлось связанными съ правомъ надзора за подчиненными мѣстами и лицами. Между прочимъ, такъ какъ въ Сенатѣ по прежнему избирались достойнѣйшіе на мѣста подчиненнаго управленія то, конечно, Сенату необходимо было прежде всего по возможности гарантировать себя и общество отъ замѣщенія отвѣтственныхъ воеводскихъ и иныхъ должностей людьми сомнительныхъ служебныхъ качествъ. Къ этому спеціально обязывалъ Сенатъ указъ 15 Декабря 1763 г, но и до упомянутаго указа въ томъ же году состоялось именное повелѣніе о имѣніи гражданскимъ чиновникамъ, представляемымъ къ отставкѣ, или къ награжденію чинами, аттестатовъ о безпорочной службѣ [2]). Это повелѣніе въ слѣдующемъ году было обобщено, и Сенатъ приказалъ, доставлять ему изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ по полугодно списки всѣхъ чиновниковъ съ обозначеніемъ обстоятельствъ прохожденія ими службы [3]). Въ томъ же году упомянутый сенатскій указъ въ

[1]) Въ процессѣ Мировича для усиленія авторитетности приговора участвовалъ съ Сенатомъ также генералитетъ и духовенство

[2]) П. С. З. № 11769.

[3]) Ibid. № 12030

виду недостаточности и неполноты заведенныхъ послужныхъ списковъ былъ подтвержденъ новымъ, касавшимся этого вопроса, именнымъ повелѣніемъ. „Объявляется во всенародное извѣстіе“, гласилъ именной указъ [1]). „Въ именномъ Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, сего Марта 7 дня указѣ въ Сенатѣ написано: въ присутствіе Ея И Величества въ Сенатѣ Февраля 17 дня прошлаго 1763 г примѣтили Е. И. В., что за недостаткомъ надлежащихъ извѣстій о вѣрной и безпорочной службѣ могутъ входить въ произвожденіе по старшинству и при отставкахъ такіе, которыхъ худыя свойства и худое поведеніе, если-бъ оныя въ вышнихъ мѣстахъ свѣдомы были, должны-бъ служить справедливымъ къ тому препятствіемъ для сохраненія въ каждомъ любочестія и ревности къ службѣ Ея Императорскаго Величества; чего ради тогда же повелѣли Е. И. В. Сенату, чтобы всѣмъ, кои слѣдуютъ по старшинству или при отставкѣ къ награжденію чинами имѣть изъ тѣхъ мѣстъ, откуда представляются или выходятъ, аттестаты о службахъ своихъ“.

Отнынѣ послужные списки должны были вестись все время непрерывно со дня вступленія чиновника на службу съ обозначеніемъ всѣхъ обстоятельствъ прохожденія ея.

„Симъ образомъ, говорилось далѣе въ указѣ, надѣется Ея Императорское Величество, что въ скоромъ времени, какъ въ Сенатѣ, такъ и въ другихъ главныхъ мѣстахъ, открыты будутъ прямыя достоинства, заслуги и доброе поведеніе всѣхъ въ статской службѣ обращающихся людей; а продолжительнымъ и точнымъ онаго исполненіемъ любочестіе и ревность въ вящшее возвращеніе приведены будутъ“. Слѣдовательно, и за указанными выше, съ внѣшней стороны чисто сенатскими распоряженіями, чувствовалась рука императрицы, а Сенатъ только выполнялъ ея волю.

---

[1]) ІЬ. № 12104.

§ 3. Средства надзора у реформированнаго Сената.

Помимо контроля надъ служащими въ видѣ исправнаго веденія ихъ формулярныхъ списковъ Сенатъ по прежнему располагалъ старыми способами надзора, заключавшимися въ донесеніяхъ подчиненныхъ мѣстъ и прокуратуры.

Кромѣ того Екатерина новымъ „Наставленіемъ губернаторамъ“ [1]) предоставила въ распоряженіе Сената еще одно средство—губернаторскія донесенія; тѣмъ не менѣе однако нужно при этомъ замѣтить, что средство это въ своемъ значеніи для Сената умалялось нѣсколько тѣмъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ губернаторы могли также сноситься прямо съ императрицей. Во всякомъ случаѣ всетаки непосредственно донесенія ихъ должны были въ общемъ порядкѣ направляться въ Сенатъ. Кругъ губернаторскаго надзора обнималъ собою многочисленный разрядъ дѣлъ подъ непосредственнымъ руководительствомъ со стороны самой императрицы и Сената: такъ, статья первая „Наставленія“ гласила: „Губернаторъ, какъ повѣренная отъ Насъ особа, и какъ глава и хозяинъ всей врученной въ смотрѣніе его губерніи, состоять имѣетъ подъ собственнымъ Нашимъ и Сената Нашего вѣденіемъ; почему и указы только отъ Насъ и Сената Нашего пріемлетъ“... Далѣе въ пунктѣ четвертомъ опредѣлялась и губернаторская компетенція по надзору: „Губернаторъ недремлющимъ окомъ въ губерніи своей взираетъ на то, чтобы всѣ и каждый по званію своему исполнялъ съ возможнымъ радѣніемъ свою должность, содержа въ непарушимомъ сохраненіи указы и узаконенія Наши, чтобъ правосудіе и истина во всѣхъ судебныхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ обитали и чтобъ ни знатность вельможъ, ни сила богатыхъ, совѣсти и правды не помрачали, а бѣдность вдовъ и сиротъ, тщетно проливая слезы, въ дѣлахъ справедливыхъ утѣснена не была“ [2]). Отсюда

[1]) П. С. З. № 12137.

[2]) Развитіе мысли собственноручныхъ черновыхъ замѣтокъ Екатерины о наставленіи губернаторамъ „Губернаторъ долженъ быть газаиномъ въ своей губерніи. Онъ долженъ въ губерніи своей смотрѣть, всякой испол-

видно, что губернаторъ надѣлялся властью текущаго личнаго надзора; но кромѣ того онъ получалъ и право непосредственнаго воздѣйствія на подборъ состава мѣстнаго чиновничества, т. е. ему было предоставлено чиновниковъ, порочныхъ и нерадивыхъ, увольнять отъ должности въ томъ случаѣ, если при объѣздѣ ввѣренной ему губерніи онъ усматривалъ, что служащіе въ провинціальныхъ, воеводскихъ и приписныхъ канцеляріяхъ и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ не исправны въ отправленіи своихъ должностей, не исполняютъ законовъ, кривятъ душой въ судебныхъ дѣлахъ и „утѣсняютъ невинныхъ разными дѣлъ проволочками, привязками или нападками". Во всѣхъ такихъ случаяхъ губернаторъ подъ контролемъ Сената могъ удалить отъ должности виновныхъ. При обнаруженіи же какихъ либо особо важныхъ обстоятельствъ, требуя совѣта или указанія отъ Сената, губернаторъ вмѣстѣ съ тѣмъ могъ по данному вопросу писать и самой государынѣ, „надписывая запечатанныя свои доношенія" въ собственныя ея руки

Кстати сказать, „Наставленіемъ губернаторамъ" Екатерина дѣлала первые шаги на пути къ реформѣ мѣстнаго управленія и, между прочимъ, къ установленію болѣе дѣйствительнаго надзора на периферіи. Она правильно разсуждала, что „все цѣлое не можетъ быть отнюдь совершенно, если части его въ непорядкѣ и неустройствѣ пребудутъ" [1]). „Наставленіемъ" власть и значеніе губернаторовъ значительно усиливались; сами они становились въ губерніи въ качествѣ довѣренныхъ лицъ монарха, т. е. въ извѣстной степени органами его личнаго надзора и такимъ образомъ являлись предвозвѣстниками послѣдующихъ непосредственныхъ повѣренныхъ верховной власти—генералъ-губернаторовъ.

Облегченные новыми широкими правами губернаторы съ 1764 г. начали конкуррировать съ прокурорами въ области контроля, по свойству должности своей захватывая его го-

няетъ ли свою должность и законы; въ противномъ случаѣ онъ понуждать власть имѣетъ". Сборникъ Р И О т 7 стр. 353

[1]) Вступленіе къ Наставленію.

раздо шире, нежели то было доступно прокуратурѣ; но и прокуратура не прерываетъ своего дѣйствія; наоборотъ, имѣя во главѣ такого сильнаго сановника, какъ Вяземскій, она продолжала развивать свою силу до частыхъ столкновеній съ самими губернаторами. Поводы къ тому лежали въ самомъ „Наставленіи“ Такъ въ пунктѣ третьемъ этого наказа упоминается, что „*буде. по какому либо дѣлу рѣшеніе губернатора не въ силу правъ государственныхъ послѣдуетъ или самые его поступки будутъ тягостны подчиненнымъ его: то въ такомъ случаѣ* и то правительство и *прокуроръ губернской Канцеляріи могутъ представлять* и обиженные сами просить *въ Сенатъ Нашемъ*, который, кому надлежитъ, изслѣдовать его поступки и дѣла препоручаетъ, а потомъ о преступленіяхъ его со мнѣніемъ своимъ въ докладъ взноситъ“ [1]). Слѣдовательно, при своихъ обширныхъ полномочіяхъ сами губернаторы въ извѣстной степени всетаки подпадали надзору прокуратуры и такимъ образомъ должны были чувствовать надъ собою ея тяжелую руку

Съ раздѣленіемъ Сената на департаменты общее положеніе прокуратуры въ строеніи своемъ нѣсколько измѣняется сравнительно съ прежнимъ. Какъ указываетъ Н. В. Муравьевъ [2]), въ эпоху екатерининскую связь между высшей и низшей прокуратурой, какъ и ранѣе тѣсная въ законѣ, въ дѣйствительности отчасти ослабѣла и сдѣлалась болѣе отдаленною, хотя обѣ отрасли, по прежнему продолжаютъ дѣйствовать совмѣстно, но развиваются отдѣльно и самостоятельно. Генералъ-прокуроръ по старому остается во главѣ прокуратуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ становится министромъ, т. е. однимъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ короны. Еще недавно будучи только составной частью Сената и соединяя въ своихъ рукахъ высшій надзоръ за законностью во всѣхъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ, съ этого времени генералъ-прокуроръ пріобщается къ внутреннимъ дѣламъ, финансамъ, юстиціи. Въ самомъ Сенатѣ его роль начинаютъ по преиму-

[1]) Наставленіе, п. III

[2]) Прокурорскій надзоръ, стр. 291

ществу исполнять оберъ-прокуры, причемъ въ 1774 году, указомъ 14 Сентября [1]) оберъ-прокуроръ прямо замѣнилъ своего начальника даже въ первомъ департаментѣ. Именно указъ 14 сентября постановилъ. „И въ первомъ Сената департаментѣ быть оберъ-прокурору на такомъ же основаніи и съ тѣмъ же жалованьемъ, какъ и въ прочихъ здѣсь Сената департаментахъ оберъ-прокуроры состоять генералъ-же прокурору присутствовать только въ общемъ всѣхъ департаментовъ собраніи, оставаясь впрочемъ и въ каждомъ департаментѣ со своею тою властью, которая ему въ инструкціи его предписана" Такое нововведеніе было вызвано увеличеніемъ числа генералъ-прокурорскихъ функцій; поэтому въ виду обилія дѣлъ, подлежавшихъ непосредственному вѣдѣнію генералъ-прокурора, императрица отнынѣ поручили ему „главнѣйшее смотрѣніе въ департаментахъ по однимъ только государственнымъ и интереснымъ дѣламъ, оставляя въ разсужденіи прочихъ дѣлъ на его попеченіе поступать въ силѣ его инструкціи, гдѣ нужду въ томъ усмотритъ".

Оставаясь прямымъ представителемъ прокурорскаго надзора только въ общемъ собраніи, генералъ-прокуроръ не лишался права, конечно, по своему усмотрѣнію являться въ департаменты и тамъ присутствовать; всѣ же секретныя дѣла какъ по департаментамъ, такъ по общему собранію оставались въ непосредственномъ вѣдѣніи генералъ-прокурора, который могъ въ случаѣ необходимости на каждый разъ въ отдѣльности замѣнять себя помощникомъ-оберъ-прокуроромъ. Такимъ образомъ, фактически сенатскія функціи генералъ-прокурора сокращались для того, чтобы могли расшириться общеправительственныя

Однако, такое расширеніе имѣло на практикѣ послѣдствіемъ то обстоятельство, что генералъ-прокуроръ постепенно утратилъ прежнюю тѣсную связь съ подчиненной ему прокуратурой внѣ стѣнъ Сената; но если свою прежнюю окраску измѣнилъ генералъ-прокурорскій надзоръ, то законодательство о коллежскихъ и губернскихъ прокурорахъ не только

[1]) П. С. З. № 14192

не останавилось и не замерло, но продолжало безостановочно развиваться съ той особенностью, что въ екатерининскую эпоху прокуратура становится нормальнымъ придаткомъ ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ.

Императрица была проникнута убѣжденіемъ о пользѣ и важности прокурорскаго контроля. Это видно, между прочимъ, изъ того мѣста Наказа, гдѣ упоминается о прокуратурѣ [1]: именно параграфъ 139 гласитъ: „Въ нѣкоторыхъ государствахъ король, будучи возведенъ на престолъ для того, чтобы законы во всѣхъ державы его странахъ были исполнены, по установленію закона государственнаго во всякомъ правительствѣ сажаетъ чиновнаго человѣка ради гоненія преступленій именемъ самого короля; отъ чего званіе доносителей въ тѣхъ земляхъ не извѣстно. А ежели когда на сего народнаго мстителя подозрѣваютъ, что онъ употребляетъ во зло должность, ему порученную, тогда принудятъ его объявить имя своего донощика. Сей чинъ установленный въ обществѣ бдитъ о благосостояніи гражданъ; тотъ производитъ дѣло, а они спокойны. У насъ Петръ Великій предписалъ прокурорамъ изыскивать и производить всѣ безгласныя дѣла, если-бы къ сему прибавить еще чинъ или особу, вышеписанною должностью обязанную, тобъ и у насъ менѣе извѣстны были донощики“. Конечно, введеніе у насъ „особы, вышеописанною должностью обязанной“, знаменовалъ-бы собой расширеніе института прокуратуры Но, разсуждая теоретически, Екатерина не упускала изъ вида и практическіе вопросы До 1775 г., когда была произведена мѣстная реформа, тѣсно-связанная со значеніемъ Сената, какъ контролирующаго органа, послѣдовалъ цѣлый рядъ указовъ, касавшихся подтвержденія углубленія и расширенія правъ внѣсенатской прокуратуры Такъ, манифестами—15 декабря 1763 г. [2]) были учреждены должности прокуроровъ въ провинціальныхъ канцеляріяхъ и въ ново-учрежденныхъ департаментахъ коллегій и Суднаго приказа, но только въ первыхъ изъ нихъ; 16 Де-

[1]) Наказа глава IX.
[2]) П С З. № 11989 и 11991

кабря того-же года указано, чтобы присылаемыя въ Экспедицію о колодникахъ вѣдомости о содержащихся подъ стражей подписывались прокурорами, гдѣ таковые имѣются [1]).

Въ декабрѣ 1765 г. послѣдовалъ сенатскій указъ [2]) вообще объ обязанностяхъ чиновниковъ и судей; между прочимъ въ немъ заключалось и особенное подтвержденіе обязанностей прокуроровъ. Упомянутый указъ являлся прямымъ дополненіемъ къ предшествовавшему указу о наполненіи судебныхъ мѣстъ достойными и честными людьми, и какъ-то явствуетъ изъ приводимаго ниже текста, инициатива его изданія принадлежала также Екатеринѣ „По случаю собственнаго Ея Императорскаго Величества разсмотрѣнія о происшедшемъ въ нѣкоторомъ присутственномъ мѣстѣ въ происхожденіи ввѣренныхъ ему дѣлъ непорядковъ, значится въ упомянутомъ указѣ, изъ послѣдовавшаго за собственноручнымъ подписаніемъ къ тому мѣсту съ материнскимъ отъ Ея Величества — исправленіемъ Высочайшаго указа, Сенатъ по должности своей, принявъ все въ томъ указѣ къ исправленію онаго мѣста за общее и всѣмъ прочимъ мѣстамъ наставленіе, для того стараясь о исполненіи онаго, и чтобы потому всѣ присутственныя мѣста могли во всей непремѣнной точности поступать, предписываетъ имъ нижеслѣдующіе пункты, содержащіе въ себѣ высочайшую Ея Императорскаго Величества волю и повелѣніе, наисильнѣйше рекомендуя, чтобы по онымъ во всѣхъ мѣстахъ опредѣленныя персоны поступали“..

Приведенныя слова знаменательны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ ясно виденъ нѣкоторый достойный замѣчанія фактъ: недавно еще самовластный Сенатъ въ короткій срокъ измѣнился настолько, что научается безъ прямого о томъ напоминанія, самъ собою, дѣйствовать въ духѣ императрицы и такимъ образомъ не упускаетъ изъ вида своего назначенія быть органомъ высшаго контроля. Въ качествѣ такового онъ, самъ недавній неисправимый формалистъ и спорщикъ,

[1]) Ib № 11992
[2]) Ib № 12537

теперь предписывать подчиненнымъ мѣстамъ, чтобы они вмѣсто „трудовъ и стараній не поставляли прямой своей должности въ приказныхъ только обрядахъ и не обращали бы упражненіевъ своихъ въ единственные споры“ Сенатъ наставлялъ коллегіи и канцеляріи, чтобы „лихоимственныя дѣла“ онѣ не считали неважными, но видѣли въ нихъ начала, разрушающія правосудіе и наносящія вредъ государственнымъ основамъ; членамъ присутственныхъ мѣстъ приказывалъ онъ ни подъ какимъ предлогомъ не избѣгать засѣданій, не вносить въ дѣла личныхъ счетовъ, пристрастія, недоброжелательства. Эти увѣщанія подкрѣплялись слѣдующимъ обращеніемъ къ прокурорской власти [1]):

„Прокурорамъ, имѣя всегда инструкцію предъ своими глазами, памятовать, что въ ней предписано дѣла не на столѣ судейскомъ только вершить, но стараться, чтобъ по указамъ самымъ дѣломъ вездѣ все безъ отлагательства исполняемо было, почему имъ въ противныхъ случаяхъ ничего молчаніемъ не пренебрегать, а всегда во всемъ наблюдать и исполнять настоящую во всей точности по званію своему должность“.

Въ іюлѣ 1767 г. прокурорскій надзоръ распространенъ былъ на всѣ департаменты коллегій и Суднаго приказа [2]), но такъ какъ прокуроры во всѣхъ департаментахъ сразу присутствовать не могли, то по дѣламъ контроля помощниками у нихъ являлись департаментскіе секретари, которымъ предписывалось ежедневно по своимъ экспедиціямъ составлять краткія записки о томъ, какія дѣла слушались и какіе состоялись по нимъ приговоры. Эти записки должны были быть представляемы прокурорамъ, причемъ послѣдніе могли во всемъ требовать отчета отъ секретарей, вслѣдствіе чего, конечно, коллежскія и иныя канцеляріи поступали непосредственно въ подчиненіе къ прокурорамъ [3])

Отъ того-же 1767 г. сохранился сенатскій указъ, изданный по частному случаю и касавшійся подтвержденія

[1]) П. С. З. № 12537
[2]) Ib. 12932
[3]) П. С. З. № 12932

недѣйствительности опредѣленія присутственнаго мѣста, если съ нимъ прокуроръ не согласенъ [1]) Въ томъ-же году прокурорскій контроль былъ введенъ въ Архангельской конторѣ надъ портомъ [2]), а въ 1772 г. въ провинціальныхъ канцеляріяхъ присоединенной отъ Польши Бѣлоруссіи [3]).

§ 4 Контроль надъ самимъ Сенатомъ и мѣры полнаго превращенія его въ подзаконное учрежденіе

Усиливая надзоръ на периферіи государства, Екатерина не оставляла безъ вниманія въ отношеніи обезпеченія законности и самый Сенатъ Уже введеніе оберъ-прокуроровъ въ каждый изъ новоучрежденныхъ департаментовъ усилило контроль надъ Сенатомъ въ шесть разъ Наряду съ этимъ сохранившееся по прежнему право о важнѣйшихъ дѣлахъ представлять жалобы императрицѣ давала возможность стороной узнавать о дѣятельности высшей судебноадминистративной Коллегіи

Именно, уже въ 1764 г. было объявлено „во всенародное извѣстіе“ [4]) что хотя мимо установленныхъ мѣстъ подавать челобитныя императрицѣ строго воспрещалось, но въ случаѣ необходимости, въ важнѣйшихъ дѣлахъ (слѣдовательно и въ жалобахъ на рѣшенія Сената) надлежало представлять ихъ спеціально назначенному чиновнику, въ то время дѣйствительному статскому совѣтнику Козьмину; при чрезвычайныхъ же обстоятельствахъ разрѣшалось даже подавать запечатанные пакеты съ надписаніемъ „въ собственныя Ея Императорскаго Величества

[1]) Указъ этотъ возникъ по донесенію алаторскаго провинціальнаго прокурора о томъ, что Алаторская канцелярія отправляетъ состоящихъ въ ея штатѣ солдатъ съ различными порученіями даже въ Москву безъ вѣдома его, прокурора Сенатъ вполнѣ согласился съ протестомъ прокурора и послалъ въ такомъ смыслѣ указъ въ Алаторскую канцелярію. П С З № 12867.

[2]) П. С. З № 13021

[3]) Ibidem, № 13920.

[4]) Ibid № 12117

руки“ [1]). Въ 1768 г къ дѣламъ по пріему такихъ челобитныхъ спеціально были опредѣлены Стрекаловъ и Козицкій.

Бывали случаи, когда подобной всеподданѣйшей челобитной обнаруживался грѣхъ Сената, но иногда и челобитчикъ оказывался неправымъ: тогда его головой выдавали обиженному Сенату, какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ жены майора Бухарова, жаловавшейся Екатеринѣ на второй департаментъ въ неправильномъ рѣшеніи дѣла ея по тяжбѣ съ женой генералъ-майора Деденева о недвижимомъ имѣніи. Въ виду неправильности жалобы Сенатъ получилъ полное удовлетвореніе: въ общемъ собраніи Бухаровой былъ прочитанъ осуждавшій ее именной указъ, послѣ чего виновная на колѣняхъ со слезами просила прощенья, которое ей и было дано; по выполненіи этого обряда Сенатъ рапортомъ благодарилъ императрицу за оказанную ему защиту противъ несправедливыхъ челобитчиковъ [2])

Помимо такого надзора—прокурорскаго и просительскаго—до извѣстной степени Сенатъ даже находился и подъ контролемъ коллегій. Именно въ 1765 г. было подтверждено [3]), что по силѣ Генеральнаго регламента [4]), если коллегія усмотритъ въ сенатскихъ указахъ что-нибудь несоотвѣтствующее государственнымъ пользамъ, то она о томъ письменно обязана представить Сенату; если-же Сенатъ подтвердитъ свое опротестованное приказаніе, то коллегіи надлежитъ исполнить, но донеся о томъ непосредственно государю Къ этому требованью Регламента Екатерина присоединила еще обязанность коллегій при обнаруженіи двухъ противо-

[1]) Ibid. № 13150

[2]) П С З. № 12881 Въ именномъ указѣ изданномъ по этому поводу говорилось „Для того повелѣваемъ учиненному Сенатомъ рѣшенію быть во всей его силѣ, апелляционное-же челобитье, яко не дѣльное, Катерины Бухаровой отставить и въ удовольствіе нашего Сената отдать въ полную онаго волю, и что съ нею учинить опредѣлено будетъ, о томъ насъ рапортовать.“ Сенатъ предпочелъ, „подражая Ея Императорскаго Величества материну милосердію къ подданнымъ“, простить Бухарову

[3]) П С З № 12469.

[4]) П С З № 3534 Генеральнаго регламента, Глава II „О преимуществѣ коллегій“

рѣчивыхъ сенатскихъ рѣшеній по одному дѣлу исполненія по нимъ не производить, а немедленно докладывать о томъ Сенату и верховной власти, которой Сенатъ долженъ былъ объяснить происшедшее недоразумѣніе.

Усиливая контроль, Екатерина понемногу вводила также въ сенатскій обиходъ небольшія улучшенія, направленныя къ ускоренію теченія дѣлъ и большей доступности дѣлопроизводства надзору: такъ, для сохраненія числа часовъ служебнаго времени именнымъ указомъ 17 августа 1767 г сенаторамъ повелѣно было, съѣзжаться въ указанное время [1]), въ 1764 г императрица предписала обратиться къ старому порядку относительно подписанія повседневныхъ журналовъ не только секретаріатомъ, но и присутствующими сенаторами [2]): въ 1766 г. послѣдовалъ законъ [3]), точнѣе опредѣлявшій кругъ обязанностей оберъ-секретарей, на которыхъ возлагалась собственноручная подготовка дѣлъ только по важнѣйшимъ вопросамъ и наблюденіе за подготовкой дѣлъ маловажныхъ остальныхъ секретарями. Секретаріатъ вмѣстѣ съ тѣмъ поступалъ въ полное завѣдываніе генералъ-прокурора и оберъ-прокуроровъ.

По новому закону оберъ-секретарь, какъ чинъ, находящійся въ распоряженіи, главнымъ образомъ, сенатской прокуратуры, замѣтивъ при постановленіи сенатской резолюціи какое-либо несоотвѣтствіе ея съ законами, долженъ былъ въ почтительныхъ выраженіяхъ указать на то Сенату; если-же Сенатъ не обращалъ вниманіе на его представленіе, оберъ-секретарь словесно или письменно докладывалъ о томъ генералъ или оберъ-прокурору и ждалъ отъ нихъ дальнѣйшихъ инструкцій для скрѣпы протокола. За всякое свое и подчиненныхъ упущеніе, медленность и неисправность, оберъ-секретарь долженъ былъ подвергнуться отвѣтственности по „воинскому обряду“ [4]) Такимъ образомъ косвенно Сенатъ подпалъ еще подъ надзоръ оберъ-секретарей.

[1]) П С З. № 12961

[2]) Ibid № 12036 Прежній порядокъ былъ отмѣненъ указомъ 5 Іюля 1762

[3]) Ib. № 12646

[4]) Воинскому уставу въ части общеправовой

Изъ этихъ, повидимому, сравнительно незначительныхъ частичныхъ мѣръ постепенно, однако, складывалось то подчиненное положеніе, въ которомъ Сенатъ незамѣтно для себя очутился въ концѣ царствованія Екатерины, нечувствительно, но неуклонно направлявшей эту коллегію по пути въ заранѣе намѣченную сторону. Трудно отрицать въ данномъ случаѣ отсутствіе у императрицы твердо продуманной системы. Ея, до извѣстной степени случайной обладательницъ Россійскаго престола, нельзя было прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ и громовержущимъ обличеніямъ, которыми пользовался въ борьбѣ за новый государственный порядокъ Великій Петръ, пріобрѣвшій власть въ порядкѣ законнаго преемства; но сила напряженія борьбы со старыми началами отъ того едва-ли была меньше. Она прикрывалась только мягкими формами и осторожной постепенностью, отличавшими политику Екатерины во внутреннихъ вопросахъ, задачи которой были громадны. Самое появленіе молодой императрицы на престолѣ было также неожиданно и мало основано на правѣ, какъ и появленіе Екатерины I. И въ томъ и въ другомъ случаѣ монархамъ содѣйствовала группа людей, разсчитывавшая за заслуги свои на великія и богатыя милости. Не одаренная политическимъ умомъ супруга Петра I стушевала свою личность и ради личнаго спокойствія подѣлилась верховной властью съ Совѣтомъ, который поэтому не даромъ принялъ имя Верховнаго; Екатерина же II была человѣкомъ другихъ качествъ: природныя государственныя дарованія она развила въ долгой школѣ ознакомленія съ лучшими политическими мыслителями Европы и личными размышленіями; несчастливое положеніе въ роли сперва великой княгини, а потомъ супруги Петра III развило въ ней необходимую для общественнаго дѣятеля выдержку, внѣшнюю уступчивую привѣтливость и внутреннюю неуклонную настойчивость, и въ первые же мѣсяцы своего царствованія ей пришлось на практикѣ примѣнить результаты пройденной серьезной и даже суровой школы.

Содѣйствовавшіе перевороту друзья, по примѣру друзей

Екатерины I или Елизаветы Петровны, не прочь были также и теперь попользоваться царскими милостями въ своихъ интересахъ даже насчетъ государственныхъ. Въ извѣстной мѣрѣ молодая императрица признавала претензіи нѣкоторыхъ лицъ на признательность съ ея стороны законными и потому старалась по возможности щедро вознаградить заслуги, но она тщательно отстраняла частныя притязанія на достоинство государства. Стоитъ вспомнить отношеніе императрицы къ Григорію Орлову, желавшему занять при ней такое же правовое положеніе, какимъ пользовался при Елизаветѣ Разумовскій, чтобы убѣдиться въ этомъ. Орловъ былъ главный участникомъ переворота 28 Іюня и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ важныхъ событій, почему ему и казалось, что онъ имѣлъ право разсчитывать по сопутствующимъ обстоятельствамъ на такую исключительную милость со стороны государыни, но Екатерина, безъ рѣшительнаго отказа, проволочкой времени и другими мѣрами, отклонила нелѣпое притязаніе, и достоинство Имперіи было сохранено [1]); такое поведеніе молодой государыни съ ея стороны являлось прямымъ подвигомъ, такъ какъ условія, въ которыхъ сначала находилась Екатерина, были прямо тягостны „Императрица, писалъ Бекингамъ своему правительству, по своимъ талантамъ, просвѣщенію и трудолюбію выше всѣхъ ее окружающихъ. Стѣсненная обязательствами, полученными въ послѣднее время, сознавая затруднительность своего положенія и страшась опасностей, которыми до сихъ поръ она должна считать себя окруженною, она еще не можетъ дѣйствовать самостоятельно и освободиться отъ многихъ окружающихъ ее людей, которыхъ характеръ и способности она должна презирать". „Въ настоящее время, продолжалъ названный дипломатъ, она употребляетъ всѣ средства для пріобрѣтенія довѣрія и любви подданныхъ; если она успѣетъ въ этомъ, то воспользуется пріобрѣтенной властью для чести и пользы своей имперіи" [2]).

Дѣйствительно, вначалѣ молодая императрица, какъ госу-

[1]) Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй, т. II, стр. 250 и слѣд.
[2]) Сборникъ Р. И. О. т. XII, стр. 52

дарственный дѣятель, была почти одинока. По свидѣтельству Бретейля, изъ окружавшихъ ее людей только стремившійся ее ограничить Панинъ имѣлъ привычку къ труду и извѣстныя знанія; вслѣдствіе этого Екатеринѣ самой приходилось себѣ выбирать и создавать помощниковъ, какъ и великому Петру. Но, создавая кругъ довѣренныхъ людей, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей нужно было незамѣтно и постепенно освобождаться отъ приближенныхъ къ власти лицъ стараго елизаветинскаго закала, становившихся въ разрѣзъ со всѣми планами и видами государыни. Между прочимъ Сенатъ въ значительной степени являлся собраніемъ такихъ же лицъ, наружно выражавшихъ Екатеринѣ знаки преданности, но втайнѣ преслѣдовавшихъ свои сокровенныя цѣли.

Нужно поэтому удивляться тому искусству, съ которымъ Екатерина осуществила свои намѣренія по отношенію упомянутаго столь могущественнаго учрежденія. Вначалѣ можно было подумать, что императрица и не предполагала измѣнить установившееся положеніе Сената; она сдѣлала его какъ бы личнымъ своимъ совѣтомъ, считалась съ нимъ, уступала ему, но затѣмъ постепенно рядомъ съ виду незначительныхъ небольшихъ нечувствительныхъ мѣръ опутала его, какъ сѣтью, и заставила на будущее время измѣнить свой характеръ и значеніе. Какъ осторожно при этомъ императрица обращалась съ людьми, можно, между прочимъ, видѣть изъ отношенія ея къ сенатору Сумарокову. Присутствіе Сумарокова въ Сенатѣ не было угодно Екатеринѣ, не уважавшей сановниковъ, наживавшихся отъ всякихъ сомнительныхъ предпріятій, но она терпѣла неугоднаго человѣка, не имѣя пока прямыхъ достаточныхъ поводовъ къ его удаленію. Но когда въ 1763 г. при обсужденіи Сенатомъ дѣла Крылова Еропкинъ заявилъ мнѣніе о необходимости удаленія Сумарокова, какъ откупщика, изъ засѣданія и небезгрѣшный оберъ-шталмейстеръ обратился къ императрицѣ за защитой отъ „оскорбленія“ со стороны Еропкина, Екатерина отвѣчала ему:

„Господинъ оберъ-шталмейстеръ! Хотя я о дѣлѣ Крылова еще такъ подлинно не знаю, но мнѣ *кажется, что откупъ*

винный въ городѣ Иркутскѣ и откупъ винный въ Бахмутской провинціи инымъ ничѣмъ не разнствуютъ, какъ токмо одинъ въ провинціи Иркутской, а другой въ провинціи Бахмутской, но оба они въ Россійскомъ государствѣ. Ежели законъ есть Петра Великаго по партикулярнымъ спорнымъ дѣламъ сенаторамъ выходить изъ Сената, то гдѣ законъ есть, тамъ и оскорбленія нѣтъ. Но *ежели по откупнымъ только дѣламъ сенатору выходить оскорбительно, то въ сенаторскихъ рукахъ способъ остается того избѣжать...*“ [1])

Если принять во вниманіе, что самъ наживавшійся отъ откуповъ Глѣбовъ прямо покровительствовалъ злоупотребленіямъ Крылова, опираясь на старый составъ Сената, къ которому принадлежалъ и оберъ-шталмейстеръ, то станетъ понятно, что некстати оскорбившемуся сенатору косвенно предлагалась отставка. Сумароковъ вскорѣ понялъ свое ложное положеніе и ушелъ изъ Сената въ началѣ 1764 г. [2]). Съ тѣмъ же Глѣбовымъ до поры до времени Екатерина обходилась прямо дружески, хотя, какъ шуваловскій ставленникъ и вліятельное лицо предшествовавшаго царствованія, онъ не могъ ей внушать къ себѣ особеннаго довѣрія.

До поры до времени Екатерина, мирилась съ присутствіемъ въ Сенатѣ лицъ, которыхъ она въ душѣ не желала видѣть въ числѣ сановниковъ, но терпѣливо ожидала законнаго повода отъ нихъ отдѣлаться: между прочимъ, она во всѣхъ важнѣйшихъ внутреннихъ дѣлахъ, даже въ вопросѣ собственнаго восшествія на престолъ, изъ соображеній особой политики, событія отдавала на судъ общественный и опиралась на тоже общественное мнѣніе. Она неоднократно заявляла, напримѣръ, что избраніемъ своимъ обязана волѣ Божіей и народа. Но, подчиняя и самое себя ходу событій, императрица столь же послѣдовательно подводила подъ тяжесть обстоятельствъ или силу общественнаго мнѣнія тѣхъ, отъ кого желала избавиться безъ оказанія имъ по-

[1]) Сборникъ Р. И О. т. VII, стр. 237 Необходимо обратить вниманіе при этомъ на самый тонъ письма, отмѣченнаго сухостью и оффиціальнымъ обращеніемъ: „Господинъ оберъ-шталмейстеръ“.

[2]) Ibid. стр. 235.

чета. Такъ и Сумарокова не удаляли — онъ самъ ушелъ: вслѣдъ за нимъ обстоятельства, а не воля императрицы, заставили съ позоромъ уйти со сцены и запачканнаго служебными преступленіями генералъ-прокурора.

При исключительныхъ условіяхъ своего вступленія на престолъ, императрица сознавала необходимость крайней осторожности въ обращеніи съ людьми и боялась вначалѣ, что ее „принудятъ сдѣлать тысячу странностей“ [1]), но въ дѣйствительности она очень успѣшно избѣгала этихъ странностей и заставляла другихъ подчиняться своей волѣ, а не наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, предложеніе объ императорскомъ совѣтѣ расстроилось; важнѣйшіе судебные процессы благополучно были приведены къ концу; люди, оказавшіе государынѣ услуги, но неспособные къ дѣламъ правительственнымъ, награждены и оставлены на правахъ личныхъ друзей императрицы: въ заключеніе—грозный Сенатъ, которымъ Панинъ такъ пугалъ Екатерину, превращенъ въ административно-судебное мѣсто, послушное орудіе монарха, не переставшаго замышлять послѣдующія реформы, приглядываясь къ результатамъ тѣхъ, которыя уже были произведены.

§ 5. Реформированный Сенатъ принимается за очищеніе своего производства отъ старыхъ дѣлъ

Итакъ, раздѣленіе Сената на департаменты въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ болѣе мелкихъ нововведеній незамѣтно привело къ тому, что Сенатъ по преимуществу сдѣлался органомъ высшаго суда и надзора; для характеристики дальнѣйшей его дѣятельности въ указанномъ направленіи нѣтъ нужды касаться обозрѣнія дѣлопроизводства во всѣхъ департаментахъ; судебно-контрольная работа Сената по всѣмъ отдѣленіямъ во всѣхъ отношеніяхъ была тожественной, а по этому поводу объектомъ исторической демонстраціи въ равной извѣстной степени способенъ служить каждый изъ нихъ; но

1) Соловьевъ. Исторія, т. XXV, стр. 1365.

если и допустить какой либо выборъ, то предпочтеніе должно быть отдано безъ всякаго сомнѣнія департаменту второму по той причинѣ, что первоначальное, почти исключительное сосредоточеніе апелляціонныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ являлось отличительной чертой второго департамента, а это придало ему и усиленную возможность осуществленія надзора, каковое свойство сохранилось за названнымъ отдѣленіемъ Сената и позднѣе. Въ этомъ вполнѣ можно убѣдиться, знакомясь съ количествомъ и характеромъ дѣлъ второго департамента по сравненію съ прочими Въ виду указанныхъ условій изученіе судебно-контрольной дѣятельности второго департамента можетъ дать матеріалъ и для характеристики всего Сената въ данномъ отношеніи.

Подъ давленіемъ измѣнившихся обстоятельствъ уже въ январѣ 1764 г. второй департаментъ принялся за приведеніе въ порядокъ накопившихся въ Сенатѣ за прошлые года и нынѣ подлежавшихъ его вѣдѣнію дѣлъ и постановилъ разбить ихъ на четыре группы—дѣла: 1) по именнымъ указамъ; 2) по челобитнымъ, присылаемымъ отъ частныхъ лицъ и взятымъ изъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ и именно тѣмъ, „по которымъ было хожденіе“; 3) по челобитнымъ, оставленнымъ безъ такового „хожденія“; 4) по всѣмъ другимъ категоріямъ [1]). Было предписано по канцеляріи разобраннымъ дѣламъ сдѣлать реестры и секретарямъ докладывать своевременно. Работу приходилось произвести не малую, причемъ многія дѣла по необходимости должны были безъ разрѣшенія по существу поступить въ архивъ. Если ранѣе Сенатъ случайно натыкался, по частнымъ жалобамъ, на залежавшіяся въ его канцеляріи дѣла, то теперь такія залежи открывались передъ нимъ воочію безъ постороннихъ указаній. Отдѣльные примѣры запозданія въ рѣшеніи въ свое время животрепещущихъ вопросовъ оказывались поразительными. Такъ, въ мартѣ 1764 г. слушалась челобитная нѣкогда несовершеннолѣтняго лейбъ-гвардіи измайловскаго солдата Мекинина, кото-

[1]) Архивъ Министерства Юстиціи. Журналы и протоколы II департамента, отъ 26 Января 1764 г.

рый ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему подъ контролемъ матери и дяди распоряжаться своимъ имуществомъ. Оказалось, что пока челобитная шестнадцатилѣтняго юноши дожидала своей очереди доклада въ Сенатѣ, просителю минуло двадцать семь лѣтъ и такимъ образомъ въ моментъ разсмотрѣнія просьбы „требуемое дозволеніе“ онъ получилъ „генеральнымъ закономъ“. Въ виду этого Сенатъ постановилъ все это дѣло, какъ „временемъ рѣшившееся“, изъ числа нерѣшенныхъ дѣлъ исключить и сдать въ архивъ [1]).

Точно также время помогло Сенату раздѣлаться съ другой жалобой артиллерійскаго капитана Сталова, присужденнаго Военной коллегіей къ лишенію чиновъ и ссылкѣ въ Сибирь на заводы и ходатайствовавшаго о пересмотрѣ рѣшенія Коллегіи. Дѣло поступило въ Сенатъ въ 1751 г., а въ 1756 г. Сталовъ, пять лѣтъ при Сенатѣ содержась подъ карауломъ умеръ Второй департаментъ, какъ и въ первомъ случаѣ, справедливо разсудилъ, что дѣло Сталова рѣшилось временемъ и приказалъ его отправить въ архивъ [2]).

Вслѣдствіе массы такихъ безъ движенія залежавшихся челобитныхъ и апелляціонныхъ производствъ, департаментъ отъ времени до времени производилъ суммарное разсмотрѣніе недоимки и затѣмъ постановлялъ приказаніе объ обогащеніи архива. Подобное очищеніе залежей челобитныхъ произошло, напримѣръ 29 ноября 1764 г., когда среди нерѣшенныхъ дѣлъ нашлись такія, начатіе которыхъ относилось къ 1728, 1732 и 1742 гг. [3]). Такое же гуртовое производство было представлено въ апрѣлѣ 1766 г., когда состоялся докладъ по дѣламъ отъ 1742, 1748, 1750 и 1752 годовъ (Архивъ М-ва Юстиціи, журналы и протоколы Сената 2-го д-та).

Какъ трудно, однако, было раздѣлаться съ этими залежавшимися дѣлами, и между прочимъ, какъ мало подчасъ въ прошлыя времена могло имѣть значенія высочайшее повелѣніе,

---

[1]) Ibid. 12 Марта 1764 г. журнала п. 3.

[2]) Ibid 15 Сентября 1764 г протоколъ.

[3]) Архивъ М. Ю Журналы и протоколы Сената по II департаменту 29 Ноября 1764 г. Дѣло 1728 г. началось по челобитной поручика Курташева, которому московскій надворный судъ не далъ удовлетворенія.

показываетъ то обстоятельство, что еще въ 1767 и 1768 гг. разсматривались старыя дѣла изъ которыхъ замѣчательно одно, начавшееся по прошенію капитана Калачева, жаловавшагося на тайнаго совѣтника Татищева и полковника Орлова съ братьями въ обидахъ и раззореніяхъ [1]) Независимо отъ частныхъ жалобъ Калачевъ просилъ разсмотрѣть дѣйствія различныхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ — Вотчинной коллегіи, Генералъ-Бергъ-Директоріума, а также кашинскаго и курмышскаго воеводъ. Императрица Анна именнымъ указомъ въ 1739 г. предписала Сенату заняться изслѣдованіемъ этого дѣла и установленіемъ того, кто правъ, кто виноватъ. По справкѣ же второго департамента оказалось, что съ 24 апрѣля 1741 г въ сенатскомъ производствѣ движенія по калачевскому дѣлу не происходило, а отъ предшествовавшаго времени сохранилось заявленіе сенатора Ушакова, что Калачевъ по политическому преступленію былъ сосланъ въ Сибирь: впрочемъ кромѣ того по одной изъ калачевскихъ жалобъ удалось найти рѣшеніе Сената, судьба же остальныхъ была предоставлена на волю Божію: и вотъ, чтобы покончить съ этимъ печальнымъ фактомъ сенатской практики прошлыхъ царствованій, второй департаментъ прибѣгнулъ къ пріему, точно также не вполнѣ соотвѣтствовавшему его достоинству въ особенности въ преобразованномъ видѣ. Именно, Сенатъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: „Въ разсужденіи, что челобитчикъ Калачевъ, какъ выше сказано, въ 1741 г. за вины посланъ въ ссылку и нынѣ живъ-ли, неизвѣстно, соперники же его тайный совѣтникъ Татищевъ и полковникъ, что потомъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, Орловъ, *а, можетъ быть, и прочіе* чрезъ столь много прошедшіе годы померли и слѣдовать *уповательно* не кѣмъ, наипаче же что послѣ того именного 1739 г. указа вышеобъявленными именными къ 1741 и 1744 гг. всемилостивѣйшими указами всѣмъ впадшимъ до состоянія оныхъ вины (кромѣ важныхъ), штрафы и наказанія отпущены; почему какъ сіе начатое слѣдствіе, такъ и изъ помянутыхъ собранныхъ дѣлъ нѣкоторыя силою тѣхъ указовъ и време-

[1]) Матеріалы, № 97

немъ рѣшились, а одно и Сенатомъ рѣшено и исполнено, слѣдовательно затѣмъ всѣ тѣ дѣла нынѣ до разсмотрѣнія и рѣшенія въ Сенатѣ уже не принадлежатъ, и для того означенное сенатское производство со всѣми (кромѣ одного) забранными дѣлами отдать въ сенатскій архивъ и сіе слѣдственное дѣло изъ числа нерѣшенныхъ въ Сенатѣ дѣлъ выключить".

Въ данномъ случаѣ изъ вполнѣ понятнаго желанія возможно скорѣе избавиться отъ чудовищно залежавшагося дѣла, департаментъ прибѣгнулъ къ старому сенатскому пріему—къ внѣшнему, формальному разрѣшенію вопроса. При этомъ покрывая специальный высочайшій указъ общими, департаментъ не задумался опереться на гадательную „уповательность" и даже создалъ нарочитую презумпцію смерти всѣхъ тѣхъ лицъ, къ которымъ Калачовъ не только предъявлялъ притязанія, но и обвинялъ въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ. Конечно, судейское безпристрастіе требовало другого отношенія къ дѣлу, и второй департаментъ можно извинить только тѣмъ, что при самомъ своемъ учрежденіи по сравненію съ прочими онъ оказался заваленнымъ работой, преимущественно апелляціонной недоимкой. Ему нужно было для большей свободы отдѣлаться отъ излишка задержавшагося апелляціоннаго матеріала, и онъ потому старался при помощи архива покончить преимущественно съ тѣми дѣлами, относительно которыхъ не имѣлось „хожденія"

§ 6. Условія сенатскаго апелляціоннаго производства и историческое прошлое рекетмейстерской должности.

Главная масса дѣлъ, всею тяжестью опустившаяся на голову второго департамента, были дѣла апелляціонныя.

Однако, говоря объ апелляціонныхъ дѣлахъ, необходимо замѣтить, что на юридическомъ языкѣ восемнадцатаго вѣка терминъ апелляція имѣлъ болѣе широкое значеніе, нежели то, въ которомъ онъ употребляется въ настоящее время. Въ понятіи тогдашней апелляціи сливалась и апел-

ляція въ точномъ смыслѣ этого слова и кассація, какъ обжалованье несоблюденія формъ процесса или неправильнаго примѣненія закона. Такъ напримѣръ, въ петровскомъ Воинскомъ уставѣ говорится: „Можетъ челобитчикъ или отвѣтчикъ въ гражданскихъ дѣлахъ, когда онъ приговоромъ нижняго суда не доволенъ, чрезъ апелляцію въ вышній судъ дѣло, яко выше сего упомянуто, перенесть“ [1]). Поводы же для отмѣны рѣшенія низшей инстанціи перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ и видѣ. Отмѣна наступала: 1) Когда челобитчикъ болѣе пунктовъ, какъ отвѣтчику предложено, докажетъ и судья, не имѣвъ оныхъ, на его дѣло приговоръ учинить; 2) ежели судья надъ такимъ дѣломъ, о которомъ въ судѣ спора нѣтъ, приговоръ же учинитъ; 3) ежели на такое дѣло, на которое еще не отвѣтствовано, приговоръ учинитъ; 4) буде челобитчикъ и отвѣтчикъ оба присягать похотятъ, а судья прежде присяги ихъ приговоръ учинитъ; 5) когда приговоръ противогласящій или 6) когда оный нагло противъ правъ есть“ [2]). Изъ приведеннаго перечисленія апелляціонныхъ поводовъ явствуетъ, что они смѣшаны съ кассаціонными Послѣдующія узаконенія сохранили эту терминологію.

При учрежденіи въ царствованіе Петра III при Сенатѣ особаго апелляціоннаго департамента указъ 29 января 1762 г. выдѣлялъ апелляціонныя дѣла изъ числа прочихъ челобитчиковыхъ [3]). Екатерининскій же указъ объ апелляціи прямо говоритъ о ней, какъ объ обжалованьи неправыхъ рѣшеній дѣлъ въ низшихъ инстанціяхъ, независимо отъ существа неправильности [4]). Сенатскій указъ отъ 19 іюля 1764 г. [5]) предлагая классификацію челобитныхъ, точно опредѣляетъ апелляціонную жалобу, какъ просьбу о переносѣ рѣшеннаго дѣла изъ низшаго суда въ высшій. Именно, по вопросу о сборахъ съ подаваемыхъ просьбъ Сенатъ разъяснилъ, что̀ нужно понимать подъ разными видами челобит-

---

[1]) Воинскаго устава третья часть; процесса, глав. 1 и 6.
[2]) Ibid. глава II, п 1
[3]) П С З. № 11422
[4]) Ib. № 11629
[5]) Ib. № 12210.

ныхъ и указалъ, что явочными челобитными должны называть тѣ, „которыми челобитчики о чемъ бы то ни было изъявляютъ впередъ для своей очистки или для иска“; подъ исковыми же прошеніями сенатскій указъ понималъ тѣ, по которымъ „челобитчики ищутъ исковъ, то есть, штрафовъ, какъ за причиненныя имъ обиды, такъ и за держаніе бѣглыхъ людей, пожилыхъ лѣтъ и за владѣнныхъ денегъ и т д: что же касается *апелляціонныхъ, то подъ ними указъ разумѣлъ такія „которыми просятъ о переносѣ рѣшенныхъ дѣлъ изъ одного судебнаго мѣста въ другое вышнее*“.

Установленіе подобнаго опредѣленія апелляціи находилось въ тѣсномъ соотношеніи съ тогдашней градаціей инстанцій Основанія же болѣе или менѣе систематическаго порядка обжалованья положены были въ русскомъ процессѣ, какъ извѣстно, Петромъ Великимъ. Именно, уже въ мартѣ 1714 г. великій Преобразователь объявилъ [1]), что каждый въ своей обидѣ въ городѣ долженъ подавать челобитныя вицъ-комендантамъ, комендантамъ, оберъ-комендантамъ, ландрихтерамъ, вице-губернаторамъ и губернаторамъ попорядку На губернатора предоставлялось право жаловаться въ Сенатъ, а на Сенатъ — и самому государю. За обращеніе къ монарху помимо установленныхъ судей указъ грозилъ строгимъ наказаніемъ. Государь, указывая путь инстанцій, хлопоталъ по преимуществу о томъ, чтобы самому избавиться отъ судейскихъ обязанностей, стѣснявшихъ его въ болѣе настоятельныхъ государственныхъ трудахъ; между тѣмъ просители не оставляли его въ покоѣ, а отказаться наотрѣзъ отъ разсмотрѣнія ихъ ходатайствъ царь не считалъ возможнымъ, такъ какъ хорошо сознавалъ несовершенства суда комендантовъ, ландрихтеровъ, губернаторовъ и даже самого Сената впредь до коренной судебной реформы и упроченія законности въ правосудіи. Учрежденіе коллегій, по мнѣнію Преобразователя, являлось уже важнымъ шагомъ по пути такой реформы и по этому поводу былъ изданъ именной указъ, начинавшійся слѣдующими краснорѣчивыми словами [2]):

[1]) П С. З. № 2787.

[2]) Ibid 3261

„Понеже челобитчики непрестанно Его Царскому Величеству докучаютъ о своихъ обидахъ вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не дая покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна: но при томъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ, одна персона есть, и та колькими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть: и хотябъ и такихъ трудовъ не было, возможно ль одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Во истину, не точію человѣку, ниже ангелу: понеже и оные мѣстамъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ".

Итакъ, Петръ старался разъяснить народу, что судебная функція лично не можетъ отправляться самимъ монархомъ при существованіи правильно поставленныхъ судебныхъ учрежденій, къ которымъ онъ относилъ вводимыя коллегіи.

„Однако-жъ, продолжалъ указъ, Его Величество, несмотря на такіе свои несносные труды въ сей тяжкой войнѣ, въ которой не только что войну весть, но все вновь людей во оной обучать, нравы и уставы воинскіе дѣлать принужденъ былъ и сіе съ помощью Божіею въ такой добрый порядокъ привелъ, что какое нынѣ предъ прежнимъ войскомъ стало и какой плодъ принесло, всѣмъ извѣстно. Нынѣ управя оное, милосердуя Его Величество о народѣ и земскомъ справедливомъ правленіи, не изволилъ пренебречь, но трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло, *чего ради учинены Коллегіи, то есть, собраніе многихъ персонъ (вмѣсто приказовъ), въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали что хотѣли.* Въ Коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить. Также и прочія обязательствы великія суть, что отъимаютъ старыя поползновенія дѣлать, какъ о томъ скоро регламенты (или уставы) будутъ публикованы".

Слѣдовательно, Преобразователь надѣялся, что новымъ судоустройствомъ старые недостатки русскаго судопроизводства будутъ устранены Далѣе для этой цѣли указъ уста-

навливалъ систему инстанцій въ ея цѣломъ. Низшей являлись различные городовые судьи и судьи; средней—надворные высшіе суды; и высшей — коллегіи (Юстицъ-Коллегія). Въ крайнемъ случаѣ, разрѣшалось жаловаться и высшему въ государствѣ установленію—Сенату. Какъ гласилъ указъ, „буде же вышній тотъ Коллегіи-юстиціи судъ, какою своею впредь неисправою, тѣмъ челобитчикамъ правосуднаго рѣшенія послѣ того не учинитъ, тогда о томъ именно *со изъясненіемъ прямыхъ важныхъ и правыхъ, а не притворныхъ причинъ*, подавать челобитныя *секретарю сенатскому, который, выслушавъ челобитную*, представитъ Ихъ Царскому Величеству, которыя челобитныя будетъ подписывать Царское Величество, *дабы оное дѣло всѣхъ коллегій президенты и ихъ товарищи*, учиня крестное цѣлованіе, *вершили правдою* и всѣ подписали“

Такимъ образомъ, подписанная челобитная разсматривалась Сенатомъ, рѣшеніе котораго объявлялось окончательнымъ, безапелляціоннымъ. Тотъ же, кто осмѣливался жаловаться государю на Сенатъ, самъ себя осуждалъ на смертную казнь

Какъ мы уже пытались установить выше [1]) при обзорѣ сенатскаго суда и надзора въ петровскую эпоху, вводя безапелляціонность Сената, великій Преобразователь считалъ необходимымъ чѣмъ нибудь обезпечить правоту сенатскаго рѣшенія и самое принятіе челобитной къ разсмотрѣнію. Такимъ средствомъ обезпеченія должно было явиться собственноручное подписаніе частной челобитной монархомъ: о томъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и текстъ вышеприведеннаго указа: „которыя челобитныя будутъ подписывать Царское Величество, *дабы оное дѣло всѣхъ коллегій президенты и ихъ товарищи*, учиня крестное цѣлованіе, *вершили правдою*“. Съ момента появленія царской подписи на жалобѣ частнаго лица, она становилась въ извѣстномъ отношеніи высочайшимъ повелѣніемъ, нарушеніе котораго должно было навлечь на виновныхъ высшее наказаніе. Изъ приведеннаго требованія

[1]) Стр. 10

указа, чтобы челобитная заключала въ себѣ достаточные поводы обжалованья и указанія, что она выслушивалась секретаремъ, нужно предположить, что секретарь предварительно фильтровалъ подаваемыя ему прошенія, прежде чѣмъ представить ихъ государю. Иначе государь былъ бы по-прежнему обремененъ массой челобитныхъ. Работа же секретаря, наоборотъ, значительно упрощала, облегчалъ задачу, причемъ вмѣстѣ съ монархомъ въ качествѣ его помощника секретарь являлся въ нѣкоторомъ родѣ органомъ надзора надъ самимъ Сенатомъ въ опредѣленномъ отношеніи. Сенатъ обязанъ былъ вершить частныя апелляціонныя дѣла, каждое съ характеромъ именного указа, а секретарь, зная, какія жалобы были направлены въ Сенатъ, слѣдилъ за ихъ исполненіемъ и объ упущеніяхъ сенатскихъ въ данномъ случаѣ могъ докладывать государю.

При всѣхъ предполагаемыхъ лучшихъ сторонахъ эта мѣра, однако, не была въ состояніи отвѣтить условіямъ и требованьямъ обстоятельствъ. Прежде всего, какъ справедливо замѣчаетъ по данному поводу г. Петровскій, непрактично было взваливать на сенатскаго секретаря обширное дѣло въ то время, какъ онъ и безъ того былъ обремененъ работой по заготовленію докладовъ и управленію канцеляріей Сената. Но къ этому соображенію, повидимому, необходимо прибавить еще два другихъ. Во первыхъ въ отношеніи надзора за исполненіемъ высочайшихъ повелѣній, изображенныхъ на частныхъ прошеніяхъ, подчиненный Сенату секретарь, конечно, являлся недостаточно надежнымъ органомъ, во вторыхъ самая процедура подписанія монархомъ челобитныхъ и выслушиванья по нимъ секретарскаго доклада была стѣснительна для вѣчно занятаго государя. Приходилось отыскивать выходъ изъ этого положенія, и Петръ нашелъ его.

Онъ отмѣнилъ высочайшую подпись на челобитныхъ и личный докладъ по нимъ верховной власти, не отказавшись вмѣстѣ съ отъ идеи контроля и гарантіи разсмотрѣнія апелляціонныхъ сенатскихъ дѣлъ. Именно себя, самого Преобразователь рѣшилъ замѣнить „особымъ человѣкомъ, персоной знатною“, а на обязанность этого человѣка возло-

жилъ просмотръ челобитныхъ и докладъ о нихъ Сенату. Особый секретарь оставался въ помощь „знатной персонѣ". *знатность* которой и, слѣдовательно, соединенное съ ней довѣріе монарха должны были явиться гарантіей вниманія Сената къ докладамъ этого лица Для точности исполненія по такимъ докладамъ указъ предписалъ особѣ съ секретаремъ вести на тотъ предметъ спеціальныя записныя книги [1]).

При тогдашней ограниченности выбора заслуживающихъ довѣрія людей, мысль о назначеніи знатной особы для просмотра апелляціонныхъ челобитныхъ Петру не удалось осуществить сразу, и съ 1720 по 1722 гг. обязанности „особаго человѣка" исполнялъ самимъ государемъ назначенный ему въ помощь независимый отъ Сената секретарь, и только въ февралѣ 1722 г. появилась самая „особа"—Василій Кондратьевичъ Павловъ со званіемъ рекетмейстера [2]). При немъ была образована особая рекетмейстерская контора, состоявшая вмѣстѣ съ рекетмейстеромъ при Сенатѣ. Рекетмейстерская инструкція [3]) развила далѣе тѣ положенія, которыя легли въ основаніе прежней высочайшей подписи челобитныхъ съ предварительнымъ секретарскимъ просмотромъ, но только съ измѣненіями, обусловленными временемъ.

Какъ и указъ 22 Декабря 1718 г. наказъ рекетмейстеру начинается жалобами на отягощеніе монарха челобитными на высшіе суды и Сенатъ.

„Понеже, гласилъ наказъ, Его Императорское Величество, соболѣзнуя о подданныхъ своихъ, дабы имъ каждому по ихъ дѣламъ во всемъ судъ былъ праведной и безъ продолжительной, чрезъ многіе и несносные свои труды учреждалъ губерніи, Канцеляріи, а потомъ Коллегіи. И Его Величество многими указы и инструкціями и регламенты, чтобы судьи дѣла скоро и справедливо рѣшили, а челобитчики-бъ Его Величеству никто не дерзалъ мимо Суда и Сената прошенія

---

[1]) П. С. З № 3581.
[2]) Ib. № 3900
[3]) Ib.

свои подавать, подъ жестокимъ прещеніемъ утверждено; однако-жъ, несмотря на такіе указы и уставы, судьи челобитчикамъ въ дѣлахъ чинятъ не малыя волокиты, а другимъ дѣла вершатъ неправо: такожъ и челобитчики, мимо опредѣленныхъ имъ судовъ и Сената, продерзостію своею прошенія свои приносятъ и подаютъ Его Величеству Самому, не дая нигдѣ покою".

Въ силу новыхъ постановленій о порядкѣ обжалованья всѣ жалобы на суды должны были направляться къ рекетмейстеру, власть котораго даже выходила за предѣлы простого просмотра подаваемыхъ челобитныхъ и доклада по нимъ Сенату. Первая функція являлась у него главнѣйшей, но кромѣ того ему поручалось общее наблюденіе за недопущеніемъ волокиты [1]) въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, неподчиненныхъ коллегіямъ. По пункту первому Наказа, въ случаѣ жалобы на медленность рѣшенія въ названныхъ мѣстахъ, рекетмейстеръ имѣлъ право лично удостовѣриться въ правильности жалобы и предложить президенту коллегіи устранить допущенный безпорядокъ; въ случаѣ же если дѣло всетаки затягивалось, несмотря на напоминаніе, рекетмейстеръ обязанъ былъ доложить о томъ Сенату и *требовать* разсмотрѣнія своего доклада.

По пункту второму, на обязанность рекетмейстера возлагался пріемъ челобитныхъ уже не на медленность, но на внутренніе и внѣшніе пороки приговора нижняго по отношенію Сената мѣста: въ челобитныхъ должно было быть точно прописано, „какая неправость и противность указамъ" содержится въ судебномъ рѣшеніи. Это и были апеллеціонныя жалобы. Принявъ такую челобитную, рекетмейстеръ бралъ къ себѣ подлежащія дѣла и изъ нихъ составлялъ „подлинныя и перечневыя выписки" подписываемыя членами коллегій, рѣшавшими дѣло и челобитчиками, а затѣмъ уже докладывалъ дѣло Сенату и опять *требовалъ* отъ него скораго рѣшенія. Слѣдовательно, при такомъ порядкѣ каждое апелляціонное дѣло находилось у

[1]) Для рѣшенія дѣлъ судебныхъ указомъ 8 Декабря 1714 г. устанавливался полугодовой срокъ. П С. З. № 2865; этотъ же срокъ былъ подтвержденъ Генеральнымъ регламентомъ 1720 г. въ главѣ IV, П С. З. № 3534.

рекетмейстера на счету При правильномъ отправленіи рекетмейстерской должности въ виду того, что рекетмейстеромъ являлось въ качествѣ знатной особы довѣренное лицо государя, такимъ путемъ могъ достигаться правильный надзоръ и за скоростью вершенія дѣла въ самомъ Сенатѣ. Рекетмейстеръ обязанъ былъ требовать и отъ Сената скораго рѣшенія докладываемыхъ имъ дѣлъ; по смыслу же введенія къ рекетмейстерскому наказу, рекетмейстеръ могъ „объявлять“ о замѣченномъ вредѣ, „какъ честный человѣкъ и подданный“ Его Императорскому Величеству.

Обладая довѣріемъ монарха, рекетмейстеръ, конечно, не въ примѣръ другимъ подданнымъ, наравнѣ съ сенаторами обладалъ юридическою возможностью общаться по важнымъ вопросамъ непосредственно съ самимъ государемъ, и это давало ему поддержку въ отправленіи его многотрудной должности. Что рекетмейстеръ находился въ такомъ близкомъ общеніи съ монархомъ, видно изъ именного указа 17 апрѣля 1722 г., которымъ ему предоставлялось право въ чрезвычайныхъ случаяхъ судейскаго произвола или потворства докладывать о томъ царю, минуя Сенатъ, причемъ докладъ такой могъ состояться не только на основаніи челобитной, но и иныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до рекетмейстера частнымъ путемъ Обязанность эта возлагалась на Павлова подъ угрозой смертной казни за неисполненіе ея [1]). Черезъ десять дней приведенная мѣра была усилена еще болѣе, а тѣмъ самымъ расширилась и власть рекетмейстера. Именно пунктомъ четвертымъ именного указа о должности Сената 27 апрѣля 1722 г. [2]) постановлялось, что: „какія челобитныя поданны будутъ рекетмейстеру на неправый *судъ Коллегій и Канцелярій, которыя Коллегіямъ не подчинены; то ему рекетмейстеру, оныя принявъ, по нихъ доносятъ Намъ, и когда тѣ челобитныя подписаны будутъ отъ Насъ, дабы о томъ розыскать*; буде же такія челобитныя будутъ подаваться въ отлучкахъ Нашихъ, то предлагать ему Сенату, и по онымъ

---

[1]) П. С. З. № 3968.

[2]) Ib № 3978

гѣ дѣла брать ему, и росписавъ всѣ пунктами, дабы что въ одномъ пунктѣ есть, уже бы въ другомъ не упоминалось, (понеже во всякомъ дѣлѣ челобитчиковомъ бываютъ разныя дѣла) и сдѣлавъ выписку такъ, какъ въ его должности написано, къ рѣшенію предлагать и въ Сенатѣ розыскивать; и когда придетъ до сентенціи, тогда учинить присягу предъ Богомъ въ правосудіи, и какъ оная учинена будетъ, рѣшить самою истиною по регламентамъ, по присягѣ, по злобѣ не посягая, и по дружбѣ и свойству не маня".

Итакъ, въ двухъ точно опредѣленныхъ случаяхъ рекетмейстеръ, въ силу своихъ обязанностей, доносилъ государю объ отступленіяхъ отъ закона и справедливости со стороны тѣхъ лицъ, среди которыхъ часть являлась могущественными сенаторами, входя въ составъ Сената въ качествѣ президентовъ коллегій. Было ли въ такомъ усиленіи власти рекетмейстера, что либо новое? Вовсе нѣтъ. Если признать, что особа знатная—рекетмейстеръ, замѣнилъ старый порядокъ, установленный 22 декабря 1718 г., согласно которому сенатскій секретарь докладывалъ по апелляціоннымъ челобитнымъ государю, а тотъ своею подписью сообщалъ гарантію вниманія со стороны Сената къ бумагѣ частнаго лица, то въ данномъ случаѣ возстановлялось прежнее положеніе вещей.

Конечно, и по указу 17 апрѣля 1722 г. если рекетмейстеръ доносилъ императору о вопіющихъ злоупотребленіяхъ, допущенныхъ коллегіями, то монархъ не самъ разсматривалъ дѣло, а поручалъ его Сенату. Что же касается 4 п. должности Сената, то имъ уже прямо воскрешался прежній порядокъ 1718 г., причемъ рекетмейстеръ непосредственно исполнялъ роль бывшаго сенатскаго секретаря. Слѣдовательно, Петръ, послѣ короткаго промежутка времени, снова возвращался къ старому средству контроля надъ Сенатомъ [1]) и гарантіи интересовъ челобитчиковъ. Къ тому принудило его усмотрѣнная служебная недобросовѣстность всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и Сената. Объ этой недобросовѣстности краснорѣчиво говоритъ

---

[1]) Ср. мнѣніе г. Петровскаго О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, стр. 198.

17-же Апрѣля 1722 г изданный указъ о храненіи правъ гражданскихъ, о невершеніи дѣлъ противъ регламентовъ, о невыписываніи въ докладъ, что уже напечатано и о имѣніи этого указа во всѣхъ судныхъ мѣстахъ на столѣ подъ опасеніемъ штрафа [1]).

„Понеже, значится, между прочимъ, въ названномъ указѣ, ничто такъ по управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды, того ради симъ указомъ, яко печатью всѣ уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзалъ инымъ образомъ всякія дѣла вершить и располагать не противъ регламентовъ“... Ослушникамъ указъ сулитъ наказаніе безъ всякой пощады: „Буде же кто сей Нашъ указъ преступитъ подъ какою отговоркою ни есть, слѣдуя правиламъ гагариновымъ: тотъ, яко нарушитель правъ государственныхъ и противникъ власти, казненъ будетъ смертью безъ всякія пощады; *и чтобъ никто не надѣялся ни на какія свои заслуги*, ежели въ сію вину впадетъ“.

Грозный указъ предписывалось, напечатавъ, внести въ регламентъ и объявить во всенародное извѣстіе; отдѣльные же оттиски его наклеить на доски и держать, какъ зеркало, въ залахъ присутствія на столѣ передъ судящими во всѣхъ мѣстахъ, начиная съ самаго нисшаго и кончая наивысшимъ— Сенатомъ.

Рекетмейстеръ долженъ былъ содѣйствовать монарху въ предѣлахъ своей компетенціи въ надзорѣ за законностью, и этой стороной характеризуется его участіе въ апелляціонныхъ дѣлахъ. По мысли Петра онъ являлся не только органомъ принятія челобитныхъ или простой передаточной инстанціей созданной для удобства Сената Наоборотъ, это былъ одинъ изъ органовъ контроля, подобный въ отношеніи Сената генералъ-

[1]) П. С. З № 3970.

прокурору, съ которымъ, поэтому, у перваго рекетмейстера Павлова происходили серьезныя стычки на почвѣ строгаго исполненія имъ рекетмейстерскихъ обязанностей По этому поводу г. Петровскій приводитъ поучительную выписку изъ дневника Павлова [1]), гдѣ говорится, что когда онъ въ собраніи Сената началъ докладывать челобитье коммиссара Тыркова на генералъ-прокурора Ягужинскаго, что тотъ держитъ въ домѣ своемъ подъ карауломъ брата Тыркова, котораго секретарь Хрипуновъ тамъ же подвергалъ пыткѣ по дѣлу о прелюбодѣяніи бывшей жены генералъ-прокурора, Ягужинскій тщетно старался выхватить изъ рукъ Павлова злополучную челобитную, но генералъ-рекетмейстеръ ее не отдалъ и заставилъ Сенатъ до конца выслушать щекотливую жалобу.

Но, конечно, значеніе рекетмейстерской должности во всемъ объемѣ ея полномочій могло сохраниться только въ правленіе настойчиваго и самостоятельнаго Преобразователя. Послѣдующіе правители по слабости своей упустили изъ рукъ это сильное средство надежнаго контроля Послѣ смерти Петра, неуклонный Павловъ былъ смѣненъ и замѣщенъ Колычевымъ, бывшимъ воронежскимъ вице-губернаторомъ, замѣшаннымъ въ одно грязное дѣло. Конечно, Колычевъ и по личнымъ свойствамъ не могъ осуществить петровской идеи рекетмейстерства, но затѣмъ эта должность въ послѣдующія царствованія подвергалась и по существу различнымъ превратностямъ судьбы, то претерпѣвая измѣненія, то совершенно упраздняясь, пока, наконецъ, опять не была возстановлена Елизаветой Петровной de jure на петровскихъ основаніяхъ, но de facto нѣсколько на иныхъ. Постепенно, силою вещей, рекетмейстеръ изъ органа контроля надъ Сенатомъ, превращается въ подготовительный органъ апелляціонныхъ дѣлъ и становится какъ бы громоотводомъ безчисленныхъ челобитныхъ, но не громоотводомъ царскимъ, а только сенатскимъ

Произошло это по слѣдующимъ причинамъ. Елизавета на первыхъ порахъ сама пожелала принимать отъ подданныхъ

---

[1]) Петровскій, стр 200.

челобитныя, но вскорѣ оказалось, что большинство прошеній касалось дѣлъ, которыя или еще не были рѣшены въ низшихъ мѣстахъ, или же заключали въ себѣ ходатайства о разныхъ льготахъ, наградахъ или пожалованьяхъ. Отказавшись поэтому отъ своего первоначальнаго намѣренія и передавая право пріема челобитныхъ опять генералъ-рекетмейстеру, императрица припомнила всѣ указы, которыми запрещалось утруждать просьбами особу государя; въ числѣ другихъ она привела также; петровскій указъ о правѣ обращенія челобитчиковъ съ жалобой въ Сенатъ, въ случаѣ неудовлетворенія рекетмейстеромъ ихъ законныхъ требованій [1]), но ни словомъ наоборотъ не обмолвилась относительно также существовавшаго права „знатной особы“ непосредственно сноситься съ верховной властью въ важнѣйшихъ случаяхъ нарушенія законности.

Конечно, при всевластномъ составѣ Сената, при продажномъ генералъ-прокурорѣ, пользовавшимся однако долгое время довѣріемъ мало интересовавшейся государственными дѣлами монархини, теперь негдѣ было искать себѣ опоры генералъ-рекетмейстеру, даже если бы онъ пожелалъ возстановить свое былое значеніе. Царствованіе Елизаветы по строю внутреннихъ отношеній было схоже съ петровскимъ только для глаза очень поверхностнаго наблюдателя. Не говоря уже о содержаніи лѣтъ правленія геніальнаго реформатора, даже созданныя имъ формы государственной жизни въ годы царствованія дочери лишились всей внутренней, уже выработанной, сущности. При этихъ условіяхъ въ елизаветинскую эпоху и генералъ рекетмейстера мы встрѣчаемъ въ роли не органа надзора, а какъ бы лица, подчиненнаго Сенату Для слушанья его докладовъ ему назначается Сенатомъ одинъ день въ недѣлю и за разрѣшеніемъ всякихъ недоразумѣній онъ почтительнѣйше представляетъ Сенату, который и даетъ ему необходимыя наставленія и указанія, какъ дѣйствовать въ сомнительныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, въ сенатскомъ указѣ отъ 18 Января 1742 г. мы находимъ слѣдующія строки [2]):

[1]) Указъ 6 Апрѣля 1722 г П С. З. № 3947.

[2]) П. С З. № 8502.

„Генералъ-рекетмейстеръ Дивовъ словесно представлялъ, что многія подаванныя Ея Императорскому Величеству разныхъ чиновъ отъ людей челобитныя, отдаются къ рекетмейстерскимъ дѣламъ, писанныя на простой бумагѣ такожъ и въ Сенатѣ ему, генералъ-рекетмейстеру, многіе же челобитчики подаютъ челобитныя на простой же бумагѣ не по силѣ указовъ, и по онымъ произвожденіе чинить ли?“ Сенатъ въ отвѣтъ на такой запросъ приказалъ по челобитнымъ уже поданнымъ ранѣе на Высочайшее имя, или впредь подаваемымъ, гербовой бумаги не требовать, а прочія, если онѣ будутъ написаны на бумагѣ простой и не изъяты отъ сборовъ по указамъ, возвращать подателямъ для переписыванія на гербовую. Въ другомъ случаѣ рекетмейстеръ, будучи заваленъ массой челобитныхъ и имѣя для доклада по нимъ Сенату всего одинъ день въ недѣлю, ходатайствовалъ передъ Сенатомъ о разрѣшеніи ему тѣ челобитныя, которыя не должны идти на разсмотрѣніе Сената, разсылать безъ доклада высшей правительственной коллегіи прямо въ подлежащія присутственныя мѣста Сенатъ соизволилъ разрѣшить генералъ-рекетмейстеру поступать согласно его представленію [1]).

Не довольствуясь указаніемъ на предлагаемые вопросы, Сенатъ иногда и по собственнымъ начинаніямъ дѣлалъ тѣ или другія предписанія рекетмейстеру. Такъ, въ маѣ 1746 г. [2]) въ собраніи Сената состоялся докладъ по челобитной малороссійскаго переяславскаго полка, баришевскаго сотника Лизакѣевича, ходатайствовавшаго о переносѣ его рѣшеннаго дѣла изъ Генеральной войсковой канцеляріи въ Сенатъ, который опредѣлилъ, что, если Лизакѣевичъ согласно требованьямъ малороссійскихъ законовъ о своемъ желаніи апеллировать своевременно заявилъ, то дѣло въ высшую инстанцію передать немедленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ и на будущее время Сенатъ постановилъ, чтобы „и впредь подаваемыя отъ малороссіянъ на Генеральную войсковую и министерскую Канцеля-

[1]) Ib. № 8575.
[2]) Ib. № 9285

рш, какъ въ долговременномъ нерѣшеніи, также и въ неправомъ рѣшеніи дѣлъ ихъ челобитныя принимать генералъ-рекетмейстеру и имѣть въ своей Конторѣ, и по нихъ докладывать Правительствующему Сенату ему-жъ генералъ-рекетмейстеру, а въ экспедицію не отдавать, и когда по тѣмъ челобитнымъ отъ Правительствующаго Сената рѣшеніи послѣдуютъ и по посланнымъ указамъ въ Сенатъ дѣла присланы будутъ, то тѣ дѣла брать ему жъ генералу-рекетмейстеру въ рекетмейстерскую контору и надлежащее произведеніе чинить, и потому же къ слушанью Сенату представлять, понеже по данной ему инструкціи по 1 и 2 пунктамъ, дабы волокить не было, смотрѣніе имѣть, и изъ Коллегій и Канцелярій такія рѣшенныя дѣла велѣно брать къ себѣ и по нихъ докладывать Сенату". Не трудно видѣть, что, помимо существа дѣла, въ самомъ тонѣ этого сенатскаго указа слышится не отношеніе равнаго къ равному, но отношеніе къ подчиненному, хотя юридически генералъ-рекетмейстеръ продолжалъ не быть подчиннымъ Сенату и находиться относительно него по петровскому законодательству въ такомъ же положеніи, какъ и генералъ-прокуроръ.

Тѣмъ же порядкомъ Сенатъ издалъ предписаніе рекетмейстеру и въ 1756 г. по тѣмъ же малороссійскимъ дѣламъ, именно, о соблюденіи при пріемѣ челобитныхъ отъ малороссіянъ, апелляціонныхъ правилъ Статута [1]).

Такимъ образомъ возстановленный при Елизаветѣ Петровнѣ генералъ-рекетмейстеръ изъ органа надзора превратился въ органъ простого пріема апелляціонныхъ, по преимуществу, прошеній, съ косвеннымъ подчиненіемъ Сенату въ качествѣ лица, получающаго отъ него прямые приказы и предписанія. Генералъ-рекетмейстерскія обязанности, слѣдовательно, свелись къ дѣйствіямъ судебно-вспомогательнымъ, и только сохранившееся право понуждать коллегіи и независимыя канцеляріи къ скорѣйшему исполненію дѣлъ напоминали о прежнемъ значеніи рекетмейстерской должности.

---

[1]) П. С. З. № 10577

§ 7. Дѣятельность рекетмейстера при Екатеринѣ.

Царствованіе Петра III не произвело никакихъ измѣненій въ положеніи рекетмейстера и онъ въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ при Елизаветѣ, перешелъ въ эпоху екатерининскую. Великая императрица, глубже понимавшая всѣ мысли Преобразователя, нежели ея предшественники, хотя и не вернула рекетмейстеру прежнихъ преимуществъ, но за то выказала прямое стремленіе поставить его на равную ногу съ сенаторами, съ обособленіемъ его отъ состава Сената въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

При измѣнившихся условіяхъ дѣятельности верховной власти, при задуманныхъ реформахъ высшаго управленія и суда, наконецъ, при предоставленіи подданнымъ права, въ особо важныхъ случаяхъ, подавать челобитныя не только довѣреннымъ лицамъ императрицы, но и ей самой, безъ сомнѣнія, не требовалось вооруженія генералъ-рекетмейстера возможностью личнаго сношенія съ монархомъ въ той формѣ, которая существовала при Петрѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ упорядоченіе пріема апелляціонныхъ челобитныхъ и понужденіе коллегій съ канцеляріями оставались неизмѣнными требованіями тогдашней жизни и обусловливали необходимость возрожденія значенія генералъ-рекетмейстерской должности. Елизаветинское время оставило екатерининскому въ наслѣдство громадную апелляціонную недоимку, а дѣла, между тѣмъ, поступали въ Сенатъ въ неустанно увеличивавшихся размѣрахъ и нуждались въ прилежномъ разсмотрѣніи. Конечно, въ виды молодой императрицы не входило сенатское промедленіе въ рѣшеніи апелляціонныхъ дѣлъ. Потому, если въ елизаветинское царствованіе Сенатъ, будучи занятъ управленіемъ по-преимуществу, на разсмотрѣніе рекетмейстерскихъ докладовъ удѣлялъ только одинъ день въ недѣлю и самого рекетмейстера держалъ до нѣкоторой степени въ черномъ тѣлѣ, то теперь, когда предстояло сокращеніе сенатской дѣятельности, картина взаимныхъ отношеній Сената и генералъ-рекетмейстера измѣнилась. По выработаннымъ Екатериною планамъ

Сенатъ изъ высшаго учрежденія правительственнаго долженъ былъ постепенно превращаться въ подзаконный органъ высшаго надзора и суда. При такихъ условіяхъ, конечно, и значеніе рекетмейстерской должности, даже при сохраненіи ея чисто судебновспомогательнаго характера, должно было увеличиться; это и сказалось въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ повелѣніяхъ Екатерины.

Такъ, прежде всего именнымъ указомъ, объявленнымъ Сенату генералъ-прокуроромъ [1]), генералъ-рекетмейстеръ былъ сравненъ съ прочими высшими сановниками въ правѣ объявлять словесныя высочайшія повелѣнія. Произошло это по слѣдующему частному случаю: въ Сенатской конторѣ было рѣшено дѣло армянъ Мирзаханова и Аракелова по вексельнымъ требованіямъ, предъявленнымъ къ нимъ полковникомъ Приклонскимъ, армяниномъ Арбабовымъ и англійскимъ купцомъ Томсеномъ. Уже готовился соотвѣтствующій сенатскій указъ Главному магистрату, но императрица, по нѣкоторымъ соображеніямъ, рѣшила пріостановить исполненіе приговора и повелѣла о томъ объявить генералъ-рекетмейстеру дѣйствительному статскому совѣтнику Козлову. Данный приказъ послужилъ прецедентомъ, освятившимъ новое рекетмейстерское право, свидѣтельствовавшее, что съ этихъ поръ генералъ-рекетмейстеръ снова становился однимъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ монарха Чтобы выдѣлить далѣе самостоятельное положеніе рекетмейстера, въ томъ же 1763 г. Екатерина приказала уничтожить практикой установившееся скрѣпленіе апелляціонныхъ приговоровъ рекетмейстеромъ наравнѣ съ другими членами Сената [2]).

Затѣмъ по поводу возникшаго въ Сенатѣ разногласія относительно порядка принятія генералъ-рекетмейстеромъ подаваемыхъ челобитныхъ, Екатерина еще разъ подчеркнула особенности рекетмейстерской должности наперекоръ мнѣнію большинства сенаторовъ и самого генералъ-прокурора. Генералъ-рекетмейстеръ полагалъ, что ему должно въ вопросѣ

---

[1]) Указъ отъ 21 Января 1763 г. П. С. З 11739.
[2]) П. С З № 11817

принятія челобитныхъ руководиться своей инструкціей, и потому челобитныя, не предусматриваемыя въ рекетмейстерскомъ Наказѣ подлежитъ принимать по департаментамъ оберъ-секретарямъ; съ такимъ мнѣніемъ согласилось девять сенаторовъ; прочіе же члены Сената полагали, что всякаго рода челобитныя безъ различія подлежатъ подачѣ генералъ-рекетмейстеру. Эти мнѣнія 13 февраля были читаны въ Сенатѣ въ присутствіи императрицы, но несмотря на стараніе привести стороны къ соглашенію, обѣ онѣ остались при своемъ убѣжденіи, вслѣдствіе чего генералъ-прокуроръ все дѣло представилъ на усмотрѣніе императрицы, высказавъ, однако, и свой взглядъ, заключавшійся въ томъ, что удобство требуетъ принятія рекетмейстеромъ всѣхъ челобитныхъ безъ исключенія [1]). „И я согласенъ, заявлялъ Вяземскій, дабы всѣ челобитныя въ Сенатѣ принимать одному генералъ-рекетмейстеру, сколько для избѣжанія ожидаемыхъ разными персонами замѣшательствъ, столько не менѣе и для того, что оныхъ въ разсужденіи тѣхъ, кои въ инструкціи генералъ-рекетмейстера изображены, останется весьма малое число и, слѣдовательно, излишней тягости ему не произойдетъ, но онъ, конечно, можетъ исправиться опредѣленными при немъ по штату служителями, тѣмъ болѣе, что они нынѣ освобождены отъ всѣхъ другихъ дѣлъ, каковы до сего въ рекетмейстерской конторѣ исправляли, а единственно только принимая челобитныя, раздаютъ по департаментамъ или отдаютъ обратно, буде къ пріему не послѣдуютъ“.

Изъ послѣднихъ словъ Вяземскаго видно, что отстаиваемый имъ порядокъ уже практиковался въ Сенатѣ, но встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны екатерининскаго генералъ-рекетмейстера, шире понимавшаго свои задачи, нежели простой пріемъ, просмотръ и докладъ поступающихъ въ Сенатъ крайнѣ разнородныхъ прошеній. Правда, въ его инструкціи, въ пунктѣ 6, говорилось, что „которымъ иностраннымъ въ какихъ долгахъ и счетахъ, и недоданномъ, и заслуженномъ жалованьѣ надлежитъ быть челомъ, а оные люди о такихъ

[1]) П. С. З. № 12171

своихъ дѣлахъ не знаютъ, гдѣ челобитныя подавать: и тѣ челобитныя ему, рекетмейстеру, принимать и на оныхъ помѣчать, чтобы по тѣмъ челобитнымъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ тѣ ихъ дѣла рѣшили въ указанные сроки безъ всякаго продолженія".

Однако, этотъ пунктъ нисколько не нарушалъ основного характера рекетмейстерскихъ функцій по мысли Петра. И здѣсь рекетмейстеръ являлся покровителемъ челобитчиковъ, ищущихъ своихъ правъ, но не знающихъ къ тому пути. Слѣдовательно, и содержаніе 6 пункта наказа представляло собою только дополненіе главныхъ судебно-контрольныхъ обязанностей рекетмейстера. Вяземскій, вмѣстѣ съ сенаторами, державшимися съ нимъ одного мнѣнія, совершенно упускалъ изъ вида указанную сторону вопроса, но Екатеринѣ она была ясна.

Дѣло шло не объ удобствахъ, а о принципѣ, и петровскія начала восторжествовали. Екатерина не согласилась съ доводами своего ставленника, разсмотривавшаго рекетмейстера съ точки зрѣнія фактическаго его положенія въ качествѣ органа, служившаго для удобства Сената и положила на его докладъ слѣдующую резолюцію: „Генералъ-рекетмейстеру поступать по своей инструкціи, а челобитныя принимать по департаментамъ". Такое рѣшеніе вопроса было вполнѣ правильно потому, что, когда происходилъ обмѣнъ мнѣній сенаторовъ по приведенному содержанію генералъ-рекетмейстерскаго доклада, Сенатъ еще не принялъ вполнѣ физіономіи судебно-контрольной по преимуществу, какъ то случилось позднѣе. По этой причинѣ принятіе рекетмейстеромъ всѣхъ челобитныхъ, въ томъ числѣ по разнымъ отраслямъ не только суда, но и управленія, затемнило бы истинный смыслъ его обязанностей и самую „знатную особу", по примѣру елизаветинскихъ временъ превратило бы исключительно въ служебный сенатскій органъ. Этого не желала. Екатерина гораздо тоньше понимавшая смыслъ многихъ изъ петровскихъ учрежденій и старавшаяся не дать имъ заглохнуть изъ соображеній какихъ либо практическихъ удобствъ.

Много говорено было о выдѣленіи Екатериной генералъ-

прокурора изъ общаго фона сенатскихъ установленій, но почему-то до сихъ поръ не обращали достаточнаго вниманія на ту же черту отношенія ея и къ генералъ-рекетмейстеру, тогда какъ обѣ должности, если и не въ равной мѣрѣ, то во всякомъ случаѣ совмѣстно выдвигались молодой императрицей, неуклонно преслѣдовавшей свои цѣли незамѣтной борьбы и подчиненія Сената, который въ свою очередь еще недавно, равнымъ образомъ, вполнѣ подчинялъ себѣ какъ генералъ-прокурора, такъ и генералъ-рекетмейстера.

Не въ примѣръ временамъ предшествовавшихъ послѣ петровскихъ царствованій, екатерининскіе рекетмейстеры, чувствуя опору въ молодой государынѣ, заявили себя усиленной дѣятельностью и имена ихъ постоянно попадаются на страницахъ сенатскихъ журналовъ. Но кромѣ бумагъ сенатскаго дѣлопроизводства для ознакомленія съ сущностію рекетмейстерскихъ трудовъ въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи сохранились нѣкоторыя документы [1]), спеціально относящіеся къ рекетмейстерской части и дающіе ближайшую возможность судить о состояніи ея въ разсматриваемую эпоху.

Изъ сохранившихся рекетмейстерскихъ журналовъ и протоколовъ видно, что генералъ-рекетмейстеръ, и въ разсматриваемую эпоху, въ соотвѣтствіи съ взглядами императрицы на характеръ его обязанностей, главнымъ образомъ, въ своей дѣятельности руководствовался петровской инструкціей отъ 5 февраля 1722 г., но съ нѣкоторыми дополненіями указовъ позднѣйшихъ лѣтъ. Поэтому въ кругу своей компетенціи генералъ-рекетмейстеръ прежде всего принималъ челобитныя на медленность производства въ присутственныхъ мѣстахъ, подчиненныхъ непосредственно Сенату [2]) Поря-

---

[1]) Въ Архивѣ сохранились рекетмейстерскіе журналы и протоколы съ 1768 по 1772 г., но по ошибкѣ въ описяхъ архива они названы журналами и протоколами за указанные года 2 департамента Сената.

[2]) Такъ напримѣръ въ журналѣ отъ 19 января 1770 г. записано: „Статскому дѣйствительному совѣтнику и генералъ-рекетмейстеру поданы челобитныя и слушаны и. 2) санктъ-петербургскаго купца Козьмы Антонова сына Слонова о понужденіи магистратскую контору къ скорѣи-

докъ разсмотрѣнія такихъ челобитныхъ какъ и прочихъ заключался въ томъ, что жалоба заслушивалась, а резолюція рекетмейстера объявлялась просителю; обо всемъ производствѣ составлялся журналъ.

Затѣмъ въ наибольшемъ количествѣ въ контору поступали жалобы апелляціоннаго характера, которымъ рекетмейстеръ производилъ весьма строгій и тщательный разборъ не только на основаніи данныхъ инструкціи 22 года. По этой инструкціи предписывалось принимать лишь тѣ челобитныя, въ которыхъ точно обозначено, „какая неправость и противность указамъ“ заключается въ обжалуемомъ приговорѣ“ [1]). Но и при наличности такихъ необходимыхъ данныхъ для дѣйствительности апелляціонной жалобы въ екатерининское время требовалось еще много другихъ условій.

Такъ, прежде всего необходимо было соблюденіе приличій въ выраженіяхъ по отношенію къ внѣшней формѣ. Это требованіе впрочемъ не являлось вполнѣ новымъ.

Еще въ 1753 г Сенатомъ было предписано не помѣщать въ челобитныхъ бранныхъ словъ подъ страхомъ наказанія [2]): 13 сентября 1764 г. Сенатъ по повелѣнію Екатерины обнародовалъ подтвердительный указъ о томъ, чтобы „впредь во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ таковыхъ съ поносительными и къ дѣлу, о чемъ прошеніе есть, непринадлежащими словами челобитенъ подаваемо, и нигдѣ принимано, и въ посылаемыхъ указахъ и сношеніяхъ писано не было подъ опасеніемъ штрафа“ [3]). Напоминаніе о запрещеніи частнымъ лицамъ вносить въ свои жалобы бранныя слова было тѣмъ необхо-

---

шему рѣшенію дѣла въ неудовольствіи его взысканіемъ съ санктъ-петербургскаго-жъ купца и маклера Клима Андреева сына Житкова проѣстей и волокитѣ“; генералъ-рекетмейстеръ приказалъ „записать и какъ то прошеніе его состоитъ въ нескоромъ рѣшеніи дѣла его магистратскою конторою, то оному просителю, объявить, что, по силѣ инструкціи генералъ-рекетмейстеру 1-го п., подлежащее исполненіе учинено будетъ“.

Документъ въ Архивѣ М-ства Юстиціи.

[1]) Наказа рекетмейстеру п 2.

[2]) П. С. З. № 10155

[3]) Ib. № 12240

димѣе, что сами присутственныя мѣста питали слабость къ такого рода оборотамъ рѣчи, вслѣдствіе чего въ 1764 г. императрица дала на имя Глѣбова слѣдующій указъ: „Александръ Ивановичъ! Присланною ко мнѣ челобитною дворянинъ Прокофій Демидовъ просилъ Меня, объявляя, что Бергъ-Коллегія, въ данномъ ему указѣ, который онъ подлинный при челобитной приложилъ, напрасно бранными словами сдѣлала ему поношеніе, называя его душевредникомъ и непримиримую злобу имѣющимъ человѣкомъ. Сіе подлинно неприлично, чтобы при титулѣ Моемъ и Моимъ указомъ, кого-нибудь бранить. Буде онъ виноватъ, то надлежитъ его судить силою закона и безбранно повелѣть учинить указное исполненіе. Разсмотрите вы въ Сенатѣ, правильно ли дѣло его въ той Коллегіи рѣшено, а за неприличную брань ему въ сатисфакцію сдѣлайте Бергъ-Коллегіи выговоръ, повелѣвъ возвратить всѣ разосланные въ поношеніе ему указы“ [1]). На основаніи этихъ словъ императрицы, соединенныхъ съ повелѣніемъ и состоялось безусловное запрещеніе неприличныхъ выраженій въ оффиціальныхъ бумагахъ.

Генералъ-рекетмейстеръ при просмотрѣ частныхъ прошеній строго слѣдилъ за безукоризненностью ихъ формы. Не говоря уже о томъ, что масса челобитныхъ возвращалась изъ-за „примѣшиванья лишнихъ матерій“ къ существу дѣла, рекетмейстеръ не пропускалъ ни одной и съ бранными выраженіями. Къ чести просителей, впрочемъ, нужно признать, что указаній на подобныя жалобы съ содержаніемъ, несоотвѣтствующимъ достоинству тѣхъ мѣстъ, куда онѣ представлялись, и формѣ апелляціоннаго челобитья, всегда имѣвшаго видъ прошенія на Высочайшее имя, въ дѣлахъ рекетмейстерскихъ, сохранилось не много. Притомъ необходимо замѣтить, что большинство ихъ принадлежитъ представителямъ нисшихъ классовъ общества [2]), хотя, конечно, грѣхъ пристрастія къ сильнымъ выраженіямъ съ нисшими у насъ всегда раздѣляли и высшіе слои.

[1]) П С. 3. № 11884

[2]) Такова, напр, жалоба провинціальной роты сержанта Хохлова. Архивъ М-ства Юст. Протоколы рекетмейстерскіе отъ 19 января 1768 г.

Помимо требованій рекетмейстерской инструкціи и указа о соблюденіи благопристойности въ челобитныхъ генералъ-рекетмейстеръ строго наблюдалъ также за исполненіемъ формальныхъ условій, предъявляемыхъ екатерининскимъ указомъ 1762 г. о правилахъ апелляціоннаго производства. Такъ, напримѣръ, въ 1768 г. было отказано въ пріемѣ жалобы калужскому купцу Тресоголовову по той причинѣ, что послѣ рѣшенія его дѣла въ Главной соляной конторѣ прошло болѣе двухъ лѣтъ, тогда какъ указомъ 62 г устанавливался апелляціонный срокъ въ размѣрѣ одного года [1]). На основаніи тѣхъ же правилъ генералъ-рекетмейстеръ отказалъ въ содѣйствіи нѣкоей Натальѣ Ковалевой въ виду того, что она еще не достигла узаконенныхъ восемнадцати лѣтъ [2]).

Иногда однако генералъ-рекетмейстеръ слишкомъ увлекался формализмомъ и не принималъ на основаніи екатерининскаго закона объ апелляціи такихъ челобитныхъ, которыя не заключали въ себѣ пороковъ, непосредственно предусмотрѣнныхъ указомъ. Такъ, между прочимъ, Екатериной не было предписано никакой особой формы для апелляціонныхъ челобитныхъ. Генералъ-рекетмейстеръ тѣмъ не менѣе счелъ возможнымъ отказать Кіевскаго магистрата бургомистру Кулешѣ, и райцамъ Гудемѣ, Нечаю и „реэнту“ Лукъяновичу потому, что „*въ окончательномъ пунктѣ* (ихъ челобитной) *написано съ установленною въ 762 г. формою несогласно* и въ которыя Сената департаментъ то прошеніе къ подачѣ слѣдуетъ, не написано“ [3]). Точно также, повидимому, произвольно поступилъ генералъ-рекетмейстеръ, указавъ провинціальной роты сержанту Хохлову въ числѣ причинъ отказа несообщеніе имъ того обстоятельства, былъ ли ему приговоръ объявленъ рѣшившимъ дѣло судомъ и заявилъ ли онъ при постановленіи рѣшенія, что приговоромъ недоволенъ и желаетъ апеллировать въ Сенатѣ [4]). Дѣйствительно, самый указъ 30 іюля 1762 г. о правилахъ апелляціоннаго обжалованья устанавли-

[1]) Ib, января 22 протоколъ

[2]) Ib, журналъ 22 іюня 1772 г.

[3]) Ib. протоколъ 2 января 1768 г.

[4]) Архивъ М. Ю. Протоколы рекетмейстерскіе отъ 19 января 1768 г.

валъ подобнаго рода предварительную заявку—явочное челобитье—въ интересахъ, а не во вредъ челобитчика, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ закона: „Если-жъ кто паче чаянья по рѣшеніи въ нижнемъ судебномъ мѣстѣ, *по объявленіи рѣшительнаго опредѣленія и не подпишется, что возметъ апелляцію:* то однакожъ *ему сего въ вину и просрочку о апелляціи не почитать,* по положенный по сему срокъ остается въ своей силѣ, *потому что сіе единственно къ удовольствію и облегченію обиженныхъ установляемъ* [1]).

Впрочемъ, и самъ генералъ-рекетмейстеръ не проявлялъ въ данномъ направленіи особой послѣдовательности. Именно, по дѣлу жены войскового товарища Барковскаго, отдѣльно отъ апелляціонной жалобы заявлявшей явочное челобитье, что о своемъ желаніи апеллировать она своевременно довела до свѣдѣнія утвердившей приговоръ Генеральнаго суда Малороссійской коллегіи, рекетмейстеръ въ принятіи этой челобитной отказалъ на томъ основаніи, что „какъ въ инструкціи рекетмейстера того не предписано, чтобъ явочныя челобитныя принимать, то за тѣмъ оную и возвратить просительницѣ съ тѣмъ, что, когда апелляціонная челобитная отъ нея поступитъ, то по силѣ инструкціи разсмотрится“ [2]).

Вообще же нужно замѣтить, что генералъ-рекетмейстеръ, обнаруживалъ сильную склонность къ возвращенію челобитныхъ, ставя имъ, какъ говорится, всякое лыко въ строку, и потому въ этихъ случаяхъ дѣйствовалъ даже не только на основаніи точныхъ предписаній указовъ, но и своихъ личныхъ общихъ соображеній. Такъ, напримѣръ, было отказано въ принятіи челобитной дочери подполковника Мамонтовой, дѣйствовавшей черезъ повѣреннаго, который заболѣлъ и свое право представительства законно передалъ другому лицу, но въ вѣрющемъ письмѣ (довѣренности) не упомянулъ о имѣвшемся у него спеціальномъ правѣ по довѣрію обжаловать рѣшеніе Вотчинной Коллегіи, относительно приговора,

---

[1]) Заключительныя слова указа 30 Іюля 1762 г. П. С. 3 № 11629.

[2]) Архивъ М. Ю. Журналы и протоколы Рекетм. Журналъ отъ 20 іюля 1772 г. л. 2.

которой и поднятъ былъ весь вопросъ [1]). Точно также купецъ Тимофѣевъ получилъ обратно свою апелляціонную челобитную, между прочимъ, по той причинѣ, что въ ней рукоприкладство было не по пунктамъ [1]).

Такимъ образомъ, для непринятія челобитной генералъ-рекетмейстеръ пользовался всякимъ поводомъ, какъ непосредственно предусмотрѣннымъ въ законѣ [2]), такъ и такимъ, который можно было вывести изъ закона и въ томъ случаѣ, когда челобитная по общему характеру подходила подъ требованія рекетмейстерской инструкціи или законовъ объ апелляціи [3]) Вслѣдствіе этого въ дѣлахъ рекетмейстерскихъ поражаетъ чрезвычайно большое процентное отношеніе непринятыхъ челобитныхъ къ тѣмъ, которыя были поданы для разсмотрѣнія. Такъ, напримѣръ, за 1770 годъ поступило въ контору 169 прошеній; изъ нихъ удовлетворено только 96: въ 1771 году было подано приблизительно 209 челобитныхъ и изъ нихъ принято 116

Кстати, приходится сказать, что нѣкоторый процентъ подаваемыхъ прошеній являлся дѣйствительно не имѣющимъ никакого отношенія къ рекетмейстерскимъ дѣламъ. Напримѣръ, отставной секундъ-маіоръ Кирѣевскій просилъ вообще

---

[1]) Ibid 2 Января 1768 г.

[2]) Ibid. прот. 9 Іюля 1768 г

[3]) Къ числу законныхъ поводовъ отказа нужно отнести также представленіе жалобы на нѣмецкомъ языкѣ, въ виду состоявшагося о томъ въ 1766 г. запретительнаго сенатскаго указа; также не принимались челобитныя, поданныя рекетмейстеру на простой бумагѣ.

[4]) Впрочемъ, случалось, что генералъ-рекетмейстеръ иногда отклонялъ челобитную не только по какимъ либо соображеніямъ, основаннымъ хотя бы на духѣ закона, а совершенно произвольно, какъ напримѣръ, это произошло въ дѣлѣ коллежскаго секретаря Лисовскаго, жаловавшагося на рѣшеніе Коммерцъ-Коллегіи по сдѣланному имъ доносу. Генералъ-рекетмейстеръ, несмотря на то, что въ челобитной были всѣ данныя для апелляціи, приказалъ: „какъ никакія доношенія, подаваемыя отъ доносителей къ принятію генералъ-рекетмейстера по силѣ его инструкціи не принадлежатъ, то оное доношеніе отдать обратно“. Между тѣмъ ясно видно, что Лисовскій представлялъ не доносъ, а простую апелляціонную жалобу на рѣшеніе подвѣдомственнаго Сенату мѣста. А. М. Ю. Журналъ и протоколы Рекетмейстерскіе. Журналъ 16 Апрѣля 1770 г.

о возбужденіи преслѣдованія противъ подполковника Ржевскаго, „вымучившаго“ у него крѣпости на имѣніе [1]). Генералъ-рекетмейстеръ правильно предложилъ Кирѣевскому просить о назначеніи слѣдствія въ подлежащемъ мѣстѣ, отъ котораго это могло зависѣть. Точно также секретарь бывшаго Судного приказа Горбатовъ жаловался на назначенную Сенатомъ слѣдственную Коммиссію, дѣйствія которой въ отношеніи виновныхъ въ причиненіи ему различнаго рода насилій онъ признавалъ пристрастными. Рекетмейстеръ объяснилъ просителю, что такъ какъ слѣдственная Коммиссія учреждена 1-мъ и 5-мъ департаментами Сената, то ему и принадлежитъ непосредственное наблюденіе за ней, тогда какъ генералъ-рекетмейстеръ вѣдаетъ, только принятіе жалобъ на медленность и апелляціонныя челобитныя [2]).

Кстати сказать, въ послѣднемъ случаѣ, подача жалобы на дѣйствія слѣдственной Коммиссіи рекетмейстеру, а не назначившимъ слѣдствіе департаментомъ, между прочимъ, можетъ быть объяснена неправильнымъ пониманіемъ въ общежитіи восемнадцатаго вѣка, слова „апелляція“ „Быть подъ апелляціей“, вообще въ просторѣчіи означало быть въ чьемъ-либо вѣдомствѣ, состоять подъ началомъ. Поэтому даже въ сенатскомъ обиходѣ въ оффиціальныхъ документахъ попадается пониманіе апелляціи въ указанномъ смыслѣ. Напримѣръ, въ одномъ изъ сенатскихъ протоколовъ елизаветинскаго царствованія по поводу донесенія иркутской провинціальной канцеляріи, о якобы произвольныхъ дѣйствіяхъ адъюнкта Академіи наукъ Штеллера, посланнаго, въ Сибирь, повидимому, съ научной цѣлью, но, вступавшаго въ гражданскія дѣла, говорится: „Съ онымъ адъюнктомъ Штеллеромъ, что чинить повелѣно будетъ *понеже оный Штеллеръ подъ апелляціею состоитъ Академіи наукъ, а въ Сибирскомъ приказѣ не вѣдомъ*“ [3]). Точно также въ протоколѣ уже екатерининскаго времени по дѣлу ладожанина Охряева употреблено выраженіе апелляція въ томъ же смыслѣ. Охряевъ жаловался на то, что Новгородская губернская кан-

[1]) Ibid, протоколъ 23 января 1768 г.

[2]) Ibid. Протоколъ 13 ноября 1768 г

[3]) Сенатскій архивъ, т. VI, стр 166. Протоколъ 1744 г. 4 сентября.

целярія, несмотря на сенатскіе указы, дѣла его не разсматриваетъ, а Сенатъ въ своемъ протоколѣ писалъ: „Для чего тою Новгородскою губернскою канцеляріею на посланные изъ Правительствующаго Сената указы въ Правительствующій, а по отсутствіи онаго, по данной Правительствующаго Сената Конторѣ *отъ Ея Императорскаго Величества апелляціи* въ оную Контору не репортовано“ [1]). Слѣдовательно, если самъ Сенатъ могъ неправильно пользоваться словомъ апелляція въ несоотвѣтственномъ значеніи, тѣмъ болѣе частнымъ лицамъ было простительно смѣшивать понятіе подвѣдомственности съ апелляціей и къ завѣдывавшему пріемомъ апелляціонныхъ жалобъ обращаться съ частными жалобами на тѣ или другія неправильности въ отправленіи совершаемыхъ подъ наблюденіемъ Сената судебныхъ дѣйствій.

Но если въ нѣкоторыхъ случаяхъ генералъ-рекетмейстеръ прямо отдавалъ челобитныя просителямъ обратно, то въ другихъ, онъ, отказывая имъ въ своемъ личномъ участіи, тѣмъ не менѣе направлялъ просителя и ставилъ его на дѣйствительный путь успѣшнаго хожденія по дѣлу. Такъ, изъ отказа въ принятіи челобитной малоросса Чернышева на возстановленіе пропущеннаго по винѣ Малороссійской Коллегіи срока проситель могъ усмотрѣть, что прошеніе подлежало къ подачѣ въ департаментъ, вѣдавшій малороссійскія дѣла [2]); адмиралъ Талызинъ, жаловавшійся на неисполненіе Магистратской конторой сенатскаго указа, былъ направленъ генералъ-рекетмейстеромъ къ сенатскому экзекутору [3]), на которомъ лежала обязанность наблюдать за исполненіемъ нижшими мѣстами предписаній Сената.

Необъявленіе сторонѣ приговора генералъ-рекетмейстеръ разсматривалъ, какъ промедленіе производства дѣла, и потому, напримѣръ, петербургскому купцу Шаргаеву, проси-вшему о пріостановкѣ исполненія рѣшенія Мануфактуръ-Кол-

[1]) Матеріалы, № 35

[2]) Журн. и прот. рекетмейстерскіе, прот. 24 марта 1770 г.

[3]) Ibid. журналъ отъ 21 февр. 1772 г.

легіи въ виду необъявленія ему ея приговора, не отказалъ въ принятіи челобитной, но доложилъ ее Сенату [1]).

Непринятіе челобитной вслѣдствіе замѣченныхъ въ ней неправильностей, нисколько не препятствовало принятію ея во второй разъ, если только за это время не истекалъ апелляціонный срокъ. Такъ, въ рекетмейстерскомъ журналѣ отъ 25 іюля 1771 г. записано, что была слушана челобитная „покойнаго генералъ-фельдмаршала и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалера графа Александра Борисовича Бутурлина вдовствующей супруги Екатерины Борисовны о пріобщеніи по взнесенному въ Правительствующій Сенатъ изъ главной полиціймейстерской канцеляріи, якобы неправо рѣшенномъ сего 1771 года іюня 20 дня дѣлу о неотдачѣ ей излишне поступившей въ смежныя табачнаго фабриканта Буше дворъ земли, о чемъ уже отъ нея челобитная подана сего-же іюля 15 дня, но за неисправностью отдана обратно". Генералъ-рекетмейстеръ приказалъ: „Тое челобитную для взятія надлежащихъ пошлинъ отдать къ расходу Правительствующаго Сената, а когда по взятіи оныхъ возвращена будетъ, тогда по ней доложить Правительствующему Сенату" [2]).

Изъ приведенной выписки, между прочимъ, видно, что производство у генералъ-рекетмейстера не отличалось отъ обще-канцелярскаго порядка того времени; подчиненные подготовляли докладъ, генералъ-рекетмейстеръ слушалъ его и постановлялъ резолюцію; ходъ дѣла записывался въ журналъ, а по резолюціи составлялся протоколъ-приговоръ, который и служилъ основаніемъ судьбы поданнаго прошенія и апелляціонной челобитной. Челобитныя, какъ уже было сказано, имѣли общую простую форму съ титуломъ; въ этихъ прошеніяхъ предписывалось излагать ходатайство по пунктамъ и, по пунктамъ же, рукоприкладствовать. Въ прошеніяхъ, подаваемыхъ не на Высочайшее имя оставался полный просторъ изобрѣтательности и краснорѣчію просителя. Вотъ образецъ подобнаго прошенія генералъ-рекетмейстеру:

---

[1]) Ibid. Журналъ іюля 1772 г.

[2]) Архивъ М. Ю. Журн. и проток. рекетмейстер.

„Высокопревосходительствующій господинъ генералъ-рекетмейстеръ, милосерднѣйшій государь!

По извѣстной Вашего Превосходительства природной добродѣтели и высокой отъ священнѣйшей Е. И. В. всемилостивѣйшей государыни нашей ввѣренной Вашему Превосходительству генералъ-рекетмейстера должности, которую Ваше Превосходительство правосудно отправляя и по природной своей милости слѣдуя заповѣди Господней о любви къ ближнему, изволите оказывать благотворенія всѣмъ бѣднымъ, немогущимъ за своимъ убожествомъ получить правосудія, чего въ надеждѣ осмѣливаясь и я нижайшій, да и самая крайняя необходимость меня къ тому понудила, чтобъ прибѣгнуть къ Вашему Превосходительству съ нижайшимъ прошеніемъ, дабы на основаніи высочайшаго именного блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великаго Государя Императора и Самодержца всероссійскаго отца отечества Петра Алексѣевича 1722 г. Мая 17 дня указа, въ которомъ высочайше повелѣно, ежели кто нигдѣ не можетъ получить въ справедливости своей указа, то таковымъ, у васъ, генералъ-рекетмейстера, требовать защищенія, и ему генералъ-рекетмейстеру челобитье его и самого челобитчика представить Е И. В А мое нынѣ подносимое таковое же челобитье съ приложеніями и притомъ и меня нижайшаго къ священнѣйшей Е И В. всемилостивѣйшей Государынѣ представить соблаговолили, якожъ и отъ Е. И. В. о должности генералъ-рекетмейстера, въ коей должности Ваше Превосходительство нынѣ состоите, тѣ же самые законы подтверждены.

Вашего Превосходительства Милосерднѣйшаго Государя нижайшій слуга Григорій Богдановичъ“ [1]).

Изъ приведеннаго прошенія между прочимъ видно, какія сложныя требованія иногда предъявлялись генералъ-рекетмейстеру просителями, изъ которыхъ Богдановичъ все-таки основывался на буквѣ неотмѣненнаго, но не дѣйствовавшаго закона.

Разсматривая апелляціонныя жалобы съ внѣшней сто-

---

[1]) Ibid

роны въ отношеніи соблюденія условій формы по указу о правилахъ апелляціи 30 іюля 1762 г. генералъ-рекетмейстеръ по подлиннымъ изъ Сената дѣламъ составлялъ необходимые экстракты.

Порядокъ составленія подъ его руководствомъ экстрактовъ, однако, просуществовалъ недолго. Онъ былъ отмѣненъ сенатскимъ указомъ 26 января 1764 г. [1]), вслѣдствіе словеснаго доклада генералъ-рекетмейстера [2]), представлявшаго о затруднительности, при уничтоженіи рекетмейстерской конторы, ему самому управляться съ экстрактами, какъ по жалобамъ поданнымъ на Сенатъ, такъ и по всѣмъ остальнымъ апелляціоннымъ челобитнымъ.

Любопытно, что, указывая на неудобства, сопряженныя съ составленіемъ экстрактовъ по всѣмъ поступавшимъ къ рекетмейстерскимъ дѣламъ жалобамъ, генералъ-рекетмейстеръ просилъ разъясненія у Сената относительно того, какими правилами руководиться при защитѣ интересовъ челобитчиковъ и присутствовать-ли ему при слушаніи ихъ дѣлъ въ сенатскихъ засѣданіяхъ.

Какъ было помянуто выше, въ елизаветинскія времена подобное обращеніе генералъ-рекетмейстера къ Сенату за указаніями являлось дѣломъ вполнѣ обычнымъ. Теперь же условія взаимныхъ отношеній названныхъ лицъ и учрежденій измѣнились. И потому, что касалось до апелляціонныхъ экстрактовъ, то Сенатъ постановилъ: „По дѣламъ, кои взяты въ исполненіе именныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, по поданнымъ на Сенатъ, якобы въ неправомъ рѣшеніи челобитьямъ, къ высочайшему Е. И. В. поднесенію, экстракты, за уничтоженіемъ Рекетмейстерской конторы, сочинить, раздѣляя по экспедиціямъ секретарямъ и, сколь скоро сочинены будутъ, предложить къ слушанію. Равно сему и по всѣмъ апелляціоннымъ дѣламъ донынѣ вступившимъ и впредь вступающимъ, что до втораго департамента слѣдуютъ, таковые-же экстракты, какъ въ Рекетмейстерской конторѣ сочи-

[1]) П. С. З. № 12023.

[2]) Дѣйств. статск. сов. Козловъ.

пріемы были, дѣлить по экспедиціямъ-же секретарямъ, которымъ и докладывать каждому въ свой день, и надъ ними смотрѣть и при докладѣ объяснять оберъ-секретарю такъ, какъ точно то до его должности принадлежитъ". Вопросъ объ экстрактахъ входилъ въ сенатскую компетенцію и потому и былъ принятъ Сенатомъ къ обсужденію: въ отношеніи-же требуемыхъ генералъ-рекетмейстеромъ указаній, какъ поступать ему при принятіи челобитенъ и какимъ порядкомъ содѣйствовать ищущимъ его защиты, Сенатъ дать свое заключеніе отказался: фактъ характерный для екатерининской эпохи. При Елизаветѣ Петровнѣ онъ не стѣснялся предложеніемъ инструкцій генералъ-рекетмейстеру не только по просьбѣ послѣдняго, но и по своей личной иниціативѣ, въ настоящемъ же случаѣ, слѣдуя новымъ условіямъ времени, опредѣлилъ: „Въ пріемѣ челобитень и въ защищеніи просителей, какъ по сему второму, такъ и по другимъ департаментамъ, *Сенатъ собою* ему генералъ-рекетмейстеру особливаго *права и повелѣнія предписать не можетъ*: но имѣетъ онъ генералъ-рекетмейстеръ поступать въ томъ въ силу его инструкціи во всемъ, кромѣ того, что до департамента Сената принадлежитъ, какъ и вышеписаннымъ именнымъ Е. И. В. 1763 года декабря 15 дня указомъ подтверждено. И если когда пожелаетъ быть при докладѣ и при слушаньи апелляціонныхъ дѣлъ, то и въ томъ обязанъ онъ поступать не инаково, какъ должность и званіе его того требуетъ".

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ Сенатъ самъ ссылался на свою подзаконность и косвенно ставилъ генералъ-рекетмейстеру на видъ неумѣстность его второго запроса, такъ какъ пополненіе генералъ-рекетмейстерской инструкціи было бы созданіемъ нѣкотораго закона, право же законодательства у Сената прямо было отнято Екатериной

Вслѣдствіе увеличенія дѣла во второмъ департаментѣ полѣ передачи его секретаріату составленія апелляціонныхъ экстрактовъ Сенатъ постановилъ увеличить штатъ департамента тремя секретарями [1]).

[1]) Журналы и протоколы втораго департамента отъ 27 января 1764 г. Арх. М. Ю.

Со времени освобожденія генералъ-рекетмейстера отъ обязанности составлять экстракты по докладываемымъ дѣламъ, на немъ осталась только одна цензурно-редакціонная обязанность въ отношеніи содержанія жалобъ и докладъ по нимъ Сенату, который выслушивая докладъ, постановлялъ по нему резолюцію общаго шаблоннаго характера: „оное дѣло, если подлинно (слѣдуетъ обозначеніе присутственнаго мѣста) рѣшено и положенный въ именномъ 1762 г. іюля 30 дня указѣ апелляціонный срокъ не прошелъ, взнесть въ Сенатъ немедленно“ [1]). Въ такомъ видѣ складывалось существо генералъ-рекетмейстерской должности въ екатерининскую эпоху.

При всѣхъ же затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда генералъ-рекетмейстеръ не могъ своею властью удовлетворить особныхъ требованій челобитчика по вопросу подаваемой имъ жалобы, дѣйствовалъ субсидіарно Сенатъ. Выше былъ указанъ подобный случай направленія дѣла въ Сенатъ при необходимости возстановленія не по винѣ челобитчика пропущеннаго срока; сюда-же относилось также, напримѣръ, понужденіе присутственныхъ мѣстъ къ ускоренію разсмотрѣнія дѣлъ замедляемыхъ несмотря на напоминаніе о томъ генералъ-рекетмейстера [2]), или принципіальное рѣшеніе вопросовъ правового процессуальнаго свойства. Примѣромъ субсидіарной дѣя-

---

[1]) Напр., журн. 5 октября 1769 г. втораго департамента. Арх. М Ю.

[2]) Напримѣръ, значится въ рекетмейстерскомъ журналѣ отъ 16 марта 1764 г въ п 8,что государственный крестьянинъ Олонецкаго уѣзда Семинъ принесъ жалобу на Юстицъ-Контору въ неокончаніи за семимѣсячный срокъ дѣла его по всеподданнѣйшей челобитной на бывшаго Новгородскаго губернатора Римскаго-Корсакова и маіора Алексѣева во взяткахъ и другихъ различнаго рода обидахъ Сенатъ приказалъ: „Юстицъ-Конторѣ о скорѣйшемъ и непродолжительномъ по дѣлу маіора Алексѣева (дѣло Римскаго-Корсакова уже въ это время было перенесено въ Сенатъ) по законамъ рѣшеніи подтвердить съ тѣмъ еще, чтобъ оное, конечно, разсмотрѣно и рѣшено было, въ положенный по генеральному регламенту, срокъ подъ опасеніемъ за нескорое наложеніе неупустительнаго штрафа, *а для чего по понужденію уже генералъ-рекетмейстеромъ оное не рѣшено*, тои конторѣ подать отвѣтъ немедленно, о чемъ сочинить особое опредѣленіе“. Архивъ Минист. Юст., журналы и протоколы втораго департамента Отсюда видно, что рекетмейстерскія напоминанія объ ускореніи движенія производства дѣла не всегда были въ достаточной мѣрѣ дѣйствительны,

тельности Сената дѣлъ послѣдняго разряда можетъ служить жалоба воронежскаго купца Сахарова на Магистратскую контору въ необъявленіи ему приговора, состоявшагося по поводу арестованныхъ у него въ домѣ товаровъ и другого имущества. Генералъ-рекетмейстеръ предлагалъ Конторѣ исполнить требованье указа 30 іюля 1762 г., но Контора отвѣтила, что опредѣленіе ея, „оному Сахарову, какъ учиненнаго по интересному дѣлу, объявить нельзя". Генералъ-рекетмейстеръ доложилъ о томъ Сенату, который и приказалъ: „Въ Магистратскую контору послать указъ и велѣть рѣшительное той конторы по упомянутому дѣлу опредѣленіе означенному фабриканту Сахарову объявить, и зачѣмъ онаго въ силу именнаго 1762 года объ апелляціи указа ему было не объявлено, о томъ подать отвѣтъ" [1].

§ 8. Порядокъ слушанія апелляціонныхъ дѣлъ въ Сенатѣ.

Заслушавъ генералъ-реметмейстерскій докладъ, Сенатъ по новому порядку постановлялъ частное опредѣленіе о пріостановкѣ исполненія по приговору низшаго судебнаго мѣста и доставленіи подлинника всего производства съ описью его въ высшую инстанцію [2]. Присланное производство поступало въ распоряженіе одного изъ секретарей, составлявшаго подъ наблюденіемъ оберъ-секретаря требуемую выписку или экстрактъ, иначе говоря, докладъ съ изложеніемъ обстоятельствъ

впрочемъ, какъ было уже указано выше, за дѣйствительность своихъ указовъ приходилось бороться съ подчиненными мѣстами не только генералъ-рекетмейстеру, но и самому Сенату

[1]) Матерьялы для исторіи высшаго суда и надзора въ первую половину царствованія Екатерины Второй, № 102.

[2]) Частныя сенатскія опредѣленія, какъ и окончательные приговоры, точно также носили названіе протоколовъ. Ар. М. Ю № 1 — 4902, дѣло № 115 (Голохвастовыхъ съ Желтухиной).

дѣла [1]). Указомъ 6 февраля 1775 г., предписывалось, между прочимъ, самое дѣло, присылаемое для составленія изъ него экстракта, если оно поступало въ особенности изъ Вотчинной коллегіи, доставлять не только со всѣми необходимыми справками, но и съ особыми отмѣтками въ родословныхъ о времени смерти означенныхъ въ ней лицъ [2]) Къ составленному экстракту прикладывали руки какъ апелляторы, такъ и вообще заинтересованныя лица—противная сторона, въ чью пользу было рѣшено дѣло [3]). По указу 30 іюля 1762 г., экстрактъ „заручался" и представителемъ судебнаго учрежденія, постановившаго приговоръ. Апелляторъ, подписывая экстрактъ, имѣлъ право оговорить, что извѣстной частью его онъ недоволенъ, и тогда передъ Сенатомъ читались соотвѣтственныя выдержки изъ подлиннаго дѣла. Если-же челобитчикъ подавалъ апелляціонную жалобу, но потомъ о судьбѣ ея не заботился, „по дѣлу не ходилъ", а противная сторона какъ-бы за него просила о разсмотрѣніи челобитной, то экстрактъ все-таки сочинялся, а апелляторъ вызывался къ рукоприкладству черезъ публикацію въ газетахъ [4]). причемъ если онъ не являлся въ теченіи опредѣленнаго срока, не будучи отвлеченъ требованіями государственной службы, то дѣла назначались къ слушанію безъ него [5]). Такимъ-же порядкомъ вызывался апелляторъ, если „безъ хожденія" дѣло доходило къ слушанію по очереди [6])

Что касается срока назначенія дѣла къ разсмотрѣнію въ Сенатѣ, то указомъ сенатскимъ 10 февраля 1764 г., было повелѣно экзекутору за день объявлять о томъ при помощи „выставленія билета", а затѣмъ, челобитчики обязывались являться ежедневно въ Сенатъ, пока будетъ тянуться ихъ дѣло [7]), что, конечно, представляло свои удобства и неудоб-

[1]) Образецъ экстракта, см. Матеріалы для исторіи выс. суда и надзора, № 115.

[2]) П. С. З. № 14246.

[3]) Ib 12189, п. 1

[4]) Ib. п. 2

[5]) Ibid.

[6]) Ibid п. 3.

[7]) П. С. З. № 12041

ства при новыхъ условіяхъ сенатской дѣятельности. До раздѣленія на департаменты апелляціонныя дѣла слушались два раза въ недѣлю, а теперь—каждое засѣданіе, почему если ранѣе челобитчикамъ или ихъ повѣреннымъ приходилось подолгу проживаться въ столицахъ въ ожиданіи окончанія разбирательствъ, то съ сенатской реформой это неудобство устранялось не въ достаточной степени Теперь тяжущіеся должны были напряженно заботиться о своемъ дѣлѣ, но и при этомъ условіи оно все таки могло тянутся иногда цѣлыя недѣли или въ виду своей сложности, или въ виду отсутствія необходимыхъ справокъ, или-же вслѣдствіе неаккуратности сенаторовъ, являвшихся рѣдко къ присутствію въ полномъ составѣ и—почти всегда въ неполномъ

Для постановленія частнаго опредѣленія въ изучаемую эпоху достаточно было присутствія одного сенатора, но для слушанія апелляціонныхъ дѣлъ требовалось по крайней мѣрѣ наличность двухъ. Такой порядокъ можно прослѣдить по сенатскимъ журналамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, 5 мая 1765 г, въ засѣданіе второго департамента прибылъ, значится въ журналѣ, одинъ Василій Ивановичъ Суворовъ; при немъ слушались доклады экспедиціи о колодникахъ, именной указъ о томъ, какъ поступать съ малолѣтними преступниками, но апелляціонныхъ дѣлъ среди докладовъ не было [1]). Между тѣмъ, въ журналѣ 3 іюня того-же года, въ присутствіи Суворова и Козловскаго, таковыя дѣла докладывались [2]). Въ томъ-же году августа 2 прибылъ одинъ Козловскій, и въ журналѣ помѣчено: „За несобраніемъ другихъ господъ сенаторовъ апелляціонныхъ дѣлъ не слушано“ [3]). Тотъ-же Суворовъ присутствовалъ одиночно 13 марта 1768 г., и въ журналъ занесено тоже самое: „За несобраніемъ прочихъ господъ сенаторовъ апелляціонныхъ дѣлъ не слушано“, Однако, тотъ-же Суворовъ 4 іюля 1765 г, постановилъ частное опредѣленіе о взносѣ изъ

---

[1]) А М Ю Журналы и протоколы 2 д—на Сената.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid

Юстицъ-Конторы въ Сенатъ дѣла калужскаго купца Алпатова, по спору его съ камергеромъ, графомъ Строгановымъ [1]). Точно также 10 іюля 1769 г., сенаторъ Камынинъ единолично постановилъ отдать обратно апелляціонную челобитную петербургскаго купца Колчина, пропустившаго апелляціонный срокъ, но не получившаго отъ генералъ-рекетмейстера своего прошенія [2]).

Итакъ, одинъ сенаторъ могъ постановлять только частныя опредѣленія, апелляціонныя же дѣла должны были разсматриваться по крайней мѣрѣ двумя. Недостававше голоса, по установившейся практикѣ, подавались отсутствовавшими позднѣе: при слѣдующемъ засѣданіи они заявляли, что согласны или несогласны съ мнѣніемъ сочленовъ и совмѣстно подписывали составленный на основаніи журнальной записи окончательный протоколъ. Такъ, напримѣръ, въ журналѣ 13 января 1770 г., въ п. 1, отмѣчено: „Докладывано по заслушанному сего генваря 11 дня экстракту изъ дѣла, взятаго изъ Вотчинной Конторы по объявленной апелляціи отставного капрала Алексѣя Ладыженскаго въ спорѣ съ отставнымъ капитаномъ Алексѣемъ Деденевымъ, о недвижимомъ Ладыженскаго дяди Ивана Ладыженскаго новгородскомъ и другихъ городовъ имѣній, причемъ господинъ сенаторъ и кавалеръ, князь Петръ Никитичъ Трубецкой объявилъ, что онъ согласенъ съ записаннымъ по тому дѣлу означеннаго числа прочихъ господъ сенаторовъ разсужденіемъ“; 11-же числа это дѣло заслушало трое сенаторовъ. Камынинъ, Козловскій и Скавронскій; точно также 25 января того-же года Скавронскій и Камынинъ въ свою очередь заявили, что по такому-же апелляціонному дѣлу, взятому изъ Вотчинной Конторы вслѣдствіе челобитья Главной соляной конторы секретаря Казаринова, они согласны съ мнѣніемъ по тому дѣлу прочихъ членовъ Сената, слушавшихъ экстрактъ; этихъ же тогда было только двое: Козловскій и Трубецкой, но протоколъ по челобитной Казаринова подписанъ какъ присутствовавшими при

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid

слушаніи самого дѣла—Козловскимъ и Трубецкимъ, такъ и отсутствовавшими Скавронскимъ и Камынинымъ [1]). Отсутствіе подписи на упомянутомъ протоколѣ пятаго сенатора Суворова объясняется временнымъ Высочайшимъ порученіемъ, прервавшимъ его посѣщенія Сената и участіе въ сенатскихъ дѣлахъ.

Къ составленному канцеляріей экстракту прилагалась выписка изъ соотвѣтствующихъ законовъ. Въ день засѣданія стороны приглашались въ собраніе департамента Сената, и причемъ ихъ спрашивали, по прочтеніи имъ экстракта со справками и приложеніями, довольны-ли они прочитаннымъ, не желаютъ-ли чѣмъ-нибудь дополнить докладъ и не имѣютъ-ли основаній къ отводу судей. Въ 1760 г., по поводу подобной повѣрки доклада, сенатскимъ указомъ было постановлено, чтобы присутствовавшіе въ засѣданіи челобитчики или ихъ повѣренные, въ томъ случаѣ, если найдутъ докладъ не требующимъ измѣненій или дополненій и отвода судей не предъявятъ росписывались въ томъ собственноручно во избѣжаніе послѣдующихъ нареканій, что „яко-бы не все то обстоятельство, что въ дѣлѣ есть, читано и нѣкоторыхъ документовъ не изъяснено“ [2]). По выслушаніи доклада стороны удалялись, а Сенатъ приступалъ къ обсужденію дѣла и постановленію приговора. По пункту 4 Манифеста о раздѣленіи Сената на департаменты [3]), каждый департаментъ долженъ былъ рѣшать дѣла единогласно Разномыслящіе имѣли право представлять особое мнѣніе, послѣ чего на обязанности оберъ-прокурора лежало приводить противниковъ къ соглашенію. Отдѣльное мнѣніе обыкновенно представлялось въ письменной формѣ и, если сенаторъ на немъ настаивалъ, дѣло могло перейти въ общее собраніе [4]). Такой порядокъ единогласія въ департаментскихъ рѣшеніяхъ потерпѣлъ нѣкоторое измѣненіе въ 1772 году, когда Высочайше утвержденнымъ докладомъ генералъ-прокурора было повѣлено, что бы, если сенаторъ подастъ свое мнѣніе, но затѣмъ

---

[1]) Ibid.
[2]) П. С. З № 11151
[3]) Ib № 11989
[4]) Ib.

уйдетъ изъ засѣданія, а послѣ него дѣло будетъ продолжаться и послѣдуетъ новый обмѣнъ мыслей остальныхъ членовъ Сената, вопросъ рѣшался голосами до конца присутствовавшихъ безъ переноса дѣла въ общее собраніе [1]). Нововведеніе это получилось по частному случаю. Оберъ-прокуроръ 3-го департамента, камергеръ Зиновьевъ, представилъ генералъ-прокурору, что еще до отбытія сенатора Волкова записаны были въ журналъ резолюціи по нѣсколькимъ дѣламъ; но затѣмъ по выходѣ Волкова при слушаніи двухъ протоколовъ сенаторы Ададуровъ и Тепловъ опять подвергли дѣло обсужденію, а Зиновьевъ представилъ „предложеніе“. По установившемуся обычаю Волковъ долженъ былъ дать свой отзывъ, присоединяется-ли онъ къ мнѣнію возбудившихъ новый вопросъ товарищей, или нѣтъ. Однако, несмотря на троекратное со стороны Зиновьева приглашеніе высказаться, Волковъ ни самъ не являлся, ни отвѣта не давалъ. Оберъ-прокуроръ въ виду задержки рѣшенія дѣла представилъ о томъ генералъ-прокурору, а тотъ доложилъ Императрицѣ въ формѣ нѣкотораго общаго вопроса, чѣмъ участь голоса пятаго сенатора на будущее время была рѣшена. Екатерина утвердила мнѣніе генералъ-прокурора.

Какъ было уже указано выше, все происходившее въ засѣданіи заносилось на страницы департаментскаго журнала, который вести было предписано еще Петромъ Великимъ, и подтверждено въ 1737 г. Анной Іоанновной, а въ 1764 г. Екатериной II [3]).

Журналы велись по установленной формѣ [4]). Въ нихъ отмѣчалось, кто изъ членовъ Сената и когда прибылъ въ засѣданіе, что было докладываемо, какая послѣдовала резолюція, были-ли подаваемы отдѣльныя мнѣнія и т. п. Въ особыхъ графахъ журнала дѣлалась помѣтка о томъ, когда былъ подписанъ каждый протоколъ по заслушаннымъ дѣламъ

[1]) Ib. № 13889.
[2]) Ib. № 7194.
[3]) Ib. № 12036.
[4]) Образецъ сенатскаго журнала смотри въ Матеріалахъ для исторіи высшаго суда и т. д., № 56.

и когда посланы указы Такимъ образомъ, тогдашній журналъ въ отличіе отъ журнала судебныхъ засѣданій нашего времени соотвѣтствовалъ нынѣшнему протоколу. Нѣкоторая особенность подобной терминологіи обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ болѣе, что петровская эпоха журналъ точно также, какъ то дѣлается въ наше время, именуетъ протоколомъ, а опредѣленіе называетъ приговоромъ. Именно въ Воинскомъ уставѣ содержится въ третьей части процесса цѣлая глава, посвященная вопросу о постановленіи приговоровъ [1]; подлинныя опредѣленія петровскаго Сената сохранили это наименованіе для сенатскихъ опредѣленій. Что-же касается значенія протокола въ смыслѣ журнала, то именно въ видѣ повседневной записи онъ упоминается въ Генеральномъ регламентѣ: въ тридцать третьей главѣ названнаго памятника говорится о должности нотаріуса: „Понеже должность его чина въ томъ состоитъ, чтобы онъ при собраніи коллегіи *протоколъ держалъ*. того ради надлежитъ ему оный слѣдующимъ образомъ сочинять: прежде надлежитъ въ верху листа годъ и число написать, потомъ присутствующе члены записать, и потомъ протоколъ держать: всѣмъ приключившимся въ коллегіяхъ дѣламъ, или когда дѣло великой важности, то пространно со всѣми надлежащими обстоятельствами... записывать разговоры о важныхъ дѣлахъ, такожде записывать и то, ежели коллегіумъ о какомъ дѣлѣ большаго изъясненія требуетъ, и оное до другого времени отсрочить надлежитъ; записывать, когда члены въ голосахъ несогласны, какъ въ 6 главѣ сего регламента объявлено, и дѣло чрезъ голоса къ вершенію произвести и рѣшити надлежитъ“ [2]). Въ этомъ текстѣ вполнѣ ясно выступаетъ пониманіе слова „протоколъ“ въ петровскую эпоху. О протоколѣ въ смыслѣ, заключающемся въ приведенной выдержкѣ изъ Генеральнаго регламента, упоминается, и въ „должности“ Сената 27 апрѣля 1722 г. [3]). Даже еще въ указѣ 4 апрѣля 1712 г повелѣвается: „Для лучшаго порядка какъ

[1]) Глава V
[2]) П С. З № 3534
[3]) Ibid № 3978

въ Сенатѣ, такъ и въ войскахъ и въ губерніяхъ всѣмъ дѣламъ чинить протоколы, когда какое дѣло рѣшить, или какой указъ куда послать, или что вновь постановить, а безъ того отнюдь не дерзать никому, кто-бъ какой шаржи ни былъ [1]). Итакъ, никакого сомнѣнія быть не можетъ, что Петръ, вводя у насъ слово „протоколъ", понималъ его въ современномъ точномъ значеніи, между тѣмъ уже почти тотчасъ послѣ его смерти это новое выраженіе по чему-то начинаетъ быть понимаемымъ иначе и, слѣдовательно, измѣняетъ свой смыслъ.

Какъ объяснить явленіе подобнаго рода? Повидимому, оно сложилось слѣдующимъ образомъ. Какъ удостовѣряетъ г. Петровскій [2]), въ эпоху Петра веденіе протоколовъ въ началѣ прививалось очень туго, но къ концу царствованія все-таки укрѣпилось. Съ учрежденіемъ Верховнаго тайнаго совѣта, конечно, дѣлопроизводство въ немъ должно было принять обще установившіяся канцелярскія формы.

Согласно „Мнѣнію не въ указъ" самого Верховнаго тайнаго совѣта, предсѣдательство въ Совѣтѣ принадлежало императрицѣ, которая, якобы, сама управляла государствомъ при помощи Совѣта [3]), поэтому, по „Мнѣнію не въ указъ", Совѣтъ ни въ какомъ случаѣ не могъ считаться въ качествѣ „особливаго коллегіума". Если же онъ не былъ коллегіей, а только собраніемъ довѣренныхъ лицъ императрицы, то, конечно, съ правовой точки зрѣнія, онъ и не могъ постановлять приговоровъ, какъ остальныя коллегіи. Его значеніе было чисто фактическое, но въ силу высочайшаго предсѣдательства въ такомъ собраніи, облеченномъ исключительнымъ довѣріемъ монарха людей, ихъ совокупное мнѣніе, занесенное въ протоколъ, фактически получало значеніе приговора. Не даромъ съ протокола Совѣта Степанову поручалось разсылать указы въ подлежащія присутственныя мѣста. Отсюда и получилось смѣшеніе старыхъ петровскихъ

[1]) Ib. № 2791.
[2]) Сенатъ въ царствованіе Петра Великаго, стр. 341.
[3]) С. Р. И. О. т. LV, стр. 93

понятіи, закрѣпленное „Мнѣніемъ не въ указъ“, которое въ 6 п гласитъ: „Въ тайномъ совѣтѣ надобно два протокола держать, одинъ образомъ журнала, который подписывать не надлежитъ; другой же о учиненныхъ въ тайномъ совѣтѣ резолюціяхъ и опредѣленіяхъ, который тайному совѣту закрѣплять“!

Смѣшеніе протокола съ приговоромъ, происшедшее въ Совѣтѣ, вполнѣ понятнымъ образомъ отразилось и на Сенатѣ, гдѣ оно, для единства терминологіи, уже было введено законодательнымъ актомъ. Именно, въ п. 14 именного указа о должности Сената [1]), говорится: „Дѣла, которыя имѣютъ быть рѣшены въ Сенатѣ, подъ оными протоколы закрѣплять всему Сенату, и съ нихъ для дѣйствія, куда надлежитъ, посылать указы и промеморіи за скрѣпою Оберъ-Секретаря“. Упомянутый указъ 7 Марта 1726 г, представляетъ собою нѣсколько измѣненное повтореніе подобнаго же указа 27 Апрѣля 1722 г. [2]), но съ приведеніемъ его въ соотношеніе съ правами вновь созданнаго высшаго установленія Между прочимъ, 14 п. перваго указа соотвѣтствуетъ по содержанію п 8 петровскаго, который былъ изложенъ такимъ образомъ: „Дѣла государственныя, которыя имѣютъ быть рѣшены въ Сенатѣ, подъ оными сентенціи закрѣплять всему Сенату, и съ нихъ для дѣйствія, куды надлежитъ, указы посылать за подписаніемъ сенатскаго оберъ-секретаря“. Итакъ, указъ эпохи Екатерины I замѣнилъ въ петровскомъ только одно слово „сентенція“ словомъ: „протоколъ“, и выпустилъ прилагательное „государственныя“, полагая, что съ учрежденіемъ Совѣта государственныя дѣла по преимуществу будутъ разсматриваться въ этомъ собраніи, а не въ Сенатѣ. Этимъ новымъ указомъ о сенатской должности было узаконено извращенное пониманіе петровскаго протокола и въ отношеніи Сената, но такъ какъ необходимость въ записи дневной оставалась по прежнему, то ей и присвоено было наименованіе журнала.

Въ эпоху Екатерины II старая терминологія, касавшаяся

---

[1]) П. С. З. № 4847
[2]) Ibid. № 3978

главнѣйшихъ документовъ сенатскаго дѣлопроизводства сохранилась, причемъ какъ журналы, такъ и протоколы, подписывались сенаторами съ тѣмъ лишь различіемъ, что на протоколахъ требовались принципіально подписи всѣхъ сенаторовъ, а на журналахъ, по указу 4 Февраля 1764 года, только тѣхъ, кто присутствовалъ въ засѣданіи въ день подписанія [1]).

§ 9. Вниманіе къ апелляціонной практикѣ Сената самой императрицы.

Если дѣло не разрѣшалось согласнымъ приговоромъ Департаментскихъ сенаторовъ, то оно переходило въ общее собраніе; если и тамъ не достигалось единогласія или оказывался недостатокъ, неполнота, неясность закона, то составлялся генералъ-прокуроромъ или самимъ Сенатомъ, смотря по поводу, всеподданнѣйшій докладъ.

Императрица была далека отъ того, чтобы и послѣ сенатской реформы совершенно отстраниться отъ участія въ разсмотрѣніи гражданскихъ и вообще апелляціонныхъ сенатскихъ дѣлъ. Къ тому имѣлись многія основанія: съ одной стороны къ подобному вмѣшательству принуждалъ самый порядокъ, заведенный и узаконенный въ реформированномъ Сенатѣ, съ другой требовалъ участія верховной власти въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ хаосъ несогласованныхъ другъ съ другомъ безчисленныхъ указовъ, регламентовъ и проч., и, наконецъ, самый Сенатъ съ его традиціями, съ его запущенной апелляціонной недоимкой пока еще не внушалъ къ себѣ полнаго довѣрія и потому не могъ быть всецѣло предоставленъ самому себѣ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ сохранились образцы всеподданнѣйшихъ генералъ-прокурорскихъ докладовъ по разногласію въ общемъ собраніи Сената [2]).

Насколько сама Екатерина интересовалась дѣломъ апелля-

[1]) П. С. З. № 12036.
[2]) Ib. № 12140.

ціоннаго правосудія можно видѣть изъ тѣхъ именныхъ указовъ, при которыхъ частныя челобитныя препровождались на разсмотрѣніе въ Сенатъ. Этими указами императрица иногда, не взирая на состоявшійся сенатскій приговоръ, постановляла по дѣлу свое личное рѣшеніе. Такъ, напримѣръ, 19 Февраля 1764 г. второй департаментъ слушалъ именной указъ по дѣлу вдовы поручика Милоховой съ коллежскимъ ассесоромъ Теряевымъ. Дѣло началось въ 1737 г. и производилось въ Казанской и Петербургской губернскихъ канцеляріяхъ, въ Юстицъ-Коллегіи и Конторѣ ея и дважды разбиралось въ Сенатѣ, но по разсмотрѣніи его императрицей все-таки оказалось рѣшеннымъ не по законамъ и потому требовало пересмотра. Екатерина, чтобы сразу разсчитаться съ этимъ грустнымъ процессомъ, рѣшила разрубить гордіевъ узелъ тогдашняго россійскаго правосудія и постановила свое опредѣленіе, присудивъ спорную недвижимость Милоховой съ дѣтьми и только одинъ изъ частныхъ вопросовъ запутаннаго дѣла повелѣла разобрать Вотчинной Коллегіи [1])

Кстати сказать, видя вниманіе императрицы къ апелляціоннымъ дѣламъ, сенаторы не прочь были при случаѣ избѣжать утомительныхъ преній и обсужденія вопросовъ посредствомъ передачи сложнаго дѣла на высочайшее усмотрѣніе. Это въ свою очередь вызывало справедливое неудовольствіе Екатерины, выражавшееся въ укорительныхъ и даже гнѣвныхъ указахъ на имя генералъ-прокурора. Такъ, въ 1768 г. императрица по такому поводу писала Вяземскому [2]).

„Князь Александръ Алексѣевичъ, взнесенныя чрезъ васъ ко мнѣ апелляціонныя дѣла, по причинѣ разности голосовъ господъ присутствующихъ въ Сенатѣ, суть такой величины, что нынѣ ни время, ни возможности не имѣю оныя прочесть: ибо я и безъ того обременена весьма важнѣйшими и тяг-

---

[1]) Матеріалы для исторіи высшаго суда, № 54. См. также П. С. З., № 12193—именной указъ по дѣлу Сухово-Кобылиныхъ о раздѣлѣ имѣнія между тетками и племянницами, при чемъ Екатерина также уничтожила состоявшееся въ 1756 г. сенатское рѣшеніе и постановила свое собственное.

[2]) П. С. З., № 13083.

чаниями сихъ партикулярныхъ дѣлъ, въ коихъ Я конечно ни труда, ни здоровья не жалѣю. Но какъ иногда человѣческая отъ медленія претерпѣть могутъ, то объявите господамъ присутствующимъ въ Сенатѣ, чтобы изволили взять трудъ на себя. Мнѣ въ облегченіе, согласиться между собою оканчать сіи дѣла по законамъ и по справедливости; а если за чѣмъ по законамъ оканчать нельзя, то бы по краткимъ докладомъ требовали отъ Меня изъясненія или положенія на казусы".

Вяземскій, а съ нимъ и подчиненные ему оберъ-прокуроры и до приведеннаго указа старались не выпускать дѣлъ изъ департаментовъ, понимая, что большее число лицъ въ общемъ собраніи труднѣе привести къ единомыслію, нежели незначительное по департаментамъ. Такъ, когда еще въ февралѣ 1766 г. второй департаментъ по иску фельдмаршала Бестужева-Рюмина съ Брянчаниновой и Веймарна въ виду возникшихъ сомнѣній о томъ, не будетъ-ли разсмотрѣніе иска перерѣшеніемъ дѣла, постановилъ передать дѣло въ общее собраніе, оберъ-прокуроръ Всеволожскій протестовалъ противъ такого постановленія. Докладывая дѣло общему собранію, Вяземскій въ свою очередь заявилъ, что по его мнѣнію весь вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ департаментѣ и вѣдѣнію общаго собранія не подлежитъ. Сенатъ согласился съ генералъ-прокуроромъ [1])

Точно также въ томъ же 1766 г второй департаментъ слушалъ донесеніе, присланное генералъ-прокурору прокуроромъ Суднаго приказа Хвощинскимъ по поводу рѣшенія приказомъ дѣла о духовной майора князя Долгорукова.

Приказъ большинствомъ голосовъ постановилъ „изслѣдовать" подлинность подписи завѣщателя, прокуроръ, признавая необходимымъ „произвести судъ", протестовалъ и довелъ о томъ до свѣдѣнія своего начальника Присутствовавшіе въ день доклада донесенія сенаторы Уваровъ и Трубецкой пришли къ тому убѣжденію, что такъ какъ Судный приказъ находится „подъ апелляціей Юстицъ-Коллегіи", то дѣло и должно туда поступить на разсмотрѣніе по инстанціи, а потомъ уже

[1]) Матеріалы. №№ 81, 82, 83.

подвергнуться обсужденію въ Сенатѣ. Скавронскій не согласился съ такимъ заключеніемъ и доказывалъ, что такъ какъ именнымъ указомъ, предписывавшимъ Судному приказу рѣшить дѣло Долгорукова, повелѣвалось въ случаѣ сомнѣнія обратиться къ императрицѣ, то вслѣдствіе происшедшихъ разногласій дѣло подлежитъ передачѣ на Высочайшее усмотрѣніе. Однако, такъ какъ въ дѣйствительности приказъ ни въ какія сомнѣнія при разсмотрѣніи дѣла не вдавался и „мнѣніе“ Скавронскаго основывалось на невѣрномъ представленіи съ его стороны существа дѣла, то представлять тяжбу наслѣдниковъ самой Екатеринѣ было вполнѣ неосновательно. Поэтому Всеволожскій употребилъ всѣ усилія и, наконецъ, убѣдилъ Скавронскаго отказаться отъ поданнаго имъ мнѣнія, вслѣдствіе чего дѣло закончилось въ департаментѣ [1]). Несмотря на примѣры такой согласительной дѣятельности сенатской прокуратуры, всегда добиться желаемаго ей не удавалось, а потому появился вышеприведенный указъ Екатерины, въ еще болѣе рѣзкой формѣ подтвержденный въ январѣ 1771 г. по слѣдующему поводу

Въ третій департаментъ Сената поступили четыре апелляціонныхъ жалобы на гетманскія рѣшенія. Относительно порядка разсмотрѣнія ихъ произошло разногласіе. Сенаторы Волковъ и Ададуровъ полагали, что челобитныя можно принять къ производству, а Тепловъ доказывалъ, что апелляціонный срокъ минулъ и потому челобитныя вниманія не заслуживаютъ. Дѣло перешло въ общее собраніе, а оттуда за разномыслемъ къ императрицѣ. Екатерина положила такую резолюцію [2]):

„Малороссійскія правы ясны, опредѣленіе сенатское 24 сентября 1767 г. еще яснѣе. Мой указъ 1768 года 21 марта весьма же не теменъ, и Мое о сей матеріи мнѣніе довольно извѣстно Сенату; соглашать же спорющихся, по законамъ, есть дѣло генералъ-прокурора. Итакъ, Я, потерявъ цѣлое утро, котораго каждая минута для меня дорога, на такое

[1]) Ibid. №№ 84, 85, 86, 87.
[2]) П. С. З., № 13555.

дѣло, кое и безъ меня по законамъ рѣшить можно было, отсылаю оное обратно, дабы Сенатъ окончалъ оное по вышеписанному безъ Меня". Такимъ образомъ косвенно генералъ-прокуроръ получилъ официальный выговоръ изъ за упорства и настойчивости сенаторовъ.

Въ случаяхъ же очевиднаго недостатка закона Екатерина не затрудняла Сенатъ даже въ томъ случаѣ, если узнавала о подобномъ пробѣлѣ не изъ сенатскаго или генералъ-прокурорскаго доклада, а какимъ либо другихъ путемъ. Такъ, въ февралѣ 1765 г. Сенатъ слушалъ именной указъ по тяжбѣ наслѣдниковъ покойнаго оберъ-маршала Шепелева, оставившаго завѣщаніе, составленное не по формѣ и утвержденное словесно объявленнымъ повелѣніемъ императрицы Елизаветы. По именному указу, дѣло разсматривалось въ Юстицъ-Конторѣ, и оттуда былъ прямо сдѣланъ докладъ государынѣ въ смыслѣ недѣйствительности воли покойнаго. Противная сторона подала челобитную на высочайшее имя, и Екатерина приняла дѣло по своему разсмотрѣнію въ виду отсутствія на данный вопросъ точнаго закона. Въ отношеніи внѣзаконности шепелевскаго процесса императрица сослалась на три момента: на то, что 1) „указы словесные покойной тетки Е. И. В., какъ Ея Величеству самимъ изъ многихъ дѣлъ тогдашнихъ извѣстно, приниманы были за дѣйствительные и что форма сія исходящихъ отъ нея повелѣній присвоена была ею напослѣдокъ по слабости ея здоровья за необходимою; слѣдовательно, ежели отставить словесную ея конфирмацію духовной оберъ-маршала Шепелева, то и во многихъ дѣлахъ, которыя на такихъ же указахъ основаніе свое имѣютъ, послѣдуетъ замѣшательство; 2) оставшееся оберъ-маршала Шепелева имѣніе есть не родовое, но собственно имъ благопріобрѣтенное, о которомъ въ правахъ Е. И. В. точнаго *размичія отъ родоваго еще не постановлено* [1]) и для того по природному Е. И. В. правосудію Ея Вели-

[1]) Объ исторіи установленія различія въ имуществѣ родовомъ и благопріобрѣтенномъ см. у К. П. Побѣдоносцева Курсъ гражданскаго права, ч. I, стр. 48.

чество на сей случай и сіе обстоятельство во уваженіе пріемлетъ; 3) покойный оберъ-маршалъ Шепелевъ въ такомъ случаѣ, когда онъ по бездѣтству своему видѣлъ, что его благопріобрѣтенное имѣніе по законамъ въ раздѣлъ остаться должно, сдѣлалъ объ ономъ завѣщаніе при свидѣтеляхъ и, уповая какъ на предстательство ихъ тогдашное къ покойной императрицѣ, такъ и на свои долголѣтнія заслуги, довольствовался симъ распорядкомъ къ отличному награжденію послѣ себя тѣхъ, кто въ жизни его ближайшіе ему были“ [1]).

Екатерина своею властью утвердила духовную Шепелева, о чемъ было сообщено Сенату для надлежащаго исполненія. Слѣдовательно, въ вопросахъ изъятія изъ общаго порядка императрица твердо проводила мысль о подзаконности Сената, который могъ рѣшать дѣла самостоятельно только тогда, когда по разсматриваемому имъ вопросу имѣлись точныя узаконенія

Несмотря, однако, на ясно указанную подзаконность Сената уже въ самомъ манифестѣ о раздѣленіи его на департаменты, въ первое время Сенатъ пытался по старому, подъ видомъ всеподданнѣйшаго доклада, устанавливать не только судебное рѣшеніе—юридическую норму на данный случай, но и нормы болѣе общаго характера. Это видно, между прочимъ, изъ дѣла о раздѣлѣ недвижимаго имущества, оставшагося послѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лобкова [2]). Наслѣдниками Лобкова явилась вдова его съ дѣтьми и пасынками. Вдова въ 1763 г. подала въ Сенатъ челобитную, въ которой жаловалась на Вотчинную коллегію за то, что коллегія дѣлитъ недвижимость между наслѣдниками десятину черезъ десятину и дворъ черезъ дворъ, давая такимъ образомъ поводъ возникновенію среди наслѣдниковъ вражды, отъ которой должны были страдать крестьяне и кредиторы покойнаго. Поэтому Лобкова ходатайствовала, чтобы наслѣдственную „недвижимость раздѣлить къ однимъ мѣстамъ“, а

---

[1]) Матерьялы, № 71.

[2]) Архивъ Министерства Юстиціи, книга № 1/4902. Дѣла 2-го департ.

дома и петербургское загородное мѣсто продать для покрытія долговъ наслѣдодателя.

Сенатъ по приведенной челобитной постановилъ: „вслѣдствіе вышеписаннаго именнаго Е. И. В. 1742 года, октября 16 дня, указа [1]) помянутой вдовѣ Лобковой въ продажу оставшихся послѣ мужа ея дворовъ и загороднаго дворового мѣста на оплату онаго мужа ея долговъ за освидѣтельствованіемъ того долгу отъ Юстицъ-Коллегіи или ея Конторы и за присмотромъ оныхъ-же мѣстъ и предписанныхъ родственниковъ тѣхъ малолѣтнихъ дѣтей позволить и о томъ въ Юстицъ-Коллегію и оной Контору послать указы". Что же касается раздѣла оставшейся недвижимости между малолѣтними наслѣдниками, „къ однимъ мѣстамъ", то, хотя Сенатъ и усматривалъ въ такомъ раздѣлѣ пользу наслѣдниковъ, но постановить въ этомъ смыслѣ рѣшенія возможнымъ не нашелъ въ виду того, что подобное дѣленіе предусматривалось указомъ 1725 г. только въ отношеніи совершеннолѣтнихъ вотчинниковъ. Поэтому составленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ Сенатъ, изложивъ свое мнѣніе, о томъ что ходатайство Лобковой по справедливости подлежитъ удовлетворенію, представлялъ о желательности, чтобы на будущее время опекуны въ такомъ-же положеніи находящихся малолѣтнихъ имѣли право производить раздѣлъ „къ однимъ мѣстамъ", съ вѣдома Вотчинной Коллегіи или ея Конторы.

На подлинномъ докладѣ императрица помѣтила собственноручно: „Оной Лобковой просимый ею раздѣлъ недвижимаго умершаго мужа ея имѣнія подъ присмотромъ Вотчинной Коллегіи или ея Конторы въ докладѣ прописанной симъ дозволяется, а что о таковыхъ и впредь раздѣлахъ учинить и на будущее время представленное точное узаконеніе, то о семъ отложить до разсмотрѣнія сочиняемаго новаго уложенія и тогда разсмотрѣніе о семъ пунктѣ учинить". Такимъ образомъ въ вѣжливой формѣ императрица дала понять Сенату, что дѣло законодательства ему не принадлежитъ, хотя въ данномъ слу-

[1]) П. С. З. № 8637.

чаѣ Сенатъ осуществлялъ право законодательной инициативы по петровскимъ порядкамъ, принадлежавшее нѣкоторымъ присутственнымъ мѣстамъ и помимо Сената [1]). Повидимому, въ дѣлѣ Лобковой Екатерина приводила чистоту принципа сенатской подзаконности въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова. Однако, и въ 1768 г. Сенатъ снова пытался возбудить законодательный вопросъ по частному дѣлу князя Енгалычева и Сабуровой. На этотъ разъ, самъ генералъ-прокуроръ, предложилъ Сенату не утруждать государыню безъ необходимости, а Вотчинной Коллегіи на будущее время вообще руководиться даннымъ рѣшеніемъ Сената въ аналогичныхъ случаяхъ [2]).

Наученнымъ опытомъ неудачныхъ поползновеній, позднѣе Сенатъ самъ началъ подчеркивать свою подзаконность и подчиненность именнымъ указамъ и регламентамъ даже въ случаѣ прямыхъ высочайшихъ повелѣній, обращенныхъ со стороны верховной власти, и предоставлявшихъ ему право ad hoc выходить изъ установленныхъ рамокъ.

Въ такомъ почтительномъ упорствѣ можно убѣдиться, напримѣръ, изъ вопіющаго по своему содержанію дѣла капитана Творогова, уже осужденнаго, во всѣхъ инстанціяхъ, но успѣвшаго обратить на свою судьбу вниманіе Екатерины. Твороговское дѣло дѣйствительно заслуживало вниманія. Оно принадлежало къ разряду не общегражданскихъ, которыми завалился Сенатъ, а болѣе исключительныхъ—уголовныхъ. Обстоятельства его заключались въ слѣдующемъ.

Въ 1749 г. капитанъ Твороговъ былъ уволенъ своимъ начальствомъ въ отпускъ и, пріѣхавъ домой, завелъ тяжбу съ однодворцами Переверзевыми по поводу причиненныхъ ими убытковъ сельскому хозяйству Творогова. Возражая истцу, глава семьи Переверзевыхъ обвинилъ капитана въ нанесеніи Переверзеву сыну смертельныхъ побоевъ и на то жаловался прибывшему тогда въ Курскъ генералъ-майору Лукину,

[1]) См Регламентъ Главнаго магистрата, гл. X, о полицейскихъ дѣлахъ. П. С. 3, № 3708.

[2]) Журналы и протоколы Общаго Собранія Сената отъ 21 февраля 1768 г. въ Архивѣ Мин. Юстиціи

который немедленно по этой жалобѣ приказалъ арестовать Творогова. Въ это время, однако, Твороговъ уже уѣхалъ въ свой полкъ. Не принимая никакихъ обстоятельствъ во вниманіе, Лукинъ объявилъ его бѣглымъ и приказалъ арестовать въ самомъ полку, по праву главнаго начальника, такъ какъ въ этотъ моментъ онъ заступилъ мѣсто генерала Шипова, начальствовавшаго въ округѣ; затѣмъ Лукинъ представилъ высшему мѣстному начальству, генералу Бисмарку, о необходимости судить Творогова за несомнѣнное убійство военнымъ судомъ. Какъ разъяснилось позднѣе, новый окружной начальникъ находился въ свойствѣ съ нѣкимъ майоромъ Вергуновымъ, съ которымъ Твороговъ имѣлъ несчастіе тягаться по дѣлу о завладѣніи земли; по этой-то причинѣ почтенный генералъ и рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы утопить строптиваго капитана. Твороговъ въ свою очередь объяснилъ Бисмарку, что дѣло его начато имъ самимъ въ гражданскомъ судѣ, и что Переверзевы безъ точныхъ доказательствъ возвели на него свое обвиненіе. Бисмаркъ распорядился, было, на основаніи твороговскаго заявленія, передать дѣло гражданскому суду, но Лукинъ, не исполняя приказанія начальства, увѣдомилъ Бисмарка, что всѣ заинтересованныя лица уже поѣхали къ военному суду и потому въ немъ и удобнѣе привести къ окончанію процессъ Бисмаркъ не сталъ особенно противиться, и дѣло получило желательное для Лукина направленіе. Несмотря на существованіе точныхъ законовъ, устранявшихъ въ данномъ случаѣ военную подсудность Творогова, въ виду настойчивости и личнаго пристрастнаго свидѣтельства Лукина о совершенномъ будто-бы Лукинымъ убійствѣ и о дурныхъ качествахъ представляемаго къ суду офицера, Твороговъ попалъ подъ слѣдствіе, причемъ Лукинъ постарался, чтобы обвиняемому приписали также будто-бы не по командѣ поданную жалобу генералу Бисмарку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, свойственникъ обиженнаго Твороговымъ майора, въ качествѣ военнаго начальства, предписалъ члену слѣдственной коммиссіи, полковнику Юсту, считать убійство уже доказаннымъ до слѣдствія и съ Твороговымъ обращаться не какъ съ офицеромъ, но какъ съ убійцей.

Дѣло продолжалось; на слѣдствіи Твороговъ показалъ, что одного изъ Переверзевыхъ, пойманнаго въ кражѣ съ поличнымъ, онъ дѣйствительно билъ кнутьями, но тотъ тогда ушелъ отъ него и, слѣдовательно, забитъ не былъ Слѣдственная комиссія точно также не выяснила виновности обвиняемаго въ убійствѣ, но тѣмъ не менѣе, за убійство и ослушаніе приказаній командира, присудила его къ смертной казни. Генералъ-аншефъ графъ Салтыковъ, разсматривавшій дѣло Творогова въ высшей инстанціи по командѣ, состава убійства не призналъ, но за воинскія преступленія (ослушаніе и проч.) приговорилъ виновнаго къ разжалованію въ солдаты безъ выслуги. Военная коллегія это послѣднее рѣшеніе утвердила. Дѣло дошло до Сената, но и тамъ не имѣло благополучнаго исхода. Прошло много, лѣтъ пока, наконецъ, Творогову не удалось подать прошеніе Екатеринѣ, которая и предписала Сенату пересмотрѣть все дѣло заново и рѣшить его по законамъ. Сенатъ призналъ Творогова невинно потерпѣвшимъ и заслуживающимъ возведенія въ прежнее офицерское званіе съ награжденіемъ потеряннымъ жалованьемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, всеподданнѣйше представилъ императрицѣ, что по ея же именному указу 19 іюля 1762 г. онъ не можетъ перерѣшать имъ уже законченнаго дѣла, а потому и возстановленіе Творогова въ правахъ зависитъ отъ высочайшей власти, такъ какъ всѣ милости исходятъ отъ нея [1]).

Итакъ, несмотря на именной специальный указъ, въ данномъ случаѣ Сенатъ отказался выполнить волю Императрицы, ссылаясь на ея повелѣніе общезаконодательнаго характера. Екатерина не спорила и именнымъ указомъ вернула Творогову и утраченные чины, а о неполученномъ за пятнадцать съ лишнимъ лѣтъ капитанскомъ жалованьѣ приказала Сенату представить особую справку съ соотвѣтственными законами.

---

[1]) Матеріалы №№ 80 и 88

§ 10. Жалобы на Сенатъ и неясное пониманіе термина „апелляція" нѣкоторыми присутственными мѣстами.

Сенатъ, на точномъ основаніи закона, въ твороговскомъ дѣлѣ отказался отъ пересмотра имъ уже рѣшеннаго вопроса, но, какъ доказывать этотъ самый процессъ Творогова и многіе другіе, сенатскія постановленія и въ прошломъ и въ настоящемъ не всегда были непогрѣшимы и потому, внѣ всякаго сомнѣнія, нуждались въ коррективѣ. Эта необходимая поправка и заключалась въ правѣ обжалованія сенатскаго рѣшенія въ опредѣленный срокъ верховной власти. Спеціальнаго узаконенія относительно срока жалобъ на Сенатъ, повидимому, не существовало, но его можно опредѣлить по частному именному указу, данному Екатериной Сенату 13 сентября 1769 г. Въ пунктѣ 3-мъ этого указа по поводу нѣсколькихъ челобитныхъ на сенатскія рѣшенія императрица говоритъ [1]): „Поданную же Намъ челобитную отъ прапорщика Квашнина, которою онъ показываетъ себя къ сему вышеписанному недвижимому имѣнію послѣ Анны Матвѣевой, дочери Коликовскаго, ближайшимъ наслѣдникомъ, отставить; ибо онъ объ ономъ ни на прежнее рѣшеніе Вотчинной коллегіи, ни на послѣднее сенатское въ положенный срокъ по силѣ 1762 г. Іюля 30 дня указа не просилъ, а тѣмъ и права своего лишился". Итакъ въ отношеніи срока обжалованія сенатскихъ рѣшеній императрицы ссылалась на свой указъ 1762 г. объ общемъ порядкѣ апелляціи. Въ указѣ 30 Іюля, однако, о срокахъ жалобъ на рѣшенія Сената ничего не говорилось; тамъ упоминался лишь общій срокъ жалобъ на приговоры коллегій и другихъ мѣстъ, непосредственно подчиненныхъ Сенату. Слѣдовательно изъ именного указа 13 Сентября 1769 г. нужно признать, что, по мнѣнію Екатерины, этотъ общегодовой срокъ распространялся или отнынѣ долженъ былъ быть распространенъ и на сенатскую практику. Для разсмотрѣнія жалобъ на Сенатъ Екате-

[1]) П. С. З., № 13354.

рина послѣ 1768 г образовала особое при себѣ присутствіе (С. П О. т. 10, стр. 276)

Апелляція на рѣшенія нижнихъ мѣстъ въ Сенатъ, допускалась по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, которые сами по себѣ не должны были по инстанціи поступать на ревизію Сената

О послѣднемъ обстоятельствѣ, пожалуй, не стоило бы вовсе упоминать, если бы только въ этомъ отношеніи невыработанная юридическая терминологія восемнадцатаго столѣтія не вводила иногда въ нѣкоторое заблужденіе не только мѣстныя, но даже центральныя учрежденія, какими были, напримѣръ, коллегіи. Заблужденіе же это заключалось въ томъ, что неоднократно возникало сомнѣніе, всѣ ли дѣла безъ различія подлежатъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ, или только одни „истцовыя“? Такое сомнѣніе крылось въ разнорѣчіи текста извѣстнаго петровскаго указа о формѣ суда [1]), съ сепаратными указами: Военной коллегіи отъ 30 Ноября 1724 г „О имѣніи во всѣхъ командахъ для содержанія Фергеровъ и Кригсрехтовъ прошивныхъ тетрадей шнуромъ и за печатью и о дачѣ срока отвѣтчикамъ токмо въ исковыхъ дѣлахъ“ [2]) и именнымъ—„о различіи штрафовъ и наказаній за государственныя и партикулярныя преступленія отъ 5 февраля того же года“ [3]).

Именно, въ Указѣ о формѣ суда значилось: „Понеже о формѣ суда многіе указы прежде были сочинены, изъ которыхъ нынѣ собрано, и какъ судить надлежитъ, тому форма яснѣе изображена, по которой во всякихъ дѣлахъ, какого бы оныя названія ни были [4]), исполнять должно, а не по старымъ о томъ указамъ, ибо въ судахъ много даютъ лишняго говорить и много ненадобнаго пишутъ, то весьма запрещается, *и нынѣ не подлежитъ различать (какъ прежде бывало), одинъ судъ, другой—розыскъ, но токмо одинъ судъ*, и судить слѣдующимъ образомъ: 1) какъ челобитныя, такъ и

---

[1]) П. С. З., № 4344

[2]) Ib, № 4607

[3]) Ib, № 4460.

[4]) За исключеніемъ „измѣны, злодѣйства или слово противныхъ на Императорское Величество и Е В Фамилію и бунтъ“.

дополненія писать пунктами, такъ чисто, дабы что писано въ одномъ пунктѣ, въ другомъ бы того не было, и *когда время придетъ суда, тогда заготовить двѣ тетради*, прошивныя шнуромъ и оной запечатать и закрѣпить секретарю по листамъ, *изъ которыхъ на одной писать отвѣтчиковъ отвѣтъ, на другой истцовы или доносителевы улики*".

Итакъ, указъ устанавливалъ на будущее время, по всѣмъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ о злодѣйствѣ и Величествѣ состязательный процессъ. Но уже въ ноябрѣ 1724 г. Военная коллегія, по новому особому указу Петра, постановила: „Въ Санктпетербургскій гарнизонъ и во всѣ команды послать Е. И. В. указы, въ которыхъ написать, чтобъ по вышеписанной формѣ (формѣ суда) для содержанія фергеровъ и кригсрехтовъ имѣли прошивныя тетради шнуромъ и за печатью и за закрѣпою по листамъ секретаря или аудиторской, или кто отправлять будетъ за аудитора, *а срокъ по той формѣ давать отвѣтчикамъ токмо въ истцовыхъ между ими въ партикулярныхъ дѣлахъ, окромѣ фискальскихъ и доносителей доношеній, которыя касаются до интересу Е. И. В., понеже въ той формѣ упоминается болѣе о челобитчикахъ и отвѣтчикахъ*". Слѣдовательно, приведенный указъ изъималъ еще одну часть дѣлъ изъ подъ дѣйствія формальнаго состязательнаго процесса, считая его приноровленнымъ болѣе къ „партикулярнымъ" отвѣтчиковымъ и истцовымъ дѣламъ.

Для того же, чтобы понять значеніе словъ дѣла партикулярныя, нужно принять въ соображеніе еще ранѣе 5 февраля того же 1724 г. состоявшійся именной указъ о наказаніи естественной или политической смертью неправедныхъ судей. Устанавливая это суровое взысканіе указъ 5 февраля пытался опредѣлить различіе между партикулярными и государственными преступленіями и въ „экспликаціи на пунктъ, за государственныя преступленія, чего ради тяжелъ положенъ", гласилъ: „*когда кто въ своемъ званіи погрѣшитъ, то бѣду нанесетъ всему государству*, яко слѣдуетъ, когда судья, страсти ради какой, или похлѣбства, а особливо когда лакомства ради погрѣшитъ, тогда первое станетъ всю Коллегію тщаться въ свой фарватеръ (то есть, въ свою дорогу)

сводить, опасаясь отъ нихъ извѣта". Отсюда видно, что по мысли Петра государственнымъ преступленіемъ должно было считаться то, которое наноситъ вредъ государству, какъ цѣлому, главнымъ образомъ—преступленіе по должности; примѣръ неправеднаго судьи поясняетъ общее положеніе. Напротивъ того, въ „экспликаціи на пунктъ за партикулярныя преступленія, для чего легче" было изображено: *„Понеже кто партикулярно погрѣшитъ противъ другова* какою обидою подъ такою укрышкою, что въ судѣ дойти и познать невозможно будетъ и оную неправду судья учинитъ правдою, не вѣдая подлогу, укрытаго безо всякія страсти, *тогда только убытокъ тому, у кого отнято, а прочимъ ничего*, и для того оныхъ лукавцовъ по силѣ правъ государственныхъ по важности вины наказывать".

Изъ приведенныхъ отрывковъ явствуетъ, что подъ партикулярными преступленіями Петръ понималъ ущербъ частнымъ интересамъ въ различныхъ видахъ въ отличіе отъ ущерба или вреда общественнаго. Сопоставляя оба цитируемые указа, судьи тогдашней эпохи необходимо должны были придти къ тому выводу, что судъ по формѣ можетъ прилагаться только въ дѣлахъ гражданскихъ или и уголовныхъ, но начинавшихся по жалобѣ потерпѣвшаго; тѣ же, относительно которыхъ могъ возникнуть фискальскій доносъ, въ качествѣ преступленій противъ права публичнаго подлежали розыскному процессу на основаніи Воинскаго Устава. Въ виду приведенныхъ текстовъ позволительно было заключить, что только дѣла перваго рода въ точномъ смыслѣ слова, по петровскому законодательству, могли именоваться истцовыми и отвѣтчиковыми, прочія были доносительскія, фискальскія, интересныя, государственныя и др.

Петровскіе указы о формѣ суда съ дополненіями дѣйствовали и во времена позднѣйшія, между тѣмъ, и екатерининскій указъ 30 іюля 1762 г. объ апелляціи во вниманіе ихъ разнорѣчія не принялъ и потому въ немъ, между прочимъ, значится. „Дабы и въ семъ случаѣ прекратить происходящее затрудненіе, Высочайше повелѣваемъ: отнынѣ впредь, когда гдѣ какое дѣло рѣшено будетъ и протоколъ подписанъ, то оный тотчасъ *какъ истцу, такъ и отвѣтчику объявить*". Въ виду

того, что по смыслу болѣе раннихъ приведенныхъ петровскихъ указовъ истцы и отвѣтчики существовали и только въ „партикулярныхъ дѣлахъ“ такое положеніе, повидимому, должно было сохранится и для настоящаго времени, а отсюда слѣдовало что фискальскія, доносительскія, интересныя вообще слѣдственныя дѣйствію апелляціоннаго закона 1762 г., не подлежали.

Такой выводъ навертывался самъ собою, и его раздѣляли въ екатерининскую эпоху нѣкоторыя коллегіи и другія присутственныя мѣста. Своевременно при изложеніи субсидіарной по рекетмейстерской части дѣятельности Сената, былъ приведенъ примѣръ подобнаго толкованія указа 1762 г Магистратской конторой, которая находила, несмотря на противуположное мнѣніе генералъ-рекетмейстера, что купцу Сахарову опредѣленія по его дѣлу (интересному) объявить нельзя [1]) Такой же взглядъ при случаѣ высказала и Камеръ-контора по дѣлу вдовы капрала Бармотовой, обвиненной въ корчемствѣ [2]).

Какъ видно изъ челобитной Бармотовой, она жила послѣ смерти мужа на нынѣшней Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ и занималась печеньемъ хлѣба на продажу. Въ Крещенье 1769 г. къ Бармотовой зашли погрѣться неизвѣстные ей солдатъ и ямщикъ; за разговоромъ посѣтители между прочимъ спросили, нѣтъ ли у хозяйки праздничнаго пивца. Бармотова отвѣчала, что пива у ней немножко осталось, и подала имъ три кружки, взявъ съ нихъ за это семь копѣекъ съ половиною. Черезъ нѣсколько времени въ избу вошелъ откупной надсмотрщикъ отставной поручикъ Арцыбашевъ и, увидавъ на столѣ пиво, спросилъ, откуда оно? Солдатъ съ ямщикомъ, какъ оказалось, заранѣе имъ подосланные, отвѣчали, что пиво куплено у хозяйки. Тогда Арцыбашевъ опечаталъ найденный при обыскѣ боченокъ въ три ведра съ содержимымъ и возбудилъ дѣло о корчемствѣ. Камеръ-контора произвела разслѣдованіе и признала Бармотову виновной въ приписанномъ ей преступленіи, вслѣдствіе чего приговорила ее къ ссылкѣ въ Оренбургскую гу-

[1]) Смотри стр. 231.

[2]) Дѣло Бармотовой въ Матерьялахъ, №№ 109—112.

бернію, а до того отправила подъ стражу въ Петербургскую губернскую канцелярію. Считая рѣшеніе Камеръ-конторы неправильнымъ Бармотова ходатайствовала о переносѣ ея дѣла въ Сенатъ и при этомъ жаловалась на то, что Камеръ-Контора не соблюла требованій указа 1762 г. объ апелляціи, не позволила ей заявить свое неудовольствіе. Сенатъ распорядился послать въ Камеръ-Контору указъ съ запросомъ, почему Бармотовой не дано было апелляціи? Камеръ-Контора отвѣтила въ томъ же смыслѣ, какъ магистратская Контора по дѣлу Сахарова. Въ своемъ донесеніи Сенату она писала: „Что-жъ принадлежитъ до указу 1762 г., Іюля 30 дня, то онымъ только повелѣно, что когда гдѣ какое дѣло рѣшено будетъ и протоколъ подписанъ, то оный тотчасъ, какъ истцу, такъ и отвѣтчику, объявитъ, и списавъ за скрѣпою секретарскою, обоимъ имъ дать копіи, а чтобъ по слѣдственнымъ дѣламъ такимъ людямъ, кои окажутся виновными, а потому приговорены будутъ по точнымъ о винахъ ихъ законамъ къ какому наказанію или ссылкѣ, со учиненныхъ по тѣмъ дѣламъ рѣшительныхъ опредѣленій копіи давать съ тѣмъ, что будетъ ли тотъ приговоренный тѣмъ опредѣленіемъ доволенъ, въ означенномъ указѣ не предписано“ Сенатъ, какъ и въ дѣлѣ Сахарова, ничего принципіально не разъяснилъ Конторѣ, но предписалъ передать ему дѣло для пересмотра и, затянувъ его до 1777 г., утвердилъ приговоръ по которому Бармотова присуждалась къ ссылкѣ. Такимъ образомъ принципіальный вопросъ имъ все-таки не былъ разрѣшенъ и сомнѣнія въ толкованіи указа 1762 г. оставались неустраненными.

§ 11. Сенатъ—какъ судъ первой инстанціи.

Переходя отъ апелляціонной къ остальнымъ судебнымъ функціямъ реформированнаго Сената, необходимо замѣтить, что въ этомъ отношеніи дѣятельность какъ департаментовъ, такъ и общаго собранія мало въ чемъ измѣнилась по сравненію съ временами предшествовавшими.

Въ качествѣ первой инстанціи Сенатъ по прежнему судилъ важнѣйшія государственныя преступленія, но не въ

своемъ обыкновенномъ составѣ, а усиленномъ съ присоединеніемъ другихъ различныхъ представителей высшаго подчиненнаго управленія. Такъ, по дѣлу Мировича Сенатъ слушалъ слѣдственное производство и подавалъ „сентенцію“ вмѣстѣ съ Синодомъ, особами первыхъ трехъ классовъ и президентами коллегій [1]), точно также въ усиленномъ составѣ онъ разсматривалъ дѣло Пугачева [2]). Ходъ процесса въ Сенатѣ, какъ въ судѣ первой инстанціи, ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ общаго порядка слѣдственнаго производства: слушалось произведенное слѣдствіе, допрашивались обвиняемые.

Въ дѣлѣ Мировича генералъ-прокуроръ Сената впрочемъ сыгралъ въ процессѣ особенную роль, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію г. Бильбасова [3]), Екатерина имѣла основаніе не довѣрять нѣкоторымъ членамъ верховнаго суда и потому сдѣлала Вяземскаго органомъ надзора за каждымъ шагомъ собранія. По условіямъ слѣдственнаго процесса въ отношеніи обвиняемаго въ случаѣ необходимости могла быть употреблена и пытка. Поэтому нѣкоторые члены суда надъ Мировичемъ „приговаривали злодѣя пытать“. Подняли вопросъ о томъ представители духовенства, предложеніе которыхъ поддержалъ и баронъ Черкасовъ. Вопросъ о пыткѣ однако былъ пресѣченъ генералъ-прокуроромъ, подъ вліяніемъ Екатерины, почти въ самомъ началѣ, но, какъ правильно указываетъ г. Бильбасовъ [4]), вовсе не изъ соображеній человѣколюбія, а въ интересахъ ускоренія хода процесса. Возникшія несогласія въ судномъ собраніи волновали императрицу, и потому она желала возможно скорѣе покончить со щекотливымъ дѣломъ: что же касается принципіальной стороны, то примѣненіе пытки въ слѣдственномъ производствѣ того времени было узаконено, и въ широкихъ размѣрахъ примѣнялось въ предшествовавшія царствованія, подвергнувшись впервые серьознымъ ограниченіямъ только въ послѣдующіе годы правленія Екатерины. Поэтому активное вмѣшательство генералъ-прокурора въ

---

[1]) П. С. З., № 12241.

[2]) Ibid., № 14230.

[3]) Исторія Екатерины Второй, т. 2-й, стр. 352.

[4]) Ibid., стр. 354.

данномъ случаѣ являлось вызваннымъ особыми условіями процесса исключеніемъ; въ общемъ же порядкѣ при производствѣ Сенатомъ дѣлъ на правахъ первой инстанціи роль генералъ-прокурора ни чѣмъ не выдѣлялась изъ границъ его нормальныхъ обязанностей по надзору. Судъ надъ Хрущевымъ и Гурьевымъ производился Сенатомъ въ соединенномъ присутствіи при участіи. впрочемъ, однихъ только президентовъ коллегій, но уже безъ особаго вмѣшательства Вяземскаго [1]).

По всѣмъ такимъ дѣламъ сенатскій приговоръ представлялся для конфирмаціи верховной власти.

Вообще при отсутствіи въ разсматриваемую эпоху точныхъ узаконеній относительно компетенціи Сената въ судебномъ отношеніи, трудно установить точные предѣлы его судебной дѣятельности въ роли первой инстанціи. Предшествовавшая практика свидѣтельствовала, что Сенатъ разсматривалъ непосредственно уголовныя дѣла по должностнымъ преступленіямъ наиболѣе видныхъ представителей администраціи: губернаторовъ, вице-губернаторовъ, ихъ товарищей. Съ уничтоженіемъ Розыскной Канцеляріи на будущее время было объявлено, что если случатся впредь какія либо дѣла политическаго характера, то таковыя, „смотря по важности разсматриваемы и рѣшены будутъ въ Сенатѣ“. (П. С. З. № 11687). Изъ должностныхъ лицъ, между прочимъ, суду Сената непремѣнно подлежали представители низшей прокуратуры. Такъ, въ Регламентѣ управленія Адмиралтействъ и флотовъ было сказано: „Ежели прокуроръ въ чемъ подозрителенъ будетъ, или на онаго челобитье или доносъ будетъ, или впадетъ въ какую вину, онаго отсылать къ суду въ Сенатъ съ двумя депутатами отъ Коллегіи адмиралтейской. (П. С. З. № 12459, гл. 1, п. 17 [2]). Въ отношеніи прокуроровъ провинціальныхъ, Сенатъ вначалѣ не признавалъ ихъ исключительной подсудности и направлялъ донесенія и жалобы на нихъ въ Юстицъ-Коллегію, но по дѣлу псковскаго прокурора Бибикова, Вяземскій разъяснилъ Сенату въ 1771 г., что всѣ прокуроры судятся въ Сенатѣ.

[1]) С Р И О, т 7, стр. 173

[2]) Ср. П. С. З. № 3937 гл. I, п. 109; также ibid. № 3979, п. 3.

За Сенатомъ сохранилось право въ важнѣйшихъ случаяхъ назначать, по усмотрѣнію, слѣдствіе, при чемъ именнымъ указомъ 16 Ноября 1765 г. было прямо предписано разсматривать слѣдственныя производства въ тѣхъ департаментахъ, по указамъ которыхъ слѣдствія оказались назначенными [1]).

Изъ сенатскихъ дѣлъ видно, что такія слѣдствія назначались иногда по иниціативѣ Сената не только относительно „государственныхъ“, но и „партикулярныхъ“ преступленій, въ томъ случаѣ, если дѣло само по себѣ являлось достаточно серьознымъ, или въ немъ задѣты были какія либо требовавшія особаго вниманія къ себѣ лица.

Такъ, напримѣръ, въ 1766 г., императрица передала въ Сенатъ поданную ей челобитную отставного подпоручика Барзенкова, жаловавшагося на фельдмаршальскаго флигель-адъютанта Крюкова въ наѣздѣ его съ военной командой на деревню просителя, при чемъ произведенъ былъ грабежъ, поджоги и даже убійство одного изъ крестьянъ. Барзенковъ заявлялъ, что онъ уже подавалъ прошеніе въ Орловскую провинціальную канцелярію, но канцелярія эта не только его не защитила, но, норовя Крюкову, пострадавшихъ посадила подъ стражу. Челобитчикъ ходатайствовалъ о назначеніи спеціальной слѣдственной комиссіи по его дѣлу, и Сенатъ, согласившись съ его доводами, постановилъ, въ виду важности преступленія, отправить на мѣсто особаго слѣдователя, о чемъ и состоялся всеподданнѣйшій сенатскій докладъ. Императрица утвердила мнѣніе Сената, и въ Орловскую провинцію былъ посланъ гвардейскій капитанъ-поручикъ Озеровъ съ предписаніемъ произвести слѣдствіе и съ приложеніемъ своего о немъ заключенія представить слѣдственное производство прямо въ Сенатъ [2]).

Тѣмъ не менѣе, правило, что Сенатъ всегда самъ разсматривалъ въ первой инстанціи дѣла, по которымъ имъ назначалось слѣдствіе, далеко не выдерживалось на практикѣ и примѣнялось по преимуществу только къ дѣламъ,

[1]) П. С. З. № 12512
[2]) Матеріалы, № 79.

изслѣдуемыми особыми комиссіями или нарочно выбранными для этой цѣли отдѣльными лицами. Напримѣръ, въ 1769 г. второму департаменту оберъ-прокуроръ Всеволожскій докладывалъ дѣло по обвиненію помѣщикомъ Карауловымъ псковскаго провинціальнаго прокурора Бибикова въ злоупотребленіяхъ по должности и вымогательствѣ. Сенатъ постановилъ отослать всѣ касающіеся дѣла документы „*для изслѣдованія и поступленія по законамъ*“ въ Юстицъ-контору [1]). Точно также въ 1764 г. по жалобѣ мценскаго купца Москвитинова на воеводскаго товарища Елавицына въ лихоимствѣ и превышеніи власти [2]) Сенатъ предписалъ Бѣлгородской губернской канцеляріи произвести „противу того доношенія“ изысканіе „самыя истины“ и „по изслѣдованіи съ виннымі поступить въ силу законовъ по самой сущей справедливости“. Такихъ случаевъ много можно было бы привести изъ тогдашней практики Сената, когда высшее судилище дѣлало распоряженіе о производствѣ слѣдствія, но само отстранялось отъ непосредственнаго разсмотрѣнія его, оставляя за собой значеніе ревизующей инстанціи.

Чрезвычайной обязанностью Сената, между прочимъ, являлось разсмотрѣніе въ первой инстанціи дѣлъ о малолѣтнихъ преступникахъ, обвиняемыхъ въ убійствахъ и другихъ тягчайшихъ преступленіяхъ.

Еще въ 1744 г. по поводу высшей уголовной отвѣтственности малолѣтнихъ состоялось совмѣстное постановленіе Сената съ Синодомъ и президентами коллегій относительно того, чтобы малолѣтствомъ считать возрастъ до 17 лѣтъ и недостигшихъ этой нормы не подвергать ни кнуту, ни пыткѣ, ни смертной казни [3]) Сенатъ, обсуждавшій указанный вопросъ, между прочимъ, не по собственной иниціативѣ, какъ ошибочно полагалъ Градовскій [4]), а по специальному указу Елизаветы Петровны,

[1]) Ibid., № 101

[2]) Матерьялы № 53.

[3]) П. С. З. № 8996.

[4]) Высшая администрація, стр. 188. Въ подлинномъ указѣ значится, что „Сенатъ конферировалъ“, по силѣ Е. И. В. указа, записаннаго въ Пр. Сенатѣ въ присутствіи Е. И. В. Октября 15 прошлаго 1742 г. П. С. З. № 8996.

установилъ лѣстницу наказаній для малолѣтнихъ преступниковъ, но, кто долженъ постановлять подлежащіе приговоры, не пояснилъ. Изъ того, конечно, слѣдовало, что право разсмотрѣнія дѣлъ по преступленіямъ лицъ, не достигшихъ семнадцатилѣтняго возраста принадлежало общимъ установленіямъ; однако, и канцеляріи, и конторы и прочія присутственныя мѣста въ виду неясности приведеннаго сенатскаго указа воздерживались отъ рѣшенія дѣлъ о малолѣтнихъ колодникахъ и содержали ихъ въ тюрьмахъ „до указа". Накопленіе этихъ заключенныхъ обратило на себя надлежащее вниманіе Сената только въ началѣ 1763 года, уже въ царствованіе Екатерины, когда и было приказано во всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ только имѣлись малолѣтніе тюремные сидѣльцы, составить о нихъ обстоятельныя вѣдомости и прислать въ сенатскую Экспедицію о колодникахъ для выясненія степени виновности содержавшихся несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и опредѣленія имъ наказанія со стороны Сената [1]). То же самое предписывалось дѣлать и на будущее время.

Въ сентябрѣ того же 1763 г. Сенатъ по тремъ докладамъ Экспедиціи о колодникахъ рѣшалъ цѣлый рядъ дѣлъ, касавшихся преступленій малолѣтнихъ [2]), при чемъ приказалъ подлежащему присутственному мѣсту объ одномъ изъ преступниковъ, крестьянинѣ Герасимовѣ, представить экстрактъ съ мнѣніемъ [3]). Подъ этимъ мнѣніемъ нужно было понимать заключеніе лицъ, производившихъ предварительное слѣдствіе, какъ то всегда бывало при слѣдственномъ производствѣ. Съ этого времени въ виду указаннаго требованія Сената всѣ дѣла о малолѣтнихъ преступникахъ по преимуществу начали поступать въ Сенатъ съ подобными заключеніями, облегчавшими высшему судилищу возможность скорѣйшаго ознакомленія со степенью виновности малолѣтнихъ преступниковъ

Итакъ, Сенатъ уже съ давняго времени функціонировалъ въ данномъ направленіи, тѣмъ не менѣе, однако

[1]) П. С. З. № 11782
[2]) Ib. № 11925
[3]) Ibid. п. 7

съ точки зрѣній новаго взгляда на права Сената, эта дѣятельность его являлась чисто фактической и для приданія ей характера юридической нуждалась въ утвержденіи со стороны верховной власти. Вслѣдствіе подобнаго требованія въ маѣ 1765 г. состоялся Высочайше утвержденный докладъ Сената, которымъ утверждалась предшествовавшая сенатская практика по вопросу о наказаніи малолѣтнихъ за тяжкія преступленія и установленный указомъ 1744 года счетъ лѣтъ малолѣтства. Въ сенатскомъ указѣ отъ 26 іюля 1765 года [1]) предписывалось подчиненнымъ мѣстамъ производить о таковыхъ преступникахъ обыски, собирать свѣдѣнія о ихъ прошломъ поведеніи выяснять всякія другія соотвѣтствующія обстоятельства и все это доставлять Сенату, „гдѣ съ ними поступано быть имѣетъ по благоразсмотрѣнію и по мѣрѣ ихъ винъ“. Въ Сенатъ по приведенному указу должны были поступать дѣла о малолѣтнихъ, не достигшихъ семнадцатилѣтняго возраста, обоего пола, только въ тѣхъ случаяхъ, если за совершенное ими преступленіе нормально имъ грозилъ кнутъ или смертная казнь. Они-же не подвергались пыткѣ. Прочимъ же, безъ представленія дѣла въ Сенатъ, предписывалось производить наказаніе розгами, плетьми, батожьемъ, а дѣтей младше десятилѣтняго возраста отдавать для наказанія родителямъ или помѣщикамъ. По частному случаю растлѣнія и убійства шестнадцатилѣтнимъ крестьяниномъ Федосѣевымъ восьмилѣтней дѣвочки, Сенатъ въ томъ же году еще разъ подтвердилъ предшествовавшій указъ о непосредственной подсудности подобнаго рода дѣлъ Сенату по поводу того, что алаторская Канцелярія представила въ Сенатъ дѣло, не произведя о преступникѣ обыска [2]).

Съ момента обнародованья указа отъ 26 іюля дѣла о малолѣтнихъ преступникахъ начали поступать въ Сенатъ значительное количество и при томъ обыкновенно не только со всѣми необходимыми справками, но и съ упомянутымъ заключитель-

---

[1]) П. С. З. № 12424.
[2]) П. С. З. № 12510.

нымъ мнѣніемъ производившаго разслѣдованіе присутственнаго мѣста. Всѣ подобныя дѣла рѣшались въ общемъ по одной формулѣ. Примѣромъ такой формулы можетъ служить сенатское рѣшеніе по дѣлу о малолѣтней зажигательницѣ Дарьѣ Васильевой. Въ 1773 г. Сенатъ, выслушавъ доношеніе Петербургской губернской Канцеляріи о преступленіи Васильевой, приказалъ: „Онои Васильевой за учиненное въ кронштатѣ, въ домѣ Почтмейстера Вилима Дефриса зажигательство въ разсужденіи несовершенныхъ ея лѣтъ (коихъ ей по справкѣ оказалось пятнадцать) по силѣ Именнаго 1765 года, Мая 2 дня указу, учинить наказаніе розгами и изъ подъ караула отдать помѣщику съ обязательствомъ таковымъ, чтобы за нею присматривали, дабы впредь таковыхъ и подобныхъ сему преступленіи чинить не дерзала“ [1])

Несмотря однако на ясно теперь выраженный законъ о порядкѣ подсудности малолѣтнихъ преступниковъ, нѣкоторыя присутственныя мѣста всетаки иногда рѣшали ихъ самостоятельно. Поэтому, напримѣръ, въ 1774 году Сенату пришлось специально запрашивать Смоленскую губернскую канцелярію, почему она приняла къ своему производству неподвѣдомственное ей дѣло о малолѣтней отравительницѣ Нефедовой [2]).

§ 12. Ревизіонная функція Сената въ исторіи.

Какъ это само собой разумѣется, русскій процессъ восемнадцатаго вѣка заключалъ въ себѣ много различныхъ пробѣловъ, недостатковъ и несовершенствъ. Къ числу ихъ

[1]) Архивъ Министерства Юстиціи. Журналы и протоколы Прав. Сената по 2 департаменту Книга № $\frac{154}{5058}$, л 171 Между прочимъ, въ томъ же 1773 г Сенатъ нашелъ возможнымъ освободить отъ наказанія шестнадцатилѣтняго малороссіянина Токарева, растлившаго двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, въ виду взаимнаго согласія родителей преступника и пострадавшей стороны сочетать мальчика и дѣвочку бракомъ Ibid. протоколъ отъ 10 Апрѣля 1773 года

[2]) Архивъ М. Ю Сенатскія дѣла по 2-му департаменту, кн № $\frac{159}{5062}$, д № 2.

относилось отсутствіе точныхъ опредѣленныхъ правъ о подсудности и переходѣ уголовныхъ дѣлъ изъ нисшихъ установленій въ высшія въ ревизіонномъ порядкѣ.

Въ отношеніи военнаго судопроизводства Воинскій уставъ предписывалъ ревизію важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ во всѣхъ случаяхъ. Именно въ третьей части процесса въ упомянутомъ памятникѣ говорится [1]): „Когда въ нижнемъ судѣ въ пыточномъ дѣлѣ (въ нѣмецкомъ текстѣ Устава —in peinlichen Sachen), приговоръ учиненъ, тогда надлежитъ прежде фельдмаршалу или командующему генералу подать тотъ приговоръ; и когда онъ мнѣніе свое на оное объявитъ, прибавитъ или убавитъ, потому и экзекуція отправлена быть имѣетъ". Слѣдовательно, по мысли Петра въ отношеніи воинскихъ дѣлъ ревизія вначалѣ должна была принадлежать высшему чину арміи; позднѣе приговоры, содержавшіе постановленіе о смертной казни, начали отсылаться въ Военную Коллегію и тамъ получать конформацію за исключеніемъ приговоровъ объ офицерахъ; судьба этихъ послѣднихъ рѣшалась Верховной властью [2]). Сенатъ же, повидимому, на первыхъ порахъ въ эпоху петровскую, въ качествѣ высшаго судилища, былъ совершенно отстраненъ отъ ревизіонной дѣятельности въ области уголовной По крайней мѣрѣ, именной, указъ отъ 10 ноября 1721 г. гласилъ [3]): „Великій государь, будучи въ Сенатѣ сего ноября 10 дня, указалъ въ губерніяхъ и провинціяхъ въ нижнихъ судахъ, *ежели по какимъ дѣламъ*, за вины кто *будетъ достоинъ ссылки на галеру или смертной казни* и о *таковыхъ*, *подписавъ приговоры*, тѣ дѣла и тѣхъ людей, кто чему осуждены будутъ, *отсылать въ надворные суды*, и которые надворные суды въ губерніяхъ, и къ тѣмъ приговорамъ призывать и губернаторовъ и вице-губернаторовъ, и съ ними обще по тѣмъ сентенціямъ разсматривать и свидѣтельствовать и по свидѣтельству подписывать приговоры-жъ; и по подписаніи тѣхъ людей для экзекуціи отсылать въ тѣ

[1]) Глава I, п. 6.
[2]) П. С. З. № 4589, п. 7.
[3]) П. С. З. № 3847.

городы, изъ которыхъ присланы будутъ, по прежнему". „А ежели, говорится далѣе, по которымъ дѣламъ въ надворныхъ судахъ усмотрѣно будетъ, что тѣ нижнихъ судовъ приговоры подписаны противно указамъ, и имъ по тѣмъ дѣламъ указъ чинить по указамъ Е. И. В, *а о тѣхъ нижнихъ судахъ, о которыхъ тѣ приговоры подписаны будутъ противно указамъ, и за такую-жъ вину какому штрафу подлежать будутъ, о томъ имъ требовать указа изъ Юстицъ-Коллегіи*, а не отсылая тѣхъ дѣлъ для аппробаціи въ надворные суды, въ тѣхъ нижнихъ судахъ экзекуціи отнюдь не чинить, дабы отъ недознанія въ разсужденіи напрасно такого тяжкаго осужденія не было, токмо по такимъ отъ нижнихъ судовъ посылаемымъ дѣламъ въ надворныхъ судахъ чинить рѣшеніе безъ всякаго продолженія". Изъ содержанія приведеннаго указа явствуетъ, что къ ревизіи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ призывались только надворые суды, право же штрафованія нижнихъ судовъ за неправомѣрные проговоры предоставлялись Юстицъ-Коллегіи, а о Сенатѣ не упоминалось ни слова.

Въ 1724 г. былъ сокращенъ объемъ ревизіи въ отношеніи воинскихъ чиновъ. Въ высочайшей резолюціи на докладъ Военной Коллегіи мы читаемъ [1]) „Кригсрехты въ смертныхъ винахъ на всѣ чины присылаются отъ Командъ въ Военную Коллегію, и по тѣмъ кригсрехтамъ велѣно объ офицерахъ докладывать Е. И. В., а о урядникахъ и рядовыхъ конфирмовать Военной Коллегіи, что и чинится; но отъ сего происходитъ многое задержаніе колодниковъ: того ради не повелѣно-ль будетъ надъ такими винными урядники и рядовыми въ смертныхъ ихъ винахъ экзекуціи чинить по конфирмаціямъ командующихъ корпусами генераловъ, а объ офицерахъ въ важныхъ винахъ, по которымъ осуждены будутъ на смерть дѣйствительную и политическую, присылать по прежнему въ Военную Коллегію, и о конфирмаціи объ однихъ штабныхъ докладывать Е. И. В, а о прочихъ конфирмовать въ Военной Коллегіи". Петръ на этомъ докладѣ положилъ

[1]) П. С. З. № 4589

резолюцію: „Быть по сему“ и такимъ образомъ утвержденіе смертнаго приговора поставилъ въ распоряженіе Военной коллегіи даже для офицеровъ, не пользовавшихся правами штабныхъ.

Что касается исторіи ревизіоннаго порядка въ дальнѣйшемъ, то послѣ смерти Петра Великаго одно время ревизію всѣхъ смертныхъ приговоровъ взялъ на себя по желанію Екатерины I Верховный Тайный Совѣтъ [1]). Вскорѣ однако въ виду обилія болѣе близкихъ ему дѣлъ онъ передалъ ревизіонную функцію Сенату [2]) „Указали мы, значится въ изданномъ по этому поводу указѣ, поданныя въ Верховный Совѣтъ изъ Коллегій и Канцелярій о осужденныхъ колодникахъ къ смертной казни и политической смерти доношенія и экстракты отослать въ Сенатъ и велѣть разсмотрѣть немедленно, а разсмотря, чинить по государственнымъ правамъ. и впредь изъ Коллегій и Канцелярій о такихъ колодникахъ краткія выписки для разсмотрѣнія подавать въ Сенатъ, а въ губерніяхъ такія дѣла разсматривать губернаторамъ съ товарищами“. Но въ 1728 г Сенатъ былъ освобожденъ отъ провѣрки смертныхъ приговоровъ о нижнихъ чинахъ военныхъ и военно-морскихъ, судьба которыхъ отнынѣ должна была рѣшаться въ Сухопутной и Морской Коллегіяхъ [3]), а затѣмъ въ томъ же 28 году послѣдовало дальнѣйшее ограниченіе ревизіонной функціи Сената. Именно, въ Наказѣ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ было сказано [4]): „Ежели по какимъ дѣламъ за вины кто будетъ достоинъ ссылкѣ на галеру или смертной казни, и о таковыхъ воеводамъ, учиня обстоятельныя выписки и подписавъ приговоры, для апробаціи отсылать къ губернаторамъ съ товарищи, а губернаторамъ тѣ дѣла разсматривать и рѣшить въ недѣлю, а конечно въ двѣ недѣли, не отговариваясь ни чѣмъ, чтобъ отъ того продолженія колодниковъ не умножалось; и, рѣша, отсылать по

[1]) Филипповъ Исторія Сената въ правленіе В Т С., стр. 469.
[2]) П. С 3. № 5218, п 16
[3]) Ib № 5279.
[4]) Ib. № 5333, п. 16.

прежнему къ воеводамъ, а имъ, получа, поступать по тому губернаторскому опредѣленію; а ежели скорѣе зачѣмъ невозможно будетъ, конечно въ мѣсяцъ; а не посылая изъ тѣхъ выписокъ и приговоровъ для апробаціи къ губернаторамъ съ товарищи, экзекуціи отнюдь не чинить". Слѣдовательно этимъ Наказомъ возстановлялся старый петровскій порядокъ, съ тѣмъ различіемъ, что съ уничтоженіемъ надворныхъ судовъ, ревизія послѣдовательно перешла къ ближайшимъ высшимъ мѣстнымъ властямъ-губернаторамъ, Сенатъ же остался въ сторонѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ему это было на руку. При подавляющемъ обиліи дѣлъ всякаго рода и недостаточно совершенномъ устройствѣ сенатской дѣлопроизводственной машины, ревизіонная обязанность должна была сильно стѣснять Сенатъ, и онъ могъ только радоваться, отъ нея освобождаясь, но, за то, отсутствіе высшаго контроля надъ губернскимъ уголовнымъ судомъ должно быть отозваться крайне неблагопріятно на правосудіи.

И дѣйствительно, по иниціативѣ Елизаветы Петровны въ 1744 г. Сенатъ былъ принужденъ издать указъ, въ которомъ засвидѣтельствовалъ, что „въ губерніяхъ и провинціяхъ и въ городахъ, тако жъ и въ войскѣ и въ прочихъ мѣстахъ Россійской имперіи смертныя казни и политическую смерть чинятъ не по надлежащимъ винамъ, а другимъ и безвинно". Въ виду такого печальнаго положенія вещей Сенатъ приказалъ: „Для лучшаго о томъ усмотрѣнія изъ всѣхъ коллегій и канцелярій, губерній и провинцій и командъ о такихъ осужденныхъ къ смертной казни, за что оные осуждены, нынѣ прислать въ Сенатъ обстоятельныя перечневыя выписки; а до полученія на то указовъ, экзекуціи тѣмъ колодникамъ не чинить, тако жъ и впредь, которые колодники на смертную казнь или на политическую смерть осуждены будутъ, о тѣхъ присылать въ Сенатъ о винахъ ихъ обстоятельныя-жъ и перечневыя выписки, а до полученія на то указовъ экзекуціи не чинить" [1]) Этимъ указомъ, слѣдовательно, ревизіонная власть Сената опять возстановилась во

[1]) П. С. З. № 8944.

всей полнотѣ, въ отношеніи опредѣленнаго разряда приговоровъ.

Приведенный указъ былъ подтвержденъ въ іюнѣ того-же года съ разъясненіемъ, что выписки въ Сенатъ по означеннымъ дѣламъ должны представляться только черезъ посредство высшихъ инстанцій, а не прямо изъ нижнихъ мѣстъ [1]).

Подобное же подтвержденіе было повторено въ сентябрѣ того-же года въ „Инструкціи“ особымъ сыщикамъ, отправляемымъ для искорененія разбоевъ, съ которыми плохо справлялись провинціальныя и губернскія власти [2]). Въ 4 п. этой „Инструкціи“ сказано: „Ежели гдѣ Богъ поможетъ такихъ воровъ какимъ-нибудь образомъ получить, то тотчасъ ими розыскивать... И по окончаніи розыска, которые подлежать будутъ натуральной или политической смерти: о такихъ (не чиня экзекуціи), изъ дѣлъ ихъ учиня обстоятельныя и перечневыя выписки съ подписаніемъ точныхъ и приличныхъ указовъ и своего мнѣнія, присылать въ Правительствующій Сенатъ и ожидать указа, а тѣхъ злодѣевъ содержать подъ крѣпкимъ карауломъ скованныхъ, дабы изъ нихъ никто утечки учинить не могъ“. Къ дополненію ревизіи приговоровъ, касавшихся естественной или политической смерти, по желанію императрицы, съ 1751 г. въ Сенатъ должны были поступать дѣла по присужденію за корчемство къ ссылкѣ, если приговоры касались драгунъ, солдатъ, матросовъ и прочихъ воинскихъ нижнихъ чиновъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ [3])

Однако, установленіе ревизіи смертныхъ приговоровъ Сенатомъ съ пріостановкой исполненія смертной казни вообще, привело къ накопленію преступниковъ [4]). судьба которыхъ

[1]) Ibid. № 8980

[2]) Ibid № 9826

[3]) П. С. З. № 9915

[4]) По свидѣтельству Сената, въ 1753 г. уже осужденныхъ преступниковъ указаннаго рода насчитывалъ 130 человѣкъ; да въ тюрьмахъ ожидало рѣшенія 3579 человѣкъ, изъ которыхъ большой процентъ долженъ былъ подвергнуться естественной или политической смерти. П. С. З. № 10086

оставалась неопредѣленной. Между тѣмъ, эти осужденные, по мнѣнію Сената, требовали какого-либо наказанія, замѣняющаго смертную казнь, такъ какъ иначе тюрьмы переполнялись, преступники легко убѣгали изъ нихъ, а о побѣгахъ возникали новые судебные процессы по привлеченію къ отвѣтственности караульныхъ. Какъ было указано выше [1]), Сенатъ самъ былъ на сторонѣ примѣненія смертной казни и покорился только ясно выраженной противной волѣ Елизаветы Петровны. Теперь, по его докладу были объявлены замѣняющія наказанія — кнутъ, клейменіе и вѣчная каторжная работа взамѣнъ отнятія жизни дѣйствительныя и, такъ называемой, политической смерти [2]).

Страшась сократить стѣснявшую его ревизіонную функцію по поименованнымъ важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что замѣна отнятія жизни и гражданскихъ правъ наказаніемъ тѣлеснымъ и ссылкой, при существованіи указа о ревизіонной сенатской провѣркѣ, можетъ породить недоразумѣнія, Сенатъ, одновременно съ докладомъ о мѣрахъ замѣны смертной казни и политической смерти, представилъ другой всеподданнѣйшій докладъ съ опредѣленіемъ того, что именно нужно понимать подъ словомъ „политическая смерть“ и, слѣдовательно, какія именно дѣла должны къ нему поступать на просмотръ. Сенатъ предлагалъ считать политически умершимъ тѣхъ, „кто положенъ будетъ на плаху или возведенъ будетъ на висѣлицу, а потомъ наказанъ будетъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей или, хотя и безъ всякаго наказанія, токмо къ вѣчной ссылкѣ“. Только этотъ позорящій придатокъ обязывалъ судъ низшей инстанціи представлять приговоръ на ревизію въ высшее судебное установленіе имперіи. Всѣ же остальныя рѣшенія, опредѣляющія кнутъ, рванье ноздрей и ссылку за простой разбой и воровство, должны были получать губернаторское утвержденіе, безъ представленія въ Сенатъ [3]). Этотъ докладъ удостоился высочайшаго утвержденія.

---

[1]) Стр. 93.

[2]) П. С. З. № 10086

[3]) Ibid. № 10087

Ревизіонная функція Сената по дѣламъ касавшимся естественной или политической смерти въ полномъ объемѣ была подтверждена указами 25 Мая и 18 Іюля 1753 г. (П. С. З. №№ 10101, 10113). Однако, повидимому, въ слѣдующемъ же году въ началѣ указанная очень широкая сенатская ревизія была опять сокращена указомъ отъ 30 Сентября 1754 г. Дѣйствительно, въ указѣ 30 сентября 1754 г., въ пунктѣ первомъ, вполнѣ опредѣленно говорится [1]), что „всѣмъ, опредѣленнымъ для сыска и искорененія воровъ и разбойниковъ офицерамъ, коимъ, хотя по данной инструкціи 4-му пункту и велѣно по окончаніи розыска о таковыхъ подлежащихъ натуральной и политической смерти, не чиня экзекуціи, присылать выписки съ мнѣніями въ Сенатъ, но впредь имъ о таковыхъ подлежащихъ натуральной и политической смерти, такъ и къ вѣчной ссылкѣ, не чиня самимъ экзекуціи, съ обстоятельными выписками, со мнѣніями для разсмотрѣнія и апробаціи и съ тѣми колодниками отсылать къ тѣмъ губернаторамъ съ товарищи". Ту же апробацію, помимо губернаторовъ и ихъ товарищей отнынѣ предоставлялось чинить Сыскному приказу, Юстицъ-Коллегіи, Главной полицеймейстерской Канцеляріи, Командующимъ Корпусами, Военной и Адмиралтействъ коллегіямъ. По утвержденіи приговоровъ уполномоченными мѣстами и лицами опредѣленіе суда, должно было быть приведено въ исполненіе, а въ Сенатъ предписывалось прислать по дѣлу краткій экстрактъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ ревизія Сенатомъ смертной казни и политической смерти сводилась въ концѣ концовъ къ простой формальности.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что предѣлы ревизіонной власти Сената подвергались постояннымъ колебаніямъ, то съуживаясь, то расширяясь, въ зависимости отъ различныхъ причинъ и соображеній. Насколько иногда были рѣзки скачки его то въ одну, то въ другую сторону, между прочимъ можно видѣть изъ слѣдующаго факта: отстраняясь отъ дѣйствительной ревизіи важнѣйшихъ дѣлъ въ 1754 г., въ

[1]) Ibid. № 10306

1756 [1]) Сенатъ потребовалъ представленія къ себѣ на просмотръ приговоры по незначительнымъ преступленіямъ на соляной части. Поводомъ къ тому послужило излишнее усердіе судебныхъ властей, которыя, между прочимъ, подвергли наказанію кнутомъ крестьянина Иванова за продажу пяти фунтовъ соли, за плату на 1/4 копѣйки съ 1/8 доли выше назначенной цѣны. Затѣмъ вслѣдствіе политическихъ соображеній, въ томъ-же году въ сентябрѣ мѣсяцѣ сенатскимъ указомъ предписано представителей смоленскаго шляхетства, уличенныхъ „въ продерзостяхъ и противныхъ указамъ поступкахъ", не подвергать уголовному преслѣдованію впредь до особаго на каждый разъ сенатскаго указа [2]) Ставя же въ данномъ случаѣ слѣдствіе надъ преступникомъ въ зависимость отъ своего указа, тѣмъ самымъ Сенатъ бралъ на себя обязанность наблюдать за правильностью постановленнаго рѣшенія и ревизовать приговоры. Эта отрасль ревизіи практиковалась Сенатомъ и при Екатеринѣ; въ 1765 г., напримѣръ, Сенатъ отмѣнилъ постановленіе Смоленской губернской канцеляріи, присудившей шляхтича Матусевича за кражу лошади къ наказанію батогами и отдачѣ въ солдаты. Сенатъ приговорилъ Матусевича только къ отдачѣ въ солдаты [3]).

§ 13. Оцѣнка ревизіонной функціи Сената въ царствованіе Екатерины II.

Ко времени Екатерины Сенатъ по преимуществу сосредоточилъ въ своихъ рукахъ ревизію приговоровъ подчиненныхъ мѣстъ, когда приговоры эти касались назначенія смертной казни или политической смерти, малолѣтнихъ преступниковъ, обвиняемыхъ въ тягчайшихъ преступленіяхъ и дворянъ смоленской шляхты. Ревизуя приговоры низшихъ судовъ, Сенатъ вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно стремился къ тому,

[1]) П. С. З. № 10575.

[2]) Ib. № 10608

[3]) Журналы и протоколы Сената по 2 д—ту, 20 января и 8 февраля 1765 г. въ Арх. М. Ю

чтобы самый порядокъ передачи ему требующихъ ревизіи дѣлъ происходилъ въ строгой инстанціонной постепенности, предписанной предшествовавшими указами.

Въ случаѣ представленія предусмотрѣннаго важнаго уголовнаго приговора, минуя посредствующія установленія, Сенатъ возвращалъ дѣло, а на виновное присутственное мѣсто накладывалъ штрафъ. Такъ, въ 1766 г. прямо на ревизію въ Сенатъ, представила производившееся у нея серьезное уголовное дѣло Дѣдиловская воеводская канцелярія. Изъ присланнаго ею экстракта и доношенія явствовало, что канцелярія присудила крестьянку Марью Никитину за удавленіе пасынка къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Нерчинскъ Сенатъ, усмотрѣвъ въ настоящемъ случаѣ нарушеніе инстанціоннаго порядка, приказалъ: „Какъ по состоявшемуся именному указу Е. В блаженныя и высокославныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 753 г., марта 29 дня, о всѣхъ осужденныхъ къ смертной и политической казни колодникахъ, производимыя дѣла и приговоры разсматривать и аппробаціи *во-первыхъ* чинить велѣно о находящихся въ провинціяхъ и городахъ губернаторамъ съ товарищи [1]) и о непремѣнномъ по тому исполненіи посланными въ губерніи и провинціи изъ Сената въ 754 году указами подтверждено, а вслѣдствіе того и Дѣдиловской воеводской канцеляріи о предписанной женкѣ надлежало представить [2]) на разсмотрѣніе Московской губернской канцеляріи, и для того доношеніе съ экстрактомъ, яко непринадлежащее *нынѣ* до Сената, для разсмотрѣнія отослать въ Московскую губернскую канцелярію, а за то, что Дѣдиловская воеводская канцелярія, въ противность того указа, за многими подтвердительными указами о непринадлежащемъ въ Сенатъ представляла, канцеляріи конфискаціи въ силу генеральнаго регламента 50 главы и по разсужденію Сената взыскать съ той Дѣдиловской канцеляріи штрафа

[1]) Матерьялы, № 91

[2]) Необходимо замѣтить, что указъ 29 Марта 1753 г. объ аппробаціи приговоровъ, касавшихся политической и естественной смерти, губернаторами ничего не говорилъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ Сенатъ имѣлъ въ виду указъ 30 Сентября 1754 г.

десять рублей“ [1]). Слѣдовательно и въ екатерининскую эпоху въ общемъ порядкѣ ревизіонная функція Сената обладала формальнымъ характеромъ; исключеніе составляли дѣла лицъ привилегированнаго состоянія и преступниковъ малолѣтнихъ.

Входя въ роль блюстителя законности, екатерининскій Сенатъ выказывалъ настойчивую склонность къ соблюденію инстанціоннаго порядка даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сама императрица, повидимому, желала, въ виду важности дѣла разсмотрѣнія его въ Сенатѣ, какъ въ первой инстанціи. Такъ, напримѣръ, когда въ 1764 г у береговъ Кольскаго полуострова потерпѣло крушеніе англійское судно „Сусанна“, и шкиперъ его Бенетъ подалъ жалобу на притѣсненія кольскаго воеводы Рыкова, Екатерина отправила на мѣсто для слѣдствія гвардейскаго адъютанта Левашева и слѣдственное производство для рѣшенія дѣла передала въ Сенатъ при собственноручной помѣткѣ. Сенатъ, однако, направилъ дѣло въ Юстицъ-Контору въ виду того, что по генеральному регламенту. 26 и 51 главамъ, оно, по его мнѣнію, принадлежало *„во-первыхъ юстицкому суду“* [2]). За собой Сенатъ оставлялъ только право ревизіи, которую и произвелъ въ концѣ 1764 и началѣ 1765 гг. [3]). Точно также въ 1765 г. Сенатъ постановилъ рѣшеніе въ ревизіонномъ порядкѣ по дѣлу объ обвиненіи дворцоваго управителя капитана Козлянинова въ излишнихъ сборахъ съ крестьянъ и взяткахъ Несмотря на то, что Екатериной было повелѣно самому Сенату сдѣлать по указанному дѣлу опредѣленіе непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ слѣдствія, Сенатъ все-таки, по примѣру Бенетовскаго процесса, предписалъ въ первой инстанціи разсмотрѣть названное слѣдственное производство Юстицъ-Конторѣ [4])

Точно также, если, судебное установленіе, обсудивъ начатое

---

[1]) Матерьялы, № 91 Подобное дѣло смотри также въ „Матерьялахъ“— представленіе Владимірской провинціальной канцеляріи по дѣлу объ осужденіи на смертную казнь купца Катакова, № 96.

[2]) Арх М. Ю Журналы и протоколы 2 д—та 20 апрѣля 1765 г

[3]) Протоколъ Сената по Бенетовскому дѣлу въ Матерьялахъ № 73.

[4]) Арх М Ю Журналы и прот. 2 д—та, 5 октября 1675 г.

по спеціальному о томъ именному указу дѣло, осмѣливалось свой приговоръ представлять прямо на высочайшее усмотрѣніе, какъ это казалось бы естественнымъ въ виду исключительности направленія процесса, Сенатъ неукоснительно направлялъдѣло на путь инстанціи и, кромѣ того, подвергалъ присутственное мѣсто взысканію въ видѣ наложенія штрафа. Такъ, по обширному дѣлу о злоупотребленіи властью и взяткахъ бывшихъ въ Воронежской губерніи воеводахъ Гурьевѣ и Сазоновѣ Юстицъ-Коллегія, разсмотрѣвъ слѣдственное производство спеціально посланнаго для слѣдствія капитанъ-поручика Бахметева, представила свое заключеніе непосредственно государынѣ. Сенатъ не оставилъ такого нарушенія подчиненности безъ вниманія и въ 1764 г. постановилъ: „Для чего Юстицъ-Коллегія, въ противность посланныхъ изъ Сената указовъ по тому слѣдствію, заключа надъ винными сентенцію и не представя на разсмотрѣніе Сенату, представила прямо къ Высочайшей конфирмаціи Е. И. В., чего ей дѣлать не подлежало, той коллегіи съ присутствующихъ и секретаря [1]), которые о томъ опредѣленіе крѣпили канцеляріи конфискаціи въ силу генеральнаго регламента 50 главы взыскать штрафа по положеннымъ въ новыхъ штатахъ окладамъ за мѣсяцъ годового жалованья, а впредь той коллегіи въ подобныхъ сему случаяхъ поступать осмотрительно подъ опасеніемъ неупустительнаго по указамъ штрафа“ [2]).

Если ревизуемое Сенатомъ дѣло касалось дворянина, а особенно имѣющаго чины, мнѣніе Сената представлялось при всеподданнѣйшемъ докладѣ на высочайшее усмотрѣніе. Такъ, по дѣлу объ обвиненіи братьевъ Пушкиныхъ и вице-президента Мануфактуръ-Коллегіи Сукина въ поддѣлкѣ ассигнацій, соглашаясь съ приговоромъ Юстицъ-Коллегіи, присудившей всѣхъ обвиняемыхъ къ смертной казни съ замѣной имъ опредѣленнаго наказанія по смыслу указа 1754 г., Сенатъ сдѣ-

[1]) По указу 7 мая 1740 г., на секретаріи присутственныхъ мѣстъ налагалась обязанность предостерегать присутственныя мѣста отъ противныхъ указамъ рѣшеній. П. С. З. № 8089.

[2]) Матерьялы, № 68.

лалъ только одно измѣненіе въ рѣшеніи, именно, относительно смягченія наказанія Сукину, но, вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ: „Какъ всѣ оные преступники дворяне и имѣющіе чины, то за тѣмъ сего съ ними исполнить собою не можетъ, а предавъ оное въ благоволеніе Вашего Императорскаго Величества, просить Высочайшаго указа“ [1]). Точно также по дѣлу подпоручика Григорова, обвинявшагося съ женою въ убійствѣ священника Никитина, Сенатъ не утвердилъ опредѣленнаго нижней инстанціей смертнаго приговора, но, смягчивъ наказаніе виновному Григорову до простого церковнаго покаянія, вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ необходимымъ свое мнѣніе представить императрицѣ, такъ какъ Григоровъ былъ дворяниномъ [2]). Это указаніе на особыя привилегіи дворянства въ области уголовнаго права очень часто встрѣчается въ ревизіонной практикѣ Сената разсматриваемой эпохи.

Кстати, дѣлая оцѣнку сенатской ревизіи, требуемой указами 1753 и 1754 гг., нельзя не отмѣтить одной особенности ея: отсутствія необходимаго безпристрастія и равнаго отношенія къ преступнику внѣ зависимости отъ его общественаго положенія. По завѣтамъ прошлыхъ временъ Сенатъ и теперь не переставалъ, такъ сказать, мирволить обвиняемымъ, если они принадлежали къ правящимъ классамъ и въ особенности если совершаемыми преступленія касались крѣпостныхъ или вообще представителей непривилегированнаго сословія Такая снисходительность сказывалась въ чрезвычайно наглядной формѣ по обвиненію указаннаго разряда лицъ въ общихъ преступленіяхъ, но она же проглядывала и въ служебныхъ.

Въ первомъ случаѣ можно въ качествѣ примѣра привести то же дѣло того же Григорова, которое заключалось въ слѣдующемъ. Въ 1767 г. въ Михайловскую воеводскую канцелярію отъ крѣпостныхъ Григорова, Ивана Сидорова съ женой и жившей въ услуженіи Коллегіи-экономіи крестьянки Петровой на господина ихъ съ женой и дворовымъ человѣ-

---

[1]) Ib., № 105.
[2]) Ib., № 99.

комъ Васильевымъ поступилъ доносъ. Доносители объявляли что Григоровъ съ прочими упомянутыми лицами убилъ попа Никитина. Слѣдствіе раскрыло обстоятельства этого преступленія Никитинъ въ февралѣ 1767 г. пріѣхалъ къ Григорову въ гости и, вмѣстѣ съ хозяиномъ, подвыпилъ. За обѣдомъ Григоровъ началъ нюхать табакъ. Священникъ запретилъ ему употребленіе табачнаго зелья въ постъ, да, кстати, приказалъ не ѣсть и рыбы. Чтобы вразумленіе сильнѣе подѣйствовало, Никитинъ принялся драть Григорова за волосы Раздраженный хозяинъ кликнулъ дворовыхъ Эти люди, вмѣстѣ съ помѣщикомъ, избили попа до полусмерти, а потомъ на морозѣ облили водой и положивъ безчувственнаго священника въ сани, вывели лошадь на дорогу. Конь привезъ домой уже только трупъ Никитина. Григоровъ въ преступленіи своемъ сознался, но относительно жены показалъ, что она въ убійствѣ не участвовала. Воеводская канцелярія помѣщицу отъ отвѣтственности освободила, а Григорова съ двумя дворовыми людьми, въ томъ числѣ и доносителемъ Сидоровымъ, приговорила къ смертной казни. Сенатъ, по второму департаменту ревизуя дѣло, съ мнѣніемъ канцеляріи не согласился. Онъ полагалъ, что 72 пунктъ 21 главы Уложенія объ умышленномъ убійствѣ къ Григорову примѣненъ неправильно, потому что „объявленное подпоручика Григорова преступленіе послѣдовало отъ нападенія на него означеннаго попа, а когда бъ онъ не начиналъ съ нимъ драться, то бъ того и быть не могло“. Убійство же произошло въ пьянствѣ и отъ „единаго жестокосердія“ Григорова, котораго по мнѣнію Сената, и надлежало просто отправить въ монастырь на покаяніе на пять лѣтъ. Казалось бы, что если былъ невиновенъ помѣщикъ въ пьянствѣ и жестокосердіи, а не въ умышленномъ убійствѣ, то смягчающія обстоятельства должны были въ равной мѣрѣ быть распространены и на прочихъ виновныхъ. Однако, Сенатъ разсудилъ иначе; почти оправдавъ Григорова, онъ постановилъ: доносителя Сидорова за избіеніе Никитина подвергнуть наказанію кнутомъ, бѣжавшаго Васильева разыскать и наказать по законамъ, а остальныхъ доносителей, жену Сидорова и крестьянку Пет-

рову за ложный донось высѣчь плетьми [1]). Такимъ образомъ Григоровъ во всей этой печальной исторіи даже явился въ извѣстной степени какъ бы невинно пострадавшимъ. Мало того въ своемъ пристрастіи къ отставному подпоручику Сенатъ пошелъ даже до забвенія собственной обычной практики и высочайшихъ указовъ. Онъ взялъ къ своему вѣдѣнію дѣло Григорова прямо изъ воеводской канцеляріи, тогда какъ въ обыкновенномъ порядкѣ строго настаивалъ на движеніи ревизіонныхъ дѣлъ по инстанціи

Въ подобномъ же духѣ дѣйствовалъ Сенатъ, ревизуя въ 1766 г. другое дѣло жены тайнаго совѣтника Ефремовой. Эта почтенная женщина обвинялась въ томъ, что при помощи двухъ фузелеровъ и барабанщика засѣкла свою дворовую дѣвку, якобы за „чинимыя ею предъ ней, Ефремовой, противности, воровства и побѣги“. Наказанная умерла, послѣ экзекуціи, но Ефремова, доказывала, что дѣвка ея умерла не отъ наказанія, но вслѣдствіе собственнаго злонравія, такъ какъ во время сѣченія держала у себя во рту какое то ядовитое зеліе, которое вынуть у нея тогда не удалось, а затѣмъ уже послѣ смерти упрямицы часть зелія у нея нашлась въ скарбѣ. Слѣдствіе же наоборотъ выяснило, что дѣвка умерла отъ антонова огня, явившагося результатомъ безмѣрнаго сѣченія, а внутренніе органы по медицинскому вскрытію оказались совершенно здоровыми и никакого яда не содержащими. Ядовитое же зеліе представляло собою бѣлила для лица. Сенатъ, разсудивъ, что: „та дѣвка, повидимому, умерла отъ приключившагося ей антонова огня отъ безмѣрныхъ побой“, нашелъ что хотя Ефремову „*не можно во всемъ оправдать*“, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея дѣяніи имѣются особыя уменьшающія обстоятельства—чрезмѣрное рвеніе при наказаніи провинившагося подчиненнаго. Въ виду того, что подобное рвеніе предусматривалось Воинскимъ артикуломъ, Сенатъ и подвелъ Ефремову подлежащей статьи, а потому присудилъ тайную совѣтницу всего навсего, какъ и Григорова, къ церковному покаянію [2]).

[1]) Матерьялы, № 99.

[2]) Ib., № 93.

Вообще можно указать, въ качествѣ характерной черты, то обстоятельство, что въ эпоху развитія помѣщичьяго произвола Сенатъ послѣдовательно проводилъ подобную идею снисходительнаго отношенія къ отечественнымъ рабовладѣльцамъ и тѣмъ косвенно поощрялъ ихъ къ дальнѣйшимъ безчинствамъ; безъ преувеличенія можно сказать, что въ этой области своей судебной дѣятельности, по мѣрѣ силъ, Сенатъ содѣйствовалъ возникновенію позднѣе разразившихся поволжскихъ волненій 1774 года. Въ самомъ дѣлѣ, за убійство крѣпостного церковное покаяніе и заточеніе въ монастырь являлось какъ бы среднимъ нормальнымъ наказаніемъ для помѣщиковъ. Требовалось вмѣшательство императрицы или крайняя исключительность помѣщичьихъ дѣйствій въ указанномъ направленіи, чтобы репрессія также выступала въ болѣе осязательномъ видѣ, какъ напримѣръ, въ дѣлахъ Салтыковой, Эттингеръ, поручика Шеншина, мучившаго и своихъ крѣпостныхъ и свободныхъ людей въ застѣнкахъ прямо изъ любви къ искусству палача [1]). Въ противномъ случаѣ Сенатъ всегда выискивалъ особыя смягчающія обстоятельства и парализовалъ законы о наказаніи привилегированныхъ преступниковъ. Такъ онъ поступилъ въ вышеприведенномъ дѣлѣ Ефремовой; то же направленіе онъ проявилъ въ дѣлѣ поручика Тарбѣева, убившаго свою крѣпостную якобы за выказанное ею желаніе приворотнымъ корнемъ пріобрѣсти расположеніе своего господина [2]), а также въ дѣлѣ помѣщицы Сѣверцевой, предоставившей своему любовнику, копінсту изъ дворянъ Наденну, десятилѣтнюю дѣвочку для растлѣнія, которое Сенатъ не призналъ *полнымъ*, а потому и отдалъ изуродован-

[1]) Отставной поручикъ Шеншинъ по своимъ подвигамъ ни въ чемъ не уступалъ Салтычихѣ, но почему-то не получилъ такой извѣстности у потомства. Можетъ быть, потому, что дѣянія его не были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе и память о нихъ затерялась въ сенатскихъ архивахъ. Подробности о жестокостяхъ Шеншина см. въ „Вѣстникѣ всемірной исторіи“ мою замѣтку въ № 3, стр. 231 и слѣд. 1900 года, подъ названіемъ „Деревенскій Грозный старыхъ временъ“.

[2]) Архивъ М. Ю Протоколъ Сената, августа 4, года 1768 (по 2 д-ту).

наго ребенка хозяйкѣ, подвергнувъ виновныхъ очень легкому взысканію (мѣсячному тюремному заключенію) [1])

Ту-же снисходительность, завѣщанную отъ прошлыхъ временъ, можно прослѣдить и въ служебныхъ преступленіяхъ — въ дѣлѣ бывшаго землянскаго воеводы Сазонова, который вымогалъ деньги самыми разнообразными и затѣйливыми способами съ приводимыхъ къ нему подъ видомъ законнаго преслѣдованья однодворцевъ, обиралъ колодниковъ, бралъ взятки при собираніи подушной подати и при наборѣ рекрутъ въ ландмилицію.

Сазоновъ при веденіи слѣдствія выказалъ себя очень опытнымъ человѣкомъ въ борьбѣ съ правосудіемъ: онъ клеветалъ на слѣдователей, принуждалъ насильно опаснаго для него свидѣтеля однодворца Плотникова, черезъ котораго бралъ взятки, уѣхать въ его, Сазонова, деревню и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приносилъ искреннее раскаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ, ссылаясь въ оправданіе на то, что онъ служилъ воеводой безъ жалованья и только слѣдовалъ въ своихъ дѣйствіяхъ порядку, вообще существовавшему въ воеводскомъ кругу, гдѣ, какъ онъ утверждалъ, „издавна уже идетъ тотъ обычай, что при платежѣ подушныхъ денегъ и при отдачѣ рекрутъ сами плательщики и отдатчики даютъ за работу, что и прежде, какъ его предмѣстники, бывшіе въ Землянскѣ воеводы и управители, такъ, уповаетъ, и въ другихъ городахъ бывшіе жъ и теперь находящіеся воеводы и прочія власти одному съ нимъ жребію подвержены“.

Сазоновъ не придавалъ значенія тому, что за работу онъ не только бралъ, но и вымогалъ, разъѣзжая по ввѣренной его заботамъ территоріи и сажая въ тюрьму плательщиковъ и отдатчиковъ впредь, пока они не выкупятся у изобрѣтательнаго воеводы. По приговору Юстицъ-Коллегіи Сазонова надлежало подвергнуть политической смерти, но Сенатъ нашелъ это слишкомъ жестокимъ именно потому, что, „имъ, Сазоновымъ, *никакого криминальнаго преступленія (учинено) не было, а единственно признался въ однѣхъ взяткахъ?*„ По этимъ соображеніямъ Сенатъ постановилъ лишить Сазонова

[1]) Ibid. Протоколъ 2 д-та отъ 15 и 22 Іюля 1768г.

чиновъ и впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять [1]). Слѣдовательно, взятки и вымогательство со стороны воеводы для Сената не представлялись чѣмъ нибудь разительнымъ; повидимому, онъ самъ ихъ считалъ до извѣстной степени явленіемъ въ порядкѣ вещей взглядъ этотъ, надо замѣтить, онъ выражалъ послѣ указовъ 1762 г. и 1763 г. о мѣрахъ къ прекращенію лихоимства и взятокъ. Такимъ же снисхожденіемъ дышетъ и объявленный во всеобщее извѣстіе сенатскій указъ о наказаніи за взятки воеводы Клементьева и канцеляриста Бочерова [2]). Введеніе къ упомянутому указу очень широковѣщательно, но содержаніе аналогично тому рѣшенію, которое только что было приведено по дѣлу Сазонова.

Именно, по дѣлу Клементьева и Бочерова въ указѣ во всенародное извѣстіе объявлялось: „По многимъ прежде состоявшимся узаконеніямъ всѣмъ находящимся у дѣлъ къ лихоимственнымъ взяткамъ касаться накрѣпко подъ изображенными въ тѣхъ законахъ штрафами и наказаніями запрещено. По Бѣлогородской губерніи города Валуекъ бывшій воевода коллежскій ассессоръ Клементьевъ, канцеляристъ Бочеровъ противу тѣхъ установленныхъ Е. И. В. законовъ, презря свою должность и присягу, оказались явными преступниками, не довольно за чтобъ другое, но и за приводъ въ вѣрности Е. И. В. присягѣ брали взятки, въ чемъ они сперва заперлись, но при слѣдствіи точно изобличены, по чему уже сами признались. И хотя они, воевода Клементьевъ и канцеляристъ Бочеровъ, за тѣ чинимыя ими взятки, въ силу 1714 года декабря 24 дня указа и подлежали ссылкѣ въ работу: но какъ они тѣ взятки брали до именнаго Е. И. В. указа Іюля 18 дня 1762 г. о лихоимцахъ, а всемилостивѣйшимъ Е. И В. 1762 г. сентября 22 дня указомъ [3]) повелѣно у таковыхъ отнять чины и оставлять безъ наказанія, ни къ какимъ дѣламъ впредь не опредѣ-

---

[1]) Матерьялы, № 68. Съ такой же снисходительностью отнесся Сенатъ и къ орловскому воеводѣ Гурьеву. Ibid.

[2]) П. С. З. № 12233.

[3]) Ibid. № 11667. О прощеніи винъ впадшимъ въ преступленія.

лять.. И въ сходственности онаго Е И В. всемилостивѣйшаго указа, Правительствующій Сенатъ *Приказали:* означеннаго воеводу Клементьева лишить всѣхъ чиновъ „и впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять". Итакъ, и здѣсь Сенатомъ приведены законныя смягчающія обстоятельства; но мы видѣли, что по дѣлу Сазонова онъ приговорилъ виновнаго воеводу къ такому же наказанію, не ссылаясь на указы 762 г., да притомъ, вѣдь, и первый изъ упомянутыхъ указовъ не отмѣнялъ, а лишь потверждалъ значеніе петровскаго повелѣнія, и на этомъ основаніи въ началѣ царствованія Екатерины виновный въ сборахъ приведеніе къ присягѣ регистраторъ Реберъ былъ осужденъ на вѣчное житье въ Сибирь. Значитъ, и въ подобной ссылкѣ уже крылась пристрастная натяжка.

Та же самая сомнительно примирительная политика въ дѣлахъ суда и надзора преслѣдовалась Сенатомъ и позднѣе. Подъ давленіемъ же этого высшаго судилища мягкость къ нарушителямъ законовъ должна была проявить и императрица Сама она неуклонно старалась проводить въ государственную жизнь свои возвышенные взгляды, но иногда, изъ политическихъ соображеній, ей приходилось идти по діагонали параллелограма силъ. Указы 18 Іюля 1762 г., и декабря 15 г. 1763 проникнуты негодованіемъ по отношенію застарѣлаго порока русской администраціи того времени — взяточничества и лихоимства. Сенатъ имѣлъ полную возможность воспользоваться этимъ негодованіемъ, какъ опорой въ борьбѣ со взяточниками и лихоимцами, но онъ того не только не сдѣлалъ, но какъ было указано, наоборотъ, при каждомъ удобномъ случаѣ стремился возможно болѣе смягчить тѣ наказанія, которыя виновнымъ слѣдовали по законамъ. Екатеринѣ, видѣвшей необходимость быть милостивой въ цѣляхъ привлеченія на свою сторону сочувствія правящихъ классовъ, въ свою очередь нужно было проявлять милость преступникамъ при чемъ сенатская же практика заставляла ее своимъ потворствомъ спускаться до минимума.

Въ самомъ дѣлѣ, въ 1766 г. былъ опубликованъ именной указъ по поводу привлеченія къ отвѣтственности и нака-

занія нѣкоторыхъ лицъ за взятки и за лихоимство [1]). Вступленіе къ этому указу доказываетъ, что императрица не ослабѣла въ своемъ негодованіи по отношенію продолжавшагося зла: „Многократно, гласилъ указъ, въ народъ, печатными указами было повторяемо, что взятки и мздопріимство развращаютъ правосудіе и утѣсняютъ бѣдствующихъ. Сей вкоренившійся на судѣ порокъ при восшествіи Нашемъ на Престолъ, перво всего понудилъ Насъ въ 1762 году, іюля 14 дня, манифестомъ объявить въ народъ Наше монаршее увѣщаніе, дабы тѣ, которые заражены еще сею страстью, отправляя судъ, такъ, какъ дѣло Божье, воздержались отъ такого зла, и въ случаѣ ихъ преступленія и за тѣмъ Нашимъ увѣщаніемъ, не ожидали бы болѣе Нашего помилованія. Но къ чрезмѣрному Нашему сожалѣнію открылося, что и послѣ того Нашего увѣщанія нашлися еще такіе, которые мздопріимствовали въ утѣсненіе многимъ и въ поврежденіе Нашего интереса, а что паче всего, будучи сами начальствующіе и одолженные собою представлять образъ храненія законовъ подчиненнымъ своимъ, тѣ самые преступниками учинилися, и ихъ въ то же зло завели. Сіе черезъ порученную отъ Насъ Коммиссію въ Бѣлогородской губерніи, гвардіи маіору Щербинину о неуказномъ винномъ куреніи до свѣдѣнія Нашего дошло. Вслѣдствіе чего учредили Мы особливую Коммиссію, и, забравъ всѣхъ посему приличившихся, повелѣли накрѣпко изслѣдовать о ихъ преступленіи По окончаніи которой, Сенатъ всеподданнѣйше Намъ представилъ, что нѣкоторые изъ нихъ чрезъ собственное признаніе, а другіе чрезъ изобличеніе явились виновны, и какому кто по законамъ подлежитъ наказанію, подалъ намъ о томъ всеподданнѣйшій докладъ *Но Мы, сколь ни признаваемъ великимъ преступленіемъ* дерзостное таковыхъ неповиновеніе Нашимъ указамъ, видя-жъ, однако, тяжесть наказанія, законами предписанную, еще милосердію Нашему даемъ мѣсто, почему и восхотѣли преступившихъ, хотя они и недостойны уже болѣе Нашего помилованія, облегчить въ наказаніи“.

[1]) П. С. З. № 12781.

Среди попавшихся во взяткахъ въ Бѣлогородской губерніи былъ самъ губернаторъ князь Шаховской, товарищъ его—дѣйствительный статскій совѣтникъ Безобразовъ, губернскій прокуроръ Зыбинъ и цѣлый рядъ другихъ болѣе мелкихъ чиновниковъ. Сенатъ установилъ для всѣхъ этихъ лицъ цѣлую градацію наказаній въ общемъ, болѣе или менѣе легкихъ. Строже всего онъ отнесся къ губернатору Шаховскому, но и того, по предшествовавшимъ примѣрамъ, приговорилъ только къ лишенію чиновъ и исключенію изъ службы. Прочіе большею частію должны были быть исключены изъ службы и лишены, кто двухъ, кто одного чина, съ предписаніемъ жить извѣстный срокъ въ своихъ деревняхъ.

Не довольствуясь тѣмъ, Екатерина всѣмъ смягчила наказаніе еще болѣе, причемъ Шаховскому, лишеніе чиновъ было замѣнено всего на всего четырехлѣтней ссылкой въ деревни съ взысканіемъ двойного штрафа по сравненію съ цифрой полученныхъ имъ съ 1761 по 1763 г. взятокъ

Императрица смягчила наказаніе, но она не отказывалась отъ своихъ взглядовъ на оцѣнку подобнаго рода преступленій и, пожалуй, въ настоящемъ случаѣ, съ внѣшней стороны въ угоду опредѣленному кругу лицъ облегчая участь виновныхъ, съ внутренней въ извѣстной степени отягчала ее, по крайней мѣрѣ по отношенію князя Шаховскаго. Въ самомъ дѣлѣ, высочайшая резолюція на докладъ Сената гласила, что Шаховской: „Бывъ губернаторомъ, за свои законамъ противные проступки подлежитъ всякому наказанію, а именно: 1) въ томъ, что, имѣвъ жалованье, коснулся взятокъ; 2) слабымъ своимъ смотрѣніемъ и дурнымъ примѣромъ подчиненныхъ вовлекъ въ преступленіе; 3) чрезъ неискорененіе корчемства нанесъ не малый ущербъ казнѣ; 4) а что паче умножаетъ его преступленіе, все сіе учинено имъ послѣ указа 1762 года, сентября 22 дня. Слѣдовательно, по особливому существу дѣлъ своихъ и наказанію подлежитъ, а именно: лишить его всѣхъ чиновъ и довѣренности, соединенной съ оными, которой онъ учинилъ себя недостойнымъ, что ему и объявить“. Не было ли въ данномъ случаѣ оказаніе милости въ формѣ перечисленія винъ

и объявленія ихъ во всеобщее извѣстіе, чего собственно былъ достоинъ преступный губернаторъ, публичнымъ шельмованіемъ его, значительно ослабляющимъ значеніе помилованія? Нельзя ли предположить, что публикуя свой указъ, Екатерина преслѣдовала устрашительныя цѣли по отношенію прочихъ губернаторовъ, конечно не въ смыслѣ суровости наказанія, такъ какъ указъ, собственно говоря, свидѣтельствовалъ, что можно нарушать царскія велѣнія и пользоваться своимъ положеніемъ, по старому не многимъ рискуя передъ высшимъ судомъ въ случаѣ привлеченія къ отвѣтственности и еще надѣясь на милость государыни. Безъ всякаго сомнѣнія въ такомъ публикованіи былъ страшенъ позоръ запятнаннаго человѣка, которому отъ монарха объявлено суждение. Старинный порокъ еще жилъ въ обществѣ и даже высшее судилище относилось въ глубинѣ къ нему снисходительно, но предосудительность поведенія взяточниковъ и лихоимцевъ уже внѣдрялась въ общее сознаніе. Уже въ администраціи и судѣ не крайне рѣдкимъ исключеніемъ являлись люди, на честность которыхъ можно было положиться. При такихъ условіяхъ публичное шельмованіе виновныхъ въ указѣ, чѣмъ выше стояли они на лѣстницѣ общественныхъ различій, тѣмъ для нихъ становилось чувствительнѣе.

Какъ бы то ни было, на лицо все-таки оставался тотъ фактъ, что и послѣ раздѣленія Сената на департаменты въ своей старой ревизионной функціи высшее судилище сохраняло закваску елизаветинскихъ временъ, подававшихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ руку семнадцатому вѣку.

§ 14. Надзоръ Сената черезъ посредство прокуратуры.

Какъ указываетъ г Муравьевъ [1]), сущность прокурорской дѣятельности въ восемнадцатомъ вѣкѣ заключалась въ широкомъ осуществленіи контрольнаго начала, воплощаемаго въ лицѣ монарха, и отсюда въ охранѣ, по его полномочію, силы и дѣйствительности законовъ при ихъ примѣненіи. Это значеніе

[1]) Прокурорскій надзоръ. стр. 280 и слѣд

выразилось въ наглядномъ опредѣленіи Петра Великаго, назвавшаго генералъ-прокурора окомъ своимъ, и въ дальнѣйшемъ проведеніи той мысли, что каждый прокуроръ въ коллегіи или канцеляріи, въ свою очередь, есть „око генералъ-прокурора", иначе говоря, въ порядкѣ іерархіи проводникъ одного и того же надзора Въ приложеніи къ практикѣ этотъ надзоръ слагался изъ нѣсколькихъ моментовъ, среди которыхъ можно отличить: 1) наблюденіе въ собственномъ смыслѣ, 2) предложеніе съ напоминаніемъ или предостереженіемъ, и 3) протестацію и доношеніе высшему органу контроля о замѣченномъ отступленіи отъ законности Самое же производство по надзору имѣло понудительный, побуждающій характеръ и Петромъ технически обозначалось выраженіемъ „инстиговать"

Итакъ, предметомъ наблюденія прокуратуры являлось точное исполненіе присутственными мѣстами и лицами законовъ, а также скорое производство и безпристрастное разрѣшеніе дѣлъ. Прокурорамъ всѣхъ ранговъ предписывалось „смотрѣть на крѣпко", чтобы каждое установленіе, къ которому они были приставлены, „свою должность хранило и во всѣхъ дѣлахъ истинно, ревностно, безъ потерянія времени, по указамъ и регламентамъ, отправляло" и чтобъ оно при этомъ „въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступало" и, наконецъ, чтобы „не на столѣ только дѣла вершились, а самымъ дѣйствомъ указы исполнялись".

Для достиженія этой сложной цѣли представители прокуратуры имѣли право лично присутствовать въ засѣданіяхъ правительственно-судебныхъ установленій, просматривать во всякое время подлинныя дѣла и требовать свѣдѣнія какъ объ ихъ положеніи, такъ и вообще объ исполненіи указовъ. Для послѣдней отрасли ихъ дѣятельности имѣлась особая книга, въ которую заносились собственноручныя замѣтки прокуроровъ [1]). На секретаряхъ присутственныхъ мѣстъ ле-

[1]) Ibid. 281. Книга эта, имѣвшая большое значеніе въ прокурорскомъ дѣлопроизводствѣ XVIII столѣтія, состояла изъ листовъ, раздѣленныхъ пополамъ: на одной половинѣ дѣлалась отмѣтка о времени поступленія указа и содержаніе его, а на другой—сущность и время исполненія

жала обязанность, по требованію прокуроровъ, доставлять всѣ необходимыя имъ копіи, выписки, справки, прочитывать рѣшенія, постановленныя въ отсутствіе представителя прокурорскаго надзора.

„Предложенія“ [1]), въ понятіе которыхъ входили также напоминанія и предостереженія, какъ было указано, являлись первымъ дѣйствіемъ прокурора въ области осуществленія имъ порученнаго ему контроля. Усматривая въ чемъ-либо отступленіе отъ предписаній указа, прокуроръ, прежде всего, требовалъ отчета и старался получить точныя свѣдѣнія о томъ, что помѣшало виновному исполнить обращенное къ нему велѣніе: „невозможность ли какая помѣшала, или по какой страсти, за лѣностью или небреженіемъ“. Въ каждомъ подобномъ случаѣ прокуроръ предлагалъ подлежащему мѣсту для немедленнаго исполненія „съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили“ Слѣдовательно, дѣятельность прокуратуры по „предложеніямъ“ заключала въ себѣ не только отрицательную сторону, критическое отношеніе къ тому, что было совершено, но и положительную, указаніе, какъ надо исправить ошибку или, какъ надлежало дѣйствовать при данныхъ условіяхъ.

Прокурорскія предложенія для суда и администраціи были авторитетны. Должностныя лица и учрежденія были „повинны учинить“ требуемое прокуроромъ. Если же подлежащія мѣста и лица уклонялись отъ исполненія прокурорскихъ требованій, то наступалъ слѣдующій моментъ дѣятельности органа надзора—„явная протестація и доношеніе по начальству“. Въ Сенатъ и въ коллегіяхъ протесты приносились непосредственно, на первый—Высочайшей власти, и на вторыя—въ Сенатъ, черезъ генералъ-прокурора [2]). Въ мѣстномъ же управленіи письменный протестъ направлялся вначалѣ „въ губернскую канцелярію, къ губернатору съ товарищи“. отъ которыхъ и зависѣло „въ протестѣ утвердиться“, т. е. принять его или „остаться при своихъ мнѣніяхъ“, и пред-

---

[1]) Образецъ прокурорскаго предложенія см. въ Матеріалахъ № 40.

[2]) Н. В. Муравьевъ. Прокурорскій надзоръ, стр. 283.

ставить о томъ, вмѣстѣ съ протестомъ и объясненіемъ причинъ несогласія, въ Сенатъ или въ коллегію, по принадлежности [1]) Впрочемъ, ко времени Екатерины Великой въ этомъ отношеніи практика нѣсколько измѣнилась и прокурорскія донесенія прямо поступали къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ, а оттуда уже, по распоряженію генералъ-прокурора, „предлагались“ департаментамъ Сената.

Относительно формы и содержанія протеста было указано, что онъ долженъ заключать въ себѣ разборъ опротестованнаго дѣйствія съ точки зрѣнія закона—содержать „изъясненіе противности указамъ“. Предъявленіе протеста пріостанавливало дальнѣйшее движеніе дѣла, котораго въ цѣломъ или въ части касался протестъ. По этой причинѣ прокуратурѣ, наряду съ правиломъ, что „лучше доношеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ“, предписывалось соблюдать въ претестаціонной дѣятельности „осторожность и осмотрительность“, чтобы „напрасно тому безчестья не учинить“. Въ случаяхъ сомнительныхъ и трудныхъ, „въ дѣлахъ неясныхъ или два вида имѣющихъ“, прокуроры должны были, „протестацію остановя, не тотчасъ доносить, но посовѣтоваться съ кѣмъ заблагоразсудятъ“. Но медлить протестомъ рекомендовалось не долѣе трехъ дней.

Область вѣдѣнія прокуратуры въ общемъ совпадала съ дѣятельностью тѣхъ учрежденій, при которыхъ состояли ея представители, и до извѣстной степени являлась съ ней неразрывно связанной. Присутственныя мѣста производили дѣла и рѣшали ихъ, прокуроры наблюдали за законностью производства и рѣшеній, но въ самомъ направленіи движеніи и обсужденіи дѣла прямого непосредственнаго участія не принимали Даже объ области уголовныхъ дѣлъ имъ принадлежала очень скромная доля участія, именно, на ихъ обязанности, по указу 3 сентября 1733 г. [2]), лежало наблюденіе за скорымъ и правильнымъ рѣшеніемъ дѣлъ о колодникахъ и затѣмъ, чтобы содержащихся подъ стражей не задержи-

---

[1]) Ibid

[2]) II. С. 3 № 6475

вали долѣе необходимаго, ради пользованія ими, какъ даровой рабочей силой для надобностей губернаторовъ и воеводъ. Прокуроры вмѣстѣ съ тѣмъ обязаны были слѣдить за исправнымъ веденіемъ „статейныхъ списковъ“ о колодникахъ и представлять генералъ-прокурору по третямъ года „обстоятельные рапорты“ о движеніи арестантскихъ дѣлъ и о содержащихся по нимъ колодникахъ.

Обновленная прокуратура екатерининскаго времени не бездѣйствовала, подобно ослабленной прокуратурѣ прочихъ послѣпетровскихъ царствованій. Сенатскій архивъ сохранилъ многочисленныя свидѣтельства ея труда на пользу охраненія законности.

Ходъ прокурорскихъ протестовъ въ общихъ чертахъ направлялся слѣдующимъ образомъ. Видя уклоненіе присутственнаго мѣста отъ предложенныхъ ему указаній, прокуроръ при рапортѣ представлялъ къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ копію со своего предложенія подлежащему установленію или лицу. Генералъ-прокуроръ по этому поводу, если признавалъ нужнымъ, дѣлалъ предписаніе оберъ-прокурору, который уже въ свою очередь входилъ съ письменнымъ или словеснымъ предложеніемъ въ департаментъ Сената. Впрочемъ, взаимно генералъ-прокурору могли представлять свои донесенія и самыя присутственные мѣста, если дѣло касалось прокурора Дальнѣйшее направленіе подобнаго донесенія было одинаково съ направленіемъ прокурорскаго рапорта. Вотъ, напримѣръ, образецъ такого генералъ-прокурорскаго предписанія по представленіямъ обѣихъ категорій [1]).

„Высокородный и превосходительный Правительствующаго Сената Господинъ Оберъ прокуроръ, государь мой!

Слободская украинская губернская Канцелярія прислала ко мнѣ доношеніе о находящемся въ Сумской провинціи прокурорѣ Ромашевѣ, что онъ отставного вахмистра Якова Кондратьева приводилъ къ подписанію на достояные во владѣніи полковника Кондратьева деревни, уступки въ противность указа 1740 года іюля 23 дня. А какъ сіе дѣло при-

[1]) Архивъ М. Ю № $\frac{37}{4938}$, дѣло № 12

надлежитъ до разсмотрѣнія второго Сената Департамента, то я, помянутое доношеніе съ приложеніемъ при семъ сообщая, рекомендую вашему превосходительству исходатайствовать по оному отъ Сената подлежащее рѣшеніе съ тѣмъ, чтобы по разсмотрѣніи о поступкахъ прокурора Ромашова дано мнѣ было знать непродолжительно.

Вашего превосходительства государя моего Покорный слуга Князь Александръ Вяземскій".

Это предписаніе можетъ служить общимъ образцомъ обращеній генералъ-прокурора къ подчиненнымъ оберъ-прокурорамъ въ случаяхъ необходимости имъ войти въ Сенатъ съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ; въ качествѣ же образца подобныхъ предложеній можно привести нижеслѣдующій документъ [1]):

„Правительствующему Сенату предложеніе.

Господинъ Генералъ-прокуроръ и кавалеръ прислалъ ко мнѣ полученное имъ Главнаго магистрата отъ прокурора Сушкова, имѣющаго смотрѣніе въ Мануфактуръ-коллегіи доношеніе для исходатайствованія отъ Правительствующаго Сената рѣшенія, что въ той коллегіи производилось дѣло по указу Правительствующаго Сената второго департамента о взысканіи денегъ изъ оставшагося по смерти купца Федора Замятнина имѣнія не окончено по причинѣ Мануфактуръ-Коллегіи и Главнаго магистрата въ ономъ несогласія, почему я означенное доношеніе съ приложеніями Правительствующему Сенату на разсмотрѣніе прислалъ и предлагаю".

Объ исполненіи предписанія генералъ-прокурора оберъ-прокуроръ обыкновенно представлялъ начальству рапортъ [2]).

Какъ можно усмотрѣть изъ приведеннаго выше предписанія Вяземскаго не только прокуроры доносили на губернскія и провинціальныя Канцеляріи и коллегіи, но и эти мѣста въ свою очередь при случаѣ старались указать сучокъ въ прокурорскомъ глазу Объяснялось подобное яв-

---

[1]) Архивъ М. Ю. № $\frac{143}{5046}$, л. 149.

[2]) Матерьялы, № 82

леніе самымъ характеромъ прокурорской дѣятельности, которая при добросовѣстномъ отношеніи прокуроровъ къ своимъ обязанностямъ не могла не вызывать непріязненности къ себѣ со стороны правительственныхъ лицъ и установленій Не смотря на всѣ вновь принимаемые мѣры чиновничій персоналъ екатерининскаго времени туго отставалъ отъ отцами завѣщанныхъ преданій произвола, халатности, пристрастія и прочихъ служебныхъ пороковъ, осужденныхъ императрицей въ ея указахъ. Дѣятельность ретивыхъ прокуроровъ при такихъ условіяхъ не могла вызвать къ себѣ нѣжности со стороны представителей администраціи и суда. Конечно, какъ свидѣтельствуетъ дѣло по злоупотребленіямъ почти всего губернскаго персонала въ Бѣлгородской губерніи въ 1766 году [1]), екатерининскіе прокуроры не всѣ стояли на высотѣ своего положенія, но такіе недостойные представители прокурорскаго надзора по большей части были крайне покладисты, а потому и мѣстные власти съ ними уживались безъ доноспительства по начальству. Съ этой точки зрѣнія доносы на прокурора, въ недовольство имъ со стороны лицъ и учрежденій, при которыхъ они находились, въ извѣстной мѣрѣ являлись имъ рекомендаціей, а неблагопріятныя сообщаемыя о нихъ свѣдѣнія нуждались въ строгой провѣркѣ Въ самомъ дѣлѣ нужно имѣть виду, что даже такой просвѣщенный и вообще почтенный губернаторъ, какъ Сиверсъ, жаловался на „привязки“ и „излишніе споры“ псковского провинціальнаго прокурора Бибикова, который не имѣя прямого отношенія къ губернатору, поссорился съ воеводой, умѣвшимъ, очевидно, добиться губернаторскаго покровительства А для такого покровительства всегда имѣлось со стороны губернатора нѣкоторое предрасположеніе, такъ какъ всякій ретивый прокуроръ въ томъ или другомъ отношеніи являлся для оберегавшей свое спокойствіе губерніи безпокойнымъ, а иногда даже и опаснымъ человѣкомъ. Если только удавалось, мѣстныя власти при каждомъ удобномъ случаѣ старались сами упечь или подвести неудобнаго прокурора, нахо-

[1]) П С. З № 12781.

дившаго себѣ опору только въ генералъ-прокурорскомъ могуществѣ. Поэтому неудивительно, что въ отношеніи того же Бибикова Сенату вторично пришлось въ 1769 г. разсматривать представленіе Сиверса по поводу доноса надворнаго совѣтника Караулова о притѣсненіяхъ, производимыхъ прокуроромъ по гражданскому дѣлу Караулова съ ассесоромъ Большимъ Львовымъ [1]). Караулов, между прочимъ, старался доказать, что притѣсненіями своими прокуроръ имѣлъ намѣреніе заставить себѣ продать непродажную деревню жалобщика. Сиверсъ требовалъ смѣны Бибикова, но, какъ видно, центральная прокуратура въ свою очередь не была склонна легко давать своихъ провинціальныхъ товарищей въ обиду и потому, и два года спустя псковской прокуроръ все-таки оказывается на томъ же мѣстѣ и по прежнему подвергается гоненію со стороны Сиверса, который называетъ его въ донесеніи генералъ-прокурору, ябедникомъ и безпутнымъ человѣкомъ [2])

Какъ было сказано выше, не только низшая, но и высшая администрація разсматриваемой эпохи имѣла основаніе недружелюбно относиться къ контрольной дѣятельности прокуратуры. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же самый просвѣщенный Сиверсъ при случаѣ не прочь былъ выйти изъ границъ законности, если это представлялось ему цѣлесообразнымъ. Такъ, когда въ подвѣдомственной ему олонецкой воеводской канцеляріи открылись хищенія, онъ не усумнился *для скорости* взыскать похищенное съ виновныхъ и невиновныхъ, а воеводу съ секретаремъ отрѣшилъ отъ должности, даже не допросивъ, ихъ какъ слѣдуетъ и не выяснивъ, дѣйствительно ли они въ чемъ-либо виновны или нѣтъ. Вообще, а priori можно сказать, что обширная власть губернаторовъ съ подчиненными и надзоръ прокуроровъ силою вещей неминуемо должны были приходить въ столкновеніе, и дѣйствительно взаимными пререканіями обѣихъ сторонъ и отмѣчены сенатскія лѣтописи екатерининскаго времени:

[1]) Матерьялы, № 101

[2]) Архивъ М. Ю. Журналы и протоколы Сената по 2 д-ту. Журналъ 13 апрѣля 1771 г., п 2

новгородскій губернаторъ жаловался на псковского прокурора; бѣлгородскій прокуроръ жаловался на своего губернатора, который въ свою очередь доносилъ на прокурора, что тотъ затрудняетъ производство дѣлъ [1]); прокуроромъ былъ недоволенъ и оренбургскій губернаторъ и т. д.

Итакъ, легко видѣть, что всякій, болѣе или менѣе рачительный прокуроръ, всегда могъ нажить нелестную кличку ябедника и возстановить противъ себя сослуживцевъ, если принять во вниманіе право прокурорской власти вмѣшаться во всякую, даже кажущуюся ему, неправильность. Поэтому трудно перечислить всѣ стороны управленія и суда, которыхъ съ точки зрѣнія охраны законности касалась въ своихъ донесеніяхъ подчиненная прокуратура. Такъ, напримѣръ, великолуцкій провинціальный прокуроръ доносилъ на великолуцкаго воеводу Аракчеева „въ отдачѣ имъ безъ согласія его брегадира Феодосія Байкова служителю Ермолаеву заготовленнаго къ отсылкѣ въ Новгородскую губернскую Канцелярію о слѣдующемся по смертному убивственному дѣлу объявленнаго Байкова крестьянинѣ Матвѣѣ Шилинѣ со мнѣніемъ на разсмотрѣніе экстракта“ [2]); Сенатъ по этому донесенію приказалъ отослать его „во первыхъ по порядку“ въ Юстицъ-Контору и, за тѣмъ, „что учинено будетъ, въ Сенатъ репортовать“. Прокуроръ Похвиснев изъ Главнаго Магистрата доносилъ, что Магистратъ, несмотря на его предложеніе, противъ законовъ постановилъ рѣшеніе въ вексельномъ дѣлѣ купцовъ братьевъ Голиковыхъ, изъ которыхъ Иванъ просилъ о переносѣ его дѣла въ Сенатъ; Сенатъ потребовалъ къ себѣ все производство [3]). Вологодскій провинціальный прокуроръ Ермаковъ сообщалъ о неуказныхъ сборахъ, производимыхъ сотскимъ съ крестьянъ [4]); Сенатъ отослалъ прокурорское доношеніе въ Юстицъ-Контору Прокуроръ Колошинъ переносилъ дѣло объ отысканіи правъ новокрещенымъ полякомъ Алексѣевымъ, котораго Юстицъ-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія, т. 27, стр 114.

[2]) Архивъ М Ю. Протоколъ 12 Октября 1765 г.

[3]) Ibid. Протоколъ 16 Февраля 1766 г.

[4]) Архивъ М Ю. Журналъ 2-го д-та 16 Мая 1766 г. п 5.

Коллегія намѣревалась закрѣпостить частному владѣльцу [1]). Великолуцкій прокуроръ Безобразовъ доносилъ на провинціальнаго воеводу Шишкина по той причинѣ, что Шишкинъ не соглашался вызвать къ суду торопецкаго воеводскаго товарища Шилина, на котораго поступило челобитье отставного секундъ-маіора Чичирикова [2]); Сенатъ передалъ дѣло въ Юстицъ-Контору Астраханскій губернскій прокуроръ Толстой рапортовалъ генералъ-прокурору, что „въ той губерніи содержится колодниковъ 517 человѣкъ и изъ нихъ нѣкоторые весьма долговременно, командируются за приставами въ разныя отдаленныя мѣста для партикулярныхъ работъ, откуда бѣжавъ, попадаются опять въ разбоѣ, о чемъ прокуроръ предлагалъ канцеляріи неоднократно, однако, ничего онаго не сдѣлано“ [3]); Сенатъ распорядился послать въ Астраханскую губернію указъ съ запросомъ, почему допускаются такіе безпорядки. Пермскій губернскій прокуроръ Копневъ доносилъ о неправильностяхъ, допущенныхъ губернской Канцеляріей по производящемуся въ ней дѣлу крестьянина Быкова съ татарами, а также о битьѣ и увѣчьи Быкова и взяткахъ воеводскаго товарища Скороходова съ секретаремъ Милюковымъ: Сенатъ постановилъ препроводить доношеніе Копнева въ Юстицъ-Коллегію, а въ ней учинить рѣшеніе по законамъ [4]).

Иногда независимо отъ отдѣльныхъ доношеній порознь Сенату докладывался сразу цѣлый рядъ прокурорскихъ рапортовъ, и Сенатъ постановлялъ по нимъ рѣшеніе тоже, такъ сказать, въ суммарномъ порядкѣ. Напримѣръ, въ 1767 г. оберъ-прокуроръ Всеволожскій предлагалъ второму департаменту рапорты: 1) псковскаго провинціальнаго прокурора Бибикова „о непорядочныхъ поступкахъ той канцеляріи протоколиста Наплекина“ и о томъ, что, несмотря на прокурорскія предложенія, канцелярія своего протоколиста защищаетъ; 2) вологодскаго провинціальнаго прокурора Ермо-

---

[1]) Ibid 1766 г 24 Іюля
[2]) Ibid 1770 г. 10 Мая
[3]) Ibid 1773 г 7 Октября.
[4]) Матерьялы, № 74

лова, сообщавшаго генералъ-прокурору цѣлый рядъ отступленій отъ закона со стороны мѣстныхъ властей. Именно Ермоловъ увѣдомлялъ, что провинціальная канцелярія задерживаетъ произвольно колодниковъ и въ числѣ ихъ одного поповскаго сына, присланнаго изъ тамошней консисторіи только для положенія его въ подушный окладъ; что воеводскій товарищъ Ковалевъ, вмѣстѣ съ секретаремъ Филатовымъ, у себя въ квартирѣ, безъ канцелярской резолюціи допрашивалъ вдову Черницову въ продажѣ ею чужого имѣнія; что Канцелярія, не смотря напрокурорское предложеніе отдала полковнику Разварину приведенныхъ имъ и ранѣе жившихъ у соляного промышленника людей, которыхъ Соляная контора приказала сыскать и держать подъ карауломъ. Сенатъ, слѣдуя своей общей въ такихъ дѣлахъ формулѣ, опредѣлилъ: „Тѣ прокурорскія доношенія, какъ слѣдующія *по порядку* до разсмотрѣнія губернскихъ Канцелярій, отослать псковскаго въ Новгородскую, а вологодскаго въ Архангелогородскую губернскія Канцеляріи, которымъ, немедленно разсмотря, учинить рѣшеніе въ силу законовъ непродолжительно, о чемъ написать особый протоколъ“ [1])

Такому же суммарному разсмотрѣнію въ 1766 г. подверглись рапорты различныхъ прокуроровъ, доносившихъ о накопленіи во многихъ присутственныхъ мѣстахъ содержащихся подъ стражею. Сенатъ приказалъ о скорѣйшемъ окончаніи колодническихъ дѣлъ во всѣ подлежащія установленія послать соотвѣтствующаго содержанія указы [2]).

Разсмотрѣніе прокурорскихъ донесеній вообще представлялось одной изъ видныхъ частей дѣятельности сенатской по надзору

Какъ видно изъ сенатскихъ протоколовъ, въ своихъ резолюціяхъ по прокурорскимъ донесеніямъ Сенатъ отправлялся отъ того же начала инстанцій и самъ разсматривалъ дѣла только въ томъ случаѣ, если мѣсто, противъ дѣйствій котораго протестовалъ прокуроръ, нахо-

---

[1]) Ibid., № 94
[2]) Ibid, № 78

дилось въ непосредственномъ подчиненіи Сенату. Иначе, или просто посылался указъ, или донесеніе, съ котораго снималась остававшаяся въ Сенатѣ копія, направлялось въ Юстицъ-Коллегію или въ губернскую Канцелярію по принадлежности для разсмотрѣнія. Слѣдовательно, по общему правилу, за Сенатомъ оставался только контроль надъ дѣйствительнымъ исполненіемъ его указа, если уже замѣченное прокуроромъ нарушеніе закона по удостовѣренію подлежащей коллегіи или Канцеляріи было достаточно важно, то дѣло поступало на сенатскую ревизію.

§ 15. Осуществленіе функціи сенатскаго надзора при посредствѣ донесеній губернаторовъ, воеводъ и другихъ должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ.

Слѣдующимъ средствомъ сенатскаго надзора являлись донесенія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ вмѣстѣ съ губернаторами. Эти донесенія, конечно, имѣли болѣе случайный характеръ, нежели сношенія прокуратуры со своимъ высшимъ начальствомъ, что отражалось и на свойствахъ основаннаго на нихъ контроля Особенностью донесеній присутственныхъ лицъ служило то обстоятельство, что, если прокуроры сообщали главнымъ образомъ о нарушеніи законности въ отдѣльныхъ случаяхъ, мѣстныя установленія возбуждали вопросы объ отвѣтственности и огульно. Такъ, напримѣръ, ярославскій полицеймейстеръ секундъ-майоръ Шаргинъ вообще доносилъ о взяткахъ какъ бывшаго ярославскаго воеводы Большаго-Шубина, такъ и настоящаго -Кочетова „съ прочими канцелярскими служителями“ [1]); Сенатъ по этому донесенію постановилъ то донесеніе, оставя съ него въ Сенатѣ копію, отослать при указѣ въ Юстицъ-Коллегію, которой, разсмотря, поступить въ силу законовъ и, что учинено будетъ, въ Сенатъ репортовать“. Точно также Казанская губернская канцелярія пред-

[1]) Ibid. Протоколъ 1764 г. 13 Сентября.

ставляла Сенату о чинимыхъ мензелинскимъ воеводой Смагинымъ мѣстнымъ татарамъ притѣсненіи и взяткахъ; Сенатъ приказалъ губернской канцеляріи смѣнить виновнаго воеводу и произвести о немъ строгое слѣдствіе, поступивъ затѣмъ по силѣ указовъ [1]). Главный магистратъ сообщалъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ въ отношеніи старорусскаго купечества главнаго сыщика, полковника Коптева; Сенатъ приказалъ это магистратское донесеніе съ оправдательнымъ рапортомъ Коптева отослать въ Юстицъ-Коллегію и о томъ, что будетъ произведено, рапортовать“ [2]).

Въ результатѣ донесенія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ влекли за собою, смотря по сущности дѣла, такія же послѣдствія, какъ и прокурорскіе рапорты, съ той лишь разницей, что дѣйствіе донесеній прокуратуры было интенсивнѣе, такъ какъ по нимъ дѣлались предложенія Сенату спеціальной частью, которая слѣдила за результатами своихъ представленій, а потому и самый Сенатъ заставила къ такимъ дѣламъ относиться внимательнѣе.

О нарушеніи границъ законности Сенатъ получалъ также косвенныя свѣдѣнія и отъ губернаторовъ; но дѣло въ томъ, что губернаторскія донесенія по преимуществу имѣли характеръ общихъ отчетовъ по управленію губерніей и касались всякихъ отступленій отъ законности только попутно.

Тѣмъ не менѣе, однако, иногда, въ этихъ отчетахъ, не смотря на ихъ слишкомъ пестрое содержаніе, открывались чрезвычайно поучительныя картины состоянія мѣстной свѣтской и духовной администраціи, и ея отношенія къ частнымъ лицамъ. Изъ губернаторскихъ донесеній послѣдняго рода замѣчательны, между прочимъ, отчеты Новгородскаго губернатора Сиверса и Сибирскаго Чичерина. Сиверсъ, напримѣръ, сообщалъ, что, по пріѣздѣ въ Новгородъ, онъ нашелъ тамъ необычайный безпорядокъ: изъ двухъ или трехсотъ просьбъ по гражданскимъ дѣламъ въ губернской канцеляріи рѣшалось въ годъ не болѣе двухъ или трехъ; во

---

1. Архивъ М. Ю. Протоколъ 2 д-та отъ 5 Октября 1764 г.
2. Ibid Протоколъ 20 Января 1765 г.

всей губерніи собственно не было никакой полиціи; приказанія воеводами губернатора передавались сотскимъ, но такъ какъ сотскіе обыкновенно бывали безграмотны, то читалъ ихъ и писалъ донесенія церковный дьячекъ; болѣе тысячи преступниковъ содержалось въ тюрьмахъ и болѣе тысячи другихъ были отпущены на поруки [1]).

Чичеринъ въ свою очередь доносилъ о злоупотребленіяхъ, жертвами которыхъ являлись несчастные инородцы: заводскіе управители, Кругликовъ и Мельниковъ, жгли юрты ясачныхъ, самихъ инородцевъ мучили, а скотъ и хлѣбъ грабили. По этимъ злоупотребленіямъ наряжено было слѣдствіе, выяснившее обстоятельства дѣла: управители сперва обязались заплатить за пограбленное и истребленное, но потомъ отказались и, бѣжавъ въ Барнаулъ, подали главному командиру Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, Порошину, прошеніе о защитѣ. Порошинъ взялъ управителей подъ свою защиту, поощряя ихъ тѣмъ къ дальнѣйшимъ безчинствамъ. Разнузданность этихъ чиновниковъ, наконецъ, дошла до того, что когда Чичеринъ приказалъ доставить названныхъ двухъ управителей въ комиссію для раскладки ясака, чтобы имѣть наконецъ возможность съ ними расправиться, то Кругликовъ, собравъ до двухсотъ мужиковъ своего вѣдомства, встрѣтилъ посланныхъ за нимъ, съ оружіемъ въ рукахъ и перебилъ ихъ; тоже самое сдѣлалъ и Мельниковъ [2]). Отъ свѣтскихъ властей въ Сибири не отставали и духовныя. Вотъ какъ, напримѣръ, по донесенію Чичерина, происходило обращеніе языческихъ инородцевъ въ христіанство. „Стараются они (проповѣдники) въ отдаленныя и дикія мѣста, гдѣ проповѣдуютъ на русскомъ языкѣ, такимъ людямъ, которые не слыхивали, какъ по-русски говорятъ, и увѣщеваютъ къ крещенію, всегда тѣхъ, у которыхъ больше пожитку видятъ. Обольстя награжденіемъ, напоивъ пьяныхъ, или напугавши крестятъ, а какъ при крещеніи дѣйствуютъ, того неизвѣстно. Перекрестя, отъѣзжаютъ въ другія мѣста на лошадяхъ

---

[1]) Соловьевъ История, т. 61, стр. 109—110.
[2]) Ib. т. 27, стр. 298.

и на издержкахъ новокрещеннаго, оставивъ ему написанный на бумагѣ символъ вѣры, который этотъ христіанинъ безумно почитаетъ божествомъ, а что въ немъ написано,—не знаетъ. Чрезъ годъ и больше, проповѣдникъ возвращается для свидѣтельства новыхъ христіанъ, и тутъ великія привязки дѣлаются. Въ посты привозятъ съ собою посуду, намазанную молокомъ или масломъ, лошадиныя кости, обвиняютъ въ отступничествѣ отъ вѣры христіанской, пугаютъ жестокими наказаніями и чрезъ то грабятъ безчеловѣчно; если же кто не даетъ, тѣхъ берутъ съ собой и на ихъ же подводахъ и на коштѣ, забивши въ колодки, везутъ по другимъ жилищамъ“ [1]).

Изъ приведенныхъ отрывковъ губернаторскихъ донесеній видно, что они, точно также какъ и остальныя свѣдѣнія, исходившія отъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, касались не одного какого-либо неправильнаго дѣйствія или злоупотребленія, а обличали виновнаго или виновныхъ огуломъ; этимъ же характеромъ отличались и отдѣльныя донесенія губернаторовъ, направляемыя противъ представителей прокуратуры. Какъ вообще донесенія администраціи, данныя, сообщаемыя губернаторами, являлись болѣе или менѣе случайными и уступали въ систематичности прокурорскимъ, но общій характеръ губернаторскихъ отчетовъ обладалъ однако тѣмъ особымъ значеніемъ, что на основаніи губернаторскихъ донесеній предпринимались не частныя, но общія мѣры къ упорядоченію страдавшихъ недостатками областей управленія.

Перечисленныя средства оффиціальнаго надзора пополнялись донесеніями частныхъ лицъ, но Сенатъ относился къ послѣднимъ способамъ контроля отрицательно, конечно, не изъ высшихъ побужденій—отвращенія къ доносу, а чисто съ формальной точки зрѣнія. Частнымъ лицамъ не было предоставлено права непосредственно сноситься съ Сенатомъ, но когда доносъ отъ частнаго лица случайно поступалъ къ нему, онъ не оставлялъ донощеніе безъ вниманія,

[1]) Соловьевъ. Исторія, т 27, стр. 412.

направлялъ его въ инстанціонномъ порядкѣ, но, нужно признаться, частное лицо мало выигрывало отъ такового вниманія, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ подвергалъ доносчика строгому наказанію, въ полномъ смыслѣ слова, отбивая охоту на будущее время, не будучи лично заинтересованнымъ въ дѣлѣ, указывать злоупотребленія администраціи Такъ, напримѣръ, былъ приговоренъ къ наказанію плетьми тихвинскій купецъ Говядинъ за доносъ прямо Сенату на бургомистра Брюшкова и ратмана Королькова, хотя по самому донесенію должно было произойти разслѣдованіе. Говядинъ избавился отъ наказанія только благодаря всемилостивѣйшему манифесту [1])

Въ этомъ отношеніи Сенатъ расходился во взглядахъ съ императрицей. Екатерина иначе смотрѣла на дѣло. Ей хорошо были извѣстны недостатки существовавшаго оффиціальнаго надзора и потому она не избѣгала частныхъ сообщеній, иногда открывавшихъ очень серьезныя злоупотребленія. Для этой цѣли императрицей было даже разрѣшено въ особо важныхъ случаяхъ подавать запечатанный конвертъ прямо на ея имя, минуя просмотръ нарочно приставленныхъ къ пріему прошеній чиновниковъ. Доносъ, подаваемый непосредственно верховной власти, имѣлъ видъ прошенія на высочайшее имя вслѣдствіе чего писался съ титуломъ и по пунктамъ Въ качествѣ примѣра дѣльнаго доноса, направленнаго прямо на усмотрѣніе монарха, можетъ служить разоблаченіе бѣлгородскимъ купцомъ Шарабановымъ дѣяній бахмутскаго казацкаго коннаго полка подполковника и ротмистра Шабельскихъ, которые не только всячески притѣсняли казаковъ и однодворцевъ, но и завладѣли двумя слободами, принадлежавшими казнѣ Слѣдствіе доказало справедливость шарабановскаго доноса, и доноситель былъ награжденъ двумя стами рублей [2]).

---

[1]) Матерьялы, № 69.

[2]) Дѣло о доносахъ Шарабанова въ Московскомъ Архивѣ М. Ю. № $\frac{37}{4938}$; одинъ изъ сенатскихъ протоколовъ по этому дѣлу см. въ Матерьялахъ № 75.

§ 16. Сенатскій надзоръ за правильнымъ содержаніемъ подъ стражей.

Какъ было указано въ предшествующихъ отдѣлахъ, надзоръ за законностью въ отношеніи содержащихся подъ стражею былъ давнишней контрольной функціей Сената. Этотъ контроль до нѣкоторой степени пополнялъ недостатки сенатской ревизіонной функціи.

Для удобства такого надзора въ концѣ елизаветинскаго царствованія при Сенатѣ была учреждена особая Экспедиція о колодникахъ. 18 Мая 1761 г. Сенатъ подвергнулъ обсужденію вопросъ о спеціальной обязанности всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, при которыхъ содержатся колодники, стараться оканчивать колодническія дѣла въ возможно непродолжительный срокъ, „дабы не подлежащіе долговременному содержанію люди напрасно содержаны не были". Въ виду послѣдовавшихъ соображеній Сенатъ приказалъ во всѣ судебныя мѣста, а также въ губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи и сыщиковыя команды послать указы съ предписаніемъ, не ожидая присылки изъ другихъ подчиненныхъ мѣстъ, каждому особо о содержащихся колодникахъ доставить въ Сенатъ въ самомъ непродолжительномъ времени обстоятельныя вѣдомости за подписью всѣхъ членовъ установленія и прокурора, гдѣ таковой имѣется. Вѣдомости должны были въ себѣ содержать свѣдѣнія о томъ: давно ли содержится каждый колодникъ, по какому дѣлу, въ чемъ виновность его доказана, въ чемъ дѣло осталось недослѣдованнымъ, почему оно не рѣшено, или рѣшено вообще, но исполненія по рѣшенію еще не послѣдовало; требовалось также обозначить всѣ особыя обстоятельства и возрастъ заключеннаго. Для разсмотрѣнія подобныхъ вѣдомостей проектировалась спеціальная экспедиція изъ коллежскихъ и надворныхъ совѣтниковъ, подъ предсѣдательствомъ особаго лица, на обязанность котораго возлагалось подписываньe указовъ относительно сообщенія необходимыхъ для экспедиціи справокъ и свѣдѣній. Экспедиціи предоставлялось право понуж-

дать присутственныя мѣста къ скорѣйшему разрѣшенію колодническихъ дѣлъ подъ страхомъ штрафа въ случаѣ неисполнительности со стороны послѣднихъ. При упорномъ же уклоненіи подлежащаго установленія отъ требованій Экспедиціи по докладу ея Сенатъ самъ долженъ былъ принимать мѣры къ возстановленію законности [1]). Въ ноябрѣ того же 1761 г. года были назначены члены состава Экспедиціи съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Аксаковымъ во главѣ [2]).

Въ началѣ царствованія Екатерины новоучрежденная Экспедиція уже старательно функціонируетъ и по ея докладу въ 1763 г Сенатъ издаетъ указъ по поводу недоставленія нижними мѣстами колодническихъ вѣдомостей, медленности самой ихъ присылки и недостаточности сообщаемыхъ свѣдѣній [3]).

„Того ради, писалъ Сенатъ въ своемъ по данному поводу указѣ [4]), въ предписанной Правительствующаго Сената учрежденной къ разсмотрѣнію о колодникахъ экспедиціи опредѣлено, во всѣ вышеописанныя мѣста, при первомъ случаѣ, въ подтвержденіе послать указы и велѣть вышепоказанныя о колодникахъ вѣдомости присылать какъ вышеописанными посланными изъ Правительствующаго Сената указами повелѣно, неотмѣнно, и ежели изъ которыхъ мѣстъ таковыхъ вѣдомостей понынѣ не послано, то конечно, по полученіи указовъ, на первой почтѣ, а изъ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ чрезъ недѣлю, а впредь таковые къ по прошествіи каждаго мѣсяца присылать со всякимъ въ нихъ изъясненіемъ, чтобъ въ разсмотрѣніи оныхъ никакихъ недостатковъ и отъ того въ однѣхъ токмо перепискахъ затрудненія, а колодникамъ долговременныхъ задержать не было, показывая въ нихъ всегда и о томъ, кто именно въ какой суммѣ денежной казны содержится, по казеннымъ ли взысканіямъ, или по партикулярнымъ [5]), такожъ послѣ прежде отправленной вѣ-

---

[1]) П. С. З. № 11266
[2]) Ib № 11357.
[3]) Ib. № 11737
[4]) Ibidem
[5]) Главнымъ образомъ по вексельнымъ претензіямъ.

домости, сколько и котораго числа такихъ дѣлъ рѣшено, колодниковъ свобожено, или въ ссылку или въ другія какія именно мѣста, по какимъ винамъ послано и какая имъ экзекуція учинена". Въ заключеніе приказывалось начальникамъ всѣхъ судебныхъ установленій, „по должности своей прилежное попеченіе повсядневно прилагать о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ ихъ и на посланныя изъ разныхъ мѣстъ о тѣхъ колодникахъ требованіи самоскорѣйшія резолюціи, отвѣтствіи и исполненіи чинить, не чиня никакого медленія".

Затѣмъ вскорѣ послѣ изданія именного указа о порядкѣ производства уголовныхъ дѣлъ по воровству, разбою и пристанодержательству [1]) послѣдовалъ новый сенатскій указъ о присылкѣ въ Экспедицію колодническихъ вѣдомостей сообразно срокамъ рѣшенія разбойническихъ и воровскихъ дѣлъ, установленнымъ высочайшимъ повелѣніемъ [2]).

Въ томъ-же 1763 г 31 марта состоялся еще специальный сенатскій указъ о присылкѣ въ Экспедицію особыхъ вѣдомостей о малолѣтнихъ преступникахъ, содержащихся въ мѣстахъ заключенія [3]).

Разсматриваемой отраслью надзора интересовалась очень сама Екатерина, и вслѣдъ за сенатскими понудительными указами появился въ апрѣлѣ того-же года именной, указъ [illegible] нуждавшій Сенатъ къ усиленному контролю за содержаніемъ колодниковъ и своевременномъ разрѣшеніи касающихся ихъ дѣлъ [4]). Сенатъ тогда-же еще разъ подтвердилъ свои прежніе указы Тѣмъ не менѣе, несмотря на цѣлый рядъ послѣдовавшихъ предписаній, присутственныя мѣста не выказали особой торопливости въ исполненіи сенатскихъ повелѣній. Халатность въ отношеніи колодниковъ царствовала въ теченіе долгихъ лѣтъ, а потому продолжалась и въ разсматриваемое время. Фактъ этотъ былъ засвидѣтельствованъ оффиціальнымъ образомъ Въ декабрѣ 1763 г., Экспедиція докладывала Сенату что въ Петербургѣ, въ Мо-

[1]) П. С. З № 11750.
[2]) Ib. № 11752.
[3]) П. С. З № 11782.
[4]) Ibidem. № 11787.

сквѣ и при прочихъ губернскихъ, провинціальныхъ и городскихъ канцеляріяхъ съ 1756 по 1763 годъ долговременно содержалось 1862 человѣка, но въ этой цифрѣ заключались не всѣ, такъ какъ многія присутственныя мѣста доставляли, видимо, неполныя свѣдѣнія, или совсѣмъ оставляли Экспедицію въ неизвѣстности относительно своихъ колодниковъ [1])

Сенатъ по этому докладу приказалъ: „Въ подтвержденіе всѣхъ прежде посланныхъ изъ Правительствующаго Сената указовъ, какъ во всѣ присутственныя мѣста, такъ въ губерніи и провинціи, а изъ оныхъ въ приписные къ нимъ города, подтвердить наикрѣпчайшими указами, чтобы о всѣхъ содержащихся до нынѣ колодникахъ дѣла немедленно и конечно въ положенные по указамъ сроки рѣшены были, безъ наималѣйшаго продолженія, и въ помянутую о колодникахъ экспедицію присылали изъ здѣшнихъ и изъ московскихъ присутственныхъ мѣстъ еженедѣльныя, а изъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, а также изъ городовыхъ полицейскихъ конторъ и магистратовъ мѣсячные сроки". Наблюденіе за исполненіемъ этого приказанія со стороны низшихъ установленій поручалось Главной полицеймейстерской канцеляріи, Главному Магистрату и губернскимъ канцеляріямъ За одно Сенатъ предписывалъ Экспедиціи представить ему точныя свѣдѣнія, какія изъ присутственныхъ мѣстъ виновны въ уклоненіи отъ повиновенія сенатскимъ указамъ по колодническимъ дѣламъ, для наложенія на нихъ заслуженнаго штрафа; но на будущее время Экспедиціи рекомендовалось о медлительности подчиненныхъ установленій въ колодническихъ дѣлахъ сообщать прямо сенатскому экзекутору, на котораго возлагалась обязанность понуждать неисправныхъ и взыскивать съ нихъ безъ всякаго послабленія и только въ случаѣ упорнаго неисполненія рапортовать Сенату [2]).

Послѣднее распоряженіе послѣдовало во избѣжаніе „всегдашняго утружденія" Сената. Однако, уже при самомъ объ-

---

[1]) Ib. № 11992

[2]) Ib

явленіи приведеннаго указа можно было сомнѣваться въ цѣлесообразности устраненія Сенатомъ самого себя отъ непосредственнаго участія въ контролѣ за содержаніемъ преступниковъ въ мѣстахъ заключенія. Экзекуторское напоминаніе ни въ какомъ случаѣ не могло быть столь авторитететно, какъ сенатскій указъ а, между тѣмъ, и сенатскія предписанія исполнялись весьма неисправно. И дѣйствительно, въ іюнѣ 1764 г. Сенату пришлось издать общій новый указъ по рапорту Экспедиціи, которая доводила до свѣдѣнія Сената, что канцеляріи и прочія установленія продолжаютъ упорствовать въ своемъ неповиновеніи, хотя въ нѣкоторыя губерніи были посланы нарочные курьеры. По даннымъ Экспедиціи только въ одномъ 1763 г., по разнымъ дѣламъ числилось вступившихъ 2000 колодниковъ, относительно которыхъ въ дѣлахъ ихъ не только полугодовые сроки миновали, но уже и двойные прошли [1]); другіе заключенные отъ прошлыхъ годовъ содержались по году, по два и даже болѣе десяти лѣтъ, вслѣдствіе чего многіе совершенно раззорились, а относительно нѣкоторыхъ, въ силу долговременнаго заключенія, можно было ожидать, что они могли умереть или убѣжать изъ тюремъ

Сенатъ опять напомнилъ о необходимости внимательнаго отношенія къ колодническимъ дѣламъ и объявилъ, что отнынѣ виновные въ колоднической волокитѣ будутъ подвергаться вычету третнаго годового жалованья [2]). Однако, въ февралѣ 1766 г. опять пришлось прибѣгать къ понужденію, но на этотъ разъ уже не по иниціативѣ Экспедиціи, а по предложенію оберъ-прокурора Всеволожскаго, который сообщалъ, что по рапортамъ прокуроровъ во многихъ присутственныхъ мѣстахъ число содержащихся подъ стражею по прежнему умножается Въ виду этого предложенія, Сенатъ не только издалъ подтвердительный указъ, но напомнилъ и Экспедиціи объ ея обязанностяхъ и разрѣшилъ по прежнему, въ случаѣ безуспѣшности ея непосредственныхъ понужденій, представлять Сенату [3]). Экспе-

---

[1]) П. С. З. № 12173

[2]) Ib

[3]) П С З. № 12578.

диція не замедлила представленіями. Въ іюлѣ того-же 1766 года, Сенатъ снова издалъ подтвердительный указъ и притомъ простодушно объявилъ, что „оный (издаваемый) указъ служитъ не на одно нынѣшнее, но и на всегдашнее впредь время, по которому непремѣнно исполнять и надлежитъ“ [1]; какъ будто-бы всѣ предшествовавшіе его по данному предмету указы имѣли только временное частное значеніе. Очевидно, Сенатъ, съ необычайной для такого серьезнаго учрежденія наивностью, желалъ дать подчиненнымъ мѣстамъ возможность оправданія въ прошломъ и исправленія въ будущемъ, но тѣ хотѣли пользоваться снисходительностью и долготерпѣніемъ начальства и далѣе, по крайней мѣрѣ въ мартѣ 1767 г., Экспедиціей былъ представленъ Сенату докладъ, изъ котораго можно было усмотрѣть подробную очень грустную картину движенія колодническихъ дѣлъ по разнымъ высшимъ и низшимъ россійскимъ канцеляріямъ [2])

Изъ доклада Экспедиціи, представляющаго длинный и скорбный мартирологъ всевозможныхъ сидѣльцевъ, между прочимъ, явствуетъ, что нѣкоторые колодники содержались въ петербургскихъ тюрьмахъ, по близости высшаго начальства, по двадцати и болѣе лѣтъ. Такъ, были забыты обвиняемые въ похищеніи матеріяловъ изъ адмиралтейскихъ магазиновъ: слѣдствіе о нихъ кончилось 1746 г., и изъ Розыскной экспедиціи дѣло было представлено въ Адмиралтействъ-коллегію, а оттуда, для разсмотрѣнія, отослано въ особую, учрежденную при Адмиралтействѣ, коммиссію, но тамъ рѣшенія не получило. Люди притомъ содержались въ петербургскихъ мѣстахъ заключенія по нѣскольку лѣтъ вовсе не по серьезнымъ преступленіямъ, а по мелкимъ нарушеніямъ закона и полицейскихъ предписаній, и нерѣдко, вмѣстѣ съ тяжкими преступниками При полиціи нѣкоторые долговременно сидѣли безъ рѣшенія дѣла за прошеніе милостыни; въ Камеръ-Конторѣ съ 1765 г.—за примѣшиваніе къ вину воды; въ Соляной конторѣ—за обвѣшиваніе солью: дѣло этихъ послѣд-

[1]) Ib. № 12706

[2]) Матерьялы. № 95

нихъ задержалось за нехожденіемъ магистратскаго депутата, а Контора не догадывалась понудить его къ явкѣ или потребовать присылки другого; въ Магистратской Конторѣ съ 1761 г. содержалось нѣсколько лицъ по вексельнымъ претензіямъ и за поддѣлку векселей—о нихъ на конторскія представленія не получалось указа отъ Главнаго Магистрата; въ петербургской губернской Канцеляріи ожидали своей участи, вмѣстѣ съ 1764 г. осужденными къ ссылкѣ въ Нерчинскъ, съ 1765 г.—полякъ, желающій быть въ услуженіи, и одинъ бродяга, не помнящій родства; кромѣ нихъ, разные приводные въ побѣгахъ и по челобитчиковымъ дѣламъ, также не имѣющіе паспорта наймиты, безпаспортныя солдатскія жены, женщины, просившія милостыню

Среди массы дѣлъ о колодникахъ другихъ губерній, въ докладѣ Экспедиціи обращало на себя вниманіе, дѣло двадцати девяти экономическихъ крестьянъ, обвинявшихся „въ противностяхъ и другихъ непотребствахъ“. Эти люди содержались третій годъ въ Розыскной экспедиціи по тому „слабому, какъ правильно замѣтила Экспедиція о колодникахъ, резону“, что отъ Коллегіи Экономіи на производство указаннаго дѣла не было прислано бумаги, чернилъ, сюргуча и приказныхъ служителей. Подъ приведеннымъ предлогомъ объ упомянутыхъ крестьянахъ даже самое слѣдствіе долго не начиналось. Затѣмъ въ Тверской провинціальной канцеляріи томился третій годъ пономаревъ сынъ, явившійся въ ту Канцелярію по своей волѣ для принесенія оправданій по взводимому на него сотскимъ обвиненію, но задержанный, какъ уличенный тяжкій преступникъ. Въ различныхъ магистратахъ и ратушахъ содержалось съ 1744 года нѣсколько лицъ безъ рѣшенія ихъ дѣлъ по вексельнымъ и другимъ частноправнымъ претензіямъ, а болѣе всего въ московскомъ Магистратѣ и учрежденномъ при немъ Словесномъ судѣ, при этомъ нѣкоторыя изъ такихъ претензій не превышали двадцати рублей.

Экспедиція указывала Сенату и противузаконное обращеніе канцелярій съ колодниками, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи оказывались ни въ чемъ неповинными. Главнымъ образомъ, присутственныя мѣста злоупотребляли пыткой, не-

смотря на общія о ней правила и спеціальныя узаконенія Екатерины. Такъ, напримѣръ, въ Розыскной экспедиціи одну солдатку и крестьянина трижды пытали и жгли зажженными вѣниками по обвиненію: его въ опоеніи другихъ крестьянъ дурманомъ и уводѣ лошадей и возовъ съ хлѣбомъ, ея—въ варенiи этого дурмана и передачѣ его похитителю крестьянскаго имущества. „Сей дерзновенный поступокъ, замѣтилъ по этому поводу Сенатъ [1]), столь безчеловѣченъ, что по справедливости требуетъ непремѣннаго взысканія съ тѣхъ, кѣмъ они на сіе тиранство осуждены, и таковая дерзость ни мало не сходствуетъ съ высокомонаршимъ Е. И. В. матернимъ милосердіемъ". Въ этой же Розыскной экспедиціи дважды пытали и намѣрены были пытать еще третій разъ экономическаго крестьянина, по невѣдѣнію купившаго краденую лошадь.

Сенатъ, заслушавъ скорбный докладъ Экспедиціи, постановилъ освободить неправильно содержавшихся подъ стражею, подтвердить прежніе указы о скорѣйшемъ рѣшеніи колодническихъ дѣлъ, разъяснить правила примѣненія пристрастныхъ допросовъ и напомнить мѣстнымъ начальникамъ о лежащей на нихъ обязанности слѣдить за законностью дѣйствій подчиненныхъ лицъ и учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сенатъ предписывалъ о виновныхъ въ незаконномъ истязаніи колодникахъ собрать подробныя справки и подвергнуть ихъ строгой отвѣтственности; объ исполненіи же наказанія представить рапортъ.

Упомянутый обширный и подробный докладъ Экспедиціи состоялся въ мартѣ, а въ маѣ 1767 г. вышелъ сенатскій указъ общаго характера, являвшійся обобщеніемъ частныхъ выводовъ и требованій упомянутаго экспедиціоннаго представленія. Именно въ этомъ указѣ по пунктамъ перечислены и скорѣйшее производство колодническихъ дѣлъ, и освобожденіе неподлежащихъ заключенію, и осторожность и послѣдовательность въ пыткахъ [2]). Указъ 15 сентября 1767 г. въ подробностяхъ содержитъ въ себѣ положенія, соотвѣтствовавшія требованіямъ доклада Экспедиціи, который, какъ было указано выше, касался и непра-

[1]) Ibid.

[2]) П. С. З. № 12894.

вильнаго задержанія непомнящихъ родства, и послѣдствій неплатежа вытей, и женитьбъ мужей отъ живыхъ женъ. Третій пунктъ указа цѣликомъ воспроизводитъ резолюцію Сената относительно наказанія виновныхъ въ злоупотребленіи пыткой и обличенныхъ въ томъ Экспедиціей. Этотъ пунктъ гласитъ: „Самымъ тѣмъ главнымъ правительствамъ отъ подчиненныхъ имъ мѣстъ о всѣхъ содержащихся донынѣ колодникахъ, не изъемля и тѣхъ, которые, хотя и свобождены, но прежде объ нихъ, начиная отъ 1766 года, въ посылаемыхъ въ учрежденную при Сенатѣ о колодникахъ Экспедицію вѣдомостяхъ показано: каждому, своего вѣдомства собравъ достаточныя свѣдѣнія, разсмотрѣть, въ какомъ порядкѣ о тѣхъ колодникахъ дѣла, а особливо пытки, произвожены согласно-ль съ закономъ? И для чего, какъ изъ присланныхъ вѣдомостей выше означено, незаслуживающіе того безчеловѣчно истязаны? Да еще и прежде увѣщанія [1]), что все приписывается дерзновенному поступку присутствующихъ и производителей о томъ дѣлъ, и кто по тому разсмотрѣнію найдутся виновными, съ тѣми непремѣнно поступить по всей строгости законовъ; и если при томъ по криминальнымъ дѣламъ въ непринадлежащемъ истязаніи окажутся виновные, такихъ, яко преступниковъ законовъ и нерадивыхъ, но паче пренебрегающихъ свою должность, отъ тѣхъ дѣлъ отрѣшить, и за что кто отрѣшенъ и за преступленіе чѣмъ оштрафованъ будетъ, о томъ въ Сенатъ немедленно-жъ рапортовать“.

Однако, въ 1768 г. старая исторія повторяется. Какъ видно изъ новаго подтвердительнаго сенатскаго указа, присутственными мѣстами сенатскіе указы по прежнему исполнялись нерадиво и доставленныя ими вѣдомости о колодникахъ по прежнему свидѣтельствовали, что число заключенныхъ увеличивалось вслѣдствіе задержекъ въ рѣшеніи ихъ дѣлъ [2]).

Такимъ образомъ существованіе Экспедиціи на равнѣ съ указами не помогало горю, и вотъ въ томъ-же 1768 г., сентября 29, экспедиція о колодникахъ была уничтожена вы-

[1]) Екатерининскій указъ объ увѣщаніи при помощи священниковъ см. П. С. З. № 11744.

[2]) П. С З. № 13154

сочайше утвержденнымъ докладомъ Сената. Вотъ какъ мотивировалъ Сенатъ, это, повидимому, извнѣ ему навѣянное, всеподданнѣйшее представленіе:

„Въ маѣ мѣсяцѣ 1761 года, для скорѣйшаго рѣшенія о колодникахъ дѣлъ и во избѣжаніе, по онымъ затрудненій, а въ другихъ дѣлахъ помѣшательства, Сенатомъ учреждена особая Экспедиція, въ которой положено быть членами дѣйствительному статскому совѣтнику Аксакову, да одному ассессору, протоколисту, регистратору, канцеляристамъ двумъ и копистамъ четыремъ съ произвожденіемъ жалованья ассессору и канцелярскимъ служителямъ противъ коллежскихъ, а дѣйствительному статскому совѣтнику Аксакову половины армейскаго генералъ-майору оклада. Послѣ того, хотя высочайшимъ Е. И. В. указомъ отъ 15 декабря 1763 г. при которомъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ штаты выданы, и положено дѣламъ по Экспедиціи о колодникахъ быть во второмъ Сената департаментѣ; но какъ о точномъ уничтоженіи сея Экспедиціи ничего не упомянуто, то оная не токмо въ своемъ дѣйствіи осталась. но и порученныя ей дѣла понынѣ отправляетъ, токмо за неположеніемъ ея въ штатахъ, какъ члены, такъ и служители жалованье получаютъ по старымъ окладамъ“. Экспедиція ходатайствовала передъ Сенатомъ о новыхъ штатахъ и доплатѣ разницы штатовъ за старые годы. Сенатъ признавалъ ея ходатайство въ принципѣ достойнымъ вниманія, но по особымъ соображеніямъ все-таки предлагалъ уничтоженіе самого учрежденія. „Какъ напротиву того, продолжалъ поэтому Сенатъ въ своемъ докладѣ, самая сея Экспедиція учреждена Сенатомъ до раздѣленія его на департаменты, и въ такомъ точно уваженіи, что тогда Сенату по множеству другихъ важнѣйшихъ для разсматриванья порученныхъ сей Экспедиціи дѣлъ, времени не доставало, а нынѣ, будучи раздѣленіемъ на департаменты дѣлъ, не мало облегченъ, не находитъ въ ней и совсѣмъ надобности, тѣмъ наболѣе, что въ штатахъ ея не положено“ [1]).

[1]) Ib. № 13170.

БИБЛИОТЕКА

Итакъ, Сенатъ считалъ цѣлесообразнымъ уничтоженіе Экспедиціи въ виду облегченія его, произведеннаго установленіемъ департаментовъ. Странно только, что облегченіе это второй департаментъ призналъ болѣе чѣмъ спустя два года послѣ того какъ онъ дѣйствительно былъ облегченъ указомъ о разсматриваніи апелляціонныхъ дѣлъ въ 3-мъ и 4-мъ департаментахъ, а до того одно время, даже непосредственно, не принималъ текущихъ докладовъ по колодничѐской Экспедиціи. Странно также, что къ убѣжденію и необходимости упраздненія Экспедиціи, Сенатъ пришелъ, какъ-бы внезапно. Еще въ самомъ концѣ іюля онъ скорбѣлъ о малоуспѣшности дѣйствія своихъ понудительныхъ указовъ и усиленно рекомендовалъ присутственнымъ мѣстамъ обстоятельнѣе сноситься съ Экспедиціей, а черезъ два мѣсяца уже представилъ всеподданнѣйшій докладъ объ уничтоженіи своего собственнаго созданія.

Императрица не возражала и утвердила докладъ Впрочемъ и возражать было нечего. Существованіе Экспедиціи не обезпечивало правильнаго сенатскаго контроля за движеніемъ колодничѐскихъ дѣлъ въ низшихъ и среднихъ присутственныхъ мѣстахъ; мало того, оно не обезпечивало даже и полноты свѣдѣній о количествѣ содержащихся подъ стражею и продолжительности такого содержанія. Подобныя свѣдѣнія поступали и помимо Экспедиціи къ генералъ-прокурору черезъ мѣстную прокуратуру, какъ то указано было выше, а также чрезъ челобитныя заинтересованныхъ лицъ. Такъ, въ 1764 г. жаловалась Сенату жена отставного полковника Логгинова на бывшаго енисейскаго воеводу въ безпричинномъ заключеніи подъ стражу ея мужа [1]); въ томъ же 1764 г. подавала на высочайшее имя челобитную дочь солдата Свѣшникова, который содержался подъ карауломъ двѣнадцать лѣтъ по сдѣланному имъ доносу на казанскихъ купцовъ въ утаеніи ими казенныхъ питейныхъ сборовъ [2]). Похищеніе было доказано, но доноситель оказался забытымъ Реви-

---

[1]) Матерьялы, № 55

[2]) Ib., № 65.

зіонъ-Коллегіей, которая по обязанности вела это дѣло. Конечно, императрица не могла сочувствовать существованію учрежденія, котораго назначеніе было съ одной стороны облегчать Сенатъ, послѣ раздѣленія своего на департаменты вовсе на столь заваленный дѣломъ, съ другой—осуществлять ту функцію, которая по принципу должна была лежать непосредственно, на самомъ Сенатѣ, какъ на высшемъ органѣ надзора. Поэтому, можно предположить, что и самый сенатскій докладъ объ уничтоженіи колодническоей Экспедиціи состоялся подъ косвеннымъ воздѣйствіемъ Екатерины.

Итакъ. Экспедиція о колодникахъ подверглась упраздненію, а дѣла ея перешли ко второму департаменту, по этой причинѣ усиленному въ своихъ канцелярскихъ работникахъ секретаремъ и нѣсколькими служителями. Дѣло, однако, отъ того не улучшилось. Въ томъ же 1768 г. Сенатъ опять призналъ нужнымъ потвердить указомъ петербургскимъ присутственнымъ мѣстамъ о скорѣйшемъ рѣшеніи колодническихъ дѣлъ [1]), а въ 1769 г самъ удостоился высочайшаго напоминанія о внимательномъ отношеніи къ этому разряду дѣлъ. „Ея Императорское Величество, говорилось въ именномъ. объявленномъ изъ Сената указѣ [2]), между всѣми по нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ словамъ непрестанными трудами, усмотря изъ поднесеннаго отъ Сената доклада, что производимое въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ о неумышленномъ поручикомъ Дубасовымъ одного помѣщичьяго человѣка убійствѣ, дѣло продолжалось 1761 года съ Маія мѣсяца, чему девятый годъ, и онъ Дубасовъ содержался подъ карауломъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ: *Сенату недреманнымъ окомъ смотрѣть, чтобъ дѣла, правосудія требующія, толь долго безъ рѣшенія не оставались.* Того ради присутственнымъ мѣстамъ имѣющіяся во оныхъ дѣла, и паче по которымъ содержатся колодники по указамъ сроковъ отнюдь не продолжать, а стараться въ тѣ положенные сроки оныя оканчивать, опасаясь за продолженіе неупусти-

---

[1]) П. С. З. № 13216.
[2]) Іb. № 13395.

тельнаго по законамъ штрафа, и для того изо всѣхъ мѣстъ въ силу прежде посланныхъ изъ Сената указовъ о колодникахъ, вѣдомости присылать въ Сенатъ, не продолжая далѣе назначенныхъ въ тѣхъ указахъ сроковъ". Тѣмъ не менѣе, не взирая и на этотъ высочайшій указъ, волокита колодническихъ дѣлъ и неисправность въ присылкѣ вѣдомостей о содержащихся подъ стражей не прекратились, и въ 1773 году Сенатъ, разсматривая общую, по данному вопросу сенатской канцеляріей составленную вѣдомость, усмотрѣлъ цѣлый рядъ упущеній, именно: 1) во многихъ присутственныхъ мѣстахъ содержалось большое число колодниковъ, дѣла которыхъ не получали рѣшенія, несмотря на всѣ истекшіе сроки и притомъ по причинамъ, устраненіе которыхъ всецѣло находилось во власти подлежащихъ установленій. Дѣла лежали по той причинѣ, что по нимъ или не писалось экстрактовъ, или не сочинялось приговоровъ. Нѣкоторыя изъ производствъ оставались безъ движенія въ виду неполученія на посланныя представленія резолюціи высшихъ мѣстъ; другія задерживались изъ за замедленныхъ справокъ изъ разныхъ низшихъ установленій; 2) находились присутственныя мѣста, вовсе не присылавшія вѣдомостей о колодникахъ; другія доставляли крайне небрежно: вмѣсто того, чтобы присылать ихъ черезъ мѣсяцъ, присылали черезъ два и три, не рѣдко черезъ полгода [1]).

Независимо отъ приведеннаго доклада Сенатской канцеляріи въ 1775 году въ августѣ прокуратура опять предлагала второму департаменту, что, несмотря на подтвердительные указы, многія присутственныя мѣста, при которыхъ содержатся колодники, ни дѣлъ ихъ не рѣшаютъ, ни вѣдомостей о нихъ въ Сенатъ не присылаютъ [2]).

Впрочемъ Сенатъ не особенно нуждался въ такихъ сообщеніяхъ. Факты у него самого были на лицо. Такъ, въ 1775 г. Сенатъ разсматривалъ дѣло по жалобѣ петербургскихъ и другихъ городовъ купцовъ Каншина съ товари-

---

[1]) П. С. З. № 14092.

[2]) Архивъ М. Ю. Журн. и прот Сената 2 д-та.

щами и бывшаго гвардіи капрала Старосельскаго на то, что ихъ содержали по вексельнымъ искамъ въ Магистратской Конторѣ отъ пяти до десяти лѣтъ; купцы указывали при томъ, что не смотря на всѣхъ ихъ просьбы, вниманія на нихъ не обращалось, а сами они, приходя въ нищету, содержались въ одномъ острогѣ съ ворами и разбойниками [1]). На запросъ Сената Контора пыталась отговориться тѣмъ, что всѣ дѣла колодническія по 1774 г. отданы ею въ учрежденный при ней департаментъ, на что Сенатъ отвѣтилъ, что онъ надѣется, что при учрежденіи департамента Контора снабдила его всѣми указами, требующими посылки въ Сенатъ колодническихъ вѣдомостей помѣсячно.

Такимъ образомъ, переходя къ оцѣнкѣ контрольной функціи Сената въ отношеніи соблюденія подчиненными установленіями сроковъ рѣшенія колодническихъ дѣлъ и доставленія по нимъ вѣдомостей о содержащихся подъ стражею, приходится признать, что эта отрасль сенатскаго надзора, пожалуй, была поставлена несравненно слабѣе общаго контроля надъ законностью. Колодническія дѣла подавляли своимъ обиліемъ при суровости тогдашнихъ уголовныхъ законовъ и служебной безпечности должностныхъ лицъ. Сенатскіе же указы являлись слишкомъ слабымъ оружіемъ въ борьбѣ съ халатностью судебно-административныхъ учрежденій. По этой причинѣ сенатскій надзоръ за мѣстами заключенія крайне слабо пополнялъ столь же мало удовлетворительно поставленную ревизіонную функцію Сената.

§ 17. Сенатскій надзоръ за своевременнымъ рѣшеніемъ дѣлъ подчиненными мѣстами.

Почти съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ Сенатъ добивался законности въ дѣлахъ о колодникахъ, онъ боролся за ускореніе общаго дѣлопроизводства и исполненіе собственныхъ указовъ по различнымъ отраслямъ управленія и суда.

---

[1]) Архивъ М. Ю. Протоколъ Сената отъ 20 января 1775 г

Въ виду того, что дѣла общаго характера, въ томъ, числѣ и гражданскія, не имѣли свойства жгучести, какъ дѣла соединенныя съ задержаніемъ преступника, сенатскихъ указовъ съ понужденіемъ наблюдать сроки сравнительно были издано очень немного. Но все таки они появлялись.

Итакъ, хотя съ одной стороны для понужденія неисправныхъ существовалъ генералъ-рекетмейстеръ, съ другой стороны самыя дѣла по тяжбамъ, отысканію правъ и проч. могли ждать, не поражая такъ глазъ, какъ томленіе тюремныхъ сидѣльцевъ, тѣмъ не менѣе, Сенатъ отъ времени до времени озабочивался изданіемъ указовъ о доставленіи ему свѣдѣній о рѣшенныхъ и не рѣшенныхъ дѣлахъ, разсматриваемыхъ въ низшихъ установленіяхъ. При Екатеринѣ, подобный указъ былъ изданъ 25 Іюня 1767 г. [1]). Изъ него мы узнаемъ, что, судя по присылаемымъ въ Сенатъ вѣдомостямъ нѣкоторыя, дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ продолжались болѣе тридцати лѣтъ, но по какимъ причинамъ происходила такая медлительность, объ этомъ вѣдомости умалчивали. Сенатъ воочію убѣждаясь, что данныя о движеніи дѣлъ, представляемыя ему изъ подчиненныхъ мѣстъ, крайне неполны и вообще неудовлетворительны, предписывалъ на будущее время представлять таковыя по установленной формѣ, съ объясненіемъ причинъ замедленія производства Въ 1768 г. Сенатъ по этому поводу спеціально обязалъ межевыя канцеляріи присылкой ежемѣсячныхъ вѣдомостей о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ въ Межевую экспедицію [2]). Впрочемъ, еще раньше, въ общемъ указѣ 1766 г. въ п. 7 говорилось: „Какіе во всемъ государствѣ по дѣламъ успѣхи происходятъ, и не терпятъ ли челобитчики беззаконной волокиты? Изо всѣхъ коллегій, канцелярій и прочихъ судебныхъ мѣстъ также, изъ губерній, провинцій и городовъ, сколько гдѣ какихъ дѣлъ рѣшено, и съ котораго времени, какое дѣло началось, за каждый годъ по прошествіи онаго въ первой другого трети присылать краткіе регистры тѣмъ мѣстамъ, кои здѣш-

---

[1]) П. С. З. № 12973.
[2]) Ib № 13162.

нимъ Сената Департаментамъ подчинены, въ здѣшніе, а кои московскимъ, тѣ въ московскіе". За неисполнительность въ данномъ случаѣ долженъ былъ взыскиваться штрафъ въ 10 рублей [1]). Насколько, однако этотъ общій указъ остался безрезультатнымъ, видно изъ вышеприведенныхъ послѣдующихъ сенатскихъ указовъ 1767 и 1768 гг. судьба которыхъ въ свою очередь немногимъ отличалась отъ судьбы ихъ безсильнаго предшественника. Зависѣло подобное явленіе отъ того, что въ общемъ въ указанномъ направленіи Сенатъ проявлялъ слишкомъ мало контрольной энергіи, хотя волокита административныхъ и судебныхъ мѣстъ восемнадцатаго столѣтія была притчей во языцѣхъ и нуждалась въ постоянныхъ мѣрахъ противодѣйствія. Въ качествѣ лишняго примѣра можно указать уже приведенный выше случай такой волокиты по дѣлу Милоховой съ Теряевымъ, тянувшемуся двадцать пять лѣтъ и разрѣшенному только благодаря личному вмѣшательству Екатерины

Слабость учета скорости движенія дѣлопроизводства въ общихъ мѣстахъ по неволѣ обращала на себя вниманіе верховной власти. Медленность въ разрѣшеніи дѣлъ наконецъ бросилась въ глаза самой императрицѣ, хотя и стоявшей сравнительно далеко отъ исполнительной судебно административной машины и занятой множествомъ другихъ сложныхъ государственныхъ дѣлъ. Эта медленность поразила Екатерину тѣмъ, что проявлялась не въ единичныхъ случаяхъ, а по прежнему пребывала общимъ явленіемъ. И вотъ, подъ давленіемъ императрицы въ 1771 году Сенатъ въ дополненіе къ предшествовавшимъ указамъ объявилъ [2]):

„Именнымъ Е. И. В. указомъ, даннымъ Сенату за подписаніемъ собственныя руки, сего жъ Ноября 6, давъ знать, что сколь ни нужно для службы и самого порядка, чтобъ по посылаемымъ изъ одного въ другое гражданское правительство повелѣніямъ вездѣ скорое и точное исполненіе дѣлано было; со всѣмъ тѣмъ, однакожъ, Е. И. В. изъ многихъ дѣлъ усма-

---

[1]) Ib. № 12710.
[2]) П. С. З № 13694

тривается, что въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ сіе столь худо и нерадиво наблюдается, что самыя нужнѣйшія дѣла и учрежденія остаются либо не въ дѣйствіи, или не съ той скоростью и точностью исполняются, какъ служба и важность дѣла требуетъ; и потому Е. И. В. высочайше повелѣть соизволила: Сенату не только во всѣ присутственныя мѣста о томъ наистрожайше подтвердить, но и самому за всѣми подчиненными мѣстами неослабно смотрѣть, чтобы вездѣ по оному въ самой точности наблюдаемо было; если же бы гдѣ паки оказалась какая по сему неисправность, съ таковыми, поступать безъ всякаго послабленія по самой точности законовъ и дѣла таковыя, такъ какъ весьма нужныя, судить безъ всякаго отлагательства и уваженія, потому наипаче, что никакое учрежденіе не можетъ принесть ожидаемой пользы покуда не будетъ въ точности и въ предписанное время исполняемо".

Итакъ, Сенатъ въ данномъ случаѣ самъ получилъ внушеніе, но это побудило его только къ изданію новаго подтвердительнаго къ уже издаваемымъ подтвердительнымъ указамъ, не производившимъ никакого впечатлѣнія на тѣхъ, на кого они должны были дѣйствовать побуждающимъ и устрашающимъ образомъ. Видя всю слабость сенатскаго воздѣйствія на подчиненныя мѣста, Екатерина иногда принуждена была сама принимать на себя осуществленіе надзора и въ этомъ отношеніи. Такъ напримѣръ, въ 1774 г. она собственноручно заготовила рескриптъ на имя президента Юстицъ-Коллегіи Яковлева, относительно медленности дѣлопроизводства въ этомъ учрежденіи. „Многократно доходили до Насъ и еще доходятъ жалобы частныхъ людей о медлительномъ производствѣ дѣлъ или и самой волокитѣ въ Юстицъ-Коллегіи. И хотя Мы по многимъ челобитнямъ, Нашими именными указами напоминали о скорѣйшихъ рѣшеніяхъ, изъ чего бы конечно, желаніе Наше о немедленномъ доставленіи каждому правосудія Коллегія понять могла, однакожъ, видимъ Мы къ сожалѣнію или паче къ огорченію нашему, что жалобы на оную не токмо не престаютъ, но паче умножаются... Чего ради Мы принужденными себя находимъ, напомянуть вамъ, въ

силу Нашего указа 1763 года, декабря 15 дня, 10 пункта, о прилежномъ смотрѣніи за департаментами вашей Коллегіи, чтобы дѣла въ нихъ производимы были безъ волокитъ и по сущей справедливости, и тѣмъ пресѣчены были всѣ Намъ на оную Коллегію докуки". Въ заключеніе, въ случаѣ дальнѣйшей неисправности, Екатерина грозила участью пострадавшей уже за свою халатность Коллегіи Экономіи (С. П. О. т. 13, стр. 411)

Къ такимъ же отраслямъ плохоосуществляемаго сенатскаго надзора нужно отнести и сенатскіе указы относительно того, чтобы въ рапортахъ подчиненныхъ мѣстъ исправно показываемо было время прибытія членовъ въ присутствіе по регламенту. Въ екатерининскую эпоху указъ подобнаго содержанія, между прочимъ, состоялся въ апрѣлѣ 1766 г. но опять таки по иниціативѣ генералъ-прокурора, которому экзекуторъ докладывалъ, что о времени такого прибытія въ присылаемыхъ вѣдомостяхъ имѣются разногласія [1]). Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ Сенатъ являлся пассивнымъ орудіемъ внѣшняго воздѣйствія.

§ 18. Наблюденіе Сената за исполненіемъ собственныхъ указовъ.

Больше настойчивости, хотя также почти безрезультатной, Сенатъ проявлялъ въ наблюденіи за исполненіемъ собственныхъ указовъ.

Въ 1766 г. Іюля 31 былъ объявленъ во всенародное извѣстіе всеподданнѣйшій сенатскій докладъ о правилахъ подачи рапортовъ по полученію и исполненію сенатскихъ указовъ, а также о мѣрахъ взысканія за неисправность въ данномъ отношеніи [2]). Исторія возникновенія этого указа изложена въ предисловіи къ нему. „Прошлаго 1722 года Января 13 дня, такъ начинается указъ, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти

---

[1]) Ib., № 12626

[2]) П. С. З., № 12710.

Государь Императоръ Петръ Великій, писаннымъ и подписаннымъ собственною Е. В. рукою указомъ Сенату повелѣлъ выбравъ изъ воинскихъ, морскихъ, а чего тамъ нѣтъ, изъ сухопутныхъ правъ, сдѣлать указъ (перемѣня только имена названій), какъ должность и земскимъ правителямъ надлежитъ, и что имъ за преступленіе государственныхъ винъ, дабы оныя равны были безъ изъятія противъ воинскихъ; въ послѣдованіе того и по предложенію нынѣ правящаго генералъ-прокурорскую должность генералъ-квартирмейстера и кавалера князя Вяземскаго о неисполненіи во многихъ присутственныхъ мѣстахъ по посланнымъ указамъ, Сенатъ, входя во всѣ обстоятельства, пока генеральное положеніе о всѣхъ должностяхъ и преступленіяхъ земскихъ правителей на основаніи вышеписаннаго указа сдѣлано будетъ, *о нѣкоторыхъ въ подтвержденіе, а о другихъ въ дополненіе прежнихъ законовъ*, соображая прошедшія времена съ настоящимъ, и болѣе слѣдуя природному Е. И. В. великодушію и милосердію всеподданнѣйшимъ докладомъ Е. И. В—ву представляетъ свое мнѣніе, которое Е. И. В. марта въ 31 день 1766 г. собственноручнымъ подписаніемъ конфирмуя, высочайше повелѣть соизволила“...

Слѣдовательно, Сенатъ въ настоящемъ случаѣ подтверждалъ и дополнялъ старый законъ, будучи принужденъ къ такому подтвержденію предложеніемъ генералъ-прокурора, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго имѣлся сенатскій экзекуторъ, спеціально наблюдавшій за исполненіемъ посланныхъ изъ Сената указовъ. Въ какомъ положеніи находилось подобное исполненіе до вышеприведеннаго доклада, можно видѣть, между прочимъ, изъ вышецитированнаго охряевскаго дѣла. Тяжба Охряева съ Мясоѣдовымъ происходила до раздѣленія Сената на департаменты, но замедленіе и неисправность продолжались и позднѣе. Поэтому, напримѣръ. въ сентябрѣ 1764 г., экзекуторъ Зиновьевъ рапортовалъ Сенату съ приложеніемъ вѣдомости посланныхъ въ разныя мѣста указовъ, по которымъ въ опредѣленный срокъ исполненія не послѣдовало. Сенатъ приказалъ въ неисправныя присутственныя мѣста послать указы съ предписаніемъ—задержанныя

приказанія исполнить немедленно, не ожидая дальнѣйшихъ подтвержденій, а о причинахъ задержки въ скорѣйшемъ времени представить объясненія [1]). Однако, несмотря на упомянутое предписаніе, изъ указа 31 Іюля 1766 г. мы видимъ, что и четыре года спустя присутственныя мѣста по прежнему оставались неисправными, въ силу чего Сенатъ и вошелъ къ императрицѣ съ вышеупомянутымъ докладомъ о необходимости въ законодательномъ порядкѣ подтвержденія обязанности подчиненныхъ установленій своевременно исполнять сенатскіе указы.

Первый пунктъ этого подтвержденія гласилъ:

„На посланные изъ Сената въ Коллегіи, Канцеляріи и Конторы, въ губерніи и провинціи, не исключая и остзейскихъ, а изъ Коллегій и другихъ судебныхъ мѣстъ въ подчиненныя имъ мѣста указы, тѣмъ Коллегіямъ и прочимъ подчиненнымъ мѣстамъ о полученіи оныхъ указовъ, и какъ о сдѣланномъ опредѣленіи, такъ и по дѣйствительномъ исполненіи, что тѣмъ указомъ повелѣвается, того жъ или на другой, а по крайней мѣрѣ въ третій день, о каждомъ указѣ порознь, ни примѣшивая о другихъ дѣлахъ, дабы въ томъ никакого помѣшательства не было, а ежели въ такое время дѣйствомъ исполнить, или о томъ исполненіи рапортомъ исправиться не можно, то о полученіи и сдѣланномъ опредѣленіи рапортовать, не пропуская отнюдь сего положеннаго срока, а буде того чинить не будутъ, то взыскивать за неисполненіе штрафа за всякій разъ по 10 рублей“ [2]).

Слѣдовательно, первый пунктъ указа касался главнымъ образомъ только увѣдомленія о полученіи указа и о принятіи по нему мѣръ къ исполненію предписанія.

Второй пунктъ излагалъ, какъ должны были поступать подчиненныя установленія при самомъ исполненіи требованій указа, если немедленное осуществленіе ихъ оказалось невозможнымъ, что, впрочемъ, и должно было явиться обычнымъ фактомъ: „О дѣйствительномъ исполненіи, буде о томъ въ

---

[1]) Архивъ М. Ю Сенатскій протоколъ 18 Сентября 1764 г

[2]) П. С З. № 12720.

первомъ о полученіи указа рапортѣ будетъ не написано, особливо рапортовать, и мѣсячныя вѣдомости, что по которому происходитъ, и дѣйствительно-ль исполнено, изо всѣхъ мѣстъ на основаніи посланныхъ изъ Сената въ 1738 году іюня отъ 6, декабря отъ 30 и 31 чиселъ указовъ, и по приложеннымъ при послѣднемъ изъ сихъ указовъ [1]) формамъ, прислать въ повелѣнные сроки неотмѣнно".

За недоставленіе такихъ вѣдомостей въ положенные сроки судьи, секретари и повытчики подлежали штрафу въ 10 рублей всякій разъ, „за каждой за просрочкой мѣсяцъ", если только отъ ихъ упущенія не произошло дѣйствительнаго вреда. Третій пунктъ пояснялъ, что сами подчиненныя мѣста могли требовать сенатскаго указа лишь по тѣмъ дѣламъ, которыя были точно обозначены въ инструкціяхъ 38 года. Вообще, указъ 31 іюля 1766 г. устанавливалъ на будущее время правила административно-судебной отчетности и взаимныхъ отношеній высшихъ и подчиненныхъ установленій въ порядкѣ служебной зависимости другъ отъ друга. Всѣ-же прежнія узаконенія (кромѣ спеціально оговоренныхъ) теперь какъ-бы отмѣнялись. Впредь присутственнымъ мѣстамъ Сенатъ въ ихъ исполнительности открывалъ новый счетъ, старые предавъ забвенію. Въ сентябрѣ того-же 1766 г. указъ 31 іюля былъ дополненъ по предложенію генералъ-прокурора требованьемъ, чтобы присутственныя мѣста въ присылаемыхъ вѣдомостяхъ обозначали также, на указы какого департамента они отвѣчаютъ, такъ какъ иначе, безъ такого обозначенія, при массѣ поступающихъ вѣдомостей происходили въ сенатской канцеляріи путаница и недоразумѣнія [2]).

Отнынѣ предписывалось составлять спеціальныя вѣдомости для указовъ каждаго департамента въ отдѣльности, чтобы такимъ образомъ сами департаменты непосредственно могли принимать участіе въ контролѣ.

Первое время послѣ изданія указа 31 іюля 1766 г., дѣло срочнаго доставленія свѣдѣній о полученіи указовъ и испол-

---

[1]) П. С. З. № 7713.

[2]) Ib. № 12737.

ненія по нимъ какъ будто-бы налаживалось, но не надолго. Въ самомъ началѣ слѣдующаго года Сенатъ изъ представленныхъ экзекуторомъ рапортовъ опять усмотрѣлъ, что многія мѣста оказываются по прежнему неисправными [1]), а потому приказалъ послать къ нимъ подтвердительные указы, въ которыхъ крайне простодушно упомянулъ, „что, по силѣ состоявшагося публикованнаго минувшаго 1766 году іюля 31 числа указа, за то неисполненіе и нерапортованіе надлежало-бы взыскать изображенные въ томъ указѣ въ 1, 2 и 5-мъ пунктахъ штрафы, *но какъ сіе учрежденіе недавно еще издано, то и признается, что въ самой точности дѣйствія къ исполненію не воспріяло по его новости* [2]). Вслѣдствіе этого штрафы на виновныхъ пока не налагались, но на будущее время Сенатъ грозилъ неупустительнымъ ихъ примѣненіемъ Любопытно, что Сенатъ, во введеніи къ указу 31 іюля подчеркивавшій то обстоятельство, что публикуемыя положенія не представляютъ собой новаго закона, и ссылавшійся на соотвѣтственные указы Петра и Анны, тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ объяснилъ неисправность ослушниковъ новостью дѣла и самъ заботился оправдать виновныхъ, даже не ожидая ихъ объясненій. Очевидно, что при такихъ условіяхъ исключительной снисходительности разсматриваемая отрасль надзора не могла отправляться съ достаточною степенью успѣшности, какъ это было и въ колодническихъ дѣлахъ. Сенатскіе подтвердительные указы въ данномъ случаѣ являлись нормами безъ санкціи или съ санкціей проблематической и, какъ таковыя, теряли во многомъ въ отношеніи своей принудительности.

Въ самомъ дѣлѣ, уже въ 1774 г., когда послѣ изданія указа 31 іюля 1766 г. прошелъ достаточный срокъ и неисправности не могли быть извиняемы условной новостью дѣла, оберъ-прокуроръ второго Департамента Неплюевъ неоднократно предлагалъ Сенату по рапортамъ экзекутора Молчанова, что многія подчиненныя мѣста не только не увѣдом-

[1]) П. С. 3 № 12823
[2]) Ibidem.

ляютъ объ исполненіи по посланнымъ указамъ, но даже о самомъ полученіи ихъ не сообщаютъ. Сенатъ каждый разъ постановлялъ подтвердить прежніе указы и потребовать объясненій относительно причинъ неисправности [1]). Неплюевъ предлагалъ въ январѣ и въ маѣ, а въ августѣ о томъ же опять рапортовалъ экзекуторъ, вслѣдствіе чего Сенатъ снова посылалъ подтвердительные указы съ требованіемъ объясненія причинъ промедленія для наложенія штрафа [2]) Все это вмѣстѣ взятое доказывало, что въ общемъ и въ разсмотрѣнной отрасли сенатскаго надзора высшій контроль, какъ и въ другихъ подобныхъ областяхъ, являлся чисто формальнымъ и потому мало достигающимъ цѣли [3]).

---

[1]) Архивъ М Ю. Журналъ Сената 2 д-та отъ 27 января 1774 г.

[2]) Ibid, 25 августа 1774 г.

[3]) Въ Сенатскомъ Архивѣ М-рства Юстиціи сохранились громадные экзекуторскіе списки относительно неполученія отвѣтныхъ рапортовъ на посланные Сенатомъ указы. См, между прочимъ, книгу № $\frac{166}{5069}$, д № 3, стр. 35 — 350, № $\frac{166}{5069}$, дѣло № 8, стр. 393 — 499; тамъ же, дѣло № 17, стр. 533—583.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

§ 1. Сенату трудно было стоять на высотѣ своей задачи въ качествѣ высшаго органа суда и надзора въ виду собственныхъ недостатковъ.

Переходя къ общимъ выводамъ относительно значенія и существа сенатской дѣятельности по суду и надзору, начиная съ реформы 15 декабря 1763 г. и кончая ноябремъ мѣсяцемъ 1775 г., приходится сознаться, что изучаемый періодъ не принесъ тѣхъ государственныхъ пользъ, которыхъ можно было бы отъ него ожидать, принимая въ соображеніе стремленія къ общественному благу молодой императрицы

Впрочемъ, особенно этому нечего удивляться. Общественные нравы, взгляды и убѣжденія создаются въ теченіе вѣковъ и нуждаются въ такой же вѣковой переработкѣ Какъ мы пытались установить при обозрѣніи царствованій, предшествовавшихъ екатерининскому, Петръ сдвинулъ съ мѣста крѣпко осѣвшую массу взглядовъ служебнаго класса на существо службы, но и его мощи и волѣ гиганта не удалось вытащить этого груза русскаго государства за бортъ. Послѣдующіе правители почти не прилагали систематическихъ усилій къ тому, чтобы старинные правовые взгляды, силою времени превратившіеся въ понятія противудержавныя, вывѣтривались изъ тѣла общества, еще проникнутаго ими въ сильной степени Вслѣдствіе этого Екатеринѣ пришлось первой серьезно взяться за продолженіе петровскихъ начинаній

въ сферѣ высшаго надзора и суда Прямымъ подтвержденіемъ этого положенія можетъ служить то обстоятельство, что въ 1765 г., по случаю безпорядковъ въ Коллегіи Экономіи, Сенатъ издалъ указъ, въ которомъ предписывалъ не считать лихоимственныя дѣла неважными, а разрушающими правосудіе и повреждающими государственное положеніе (Соловьевъ. Исторія, т 26, стр. 107). Екатерина со своей стороны не поцадила усилій, настойчивости и политики въ осуществленіи намѣченныхъ плановъ, но главная масса тѣхъ лицъ, которыя должны были явиться ея помощниками, тянула назадъ, вмѣстѣ съ инертной массой всевозможныхъ представителей низшей администраціи.

Несовершенны были люди екатерининскаго вѣка, но еще несовершеннѣе оказывались полученныя отъ прошлыхъ временъ учрежденія, нуждавшіяся, вмѣстѣ съ Сенатомъ, въ коренныхъ преобразованіяхъ. Одно было тѣсно связано съ другимъ; люди создаютъ учрежденія, но послѣднія, въ свою очередь, создаютъ людей. И вся эта безмѣрная работа созданія какъ людей, такъ и учрежденій, должна была лечь на плечи молодой женщины, принужденной при этомъ еще опасаться за сохраненіе въ ея рукахъ могущественнаго рычага реформъ— самой верховной власти и потому неимѣвшей возможности примѣненія такихъ крутыхъ мѣръ, какими Великій Преобразователь гналъ азіатскую Россію на встрѣчу Европѣ.

Екатерина стремилась къ тому, чтобы прежній всевластный елизаветинскій Сенатъ превратить въ органъ высшаго суда и надзора. Съ формальной стороны это стремленіе было достигнуто, но съ внутренней ему оставалось произвести еще много усилій для того, чтобы сенатскій контроль въ особенности изъ внѣшняго, поверхностнаго, сталъ дѣйствительнымъ и существеннымъ

На обязанности Сената лежалъ контроль за подчиненными мѣстами въ отношеніи правильнаго отправленія ими дѣлъ въ указные сроки, исправнаго посѣщенія должностными лицами присутствій, соблюденія общихъ началъ законности. Что касается до перечисленныхъ отраслей надзора, за исключеніемъ послѣдней, то могъ ли Сенатъ проявить на-

пряженную энергію въ контролѣ, когда онъ самъ въ сильной степени страдалъ и неаккуратностью посѣщенія чинами Сената засѣданій, и позднимъ ихъ приходомъ на службу, и медленностью дѣлопроизводства, соединенной съ нѣкоторыми другими канцелярскими недостатками. Дѣйствительно, именнымъ указомъ 16 сентября 1762 г. сенаторамъ было предписано являться въ собраніе въ восемь съ половиною часовъ утра и сидѣть до двѣнадцати съ половиною. Между тѣмъ указъ этотъ не исполнялся. Изъ сенатскихъ журналовъ видно, что пріѣздъ въ Сенатъ начинался рѣдко ранѣе девяти часовъ, а заканчивался въ одиннадцатомъ и позже Выходили тоже раньше срока, а засиживались, если приходилось, очень недолго. Сенатская прокуратура искусственными мѣрами пыталась ввести сенаторовъ въ среднюю норму общаго пребыванія въ засѣданіяхъ, но тщетно. Такъ, въ 1766 г. оберъ-прокуроръ Всеволожскій предлагалъ во второмъ департаментѣ, чтобы для слушанья департаментскихъ дѣлъ господа сенаторы съѣзжались по крайней мѣрѣ три дня въ недѣлю и послѣ полудня. (До полудня, какъ было замѣчено, съѣзжались туго). Сенаторъ Скавронскій на это предложеніе заявилъ, что онъ можетъ пріѣзжать послѣ полудня два раза въ недѣлю или, вмѣсто того, являться въ положенные дни за часъ до узаконеннаго срока. Суворовъ и Козловскій предпочли второе — пріѣзжать раньше и сидѣть дольше въ назначенные дни, о чемъ было записано въ журналъ для сообщенія къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ [1]).

Предложеніе Всеволожскаго состоялось въ концѣ августа, но уже въ началѣ сентября пріѣздъ сенаторовъ въ среднемъ приблизился къ узаконенному сроку, а къ пятнадцатому числу началось старое опаздываніе и противъ нормальнаго указнаго срока, вслѣдствіе чего, повидимому, прокуратура для ускоренія теченія дѣлъ настояла на вечернихъ засѣданіяхъ. По крайней мѣрѣ, въ декабрѣ 1766 г такія собранія состоялись 13 числа, 14 и 15 [2]).

---

[1]) Архивъ М Ю Журналъ 2 д-та отъ 25 августа 1766 г., п 8

[2]) Ibid. Журналы 2 д-та.

Непріѣздъ сенаторовъ въ засѣданіе департаментовъ подъ различными предлогами точно также являлся обычнымъ дѣломъ. Зачастую въ журналахъ Сената значится краткая замѣтка, что „за несобраніемъ господъ сенаторовъ дѣлъ не слушалось“. Оберъ-прокурору приходилось пріѣзжать и только удостовѣрять фактъ отсутствія членовъ департамента — и притомъ иногда нѣсколько дней подъ рядъ. Такъ, напримѣръ, 23 января 1767 г. оберъ-прокуроръ Соймоновъ дожидалъ сенаторовъ до 12 часовъ, но никто не явился; 24 — точно также; 25—Соймоновъ пріѣхалъ и, видя, что никого нѣтъ, уѣхалъ [1]). Очень часто пріѣзжалъ въ засѣданіе только одинъ сенаторъ, разсматривавшій текущія дѣла. Много отнимали времени праздники, вакантные дни, общія собранія. Возьмемъ, напримѣръ, журнальную записку второго департамента отъ конца августа и начала сентября 1771 г.: 26 августа — общее собраніе; 27 и 28 — суббота и воскресенье, вакантный и праздничный дни; 29—праздникъ Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи; 30—праздникъ Александра Невскаго; 31—прибылъ одинъ сенаторъ Козловскій и за неприбытіемъ прочихъ ушелъ; 1 сентября никто не явился; 2—общее собраніе, 3 и 4—суббота и воскресенье [2]). Такъ и пропало болѣе недѣли, а это случалось очень часто. Иногда сенаторы объясняли причины своей неявки [3]), иногда журнальная запись просто ограничивалась отмѣткою, что такіе-то не прибыли по болѣзни, что стало, наконецъ, какъ бы общей формулой. Такъ, въ журналѣ 2 департамента отъ 27 марта 1772 г. прямо помѣчено, что собранія не было „за болѣзнью господъ сенаторовъ“ [4]).

Нужно, впрочемъ, признать, что сенаторовъ иногда отвлекали различныя порученія, даваемыя имъ сверхъ прямыхъ

---

[1]) Архивъ М. Ю. Журналы Сената по 2 д-ту.

[2]) Ibid. Точно также, напримѣръ, въ 1768 г. въ сентябрѣ: 4 числа засѣданія не было за неявкою; 5—общее собраніе, 6—суббота; 7—воскресенье; 8—праздникъ Рождества Богородицы; 9—никто не явился; 10—пріѣхалъ одинъ Камынинъ.

[3]) 14 марта 1767 г. Суворовъ не былъ потому, что „пускалъ кровь“.

[4]) Архивъ М. Ю. Журналъ Сената 2 д-та.

служебныхъ обязанностей императрицей. Напримѣръ, въ маѣ 19 числа 1765 г. помѣчены: Скавронскій отсутствующимъ въ виду пребыванія въ Дворцовой канцеляріи, Суворовъ—въ Воинской коммиссіи, Трубецкой—въ Канцеляріи отъ строеній [1]). 9-го Іюля Суворовъ, прибывъ въ Сенатъ, заявилъ, что присутствовать въ сенатскихъ засѣданіяхъ нѣкоторое время не можетъ, такъ какъ полки выступаютъ въ кампаментъ, а онъ по своей должности обязанъ присутствовать при воинскихъ экзерциціяхъ [2]) Въ результатѣ засѣданія происходили очень неаккуратно и продолжались менѣе положеннаго времени.

Неаккуратность засѣданій влекла за собой медленность дѣлопроизводства и накопленіе неразсмотрѣнныхъ дѣлъ, такъ какъ вслѣдъ за сенаторами небрежничала и канцелярія, которую, впрочемъ, сильно подтягивала сенатская прокуратора.

Несмотря на періодическія очищенія Сената отъ старыхъ завалявшихся дѣлъ и искусственно принимаемыя мѣры къ разсчету съ ними, нѣкоторыя изъ нихъ все таки отъ времени до времени давали себя знать и нарушали своимъ появленіемъ на свѣтъ Божій наступившее успокоеніе. Такимъ, напримѣръ, оказалось дѣло геодезіи капитана Ханыкова съ титулярнымъ совѣтникомъ Мячковымъ. Вотъ что писалъ по этому поводу оберъ-прокурору второго департамента князь Вяземскій въ 1764 году:

„Высокородный и превосходительный Правительствующаго Сената Г. Оберъ-Прокуроръ! На сихъ дняхъ отданъ изъ 2-го департамента къ протоколу Перваго департамента для моей апробаціи подписанный и при семъ приложенный приговоръ по дѣлу Ханыкова съ Мячковымъ, которые еще въ 1761 году Августа 8 дня слушано, а на приговорѣ на противъ того отмѣчено, якобы оный подписаніемъ кончился въ нынѣшнемъ году, Марта 10 дня. Но какъ статься не можетъ, чтобы безъ причины столь долговременно могъ приговоръ подписаніемъ замѣшкаться, а естли-бы въ томъ

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid

какое помѣшательство было, то бы по тогдашнему обстоятельству, такъ какъ до раздѣленія Сената на департаменты заслушанное дѣло должно было предложить генеральному собранію и слѣдственно мнѣ напередъ дать знать, однакожь я до нынѣ никакого о томъ извѣстія не имѣлъ, хотя по вступленіи моемъ въ должность генералъ-прокурора и требовано было о таковыхъ остановившихся приговорахъ отъ всѣхъ департаментовъ вѣдомости, чего ради изволите Ваше Превосходительство изслѣдовать, зачѣмъ именно и отъ кого оный приговоръ столь долговременно удержанъ и нѣтъ-ли еще таковыхъ-же, а по изслѣдованіи меня обо всемъ обстоятельно репортовать“ [1]).

Всеволожскій немедленно потребовалъ надлежащихъ разъясненій отъ оберъ-секретаря Князева, а тотъ въ свою очередь насѣлъ на производителя злополучнаго дѣла бывшаго регистратора, а затѣмъ коллежскаго секретаря Макавѣева. Макавѣевъ однако отговорился, что дѣла Мячкова съ Ханыковымъ къ нему попали изъ третьихъ рукъ, отъ бывшаго протоколиста Гордина и коллегіи юнкера Бровцына, въ 1764 г уже переставшаго быть юнкеромъ и „выпущеннаго къ другимъ дѣламъ“ Что-же касается причинъ долговременнаго задержанія приговора неподписаннымъ, го, какъ оказалось, оно произошло потому, что приговоръ не былъ подписанъ сенаторомъ графомъ Романомъ Воронцовымъ, который не приложилъ къ нему руки вмѣстѣ съ другими членами Сената не потому, чтобы былъ съ рѣшеніемъ дѣла не согласенъ, а потому-что выбылъ въ Москву, куда затѣмъ отбылъ и Сенатъ, а мячковское дѣло осталось въ Петербургѣ въ Рекетмейстерской конторѣ и тамъ, когда составлялся реестръ всѣмъ имѣющимся апелляціоннымъ дѣламъ, было внесено въ число заслушанныхъ; когда же Воронцовъ по возвращеніи Сената подписалъ протоколъ, послѣдній и былъ внесенъ въ соотвѣтствующій списокъ [2]).

Итакъ, дѣло было и закончено и не закончено, и цѣлыхъ

---

[1]) Матеріалы, № 113.
[2]) Ibidem.. № 114.

три года не могло выбиться изъ канцелярскихъ оковъ. Какъ подписанное всѣми сенаторами, за исключеніемъ Воронцова, дѣло считалось заслушаннымъ и не подлежало передачѣ въ общее собраніе, но въ качествѣ не подписаннаго однимъ сенаторомъ оно не могло назваться законченнымъ и пребывало, такъ сказать, между небомъ и землей.

Переполохъ изъ за дѣла Мячкова съ Ханыковымъ произошелъ въ маѣ, а 8 іюня 1764 г. по иниціативѣ генералъ-прокурора послѣдовалъ новый приказъ по секретаріату второго департамента о немедленномъ сочиненіи экстрактовъ изъ дѣлъ, имѣющихся въ департаментѣ и вновь поступающихъ, а также о безотлагательномъ внесеніи ихъ въ реэстръ подлежащихъ докладу [1]). Въ связи съ этимъ приказомъ находился послѣдовавшій 25 іюня запросъ генералъ-прокурора о пропавшей челобитной графа Гендрикова, ходатайствовавшаго о переносѣ его дѣла въ Сенатъ изъ Мануфактуръ-Коллегіи [2]). Въ ноябрѣ того-же года, несмотря на запросъ отъ 25 іюня, изданъ былъ новый приказъ съ предписаніемъ торопиться составленіемъ экстрактовъ, а въ случаѣ какихъ либо сомнѣній за разрѣшеніемъ ихъ обращаться къ оберъ-прокурору [3]).

Сенатская прокуратура, слѣдовательно, ретиво принялась за упорядоченіе канцелярской части въ Сенатѣ. Тѣмъ не менѣе и въ 1766 году опять попадаются оберъ-прокурорскіе приказы относительно своевременнаго составленія протоколовъ по заслушаннымъ дѣламъ, именно тѣмъ, по которымъ всѣ сенаторы согласны. Изъ этихъ приказовъ явствуетъ, что дѣла такого рода къ указанному времени накопились съ 1764 г., хотя для полнаго окончанія ихъ необходимо было только представить протоколъ къ подписи [4]).

Стремясь къ упорядоченію канцелярскаго дѣлопроизводства, противъ крайне нерадивыхъ чиновъ канцеляріи прокуратура иногда принимала крутыя мѣры: такъ, напримѣръ,

---

[1]) Архивъ М. Ю. Оберъ-прокурорскія дѣла 2-го д-та, книга № $\frac{533}{5133}$, дѣло № 9

[2]) Ibidem, дѣло № 13

[3]) Ibid, дѣло № 24

[4]) Ibid, дѣло № 61

за лѣность и небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей былъ уволенъ сенатскій комисъ Брагинъ, отосланный въ Военную коллегію для сдачи въ солдаты

Безъ всякаго сомнѣнія, однако, канцелярію Сената всетаки было легче поставить на надлежащій уровень, нежели самый Сенатъ, въ составѣ его высокопоставленныхъ членовъ.

Отсюда вытекало то обстоятельство, что гдѣ центръ тяжести лежалъ въ канцелярскомъ порядкѣ, въ подготовкѣ дѣлъ къ слушанію, тамъ результаты дѣятельности Сената оказывались цѣннѣе, нежели въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ высшему судебно-административному мѣсту необходимо было проявить личную инициативу и энергію Именно, вниманія заслуживала сенатская апелляціонная функція, хотя и въ этой области, какъ мы видѣли, сенаторы при всякомъ удобномъ случаѣ старались сбыть трудное дѣло съ рукъ прямо императрицѣ и тѣмъ вызывали ея справедливое неудовольствіе

Былъ отчасти силенъ Сенатъ и своимъ ревизіоннымъ пересмотромъ, но, какъ тоже было указано выше съ одной стороны онъ интересовался только болѣе или менѣе выдающимися дѣлами или процессами преступниковъ малолѣтнихъ, съ другой — подчасъ проявлялъ ясно выраженную склонность покровительствовать нѣкоторымъ изъ осужденныхъ, смотря по роду дѣлъ и общественному положенію обвиняемаго, и тѣмъ парализовалъ силу уголовной репрессіи въ ущербъ основному принципу правосудія—равенству всѣхъ передъ судомъ.

Ту же самую снисходительность онъ выказывалъ и въ прочихъ областяхъ надзора, гдѣ обыкновенно, при обнаруженіи канцелярской неисправности, только посылалъ подтвердительные указы и грозилъ, но рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію недостатковъ принимать не считалъ нужнымъ. Впрочемъ, въ очень серьезныхъ случаяхъ нарушенія законности, выслушивая донесенія прокуроровъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, Сенатъ не ограничивался посылкой укорительнаго указа, но приказывалъ произвести слѣдствіе. Однако, такія слѣдствія тянулись долго,

не всегда приводя къ благопріятнымъ для закона результатамъ; да и въ случаѣ направленія дѣла къ суду подсудимые въ значительной степени могли разсчитывать на снисходительность Сената, который не только становился на общечеловѣческую точку зрѣнія, что „всѣ люди, всѣ человѣки“, но служилыхъ людей по традиціямъ прошлаго систематически каралъ значительно слабѣе въ ихъ должностныхъ преступленіяхъ, чѣмъ того требовали законы. Идеѣ законности такимъ образомъ по прежнему приходилось бороться со стариннымъ русскимъ „правовымъ убѣжденіемъ“, не мирившимся со щепетильностью указовъ. Большинство прокуратуры строго исполняло свои обязанности и снабжало Сенатъ достаточнымъ количествомъ обличительныхъ донесеній, но Сенатъ относился къ нимъ формально, а иногда даже пытался поставить прокурорскіе рапорты въ рамки инстанцій, очевидно, или не понимая сущности значенія прокурорскаго надзора или умышленно стараясь ослабить его. А прокурорамъ и такъ приходилось туго. При проявленіи служебной честности, „сей чинъ былъ ненавидимъ“, какъ нѣкогда чинъ фискальскій. Русскій судья и администраторъ восемнадцатаго вѣка вообще былъ предубѣжденъ противъ надзора, который ему казался мало разумнымъ новшествомъ. Въ этомъ отношеніи онъ являлся старовѣромъ и приверженцемъ счастливой старины. Исходя изъ этихъ взглядовъ, онъ при случаѣ отравлялъ существованіе безпокойнымъ представителемъ надзора, какъ и гдѣ только могъ. Мы видѣли, что сами губернаторы не были чужды предубѣжденія въ отношеніи представителей прокурорскаго надзора, а о рядовомъ чиновничествѣ и говорить нечего. Даже духовенство и то не способно было равнодушно относиться къ прокуратурѣ, и для него являвшейся опаснымъ сосѣдомъ. По этому поводу Соловьевъ сообщаетъ характерный фактъ придирокъ тамбовскаго духовенства къ тамошнему прокурору Жилину. Раздраженный Жилинъ подалъ въ Сенатъ жалобу и объяснилъ, что во время обѣдни „попы“ съ великимъ невѣжествомъ принуждали его или оставить бывшую у него въ рукахъ трость, или выйти вонъ Прокуроръ жаловался сперва въ

Тамбовскую консисторію, но тамъ бумаги его не приняли, объявивъ, что о происшедшемъ уже производится слѣдствіе, въ которомъ Жилину, повидимому, пришлось играть роль обвиняемаго. Прокуроръ, донося о всемъ происшедшемъ Сенату, указалъ, что все это случилось по злобѣ на него тамбовскаго епископа, запретившаго ему даже входить въ епископскую келью [1]).

Прокурорамъ и у себя на мѣстѣ жилось туго, но Сенатъ еще болѣе усугублялъ тяжесть ихъ положенія своимъ формальнымъ въ большинствѣ случаевъ отношеніемъ къ прокурорскимъ рапортамъ, которые, такимъ образомъ, лишались фактически грознаго значенія, придаваемаго имъ закономъ. Отсюда и проистекало мало прикрытое процвѣтаніе нарушенія законности въ самыхъ широкихъ размѣрахъ Мы не будемъ говорить о злоупотребленіяхъ и произволѣ помѣщиковъ, хотя нѣкоторые факты изъ этой области имѣютъ прямо государственное значеніе мы нѣсколько остановимся только на злоупотребленіяхъ чисто служебныхъ.

§ 2. За отсутствіемъ надлежащаго надзора администрація и судъ продолжали страдать своими старинными пороками.

Екатерина, издавая свои указы объ искорененіи лихоимства, взяточничества, о наполненіи чиновничьихъ и судейскихъ мѣстъ достойными людьми, раздѣляя Сенатъ на департаменты и развивая надзоръ прокуратуры вначалѣ, повидимому была убѣждена, что ей удалось подавить старые пороки служебнаго взяточничества и произвола. По крайней мѣрѣ, возвратясь въ іюнѣ 1767 г. изъ путешествія по Россіи въ Москву, императрица сообщила сенаторамъ записку, изъ которой видно было, что на высочайшее имя въ пути было подано болѣе шестисотъ прошеній, и изъ нихъ не нашлось

[1]) Соловьевъ. Исторія, т. 27 стр. 291. Къ чести Сената нужно замѣтить, что онъ не далъ въ обиду прокурора и къ слѣдствію назначилъ депутатомъ тамбовскаго воеводскаго товарища, а Синоду поставилъ на видъ неприличное поведеніе епископа

ни одного, касавшагося воеводъ, взятокъ и управленія вообще. Екатерина по этому поводу выразила свое удовольствіе, заключивъ отсюда, что правосудіе и нравы администраціи поднялись за истекшій промежутокъ времени [1]).

Въ данномъ случаѣ трудно безошибочно объяснить отсутствіе жалобъ на судей и чиновниковъ въ поданныхъ императрицѣ челобитныхъ. Была-ли здѣсь предварительная умѣлая и осторожная фильтрація челобитчиковъ со стороны начальства, или по счастливой случайности населеніе посѣщаемыхъ государыней мѣстъ было довольно составомъ служащихъ, но, во всякомъ случаѣ, въ отношеніи всей Россіи обобщеніе императрицы являлось неприложимымъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, стоитъ просмотрѣть сенатскіе протоколы екатерининскаго царствованія какъ до поѣздки монархини, такъ и послѣ ея путешествія. Эти протоколы испещрены резолюціями Сената по поводу донесеній о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ, и жалобъ потерпѣвшихъ На основаніи богатыхъ матерьяловъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, можно было бы составить длинный и грустный списокъ всякихъ проявленій произвола и незаконныхъ поборовъ тогдашняго чиновничества и вообще представителей власти гражданской и военной, и всетаки этотъ перечень не вмѣстилъ бы въ себѣ всѣхъ неисчерпаемыхъ данныхъ эпохи

Приведемъ нѣкоторыя изъ тѣхъ, которые относятся къ эпохѣ предшествовавшей поѣздкѣ Екатерины по Волгѣ.

Въ мартѣ 1764 г. Архангельская губернская канцелярія требовала смѣщенія чухломскаго воеводы капитана Хлѣбникова, „оказавшагося въ непорядочныхъ поступкахъ и похищеніи интереса“, а Хлѣбниковъ, въ свою очередь, доводилъ до свѣдѣнія Сената что галицкій провинціальный воевода бранилъ и билъ его въ гостяхъ у общаго знакомаго [2]). Въ сентябрѣ того же года Сенатъ слушалъ донесеніе яро-

[1]) Соловьевъ. Исторія, т. 27, стр. 331.

[2]) Архивъ М Ю. Книга № $\frac{27}{4928}$, л. 151 Около того же времени въ Сенатѣ разбирались грѣхи воеводы Сазонова

славскаго полицеймейстера на тамошняго воеводу Кочетова [1]); въ октябрѣ докладывалось донесеніе Казанской губернской Канцеляріи о взяточничествѣ мензелинскаго воеводы Смагина [2]), также дѣятеля приволжской мѣстности, гдѣ впослѣдствіи пришлось проѣзжать императрицѣ Въ ноябрѣ того же 1764 г. производилось слѣдствіе о злоупотребленіяхъ тамбовскаго воеводы и другихъ управителей [3]). Въ январѣ 1765 г. получено было донесеніе Главнаго Магистрата относительно незаконныхъ поборовъ, производимыхъ главнымъ сыщикомъ полковникомъ Коптевымъ со старорусскаго купечества [4]); въ октябрѣ Юстицъ-Коллегія представила на ревизію свое заключеніе о служебныхъ преступленіяхъ корыстнаго характера, совершенныхъ дворцовымъ коростинской волости управляющимъ и членами Новгородской губернской канцеляріи [5]); въ ноябрѣ пермскій прокуроръ Копневъ доносилъ о взяткахъ тамошняго воеводскаго товарища Скороходова и секретаря Милюкова [6]). Въ 1766 г. въ январѣ бѣлгородскій купецъ Шарабановъ сдѣлалъ подтвердившійся доносъ на офицеровъ Шабельскихъ, взимавшихъ незаконные поборы со слободскихъ казаковъ [7]).

Приведенные отрывочные факты являются только частичнымъ дополненіемъ къ тѣмъ, которые собраны Соловьевымъ въ его исторіи и отчасти содержатся въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Соловьевъ, между прочимъ, дѣлая обзоръ екатерининскаго царствованія за 1764 г., указываетъ на смѣну цѣлаго ряда правителей, приставленныхъ въ Казанской губерніи къ новокрещеннымъ въ качествѣ защитниковъ, но, вмѣсто того, благополучно разорявшихъ бѣдняковъ взятками и противузаконными поборами [8]). Бибиковъ доносилъ изъ той же Ка-

[1]) Архивъ М. Ю. Протоколъ Сената 2 д-та 13 Сентября 1764 г
[2]) Ibidem. Протоколъ 5 Октября.
[3]) Ib Протоколъ 18 Ноября.
[4]) Ib. Протоколъ 20 Января 1765 г.
[5]) Архивъ М. Ю Протоколъ 2 д-та 5 октября 1765 г.
[6]) Матеріалы, № 74.
[7]) Ibidem, № 75
[8]) Соловьевъ. Исторія, т 26, стр. 25.

занской губерніи: „Съ того времени, какъ состоялся указъ о штатахъ, присутствующіе здѣсь въ губернской канцеляріи и по разнымъ конторамъ судьи отъ мздоимства и взятокъ, какъ слышно, воздерживаются, а если лихоимство и есть, то, конечно, съ большею предъ прежнимъ скромностью; секретари и подъячіе не такъ нагло взятокъ по дѣламъ требуютъ; но они не преминули, однако, разгласить, будто бы опять, пока на жалованье сумма соберется, велѣно кормиться отъ дѣлъ. Мнѣ отъ нѣкоторыхъ секретарей и воеводъ здѣшней губерніи слышать случалось, что нынѣ опредѣленное жалованье и четвертой доли ихъ поживъ не замѣняетъ; по разглашенному же отъ секретарей и подъячихъ слуху, привыкшій давать взятки простой народъ давать подарки будетъ. Здѣшній губернаторъ князь Тенишевъ, находясь здѣсь около восьми лѣтъ и, бывъ прежде вице-губернаторомъ, какъ видно, доволенъ тѣмъ, что до сихъ поръ собралъ, и отъ мздоимства воздерживается, но недостаетъ ему нужныхъ для его должности знаній: потому въ дѣлахъ слѣдуетъ совѣтамъ секретарскимъ и чрезъ то секретарское и подъяческое пронырство къ отягощенію челобитчиковъ находитъ средство помѣщаться“ [1]). Въ 1766 г брянскіе купцы жаловались на обиды генералъ-маіора Медема, бившаго ихъ безвинно и требовавшаго безденежно различнаго рода предметы [2]); въ томъ же году купецъ Большовъ-Телепневъ подалъ челобитную на астраханскаго губернатора Бекетова, который преслѣдовалъ Телепнева за протестъ противъ предположеннаго губернаторомъ неузаконеннаго сбора съ рыбныхъ промышленниковъ [3])

Затѣмъ въ Полномъ Собраніи Законовъ за 1764 г. указано наказаніе валуйскаго воеводы Клементьева и канцеляриста Бочерова за взятки [4]). Въ 1766 г. былъ по частному случаю распубликованъ общій указъ о наказаніи взяточничества; случай же этотъ, какъ извѣстно, заключался въ томъ, что

---

1) Ibidem., стр 39—40.
2) Ibid, т. 27, стр. 290.
3) Ibid., стр 289.
4) П. С. З. № 12233.

вопіющія злоупотребленія допустилъ штатъ цѣлой губерніи Бѣлгородской [1])

Какъ было сказано выше, въ журналахъ и протоколахъ Сената скрывается еще много фактовъ, помимо приведенныхъ здѣсь, но и на основаніи послѣднихъ можно судить о безкорыстіи должностныхъ лицъ разсматриваемаго времени въ Европейской Россіи, не говоря уже о Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ подобные факты, которыми можетъ пока располагать историкъ, представляютъ собою только незначительную часть опредѣленнаго разряда болѣе крупныхъ жизненныхъ явленій, доходившихъ до свѣдѣнія высшаго правительства, тогда какъ мелкія злоупотребленія не оставляли послѣ себя такого яснаго слѣда.

То же самое, что происходило до путешествія императрицы по Волгѣ, продолжалось въ соединеніи съ различнаго рода иными злоупотребленіями и распущенностью высшаго и низшаго чиновничества и послѣ 1767 года вплоть до учрежденія на мѣстахъ близкаго и сильнаго надзора генералъ-губернаторскаго, когда указанные недостатки администраціи приняли менѣе рѣжущія глазъ и замѣтныя формы

Итакъ, и послѣ путешествія Екатерины взятки и незаконные поборы продолжали служить предметомъ жалобъ и донесеній по прежнему. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1772 г. однодворцы Добренскаго уѣзда Воронежской губерніи жаловались Сенату на то, что воевода Попрядухинъ, регистраторъ Зацѣпинъ и канцеляристы братья Осиповы, хотя и отданы формально подъ слѣдствіе за взятки, обиды и разоренія, но въ дѣйствительности сокольскій воевода Овцынъ, которому губернаторомъ Масловымъ поручено производство слѣдствія, къ Попрядухину не приступаетъ, а тотъ, оставаясь при отправленіи должности, по прежнему разоряетъ жалобщиковъ и вымогаетъ у нихъ одобрительные подписки и отзывы [2]). Въ 1773 г отставной прапорщикъ Струйскій доносилъ на саранскаго воеводу Протасьева во взяткахъ съ крестьянъ и саранскаго

[1]) Ibid. № 12781.
[2]) Матеріалы, № 107.

купечества [1]). Ранѣе того, въ 1768 г. въ обидахъ жителямъ и непорядочныхъ по отношенію ихъ поступкахъ, а также въ мужеложствѣ съ пятью солдатскими недорослями обвинялся олончецкій воевода подпоручикъ Алексѣевъ [2]). Въ томъ же 1768 г. приносили челобитную государственные крестьяне Олонецкой губерніи на олонецкаго воеводу Долгово-Сабурова и товарища его Крівскаго въ „лихоимственныхъ взяткахъ и непорядочныхъ поступкахъ“ [3]). Г. Л. Трефолевъ, касаясь временъ, предшествовавшихъ введенію генералъ-губернаторства въ Ярославлѣ, свидѣтельствуетъ, что ярославскіе архивы завалены документальными доказательствами неправосудія и лихоимства тамошнихъ воеводъ, почти безграмотныхъ, но умѣвшихъ ловко наживать деньгу [4]). Вообще служилые люди восемнадцатаго вѣка въ отношеніи взяточничества и лихоимства были очень изобрѣтательны и не упускали никакого случая, чтобы поживиться на счетъ обывателя. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ извѣстно, догадывались брать мзду даже за приведеніе гражданъ къ присягѣ на вѣрность государю. Во избѣжаніе примѣненія подобной изобрѣтательности, Екатерина манифестомъ предупредила населеніе во время чумы 1771 г., что и начальникамъ и подчиненнымъ запрещалось брать какія бы то ни было взятки или вынуждать поборы какъ при осмотрахъ, такъ и при выводахъ въ карантинъ [5]).

Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ видно, что мздоимство всякаго рода, соединенное съ самой разнообразной неправдою не вывелось изъ нравовъ русскаго чиновничества въ первую половину царствованія Екатерины Великой, несмотря на ея старанія объ обновленіи служебнаго состава, назначеніи жалованья и грозные указы о лихоимствѣ.

Если что-либо и было достигнуто, такъ это только укорененіе взгляда на всякое мздопріимство и вымогательство, какъ на дѣло предосудительное, которое нужно скрывать и

---

[1]) Архивъ М. Ю. Журналъ 2 д-та отъ 14 Октября 1773 г. п. 8.
[2]) Ibidem., № 98.
[3]) Ibid., № 120.
[4]) Русскій Архивъ 1865 г, стр. 394
[5]) П. С З № 13653

которымъ нельзя, какъ прежде, хвастаться или съ нимъ лѣзть на глаза.

Вслѣдствіе того, съ екатерининскаго царствованія всѣ застарѣлые пороки русскаго суда и администраціи, приспособляясь къ новымъ обстоятельствамъ, начали облекаться въ болѣе приличныя нормы и утратили отчасти прежній характеръ ничѣмъ не сдерживаемой наглости, но тѣмъ не менѣе, они продолжали жить и отъ времени до времени заявлять о своемъ существованіи.

Поэтому, возвращаясь еще разъ къ перечисленію примѣровъ проявленія чиновническаго отрицанія законности въ екатерининскую эпоху, можно со словъ Соловьева, указать на тотъ фактъ, что въ новоприобрѣтенныхъ областяхъ Бѣлоруссіи вновь назначенныя правительственныя лица выказали верхъ распущенности. Мстиславскій прокуроръ Бабаевъ сообщалъ, что вслѣдствіе различныхъ несогласій и безпокойствъ въ Мстиславской провинціи въ канцелярію поступило множество дѣлъ, но эти дѣла не получали никакого движенія, о чемъ отъ обывателей на воеводу были принесены жалобы губернатору. По причинѣ пренебреженія обязанностей со стороны воеводы распустился и остальной провинціальный штатъ, изъ числа котораго воеводскій товарищъ, вслѣдъ за воеводою, вмѣсто канцеляріи, присутственное время просиживалъ у своего начальника за частной бесѣдой [1]).

Приведенный примѣръ касается общей халатности должностныхъ лицъ, но въ средѣ тогдашней администраціи дѣло не стояло ни за бездѣйствіемъ, ни за злоупотребленіемъ властью. Такъ, въ 1774 году Сенатъ слушалъ челобитную жены капитана Стрѣлкова, которая сообщала, что ее съ дочерью разоряетъ своими нападеніями на деревню курскій помѣщикъ Щекинъ. Стрѣлкова жаловалась въ курскую воеводскую канцелярію, оттуда Щекина три раза требовали къ суду, но онъ не явился, и посланную за нимъ команду приказалъ избить. Челобитчица объясняла, что Щекинъ взялъ такую волю потому, что вся воеводская канцелярія „водитъ съ нимъ ком-

[1]) Соловьевъ. Исторія, т. 29, стр. 1005.

панію и дружбу“ Стрѣлкова пробовала жаловаться въ губернію, но тамъ ее направили по инстанціи опять въ провинцію, и потому она рѣшила прямо обратиться въ Сенатъ [1]). Отъ 1774 года сохранилось извѣстіе, что орловскій помѣщикъ Шеншинъ развлекался въ своемъ имѣніи пыткою какъ надъ своими крестьянами, такъ и надъ посторонними свободными людьми, между прочимъ, купцомъ, подканцеляристомъ и священникомъ, и все ему сходило съ рукъ, такъ какъ онъ умѣлъ „водить компанію“ съ мѣстными властями [2]). Итакъ, за деньги и по дружбѣ въ разсматриваемую эпоху у чиновника можно было добиться многаго въ свою пользу въ дѣлопроизводствѣ не только провинціальныхъ, губернскихъ, но и центральныхъ мѣстъ-коллегій, хотя бы это было прямо въ ущербъ и праву и справедливости. Въ 1769 г. Сенатъ, напримѣръ, разсматривалъ производившееся по именному указу дѣло о секретарѣ Вотчинной коллегіи Арбузовѣ, вынувшемъ и замѣнившемъ листъ изъ тяжебнаго производства по спору жены поручика Пушкаревой съ братомъ ея Полянскимъ Оказалось, что Юстицъ-Коллегія, производившая разслѣдованіе, пожелала кое-чѣмъ посодѣйствовать преступному секретарю и за то заслужила выговоръ отъ Сената [3]). Слѣдовательно, даже именной высочайшій указъ не гарантировалъ безупречности производства.

§ 3. Необходимость реформъ сознавалась императрицей какъ въ отношеніи высшаго, такъ и нисшаго управленія.

Всѣ приведенные факты свидѣтельствуютъ о томъ, что въ разсматриваемую эпоху не былъ удовлетворителенъ ни составъ администраціи, состоявшей изъ лицъ, неуяснившихъ себѣ требованій государственной службы, какъ служенія об-

1) Архивъ М. Ю. Протоколъ Сената 2 д-та отъ 12 мая 1774 г.
2) Ib Протоколъ 4 іюля 1774 г.
3) Матерьялы, № 100.

щественнаго, ни сама административная машина, съ ея маховымъ колесомъ — надзоромъ, не соотвѣтствовала нуждамъ времени

Для упорядоченія внутренней государственной жизни необходимъ былъ цѣлый рядъ коренныхъ преобразованій высшихъ и низшихъ учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ. На просвѣщеніи же лежала обязанность доставить новыхъ людей для новыхъ установленій. Екатерина все это прекрасно понимала и стремленія ея были направлены къ тому, чтобы съ одной стороны поднять просвѣщеніе и образованность въ Россіи [1]), а съ другой—реформировать административный и судебный строй не только въ ихъ частяхъ, но и въ цѣломъ

Градовскій, дѣлая характеристику екатерининскаго законодательства, указываетъ, что оно почти не останавливалось на центральныхъ учрежденіяхъ и по преимуществу посвящено мѣстнымъ. Лишь мимоходомъ покойный ученый упоминаетъ, что сохранилось въ запискахъ Храповицкаго извѣстіе о трудахъ императрицы надъ составленіемъ Наказа Сенату [2]) Если говорить объ оффиціальной сторонѣ вопроса, то Градовскій былъ правъ: опубликованные и введенные въ жизнь важнѣйшіе законодательные памятники почти всѣ (за исключеніемъ указовъ о раздѣленіи Сената на департаменты) относятся къ области мѣстнаго управленія, таковы—Наставленіе губернаторамъ, Учрежденіе для управленія губерній, Уставъ благочинія.

Но, пересоздавая мѣстныя установленія, какъ это уже извѣстно теперь, Екатерина не переставала работать точно также надъ планами реформы Сената, какъ органа высшаго надзора и суда. Сохранилось извѣстіе, что за долго до послѣднихъ лѣтъ своего царствованія, о которыхъ говорятъ Храповицкій и Грибовскій, осенью 1775 года, въ разцвѣтѣ пол-

---

[1]) Ср ея заботы объ отправленіи за границу молодыхъ дворянъ учиться юриспруденціи, заботы о школахъ, покровительство ученымъ иностранцамъ, поощреніе литературы и проч.

[2]) Высшая администрація, стр 202.

ной зрѣлости умственныхъ силъ и пониманія, императрица уже составила проектъ сенатской реформы [1]), находившійся въ полномъ соотвѣтствіи съ мѣстными преобразованіями Въ этомъ „Планѣ новаго преобразованія Сената“ его функціи въ отношеніи суда и надзора были подчеркнуты еще выразительнѣе, чѣмъ то сдѣлано было раньше. Именно, по плану сенатской реформы вѣдѣнію перваго департамента должны были подлежать: обнародованіе законовъ и исполненіе ихъ, высшая полиція, надзоръ за чиновниками и замѣщеніе нѣкоторыхъ должностей; на второй департаментъ возлагался контроль дѣятельности казенныхъ палатъ и завѣдываніе вообще государственными финансами: третій продолжалъ отправлять высшую юстицію по привилегированнымъ областямъ, и четвертый сохранялъ значеніе нарочито апелляціоннаго для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ; московскіе департаменты оставались на старомъ положеніи въ качествѣ апелляціонныхъ. Въ цѣляхъ достиженія единства въ надзорѣ Сенату предполагалось подчинить три первыя коллегіи [2]).

Реформу предполагалось осуществить въ 1776 году, но обстоятельства помѣшали ея введенію въ строй русской государственной жизни.

Какъ указываетъ проф. Иконниковъ [3]), по пріѣздѣ императрицы изъ Москвы въ Петербургъ упомянутый проектъ подвергся дѣйствію разныхъ интригъ. Потемкинъ и другіе приближенные убѣдили Екатерину отложить исполненіе предначертаній до окончанія и проведенія областной реформы. Это и было вполнѣ понятно Въ настоящемъ случаѣ въ вопросѣ о реформѣ Сената дѣло шло о дальнѣйшемъ закрѣпощеніи высшаго учрежденія въ рамкахъ строго опредѣленныхъ закономъ обязанностей, а сильные люди вообще не желали этого, такъ какъ званіе сенатора было имъ гораздо ближе, нежели по-

---

[1]) Щегловъ Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра Перваго, стр. 133.

[2]) Ibid.

[3]) Русскій архивъ за 1888 г., стр. 35

ложеніе поручика правителя, а тѣмъ болѣе городничаго или исправника.

Реформа высшаго установленія въ Имперіи затормазилась, но проэкты приближенныхъ не отклонили императрицу отъ ея намѣреній. Будучи недовольна Сенатомъ, Екатерина всю жизнь продолжала работать надъ планами его преобразованія Объ этомъ свидѣтельствуютъ и Храповицкій, и Грибовскій, и Державинъ, и Сперанскій. Грибовскій въ своихъ запискахъ говоритъ [1]): „Въ обыкновенные дни Государыня въ Зимнемъ дворцѣ вставала въ 7 часовъ и до 9-ти занималась въ зеркальномъ кабинетѣ сочиненіемъ устава для Сената [1])“. Екатерина видѣла, что канцелярія съ ея рутиной и формализмомъ заѣла высшее мѣсто суда и надзора въ Имперіи и отъ нея хотѣла освободить Сенатъ [2]). По свидѣтельству Державина, Екатерина „много разъ изволила говорить о желаніи ея преобразовать Сенатъ, согласно Учрежденію о губерніяхъ· но войны и прочія политическія обстоятельства препятствовали ей приняться за сей важный трудъ. Наконецъ, въ послѣднихъ годѣхъ своей жизни принялась, было, но смерть великія ея намѣренія пресѣкла“ По замѣчанію Сперанскаго, „мысль объ устройствѣ Сената была главной мыслью послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II“.

Какъ извѣстно, въ настоящее время имѣются въ печати нѣкоторые извлеченные изъ архивовъ екатерининскіе планы реформы Сената, помимо предначертаній 1775 г., но всѣ они, однако, остались неосуществленными, побуждая императрицу къ дальнѣйшему труду надъ ними. Итакъ, цѣлостной сенатской реформы послѣ 1763 г. не произошло, но частичная и притомъ, такъ сказать, отрицательная, заключавшаяся не въ непосредственномъ измѣненіи „должности“ Сената, а въ учрежденіи другой, эту должность умаляющей, была все таки осуществлена. Мы имѣемъ въ виду учрежденіе генералъ-губернаторской должности.

1) А. М. Грибовскій. Записки о Екатеринѣ Великой, изд. 1877 г., стр. 39.
2) Ibid, 41.

§ 4. Значеніе для высшаго надзора учрежденія генералъ-губернаторской должности.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое представлялъ собою генералъ-губернаторъ? Развѣ это не былъ органъ высшаго надзора, перенесенный на мѣсто прямо къ тѣлу, нуждавшемуся въ мѣрахъ охраны и предупрежденія отъ административно-судебнаго произвола, находившаго себѣ очень слабое противодѣйствіе въ контрольной дѣятельности Сената? Что побудило Екатерину къ изданію Учрежденія о губерніяхъ? Развѣ одни теоретическія соображенія? Вовсе нѣтъ. Губернская реформа настоятельно требовалась самой жизнью, которую императрица и знала и понимала и чувствовала. Нуженъ былъ судъ болѣе правильный, чѣмъ тотъ, который отправлялся до того времени въ безчисленныхъ раскиданныхъ установленіяхъ, гдѣ администрація смѣшивалась съ судомъ и подавляла его Нужно было хотя бы относительное отдѣленіе судебной власти отъ административной, приближеніе центральныхъ судовъ къ тяжущимся и обвиняемымъ, сокращеніе зависящей отъ того волокиты. Наконецъ, нуженъ былъ надзоръ сильный, авторитетный, непосредственно сносящійся съ верховной властью, и вмѣстѣ съ тѣмъ, близко стоящій къ корыстному и своевольному губернскому, провинціальному и городскому чиновничеству Екатерина сама высказала эти мысли во вступленіи къ Учрежденію о губерніяхъ и [1]) въ текстѣ Учрежденія —„Славный миръ, говоритъ она между прочимъ, въ упомянутомъ памятникѣ, съ совокупно возстановленной тишиной и покоемъ повсюду въ обширныхъ предѣлахъ Имперіи, доставилъ Намъ паки время упражняться пріятнѣйшимъ сердцу Нашему трудомъ, снабдить Имперію нужными и полезными учрежденіями для умноженія порядка всякаго рода и для безпрепятственнаго теченія правосудія, и для того, какъ мать о чадахъ своихъ безпрестанно пекущаяся, входя вновь во всѣ подробности внутренняго управленія Имперіи, нашли Мы

[1]) П. С. З. № 14392

во первыхъ: что по великой обширности нѣкоторыхъ оныя недостаточно снабдены, какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми, *что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, и казенные доходы, и счеты, обще съ благочиніемъ или полиціею, и сверхъ того, еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются*, а таковымъ же неудобствамъ тѣхъ же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія не меньше подвержены: ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія".

„Происходящее отъ того неустройство, продолжаетъ императрица, весьма ощутительно, съ одной стороны медленность, упущеніи и волокита суть естественныя слѣдствія таковаго неудобнаго и недостаточнаго положенія, гдѣ дѣло одно другое останавливаетъ и гдѣ опять невозможность исправить на единую воеводскую Канцелярію множество различнаго существа возложенныхъ дѣлъ, служить можетъ иногда и долгою отговоркою и покрывать неисправленіе должности и быть поводомъ страстному производству. Съ другой стороны, отъ медлительнаго производства возрастаютъ своевольство и ябеда обще со многими пороками, ибо возмездіе за преступленіе и порокъ производятся не съ такою поспѣшностью, какъ бы надлежало для укрощенія и въ страхъ продерзостнымъ".

Итакъ, Екатерина во вступленіи къ Учрежденію набрасываетъ безотрадную картину предшествовавшаго областной формѣ состоянія администраціи и суда. Реформа же, какъ извѣстно, въ важнѣйшихъ чертахъ заключалась въ установленіи особыхъ органовъ для суда — палатъ Гражданскаго и Уголовнаго суда, для управленія — Губернскаго правленія и для финансовыхъ дѣлъ — палаты Казенной Во главѣ же всѣхъ губернскихъ учрежденій становился государевъ намѣстникъ, онъ же предсѣдатель губернскаго правленія, генералъ-губернаторъ. Въ чемъ же заключалась сущность генералъ-губернаторскаго управленія? На это намъ отвѣчаютъ пункты 81—86 Учрежденія. Такъ прежде всего по учрежденію государева намѣстника обязанность есть слѣдующая: „строгое и точное взысканіе чинить съ всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ... и

людей о исполненіи законовъ". Слѣдовательно, первая функція генералъ-губернаторской власти есть высшій надзоръ, дотолѣ принадлежавшій одному Сенату. То же самое прямо подтверждается и послѣдующими ближайшими статьями: „Государевъ намѣстникъ, гласитъ 82 п., не есть судья, но оберегатель Императорскаго Величества изданнаго узаконенія"; „благоустройство въ намѣстничествѣ, продолжаетъ п. 83, споспѣшествованіе въ исполненіи законовъ и способъ къ удовольствію каждаго законнымъ образомъ отъ попеченія генералъ-губернатора зависитъ". Затѣмъ, согласно пункту 84, генералъ-губернаторъ долженъ былъ пресѣкать всякія злоупотребленія, а по 85 „долженствуетъ вступаться за всякаго, кого по дѣламъ волочатъ, и принуждать судебныя мѣста своего намѣстничества рѣшить такое то дѣло" Очевидно, что этимъ пунктомъ генералъ-губернатору предоставлялась расширенная функція сенатскаго рекетмейстера. Пунктъ 86 постановлялъ, что въ случаяхъ неправильнаго рѣшенія въ судебныхъ мѣстахъ, намѣстникъ имѣлъ право остановить дѣло и донести о томъ прямо въ Сенатъ, а при необходимости и самой императрицѣ. Приговоры же, касавшіеся жизни или чести, непремѣнно шли къ нему на просмотръ со стороны законности Въ заключеніе нужно упомянуть, что генералъ-губернаторъ, какъ указано въ п. 86, при опредѣленныхъ условіяхъ имѣлъ право сноситься прямо съ Сенатомъ, а по пункту 91, пребывая въ столицѣ, *засѣдалъ въ Сенатѣ и въ общемъ собраніи и въ департаментахъ, „гдѣ вѣдомы дѣла его вѣдомства"*; въ этихъ случаяхъ онъ являлся ходатаемъ по дѣламъ (ввѣренной ему губерніи) ввѣреннаго ему намѣстничества *и имѣлъ голосъ, наравнѣ съ прочими членами Сената*

Изъ всѣхъ этихъ генералъ-губернаторскихъ правъ и преимуществъ видно, что намѣстникъ самъ былъ членомъ Сената, но только находившимся въ губерніи и тамъ отправлявшимъ функцію сенатскаго высшаго надзора Онъ являлся какъ бы постояннымъ ревизоромъ отъ Сената, ревизоромъ, подобнымъ тѣмъ, которые по петровскому замыслу должны были время отъ времени обозрѣвать губерніи въ цѣляхъ

приближенія высшаго контроля къ мѣстному управленію. Поэтому даже въ самыхъ средствахъ надзора генералъ-губернаторъ, какъ и Сенатъ, пользовался прежде всего услугами прокуратуры. Такимъ образомъ, намѣстничество, какъ институтъ, представляло собою не что иное, какъ функцію высшаго сенатскаго контроля, отнятую у Сената, и переданную довѣреннымъ лицамъ монарха, близко поставленнымъ къ тому, что въ эту эпоху такъ настоятельно требовало надзора. Почти одновременный съ Учрежденіемъ о губерніяхъ состоявшійся относительно существа генералъ-губернаторской власти высочайше утвержденный докладъ Сената точно выяснилъ, что намѣстникъ не былъ правителемъ; онъ управлялъ только въ составѣ губернскаго правленія и губернатору прямымъ начальникомъ не состоялъ [1]). Онъ былъ главнымъ образомъ лишь органомъ высшаго надзора и представителемъ монарха на мѣстѣ. Подрывъ, произведенный учрежденіемъ института генералъ-губернаторства, Сенату сразу же былъ замѣченъ генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, который тотчасъ же приложилъ всѣ старанія, чтобы ослабить значеніе генералъ-губернаторской власти цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ указовъ [2]).

Въ конечномъ итогѣ институтъ намѣстничества не далъ всѣхъ тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ него ожидала Екатерина, но тѣмъ не менѣе по идеѣ генералъ-губернаторство представляло собою новую жизненную мѣру въ отношеніи контроля, столь слабо поставленнаго въ первую половину царствованія Екатерины, и учрежденіе намѣстниковъ ознаменовало собою переломъ въ исторіи высшаго надзора въ Россіи въ екатерининскую эпоху.

---

[1]) П. С. З. № 14394.

[2]) Русскій Архивъ 1888 г., стр. 35.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	I— IV.
Предварительныя замѣчанія	1— 4.

Эпоха петровская.

§ 1. Первые зачатки высшаго надзора и суда въ XVIII стол	5— 11.
§ 2. Средства высшаго надзора—фискалатъ и прокуратура .	12— 14
§ 3 Практическое значеніе петровскаго суда и надзора .	15— 22.
§ 4 Итоги петровскихъ реформъ въ области суда и надзора.	22— 25.

Эпоха Екатерины I и Петра II

§ 1 Перемѣны въ правовомъ положеніи Сената	26— 28.
§ 2 Судьба фискалата и прокуратуры	29— 39.

Эпоха царствованія императрицы Анны Іоанновны.

§ 1. Первыя мѣропріятія императрицы по отношенію высшаго суда и надзора	40— 45.
§ 2 Сенатъ опять теряетъ самостоятельность и вызываетъ неудовольствіе императрицы	45— 55.

Царствованіе Іоанна Антоновича и правленіе Анны Леопольдовны.

§ 1. Общія мѣропріятія	56— 58.
§ 2. Вторичное уничтоженіе прокуратуры	58— 62.

Стран.

Эпоха елизаветинская

§ 1. Вторичное возстановленіе Сената въ прежнихъ правахъ и фактическое расширеніе имъ своей компетенціи . . . 63— 70.
§ 2 Дѣятельность возстановленной прокуратуры . . . . . 70— 72
§ 3 Надзоръ и судъ Сенатъ считаетъ функціей второстепенной 73— 80
§ 4. Невнимательное отношеніе Сената къ надзору породило усиленный возвратъ къ преданіямъ прошлаго . . . . . 80— 85
§ 5. Императрица сознаетъ попустительство Сената . . . 86— 91
§ 6. Заключительная характеристика елизаветинскаго Сената и переходъ къ екатерининской эпохѣ . . . . . 92— 95

Высшій судъ и надзоръ въ эпоху Екатерины II до раздѣленія Сената на департаменты.

§ 1. Отношеніе императрицы къ Сенату въ первые мѣсяцы по воцареніи и ея государственная программа . . . . . 96—102
§ 2 Императрица слѣдитъ за судебной и контрольной дѣятельностью Сената, который не переставъ слѣдовать своимъ прошлымъ преданіямъ . . . . . 102—122.
§ 3 Раздоры въ Сенатѣ облегчаютъ Екатеринѣ возможность занять по отношенію его подобающее положеніе . . . . 122—126
§ 4. Старыя традиціи господствуютъ въ Сенатѣ, но Екатерина борется съ ними . . . . . 126—135
§ 5. Недостатки сенатскаго суда и надзора зависѣли также отъ недостатковъ его органическаго устройства . 135—140
§ 6. Императрица принимаетъ мѣры къ упорядоченію сенатскаго суда и надзора . . . . . 140—145
§ 7. Императрица сознаетъ необходимость реформы Сената, въ томъ же ее убѣждаетъ Панинъ . . . . . 146—154
§ 8. Раздѣленіе Сената на департаменты и указъ о пополненіи мѣстъ достойными людьми . . . . . 154—160.

Екатерининскій высшій судъ и надзоръ по раздѣленіи Сената на департаменты до учрежденія о губерніяхъ.

§ 1 Существо сенатской реформы . . . . . 161—171.
§ 2. Значеніе сенатской реформы и дополняющихъ ее указовъ. 171—180
§ 3. Средства надзора у реформированнаго Сената . . . . . 181—188.
§ 4. Контроль надъ самимъ Сенатомъ и мѣры полнаго превращенія его въ подзаконное учрежденіе . . . . . 188—195

Стран.

§ 5 Реформированный Сенатъ принимается за очищеніе своего производства отъ старыхъ дѣлъ . . . . . 195—199.
§ 6. Условія сенатскаго апелляціоннаго производства и историческое прошлое рекетмейстерской должности . . . 199—213.
§ 7. Дѣятельность рекетмейстера при Екатеринѣ . . . . . 214—231
§ 8 Порядокъ слушанія апелляціонныхъ дѣлъ въ Сенатѣ . 231—240
§ 9. Вниманіе къ апелляціонной практикѣ Сената самой императрицы . . . . . 240—249.
§ 10 Жалобы на Сенатъ и неясное пониманіе термина апелляціи нѣкоторыми присутственными мѣстами . . . . . 250—255.
§ 11. Сенатъ—какъ судъ первой инстанціи . . . . . 255—262
§ 12. Ревизіонная функція Сената въ исторіи . . . . . 262—270.
§ 13. Оцѣнка ревизіонной функціи Сената въ царствованіе Екатерины II . . . . . 270—283
§ 14. Надзоръ Сената черезъ посредство прокуратуры . . . 283—294
§ 15. Осуществленіе функціи сенатскаго надзора при посредствѣ донесеній губернаторовъ, воеводъ и другихъ должностныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ . . . . . 294—298.
§ 16 Сенатскій надзоръ за правильнымъ содержаніемъ подъ стражею . . . . . 299—312.
§ 17. Сенатскій надзоръ за своевременнымъ рѣшеніемъ дѣлъ подчиненными мѣстами . . . . . 312—316.
§ 18. Наблюденіе Сената за исполненіемъ собственныхъ указовъ. 316—321.

Заключеніе.

§ 1. Сенату трудно было стоять на высотѣ въ качествѣ высшаго органа суда и надзора въ виду собственныхъ недостатковъ . . . . . 322—331.
§ 2. За отсутствіемъ надлежащаго надзора, администрація и судъ продолжали страдать своими старинными пороками 331—338.
§ 3. Необходимость реформъ сознавалась императрицей въ отношеніи высшаго и низшаго управленія . . . . 338—341
§ 4 Значеніе для высшаго надзора учрежденія генералъ-губернаторской должности . . . . . 342—345.

Замѣченныя опечатки:

Напечатано:	*Слѣдуетъ читать*
На стр. 122: § 5	§ 3 и слѣдующіе затѣмъ параграфы въ томъ же порядкѣ.